

ЕВА МЕЛОДИ

ОТПУСТИ
мои крылья

Ева Мелоди

Отпусти мои крылья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36629705

SelfPub; 2020

Аннотация

Эта история стара как мир. Два лучших друга и девушка. Все началось со старших классов школы, но первые чувства эта троица пронесет через года, чтобы однажды все-таки разобраться... кому обрести счастье и любовь, а кому упасть в бездну отчаяния и быть отвергнутым. В оформлении обложки использованы фото с сайта shutterstock

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	26
Глава 2	41
Глава 3	55
Глава 4	68
Глава 5	84
Глава 6	100
Глава 7	114
Глава 8	124
Глава 9	133
Глава 10	149
Глава 11	174
Глава 12	200
Глава 13	221
Глава 14	249
Глава 15	278
Глава 16	297
Глава 17	315
Глава 18	337
Глава 19	370
Глава 20	393
Глава 21	415
Глава 22	430

Глава 23	452
Глава 24	475
Глава 25	504
Глава 26	530
Глава 27	555
Глава 28	577
Глава 29	589
Глава 30	602
Глава 31	620

Ева Мелоди

Отпусти мои крылья

Пролог

Каждый шаг по направлению к черному входу казино дается мне с величайшим трудом. Стоило высокому громиле-охраннику распахнуть передо мной двери, сердце разом ушло в пятки. В просторном холле предзакатная жара сменяется прохладой. Охранник, встретивший меня, будто немой, молча кивает, приказывая следовать за ним на второй этаж. Туда ведет витая мраморная лестница. Ледяной ладонью прикасаюсь к тускло поблескивающим золоченым перилам, сжимаю их, боюсь, что ноги не удержат меня в вертикальном положении.

Второй этаж встречает роскошным убранством – дорогие полотна на стенах, ворсистый светло-серый ковер под ногами смягчает звук шагов.

Я никогда не бывала в казино, не знаю, как в таких местах все устроено. Тем более не доводилось мне бывать внутри самого сердца игорного здания, куда простым смертным путь запрещен. Где обитает король. Тот, кто владеет всем этим роскошеством. Впрочем, меня никогда не интересовало все это, я была бы счастлива никогда не побывать в этом

месте. А еще лучше, если бы сегодняшний день обнулится, исчез. Но это не в моих силах, поэтому я покорно иду за охранником. Внутри все дрожит от страха. Приказываю себе собраться. Сегодня все закончится. Я так устала от противостояний и войн, устала защищать себя, устала убегать. Я больше не хочу сопротивляться. Да и не могу, наверное, если быть окончательно честной. Окружившая меня вычурность этого места, интерьера, картин, ковров, изысканного дизайна, заставляет почувствовать себя еще более одинокой и несчастной, хотя еще недавно я думала, что хуже ощущать себя невозможно. Дальше падать просто некуда. Но сейчас кажется, стены угрожающе смыкаются вокруг меня, и сама я вот-вот затеряюсь в этом месте, перестану существовать.

Мой провожатый останавливается возле широкой двери из красного дерева и снова кивает, приказывая мне войти внутрь. Мои пальцы впиваются в косу, заплетенную утром. Сейчас мне не хватает возможности спрятаться за распущенной копной волос, как привыкла с детства. Делаю глубокий вдох и приказываю себе двигаться вперед с гордо выпрямленной спиной. Умение скрывать эмоции и чувство собственного достоинства, которым так долго учила меня бабушка, помогают мне сейчас сохранять самообладание. Последнее, что у меня осталось. Но скоро и это Артур Бурмистров отберет у меня.

Прохожу в большую просторную комнату, судя по обстановке – рабочий кабинет. В центре у стены – огромный рез-

ной стол из красного дерева, заваленный бумагами.

Мне хочется осмотреться, понять, где нахожусь, что за помещение выбрал Артур, чтобы получить свой приз. Но не смею. Стою посреди кабинета, опустив голову, окутанная чувством стыда. Я долго убегала, сопротивлялась, боролась, но все-таки пришла к финалу, который Артур мне обещал. Я здесь, потому что он этого хочет. Здесь, чтобы продать себя. Боль от осознания этого позорного факта ножом пронзает грудь. А мужчина, небрежно развалившийся в большом черном кожаном кресле, внимательно наблюдает за мной. Не могу сдержаться и тоже разглядываю его из-под полуопущенных ресниц. Небрежная прическа невероятно идет ему. Добавляет нотку ранимости в его стальные доспехи – высокая, мускулистая, мощная фигура атлета, широкие плечи, узкие бедра. Человек, обожающий спорт. И не менее – хорошую драку. Таким он был всегда. Безбашенно гонял на мотоцикле, на спортивном автомобиле. Всегда – сплошное безумие и драйв. Везде первый. Самый желанный для всех. А если еще прибавить власть и богатство? Известная семья в городе, ни в чем нет отказа...

По-прежнему красив, настолько, что больно смотреть. Хотя нет, он стал еще красивее, привлекательнее. Мощнее. От него так и исходят флюиды силы. От него веет болью. Когда-то он причинил мне много боли. Преследовал, как дикого зверька. И вот сейчас готовится праздновать победу. Знает, что больше мне некуда бежать.

И все же он бесконечно близок мне, дорог так же, как и ненавистен... Сердце пускается вскачь, и я отвожу взгляд. Артур постукивает длинными пальцами левой руки по спинке кресла. Никаких иллюзий по поводу того, что он сегодня сделает со мной. Он никогда не отступал от намеченного. Его светло-серые глаза ждут, когда я отвечу на взгляд. Приму его. Желудок сжимается от страха, но я смело встречаюсь с колючим серебром его глаз. Несколько минут бесконечно глубокого молчания. Осознаем происходящее. Вспоминаем прошлое. Осязаем друг друга. Мы не были вот так близко много лет...

– Ну привет, Василина, – заговорил наконец Артур. Даже его голос изменился. Стал резче. Жестче.

– Здравствуй. Я пришла, как ты и хотел.

– Вижу. Рад встрече.

Сухое безэмоциональное приветствие. Хотя чего я ожидала? Что набросится на меня с порога? Нет, это не его стиль. Артур любит играть.

– Мне снять платье? – спрашиваю холодно, не обращая внимания на свой зашкаливающий пульс. – Или просто задрать вверх и прислониться к стене?

– Торопишься куда-то? – равнодушно интересуется Артур. – Мы давно не виделись. Есть, о чем поговорить. Но если желаешь стоя с задранной юбкой – я не против. По мне, так ты в любой позе хороша.

Свирепею от его слов. Ненавижу его в эту минуту так

сильно, что темнеет в глазах. Хочется резко рвануть вперед и ногтями впиться в безупречно красивое лицо этого подонка. Но знаю, что это ничего не изменит. Холодный рассудок, неведь откуда проснувшийся в моем воспаленном от гнева сознании, говорит, что это лишь навредит моей ситуации. Еще больше усложнит ее.

И вальяжно раскинувшийся за столом мужчина это тоже отлично знает. Поэтому спокоен, равнодушно взирает на то, как муха бьется в сетях паука.

Перестань, приказываю я себе. Убери эмоции. Сегодня ты проститутка. А они не спорят с клиентами – лишь удовлетворяют их нужды. Ублажи эго этого мужчины, подари власть, дай ощутить сладкое чувство мести. В конце концов, это просто секс. И это не какой-нибудь потный дальнбойщик. Не знаю почему, но у меня проститутки всегда ассоциировались именно с такими клиентами. Бородатыми, грязными, вонючими. Иначе зачем мужчине платить за секс? Было у нас в пригороде шоссе, где иногда стояли представительницы древнейшей профессии. Проезжая мимо на маршрутке, я всегда смотрела на них с жалостью и брезгливостью. И вот теперь пополнила их ряды...

Но все же вру себе. Я – не такая проститутка. Меня купил единственный мужчина, и купил лишь на одну ночь. Завтра утром я выйду отсюда свободной. И если пожелаю, смогу забыть о собственном падении. Артур всегда держит слово – этого не отнять. И то, что сейчас я в положении проститут-

ки – на самом деле не его вина, а лишь моя. Когда-то давно я разбила этому мужчине сердце, причинила сильнейшую боль. Я была слишком молода и глупа, чтобы разобраться в наших эмоциях, чувствах. И я была столь же мстительна, как Артур в данный момент. Я его разрушила, растоптала. А в результате, потеряв его, потеряла себя...

– Раздевайся.

Холодный приказной тон разрезает воздух лезвием. Я встречаю взгляд Артура, ожидая увидеть похоть и жажду мести. Но вижу лишь усталость. Остальное он тщательно скрывает. Не любит показывать эмоций.

Воздух наполняется электрическими разрядами. Скоро все закончится, еще раз подбадриваю себя. И едва сдерживаю истерический смех. Нашла чем! Когда все это закончится, от меня не останется ничего. Лишь жалкие ошметки гордости.

Внутри все вопит – беги. Уходи отсюда. Не разговаривай, не объясняй, не спорь – просто беги.

Но не смею. Я уже не владею собой, своим телом, жизнью. Этот мужчина купил меня, как в средневековье покупали рабынь. Опутал сетями долгов. Я его игрушка, забава. Совсем как прежде, в юности. Мой личный враг. Мой ад на земле. Такой красивый и такой жестокий.

Положив сумочку на диван, начинаю неуклюже расстегивать боковую молнию платья. Достаточно разговоров. Пусть сделает, что хочет. Может, получив запретный плод, поймет,

что не так уж он сладок...

Артур равнодушно смотрит на мои жалкие потуги с молнией. Наконец, она поддается, и я резким движением снимаю платье, оставшись лишь в трусиках и бюстгальтере. Ничего особенного, обычный кремовый кружевной комплект. Впрочем, никогда не имела развратного нижнего белья. Тут мне нечем удивить Артура. Да и он, наверное, об этом догадывается.

– Положи платье на кресло.

Как же я ненавижу сейчас этого мужчину! Злость буквально ослепляет меня, приходится сжать ладони, вонзить ногти в кожу, чтобы физическая боль хоть немного охладила пылающую внутри ярость. За что мне все это? Почему именно ко мне привязался этот богатый пресыщенный ублюдок? Почему в наш современный век технологий я чувствую себя как в древности, придя сюда платить по счетам своим телом? Или какие бы ни были времена, всегда найдется тот, кто может прогнуть тебя под себя, поставить на колени, поиметь, как пожелает?

Бросаю платье, обхватываю себя руками в безотчетном желании прикрыться, спрятаться от его пристального взгляда.

– Подойди к дивану. – Теперь в голосе Артура отчетливо слышны резкие приказные ноты, хорошо знакомые мне по школе. Взглянув на него, застываю под холодом серебристых глаз. Сердце подскакивает к самому горлу. Гнев, кипящий

внутри, уступает место панике.

Я не хочу этого. Не желаю быть жертвой. Не хочу близости. Только не сейчас и не с ним.

Отодвинув кресло одним внезапным движением, Артур поднимается из-за стола и направляется ко мне.

Пячусь от него, в результате делаю то, что приказано – приближаюсь к треклятому дивану... Поворачиваюсь спиной к подошедшему сзади мужчине. Вот уже мои колени касаются кожаной обивки. Задыхаюсь от паники. Прикусываю дрожащую нижнюю губу, не готовая к такой быстрой атаке.

Артур позади меня, совсем близко. Меня пронзает мысль: к чему в первую минуту прикоснется его рука? Мое тело охватывает жар, горит буквально каждая клеточка кожи. Как будто это не вынужденная мера привела меня сюда, а неистовая жажда, всепоглощающее влечение к этому мужчине. Но ведь это не так, твержу про себя. Не так!! Нет!

Его первое прикосновение – шея. Сильная рука обхватывает меня сзади за горло и заставляет отклониться назад. Второй ладонью Артур ловко срывает с меня бюстгалтер, обхватывает мою левую грудь. Сильно, до болезненного ощущения, сжимает ее.

– Ты слишком напряжена. – Его голос теперь звучит на тон ниже, но по-прежнему в нем – предельное спокойствие и концентрация. Тогда как я – на грани истерики. – Не расслабишься, будет больно. Ты же не хочешь боли, Василина? Ты всегда ее боялась. Избегала.

– Я не хочу боли, – соглашаюсь с ним. – Отпусти, пожалуйста.

– Почему?

– Дай отдышаться. Я не готова. Дай мне минутку.

– Я дал тебе слишком много времени. Ты неправильно его использовала. Не надо бороться. Со мной это бесполезно.

– Мне нужно в туалет.

На самом деле мне нужны хотя бы пара минут, чтобы успокоиться. Не ожидала, что возбуждение охватит меня целиком. Не ожидала такой лавины ощущений. Хочу его просто до дрожи. До момента, как вошла в эту комнату, думала, что ненависть – надежный щит от желания. Но сейчас понимаю, как жестоко ошибалась.

– Боишься обмочиться от страха? Я так на тебя действую? Или все еще тянешь время? Его не осталось.

Не знаю, что ответить. В голове только одна мысль – пошел ты, Бурмистров. Пошел ты... Ничего более умного и язвительного не приходит в голову, только жалкий лепет. Поэтому молчу, извиваюсь, стараюсь вырваться из его рук, отстраниться хоть немного. Артур отпускает мою шею, обхватывает обеими руками мои груди. Сжимает бугорки сосков. Мне больно, против воли вырывается стон, такой резкий и пронзительный, что замираем оба.

– Мне нравятся твои горошины, такие твердые, очень возбуждающие. Сиськи, правда, у тебя всегда были не очень, толком не подержаться...

– Так не держись! – выпаливаю со злостью. – Чего вцепился?

– Н-у-у, вроде так положено, Васятка. За сиськи теревить. Разве тебе не нравится?

– Я не хочу играть, Артур, – отвечаю, как можно презрительнее. – Давай закончим то, о чем был договор. Я готова. И разойдемся. Большого ты от меня не получишь.

– А может, я как раз настроен поиграть? – усмехается в ответ мой мучитель и толкает меня на диван, вынуждая встать на четвереньки, в собачью позу. Теперь его руки обхватывают меня сзади за лодыжки, поглаживая, будто успокаивая. Но потом поднимаются все выше и выше. И вот уже одна рука едва касается края трусиков, прикрывающего мою плоть. Самое интимное. Меня пронзает от дикого ощущения. Это и боль, и удовольствие, и предвкушение – все сразу. Меня трясет. Я хочу убрать его руку. Отбросить. Послать его ко всем чертям. Но знаю, что это ничего не изменит. Уйду сейчас – и мы лишь начнем торги заново. Артур никогда не отступает от задуманного. Он должен получить меня. Должен поиметь. Я задолжала ему давно. Сама виновата. Сражалась, боролась его оружием... И заигралась в эти войны. Я хотела уничтожить Артура, растоптать его самолюбие, личность. Но в результате лишь породила монстра. Чудовище, которое не остановится ни перед чем, чтобы сломить меня. Отомстить.

– Чего дрожишь? Камин во всю шпарит, а ты – ледяная.

Повернись ко мне, согрею, – шепчет он мне на ухо.

– Не хочу. Предпочитаю мерзнуть. Не тяни, Артур. Ты же всегда был решительным. Отчаянным. Вот я, вся твоя на этот вечер. Давай, вперед. Хватит болтать.

Мои слова дики и провокационны. Сама от себя не ожидала такой резкости, напористости. Предлагаю себя мужчине. Прошу, чтобы трахнул меня, как последнюю проститутку.

– Это не ты, – смеется в ответ Артур. – Пытаешься казаться крутой, но ни фига у тебя не получается. Ты боишься. Страх – тоже мощный возбудитель. Как и отчаяние. М-м-м, предвкушаю, какой отчаянной ты будешь подо мной.

– Ты просто жалкий урод, пользующийся своей силой и деньгами.

– А я думал, я просто удачливый бизнесмен, заключивший сделку, – усмехается Артур. – Но, если тебе легче думать о нашем договоре, как о насилии, я не против. Вперед, включай «жертву».

– Не собираюсь. Просто хочу, чтобы ты знал, насколько мне противен. Убогий садист.

– Садист? Мы вроде не договаривались об этой стороне вопроса, – продолжает глумиться Бурмистров. – Я могу быть нежным.

Но в его взгляде нет ничего нежного.

– Лучше будь быстрым, я хочу, чтобы это как можно скорее закончилось.

– Ты моя на всю ночь, забыла? – с этими словами Артур

резко срывает с меня трусики.

Вздрагиваю всем телом и беззвучно молюсь лишь о том, чтобы все это безумие поскорее закончилось. Чтобы я могла оказаться в безопасном уюте бабушкиного дома, именно из-за которого я сейчас здесь. Но не только из-за дома. Артур держит все нити моей судьбы в своих руках. Один щелчок пальцами, один приказ, и мой отец отправится в тюрьму как мошенник. Наш дом будет отдан за долги, бабушка окажется на улице. Как и я. Чем не причины, чтобы продать себя? Тем более, что я – главная причина всего произошедшего.

Смогу ли я наладить свою жизнь после сегодняшней ночи? Соберу ли воедино жалкие ошметки своей личности?

Я так долго боролась, еще дольше убегала. Скрывалась от чувств, от желаний, от притяжения... Но не смогла ни с чем справиться.

– Задумалась о своей несчастной судьбе, принцесса? – Артур опускается рядом на диван, и перемещает меня к себе на колени, будто куклу, одним движением. Теперь мы лицом к лицу, очень близко, почти вплотную. Его дыхание прерывисто, а моя оголенная промежность находится прямо над бугром в его мягких спортивных штанах. Нестерпимые ощущения. Внутри все сжимается от томления. Предвкушения. Хочется двигаться, ерзать на нем. Тереться об него.

Артур пристально смотрит мне в лицо, будто изучает каждую черту, желая нарисовать мой портрет.

– Ты все так же невзрачна, Васятка. Ничего особенного.

Уж точно роковой красоткой не назовешь. Смотрю и не понимаю, как ты могла меня с Якобом поссорить? Умудрилась черной кошкой между нами пробежать.

– Если я тебе кажусь такой, может, оставишь меня в покое? – Слова даются мне с трудом. Я уже ничего не понимаю. Почему мне так больно слышать от Артура о собственной непривлекательности?

– Не могу. Уже ничего нельзя вернуть, к сожалению.

– Ты отомстил! Этого более чем достаточно.

– Нет, ночь только началась. Ты принадлежишь мне до самого утра. У меня есть то, что тебе нужно. Деньги. За них ты сделаешь все, что я пожелаю. Как пожелаю. Куда пожелаю. Скажи это.

Мое сердце на мгновение перестало биться от этих слов. А потом забилося в учащенном ритме.

– Я сделаю всё, что ты пожелаешь, Бурмистров. – Горько усмехаюсь, произнеся эти слова.

Жаркий взгляд моего мучителя опалывает кожу, блуждает по моему обнаженному телу. Плечам. Грудям. Я не хочу возбуждаться, но, кажется, это не в моей власти. Серебристые глаза прикованы к моим соскам, которые тут же твердеют. Становятся чувствительными, ноющими, твердыми.

Артур наклоняется и втягивает в рот один из них. Сосет его, лижет, прикусывает, заставляя меня подпрыгнуть на нем от пронзительного ощущения близости. Не могу сопротивляться желанию прикоснуться к нему. Когда-то давно я бук-

важно с ума сходила по этому парню. Он был моей вселенной, мечтой, грезами. До этого момента я наивно полагала, что забыла, выкинула болезненные воспоминания. Но сейчас понимаю, как жестоко ошибалась. Артур все еще волнуется меня, заставляет кровь кипеть, а сердце – стучать подобно молоту. В ушах шумит, я уже мало что соображаю, потому что рука Артура опускается на мой живот, и ниже, к ноющим складкам плоти, вызывая невероятные, неиспытанные никогда прежде ощущения. Мне хочется кричать. Все отброшено в эту минуту, смыто. Наша вражда, взаимные обиды, даже эта купленная Бурмистровым ночь. Сейчас ничего не имеет значения. Я никогда не испытывала желания такой силы.

Я должна прикоснуться к нему, и моя рука робко тянется к густой копне его волос цвета соломы, длиной чуть выше плеч. Зарываюсь в нее пальцами, наклоняюсь, вдыхая незнакомый, но в то же время бесконечно родной запах мужчины, которого я когда-то отчаянно любила. Из горла поневоле вырывается слабый стон. Не хочу этого, но, кажется, я абсолютно потеряла контроль. Думала, что буду неподвижным сухарем лежать под Бурмистровым, не выдавая эмоций. Просто половой акт, ничего личного. Но, похоже, Артур догадывался о моих намерениях. И сделал свои ставки в этой игре. Бесконечной игре с чувствами...

Тело помимо воли выгибается дугой ему навстречу. Артур зубами ловит сосок, прикусывает, снова лижет. Я больше не вынесу этой пытки. Прижимаю его голову к своей гру-

ди, безотчетно умоляя о продолжении. Я настолько поглощена ощущениями, что почти забываю, где нахожусь. Я будто вернулась в прошлое, в период, когда между нами все хорошо. Когда я влюблена в этого парня по уши и не могу ни о чем другом думать. Как будто на этом моменте мое прошлое обнулилось. И не было ничего плохого – грязи, боли, предательства, ненависти и мести. Слушаю стремительный стук его сердца и хочу верить, что все именно так. Но в следующую секунду мои мечты разбиваются вдребезги.

– Я так долго этого ждал, – шепчет мне на ухо Артур, прикусывая мочку моего уха. И внезапно замирает.

Он не хотел этого говорить, понимаю я. Это вырвалось случайно. Не хотел показывать мне свою слабость, как однажды.

– Ты не жалеешь о том, что Яшка был первым? – Цепенею, услышав этот грубый вопрос. Не представляю, что ответить, лишь открываю и закрываю рот, пока Артур не прижимает палец к моим губам.

– Тсс, я придурок, сам не знаю, зачем это сказал. Не отвлекайся, малыш. Все так славно идет. Продолжай. Хочу услышать твои стоны. Ты уже почти готова. Такая горячая, влажная...

Артур обхватывает мои ягодицы, очень крепко, не церемонясь, но вместо того, чтобы думать о боли, я с ума схожу от желания почувствовать его внутри себя. Кажется, кричу, не отдавая себе в этом отчет.

– Ты заставила меня слишком долго ждать, – шепчет Артур. – Время – деньги.

Пытаюсь отвернуться от его пристального взгляда, скрыть боль, что, знаю, сейчас плещется в моих глазах. Мне нестерпимо, отчаянно больно слышать, как его голос произносит эти жестокие слова. Такой родной. Желанный до озноба. Артур не позволяет мне отвернуться, берет мое лицо в ладони. Заглядывает в глаза. Я тут же зажмуриваюсь и сжимаю губы. Чувствую влажные прикосновения языка, Артур нежно проводит им по моим губам. Поневоле размыкаю губы и принимаю поцелуй. Глубокий, властный. Язык проникает внутрь, а мне кажется, что Артур проникает в меня сразу и везде, где это только возможно. Я закрываю глаза и чувствую, как его пальцы тихонечко гладят меня по щеке. Едва заметное касание, но у меня засосало под ложечкой, к горлу подступают слезы от этой едва заметной, скрытой нежности. И как бы я не хотела цепляться за разумные доводы, за свою ненависть, телу наплевать. Оно отвечает мгновенной безумной вспышкой. Я непроизвольно дергаюсь в руках Артура – последняя попытка убежать. Но его руки стальным кольцом смыкаются на моей талии.

– Хватит. Больше никаких игр, не сейчас. – Голос Артура хриплый, рваный. Он сжимает мое запястье и направляет к паху, заставляет прикоснуться к своему члену. Набухшему, твердому. Очень большому.

– Отпусти, – выдыхаю, а сама провожу пальцами по всей

длине его члена, раздражаясь, что ткань штанов мешает мне. Мне нестерпимо хочется увидеть его обнаженным. Прикасаюсь, сжимать. Почувствовать внутри себя.

Артур отпускает руку, словно знает, что убрать свою мне уже не под силу. Он просто откидывается назад, закрывает глаза и рвано дышит. Внезапно задрожав, притягивает меня ближе к себе, впиваясь в губы неистовым поцелуем. Голодным, пожирающим. Я чувствую гнев и желание. Я вся сжимаюсь под этим натиском, но не от страха, его больше нет. От потребности в этом мужчине, голода по нему. Теперь мы дрожим оба, нас буквально трясет. Между ног становится горячо и влажно, Артур опускает руку, касаясь влажных складок моей плоти. Замираю от страха услышать очередную колкость, но он молчит, накрывает ладонью ноющие складки и входит в меня пальцем. Затем двумя. Глубоко, медленно. Большой палец при этом гладит снаружи самое чувствительное местечко. Нажим все сильнее, глубже, ритмичнее. Внутри и снаружи. Я уже почти на грани, извиваюсь, издаю безумные стоны. Мое возбуждение подобно лавине – отчаянно страшно, опасно, смертельно, но не остановиться. Не прекратить. Сейчас он может делать со мной все, что пожелает. И на самой последней точке Артур останавливается. Меня скручивает боль неудовлетворенности. Настоящий садизм.

– Почему? – Я не понимаю, зачем спрашиваю. Не осталось и следа гордости.

Он не отвечает, тоже на пределе, понимаю, что едва держится. Артур приспускает штаны и направляет свой член в меня. Я сама устремляюсь навстречу, хочу резко, сильно, пусть даже с болью, мне плевать. Ничего не соображаю от отчаянной потребности. Но он входит осторожно, продвигаясь медленными толчками.

– Быстрее. – Умираю от стыда, и все же произношу это слово.

– Любишь жестко? – хрипит Артур. – Скажи, как ты хочешь?

– Н-не знаю.

– Скажи, что хочешь меня.

– Я хочу тебя.

– Умоляй.

Ну уж нет, снова игра. Он и правда садист, если в таком состоянии все еще способен сражаться с жертвой.

Несколько глубоких сильных толчков, восхитительные ощущения, я снова на грани оргазма. Но вместо того, чтобы продолжить, Артур начинает покидать мое тело.

Я судорожно вцепляюсь в его плечи. Он встает с дивана вместе со мной, держа меня в объятиях. Чувствую себя куклой, ни мыслей, ни эмоций. Сейчас мне абсолютно все равно, что он сделает со мной. Артур несет меня в соседнюю комнату, посреди которой стоит огромная кровать. Опускает на постель, сбрасывает наконец с себя спортивную кофту и приспущенные серые штаны. С замиранием сердца смотрю

на его роскошное тело, рельефные мышцы, мощный торс, крепкие длинные ноги. Он великолепен, просто глаз не отвести. Он опускается на постель, нависая надо мной, широко раздвигает мне ноги и тут же входит в меня, на этот раз резко и глубоко. Мое тело непроизвольно изгибается, мышцы влагалища сжимаются, противясь столь грубому вторжению. Его толчки очень сильные, мощные. Каждый из них пронзает меня взрывом восхитительного удовольствия. Меня окутывает мускусный запах мужского тела. Ногами впиваюсь в его спину, безотчетно желая еще больше близости, стать навсегда единым целым. Никогда не расставаться.

Из груди Артура рвутся стоны, он продолжал двигаться в мощном ритме. Я больше не выдержу этого напора, этой силы. Я хочу, чтобы это продолжалось бесконечно. Чтобы никогда не покидал меня. В голове полный раздрай, пустота, смятение. Словно вспышки, меня пронзают противоречивые мысли, которые я не успеваю даже осознать. Выгибаюсь все сильнее, становлюсь напряженнее, я как натянутая тетива, почти вибрирую. Артур наматывает мои растрепавшиеся волосы на кулак и больно тянет. Вскрикиваю, содрогаюсь всем телом, кончаю, как будто именно этого болевого момента не хватало мне до последнего толчка в никуда. Еще сильнее, неистовее, я как безвольная кукла, а Артур – безумная машина без тормозов, таранит меня, разбивает вдребезги. Вот и его точка, он взрывается во мне, выпуская наружу семя, мощная струя вызывает во мне еще один взрыв на-

слаждения. Дрожащие, мокрые насквозь от собственных соков и пота, мы раскидываемся на простынях. Долгое время я будто мертва. Ни мыслей, ни чувств. Полное опустошение.

Вжимаюсь в простынь, и вдруг приходит мысль – сколько Артур имел на этой кровати? Не зря она находится здесь...

Появляются слезы. Едкие, соленые. Они разъедают душу.

Мне вдруг становится страшно, до боли сводит скулы. До этой минуты я понятия не имела, насколько эта ночь все меняет. И только сейчас осознала.

Я люблю его. Безумно, безнадежно люблю все эти годы, со старших классов школы, в которую пришла однажды. Школы, где он был принцем, а я – нищей. Он был королем, а я – изгоем. Мало того, однажды я осмелилась противостоять власти короля. Маленькая пичужка решила бросить свое тщедушное тельце на амбразуру хищника. Сначала ей казалось, что война безнадежна. Потом – о, чудо, все изменилось. И царь зверей оказался во власти колибри. Ел с ее рук. Прирученный, смиренный. Но пичуга заигралась. Возомнила себя принцессой. И в конце концов упала вниз, снова в грязь, разбившись вдребезги. То чувство мне не забыть никогда. Момент, когда земля уходит из-под ног и все становится таким далеким, безразличным. Эффект атомной бомбы, полное уничтожение всего живого – вот что сделали мы друг с другом. Я думала, что пережила это. Переболела. Остыла. Вычеркнула. Но не так прост царь зверей. Он никогда не вы-

пустит из своих огромных когтистых лап то, что считает своим.

Глава 1

Десять лет назад

– Эй, Василина, сколько можно прятаться? А ну, слезай с дерева, хулиганка! У нас поезд через два часа, а ты дурака валяешь! – Сердитый голос отца заставляет меня ерзать на стволе любимого дерева. Мое убежище, с которым прощаюсь сейчас. Больно представить, что скоро я буду далеко отсюда и уже не смогу спрятаться от невзгод на этой уютной высоте.

– Васюш, ну давай, слезай, деточка, – теперь отец переходит к увещаниям. – Нам и правда пора. Мы не можем опоздать. Знаешь ведь, что ни копейки не осталось. Новый билет не сможем купить, дом продан. Будь разумной, прошу тебя!

Вздыхаю и молча слезаю с дерева. Что поделать. В этом весь отец. Вечно ему сопутствуют неудачи. Вот и сейчас. Взял кредит год назад, когда у него была хорошая работа на автомобильном заводе, плюс дополнительный заработок – ювелирные украшения. Отец любитель-самоучка, но работы получают очень красивые. Есть узкий круг клиентов, ценящих его произведения. Но с помощью одной ювелирки не выплатишь кредит за машину. В общем, дорого обошелся наш «Пежо». Платить стало невагоду, набежали проценты, а в результате и дом заложили. Отец стал мрачным, угрю-

мым, начал прикладываться к бутылке. Я очень переживала, ведь мы живем много лет вдвоем. В таком состоянии было страшно оставлять его одного, я стала пропускать школу. Училась я всегда на «отлично», учеба очень легко давалась мне. Правда, из-за этого с трудом находила общий язык с одноклассниками. Меня не любили.

Называли ботаншей. Но мне некогда было обращать внимание на дураков. Помимо среднего образования, я посещала музыкальную школу, изучая сразу два предмета – скрипку и фортепиано. Казалось бы, на что-либо еще сложно найти время, но я умудрялась раз в неделю посещать школьные курсы вязания. Единственная подруга Дашка неизменно шутила надо мной по этому поводу. Говорила, что у меня совсем с «шариками» в голове беда, что выбираю самые занудные вещи, какие только возможно. Но что поделать, мне правда нравилось вязать, это успокаивало. А еще хотелось сделать подарок отцу на день рождения – связать ему красивый теплый свитер. Я не спала ночами, тихо, как мышка, заканчивая свой подарок к определенному сроку.

Наверное, со стороны я выглядела и правда жуткой ботаничкой, которой легко дается любой предмет. Но это не так, не все мне давалось. Петь, например, я не могла. То есть слух-то у меня был, а вот голос – как у вороны. И обязательный в музыкальной школе хор я посещала, сгорая от стыда. Я ненавидела уроки физкультуры, мне на них всегда было неловко, в спортивных трениках и майке я чувствовала себя

будто голой. А взгляды мальчишек могли довести до слез. Впрочем, на меня редко смотрели. Крайне редко. Я была худющей, мелкой и плоской, даже в девятом классе, тогда как большинство одноклассниц расцвели и обрели аппетитные формы, которые подпрыгивали при пробежке и привлекали взгляды противоположного пола. Меня же если и рассматривали, то как анти-эталон. Впрочем, мне было плевать на этих кретинов.

Итак, физкультура портила мне аттестат единственной «четверкой», я ведь как могла пропускала эти уроки, даже такую отметку учительница мне натягивала. Тут спасало то, что совсем уж бревном я не была, просто мне не нравилось выполнять скучные упражнения и бегать по кругу. Зато я была гибкой, в младших классах даже пару лет занималась гимнастикой, но однажды сильно простудилась на соревнованиях, и папа забрал меня из группы.

Связанный к новогоднему празднику свитер, кстати, отцу очень понравился. В его глазах блестели слезы. Ну и я, конечно, тоже едва сдержалась, чтобы не разреветься. Кроме друг друга, у нас не было близких. Мама умерла, когда мне было всего два года. Папа до сих пор так и не оправился от ее потери. Но он хорошо справлялся один, выхода другого не было. Я росла не очень послушным ребенком, а еще часто болела. Поэтому меня и отдали на гимнастику, чтобы укреплять организм. Но не вышло. В общем, папа старался как мог, и вроде получалось. Но очень уж он рассеянный у

меня. И доверчивый. И невезучий.

Всего год до окончания школы, а нам вот переезжать пришлось. Я не представляю себя в новой школе, как подумаю – коленки трясутся. А что делать? Квартиру здесь мы продали, иначе не смогли бы расплатиться с долгами. Возможно, и был другой выход, не знаю. Но отец не смог его найти. Мы фактически оказались на улице, и вдруг папа ошарашил меня новостью. Оказывается, в соседнем городе живет моя родная бабушка! Я об этом даже не догадывалась, пока отец умудрялся кое-как справляться с делами и со мной. Но в теперешней ситуации без чужой помощи нам не обойтись.

Если честно, я полагала, что мои бабушки и дедушки с обеих сторон умерли. Папа так и говорил. Но оказывается, бабушка по материнской линии жива и здорова. Вот только, похоже, неинтересны мы ей, раз за столько лет ни весточки. Папу она, понятное дело, винит в смерти дочери. Ведь она погибла в аварии, а за рулем был отец. Он и сам себя винит, это чувство сжирает его до сих пор. Отец мне, разумеется, ничего подобного не рассказывал. Я сама сделала такие выводы. Может, и ошибаюсь, хотелось бы надеяться.

Не знаю, как и почему неизвестная бабушка решила принять нас в своем доме. Сжалилась над бедными родственниками? Или постарела и поняла, что кто-то близкий рядом пригодится?

Как же мне не хочется ехать к ней. Все внутри протестует, кричит – раз раньше не хотела, не любила, тогда зачем

сейчас? Но положение у нас безвыходное. Жить негде, денег нет. Сейчас ютимся у папиного друга с работы. У него свой дом, и он выделил нам крошечную пристройку, больше похожую на сарай. И это летом. Зимой тут околеешь.

* * *

В поезде меня одолевают мысли. Что ждет нас с отцом в чужом городе? Как примет нас бабушка? Чего ждать от новой школы? Я и в старой не отличалась популярностью, подруг почти не было. Единственный, самый близкий человек – Даша, моя соседка. Но так получилось, что учились мы в разных школах. Даша – в спортивной, так как с детства профессионально занималась фехтованием. А я – в обычной.

* * *

Бабушка оказалась совершенно не такой, как я себе представляла. В поезде я пыталась расспросить отца, почему столько лет мы не общались, какая она, Анна Григорьевна, и почему согласилась приютить нас. Отец лишь отмахивался. Он был очень угрюм в эти дни, казалось, переезд сломил его сильнее, нежели потеря дома. Ладно, я решила не доставать его больше расспросами.

Воображение рисовало полную пожилую женщину, в

скромной длинной юбке и строгой кофточке с рюшами. На голове – платок, а в руках – поднос с пирожками. Поэтому женщина, встретившая нас на пороге красивого, но немного обветшавшего дома на окраине города, куда мы добирались на двух автобусах, измученные и запыленные с дороги, меня поразила. Высокая, статная, в длинном облегающем платье темно-зеленого цвета, эта дама уж точно не могла ассоциироваться со словом «бабушка». Я бы не дала этой женщине больше сорока лет... Так и осталась стоять столбом, раскрыв рот. Даже про свое любопытство по поводу дома забыла.

– Здравствуй, Никон, – холодно кивает Анна Григорьевна отцу. – Значит, вот она, моя внучка. Василина. А ведь я это имя выбирала. Не думала, что дочь уступит, назовет девочку, как я хотела.

– Здравствуйте, Анна Григорьевна, – пишу я, потому что отец столбом застыл и молчит. Я тихонечко ткнула его в бок, пытаюсь напомнить о вежливости. Папа будто очнулся от забытья, вскинул голову и пророкотал:

– Анна Григорьевна! Вот мы и здесь, как вы хотели! Познакомьтесь, это Василина.

– Да вроде познакомились уже, – хмыкает бабушка. – Вечно ты сонный, Никон, все на ходу забываешь, упускаешь. Так и дочь мою упустил...

При этих словах и отец, и бабушка напряглись и помрачнели. Повисла неловкая пауза.

– Ладно, ни к чему это все сейчас, – первой отходит

от грустных воспоминаний Анна Григорьевна. – Пойдемте, комнаты вам покажу. Устали ведь с дороги.

Поднимаюсь по ступенькам на второй этаж, а сама под ноги смотрю, меня ужасно смущает буквально все. Эта строгая женщина, ее холодный прием, этот большой дом, похожий на дворец. Мы с отцом следуем по пятам за хозяйкой. Она распахивает первую дверь от лестницы:

– Это твои хоромы, Никон. Располагайся. А ты, девочка, за мной.

Командирский тон бабушки начинает меня раздражать. Но есть ли у меня выбор? Следую ее приказанию. Весь второй этаж дома – совсем небольшой: просторная комната, типа гостиной, светлая, с квадратным эркером, где бабушка устроила миниатюрный зимний сад – три широких подоконника, образующие квадрат, уставлены пышными цветами. Моя комната – слева от эркера, получается, на противоположной стороне от папиной.

– Вот, проходи, Василина, – открывает дверь бабушка.

Моя комната светлая и просторная, нравится мне с первого взгляда. Светло-сиреневые обои на стенах, на окнах – цветочные занавески с бледно-голубым, желтым и розовым узором.

У окна письменный стол, в глубине комнаты – кровать, застеленная покрывалом в тон занавескам, и шкаф-купе. Очень уютно и красиво. Поворачиваюсь к бабушке:

– Спасибо, Анна Григорьевна. Мне очень нравится. И спа-

сибо, что разрешили нам пожить у вас. Мы, наверное, ненадолго.

– Боюсь, ошибаешься, – усмехается бабушка. – Время покажет. Располагайся, Василина. Обживайся, разбирай вещи, отдыхай. Завтра поедем в твою новую школу. Отметки у тебя хорошие, так что и школу я подобрала тебе самую лучшую. Ехать, правда, далековато, зато сразу автоматом в лучший колледж города пойдешь. А оттуда – любой университет в стране сможешь выбрать.

– Что за школа? – пищу, испуганная, что бабушка, оказывается, мою жизнь на годы вперед распланировала. – А колледж какой?

– Говорю же, самые лучшие в городе. Колледж финансовый. У тебя вроде с математикой все отлично?

– Да... Но я еще не решила, на кого идти учиться.

– Ну так решишь, время есть. Говорю же, после такой базы в любой университет поступишь. Хоть врачом, хоть финансистом. Надеюсь, ты не планируешь что-то эдакое, типа – «мечтаю стать актрисой». Никон говорил, ты очень разумная и в облаках, как мать твоя, не витаешь?

– Папа про меня рассказывал вам? Когда?

– Перед тем, как мы договорились, что теперь со мной жить будете. Ты же понимаешь, принять такое решение было нелегко нам обоим. Нет, тебя-то я хотела взять с самого начала. Но Никон был категорически против. А с ним... Нам с ним нелегко придется в одном доме. Но я сделала это

ради памяти дочери и прежде всего ради тебя. У тебя сейчас самый важный период в жизни. Выбор дороги, по которой пойдешь дальше, сквозь годы. Ты, может, думаешь, ничего страшного, как-нибудь выкручусь. Но ошибаешься. Навивность твоего отца способна погубить. Я больше не могу безучастно смотреть на это. Так что буду теперь рядом, Василина. Характер у меня непростой, иногда могу быть резкой. Главное, помни – все, что я делаю, только для твоего блага. Можешь обратиться ко мне за любой помощью.

– Спасибо...

Длинная тирада бабушки смутила меня. Я не все поняла из ее речи. В основном мои мысли были заняты новой «самой лучшей» школой. Что бы это ни значило. Мне до жути было страшно стать новенькой. Это же все равно, что клоун в цирке. Но, может, зря так напрягаюсь? Вдруг мои одноклассники окажутся милыми и дружелюбными? Не такими, как в прежней школе? И бабушка права, я приживусь тут, смогу найти свой путь?

– Ладно, я пойду. Что будет нужно – спрашивай. Туалет и ванная на первом этаже. Думаю, душ с дороги тебе не помешает. Да и папе напomini. А то закрылся в своей комнате как сыч.

* * *

Наутро я проснулась очень рано. Чужое место, запахи, да-

же пение птиц, доносящееся из окна, – все было непривычным и отвлекало, не давая расслабиться. Всю ночь я ворочалась в мягкой постели. Переживания еще сильнее набросились на меня. Спустившись вниз, едва рассвело, я смогла немного осмотреться. Первый этаж занимала просторная гостиная, соединяющаяся с кухней. Их разделяла пополам перегородка, в которой был расположен стеллаж с книгами. Очень интересная и удачная планировка – тут тебе и кухня кажется просторной, хоть и небольшая, и гостиная очень светлая, с широкими окнами, ну и библиотека, получается, тоже. Три в одном. Расположенная рядом с лестницей дверь, вела в ванную и туалет. Дальше шел узкий коридор, в конце которого, как я поняла, располагалась комната бабушки.

Я разглядывала книги и развешенные по стенам фотографии, когда вышла бабушка.

– Доброе утро. – Увлеченная портретами Анны Григорьевны в молодости, я не заметила, как она подошла, и подпрыгнула от неожиданности. – Что так разглядываешь пристально? Меня молодую? Нравлюсь?

– Вы очень красивая. – Едва не добавила «были», в последний момент сдержалась. Вышло бы грубо и неверно – бабушка даже сейчас производила впечатление красавицы хоть куда. Осанка, походка, одежда, голос – все говорило о том, что перед тобой роскошная женщина.

– Спасибо, деточка. Была красавицей, это да.

– Вы пели? – спрашиваю с удивлением. Смущаюсь, вспо-

миная собственный ужасный голос.

– Да, много лет была примой в оперном театре. Совсем недавно ушла... Скучаю. Тоскую по сцене. Эх, деточка, это не объяснить. Лучше не приближаться к подмосткам, они могут принести слишком много разочарований и боли. И если затянули в свои сети – не отпустят до конца твоих дней.

– Поэтому вы вчера так подробно меня расспрашивали? Кем хочу стать, чем заниматься?

– Да. Именно так. Мне-то повезло, я стала примой. Получила все, что только можно от профессии. Славу, деньги, поездки заграничные, множество поклонников. Даже сейчас мне пишут письма, объясняются в любви. А вот твоя мама не так удачлива оказалась. И это ее погубило.

– Ее погубила авария, – возражаю я.

– Ты не можешь судить, тогда ты совсем крошечной была.

– А вы, насколько знаю, с ней уже тогда не общались, – краснею как помидор. Мне стыдно и неловко, что спорю с бабушкой, которую знаю всего сутки. Которая приютила, дала кров, а я тут выступаю... Но мама – большая тема для меня. Незаживающая рана.

– Не общались, верно. Ладно, не будем сегодня прошлое ворошить. Ты не готова еще к такому разговору. Я не хочу обижать тебя, Василина. Я лишь хочу предостеречь.

– И вы извините меня, – раскаиваюсь в своих грубых словах и едва сдерживаю слезы.

– Давай переходи уже на «ты», родственники все же, – по-

правляет меня бабушка. – Пошли завтракать.

Удивительно, но эта совершенно не похожая на классическую бабулю женщина, оказывается, прекрасно готовит. Анна Григорьевна управляется на кухне быстро и деловито. Поджаривает оладьи, режет свежий салат. Мы сытно завтракаем и отправляемся в школу.

От страха у меня дрожат колени. Здание школы очень необычное, трехэтажное, современное, эдакое сочетание стекла и бетона. Высокий забор, пропускная система. Школу окружает большая площадь, тут и теннисные корты, и фруктовый сад, и огромное футбольное поле. Как в американских фильмах про богатых подростков. Но что я тут забыла? Богатством в нашей семье даже не пахнет!

– Чего встала как вкопанная? – бурчит Анна Григорьевна. Хоть на улице самый конец августа, жара стоит невыносимая, не меньше тридцати градусов. Мы взмокли, пока доехали до школы на автобусе без кондиционера. Странно видеть такую представительную, в дорогом белом костюме и черной шляпке, женщину, похожую на Софи Лорен, изысканную и утонченную, в подпрыгивающем на кочках автобусе. Все плялились на нас, точнее на бабушку, а я краснела и прятала глаза. Не привыкла к вниманию. Меня все это ужасно смущало.

– Мне кажется, зря мы приехали в эту школу, – отчего-то мой голос срывается на писк.

– Это почему? – хмурится бабушка. – Чем тебе тут не нравится?

– Слишком роскошно. Разве нам это по карману? Тут наверняка собирают кучу денег.

– Не твоя забота, – отрезает Анна Григорьевна. – Директор – мой давний поклонник и друг, между прочим. Я уже обо всем договорилась, Василина. Не создавай лишних проблем. Просто будь вежливой и приветливой. Большого не требуется.

* * *

Проходим по коридорам школы – свежий ремонт, опять же, шкафчики на стенах первого этажа – ну точно, как в моем любимом сериале «Волчонок». Поднимаемся на второй этаж. Кажется, бабушка прекрасно здесь ориентируется.

– Была тут пару месяцев назад, – словно прочитав мои мысли, объясняет Анна Григорьевна. – Пригласили на открытый урок, рассказать о себе, о профессии. По теме «Знаменитости нашего города». Вот так-то, имей в виду, Василина. Ты не должна ударить в грязь лицом. Помни о том, из какой ты семьи.

А мне лишь страшнее становится от этих слов. Тут все, как из фильмов, все чужое и будто ненастоящее. Мне нехорошо настолько, что голова кружится. Не помню, как оказываюсь в кабинете директора, седого мужчины лет шестидесяти в строгом костюме. Бабушка сразу же принимается с ним что-то обсуждать.

– Василина, – словно сквозь вату доносится до меня голос бабушки. – Тебе нехорошо? На, попей воды, деточка.

– Может, медсестру позвать? – вторит ей обеспокоенный мужской голос.

– Да нет, это она просто перенервничала, – отвечает бабушка. – Вчера только приехала, зря я ее сразу в школу потащила.

– Да ничего, вон уже и щечки розовеют, – мужской голос. – Но медсестру позову все-таки.

Вот так прошел мой первый день в школе – если так можно выразиться. Мало что узнала, зато выставила себя слабачкой. Не знаю, что нашло на меня. Может, переезд повлиял, но часовые пояса я вроде не меняла. Всего-то часов семь на поезде... Может, нервы последних месяцев сказались. Но бабушка потом за меня всерьез взялась. Заставила пройти обследование у своего врача, сдать анализы. Я сопротивлялась, но это было бесполезно. Папа занялся поисками работы. Он немного успокоился, старался поменьше пересекаться с бабушкой и, кажется, даже вернулся к своему хобби – сидел вечерами над эскизами ювелирных изделий. А меня Анна Григорьевна таскала по магазинам, подготавливая к школе. Я отнекивалась, было ужасно неудобно, что она тратит на меня свою пенсию. Но мы обе понимали, что, если приду в ту школу со своим старым рюкзаком и в привычной одежде, меня просто затюкают. В первый неудачный визит я мало что успела рассмотреть, но встреченные мной ученицы вы-

глядели... черт, они выглядели как модели. Мне сразу стало не по себе. Я же не такая! Буду выделяться белым пятном, привлекать внимание...

Но бабушка, видимо, догадываясь о моих страхах, много сил потратила на мой новый гардероб. Так что первого сентября я шагала в новую школу весьма уверенно. Форма в этом учебном заведении не предусматривалась. Тут все было построено по американской системе – учителям полагалось быть ученикам друзьями, а не подавлять любую самобытность своим авторитетом. Потенциал учеников старались максимально раскрывать – таланты, скрытые способности.

А вот в плане межличностных отношений все было куда менее радужно, и я не замедлила в этом убедиться.

Глава 2

Ночью пятого сентября я никак не могла уснуть, все ворочалась с боку на бок, а в голову так и лезли ужасные мысли. Пойти в школу пятого, а не первого сентября, как все ученики, мне выпало из-за огромного количества документов и справок, которые нам пришлось собрать. Анна Григорьевна выглядела раздраженной и крайне недовольной этими обстоятельствами, вынужденная сопровождать меня в поликлинику. Я чувствовала себя обузой. Но при этом радовалась отсрочке. Школа представлялась огромным безликим монстром, жаждущим сожрать меня. Мне ни за что не стать «своей» среди богатеньких бездельников, привыкших получать все на блюдечке с голубой каемочкой. Когда зазвонил будильник, я подскочила на постели, уверенная, что только минуту назад прикрыла усталые веки... Машинально нажала на кнопку, отключая противный навязчивый рингтон. Снова упала на постель и провалилась в забытие. Но всего на пару минут. В комнату вихрем ворвалась Анна Григорьевна. Она отчитала меня, предупредив, что сегодня первый и последний день, когда контролирует мое пробуждение.

– Не думаю, что в этой школе, как, впрочем, и в любой другой, приветствуют опоздания, – продолжила бабушка свое ворчание за завтраком.

Так что мне и кусок в горло не лез. Тем более что предла-

гались овсянка на воде и несладкий чай. Анна Григорьевна назвала это «завтрак красоты», и прочла мне краткую лекцию о пользе геркулеса. Ненавижу каши, любые, а овсянку – особенно. Да и в целом я не любитель утренней трапезы, аппетит у меня просыпается обычно к полудню. До этого времени я могу разве что кофе выпить.

Так что, помедитировав над тарелкой положенные приличиями десять минут, несусь в свою комнату за рюкзаком. Вчера отец еще раз проговорил со мной маршрут и номера автобусов, на которых можно добраться до школы. Он, конечно, порывался проводить меня, но я всеми возможными способами отговорила его от этого. Прийти новенькой в десятый класс, да еще в сопровождении родителя? Это точно привлечет внимание и вызовет насмешки. А именно этого я надеялась избежать. Лучше проскользнуть невидимкой в свой класс... Не то чтобы я была такой уж трусихой... Но последние события в нашей с отцом жизни сделали меня пугливой и неуверенной в себе. Везде и во всем я искала подвох и ждала неприятностей... Но надеялась, что это состояние пройдет со временем.

День обещал быть теплым и даже жарким, так что я надела простую черную юбку до колен в едва заметную серую полосу и голубую рубашку. Цвет неба – мой любимый, с самого детства. Меня растил отец, так что розового в моем гардеробе было немного, папа предпочитал практичные цвета – черный, коричневый. Но отчего-то я ненавидела розовый

цвет. Я понимаю, Дашка – ее до семи лет одевали сплошь в розовое, и у нее выработалась стойкая аллергия. Ну а я за что ополчилась? Ответа у меня не было по сей день.

Я просто любила голубой. Другие цвета, разумеется, тоже. Например, белый и черный. Мне нравились пастельные оттенки, и я не терпела яркие, кричащие. Хотя к чему я столько времени, которого, кстати, совсем немного, уделяю рассуждениям о колорах? Сама не понимаю. Вздохнув и покачав головой перед зеркалом, как бы укоряя себя за бессмысленное занятие, беру в руки кардиган серого цвета. Анна Григорьевна очень тщательно выбирала его для меня, когда мы ходили по магазинам. Бабушку, к слову, знали в каждом бутике в крупном торговом центре города. Оказывается, ужасно приятно, когда твоя бабушка – знаменитость, и каждый продавец поет ей дифирамбы, разливаясь соловьем. Анна Григорьевна, похоже, не только звезда, но и гуру стиля, как назвала ее девушка консультант в отделе парфюмерии. Бабушка принимала комплименты и старания угодить с деликатностью светской леди. Воспитанная, изысканная, благосклонная. Дома она немного не такая, отметила я про себя. Более приземленная, иногда ворчливая. Я догадывалась, что характер этой женщины непрост и мне еще многое предстоит узнать о ней. Но в тот момент я невольно гордилась такой бабушкой, сохранившей красоту и обаяние в свои года. Жаль, не в нее я пошла. Далека от моды и понимания, что такое стиль. Иногда мне кажется, я знаю, что мне идет, а что

нет... Но очень часто попадаю впросак и смешу людей. Ту же Дашу, которая частенько критикует мои наряды... Критиковала, точнее... Теперь не знаю, когда увидимся с лучшей подругой. С грустью вздыхаю. Обуваю балетки серого цвета и отправляюсь в путь. Автобус, пешеходный переход, вымощенная плиткой дорожка к школьным воротам – все это я преодолела как в тумане. В животе неприятно ныло, и от этого на душе становилось еще противнее. Пересекая школьный двор, я подумывала о том, чтобы развернуться и убежать. Прогулять пару дней. Никогда раньше, в прежней школе, не пропускала уроки без причины. Мне это и в голову не приходило... А тут... Даже не знаю, откуда такие мысли взялись. Просто эта роскошная школа, раньше я такое лишь в кино могла увидеть, настолько не вязалась со мной, моим образом жизни... Абсолютно чужеродная среда. А ведь я и в обычной школе почти изгоем была...

* * *

Первые уроки прошли сравнительно спокойно. Вначале была история. Приятная учительница невысокого роста, в строгом костюме и очках, представила меня классу. Фурора я ожидаемо не произвела – ученики взирали на меня без энтузиазма. Большинство и вовсе едва бросило взгляд. Я уселась за свободную парту. Тут многие сидели поодиночке. Классы, как я поняла, были небольшими, около пятнадцати

человек. Что мне не особенно пришлось по душе – не спрячешься. После алгебры с геометрией началась большая перерыва – длинный перерыв, целый час. Это мне нехотя объяснила соседка сзади, девушка-хиппи с пирсингом на губе. Я отправилась искать столовую. И конечно же, заплутала в огромных коридорах. Проходя мимо спортзала, я заметила рыжую девицу из своего класса, которая летела как угорелая мне навстречу. Я обрадовалась возможности спросить дорогу, потому как уже начала паниковать, что не найду нужный кабинет... Но девчонка пронеслась мимо, даже не взглянув на меня, и заскочила в спортзал. Я отправилась следом из любопытства, куда же она так спешит, на свидание, что ли? Приоткрыв дверь зала, я заглянула в щель. Рыжая стояла сгорбившись и тяжело дышала.

Я едва коснулась ручки и приоткрыла рот, чтобы спросить, все ли в порядке, у этой странной девицы, как в глубине спортзала открылась дверь. Из-за нее показалось трое девушек, весьма решительно направляющихся в сторону рыжей. Я отступила назад. Ничего хорошего сцена не предвещала. Лучше всего мне убраться подальше, я – новенькая, ничего не понимаю, не знаю ситуации, и, пока не разберусь, вряд ли стоит соваться в огонь... Так я уговариваю себя, но картинка бегущей, будто преследуемый хищником зверек, девчонки, стоит перед глазами. Она одна, а преследовательниц, как я теперь понимаю, трое. Увы, я мало чем могу помочь, сама – худющая пигалица, невысокая, на голову ниже всей этой

компании, да и драться не умею. Даже не пробовала никогда, избегала любых стычек в старой школе. А если нужно было, за меня заступалась Дашка. Моя подруга может быть настоящей фурией, особенно если ее разозлить. Даша бы задала тут жару! Быстро разогнала бы этих выскочек, смелых, только когда трое на одну... Меня пронзила тоска по подруге. Кажется, целую вечность ее не видела. Что бы она сейчас подумала? То, что я – жалкая трусиха. Впрочем, это для нее давно не секрет. Но сегодня я не буду вести себя как обычно. Пора меняться и смотреть страхам в лицо. От себя все равно не спрячешься. Не знаю, почему я приняла это решение именно сегодня. Я просто глубоко вдохнула, как перед прыжком в воду, и вошла в спортзал.

Девушки уже окружили рыжую. Одна из преследовательниц подошла к девушке вплотную и что-то шепчет ей на ухо. Лицо рыжей покрывается красными пятнами. Она вжимает голову в плечи.

Я рассматриваю ту, которая нападает. Видимо, она – предводительница «стаи». И, скорее всего, первая красавица школы. Идеально уложенные белокурые волосы. Стильный макияж. Впрочем, она и без косметики осталась бы красоткой. Большие глаза, длинные ресницы. Пухлые губы, изысканная форма бровей. В этой девушке все идеально, и она об этом знает. Все это дается ей легко, без особых усилий. Одежда, очевидно, дорогущая, хотя я абсолютно в этом не разбираюсь. Но эти шмотки сияют. Юбка цвета фуксии и

нежно-розовая блузка. Я бы в таких оттенках выглядела клоуном. Она – коллекционной Барби. Высокие туфли, не иначе как Маноло Бланик. И сумочка Гермес. Ну конечно, иначе и быть не может. Я далека от моды и стиля так же, как Земля от Луны. Но благодаря любви Даши к сериалу «Секс в большом городе», который мы частенько смотрели вместе, пока родители подруги были уверены, что мы усиленно занимаемся математикой (в которой Даша, к сожалению, почти ноль), я выучила эти культовые названия. Вот только жутко дорогую настоящую модель от подделки точно не отличу. Но почему-то было ощущение, что у Барби тот самый заветный оригинал...

Пока я размышляю о моде, белокурая девица поднимает руку и изо всех сил вlepяет рыжей пощечину. Та дергается, прижимает руку к щеке, из глаз льются слезы... Но она и не думает отвечать. Так и стоит, низко опустив голову.

– Ты поняла меня? – грозно вопрошает блондинка.

Рыжая молчит. Я теряюсь в догадках, что означает эта сцена.

– Он не будет встречаться с тобой! Не позволю! – выкрикивает Барби.

– Это не тебе решать, – едва слышно отвечает рыжая.

– Ну, Лиса, если ты не поняла... – И блондинка снова замахивается.

Рыжая девушка смотрит прямо и твердо ей в глаза. Спокойно ждет нового удара. Но я больше не могу видеть эту

картину.

– Эй! – подбегаю к ним. – Что тут происходит?

– А ты кто такая? – Барби впивается в меня широко распахнутыми от удивления глазами. – Чего лезешь не в свое дело? Тоже получить охота?

– Нет, но и смотреть, как трое нападают на одну, тоже нет желания! – дерзко парирую я. – Чего привязались к девушке? Что надо?

– Тебя забыли спросить! Пошла вон, мелочь приставучая! – вскипает блондинка.

– Да я с радостью, только Лису с собой заберу, – а у самой аж колени дрожат от собственной дерзости.

– Да кто ты вообще такая? Не видела тебя в нашей школе. Откуда взялась?

– В гости заглянула! А тебе вот доложить забыла! – продолжаю хамить, меня просто несет, хотя чувствую – пора остановиться. Враги в этой школе мне точно не нужны.

На лице блондинки проступают красные пятна. Она выглядит так, как будто вот-вот взорвется от злости. И меня охватывает ужасно неприятное предчувствие беды. Хочется поскорее убраться подальше.

– Девочки, оттащите эту ненормальную отсюда. Ее к директору, по-хорошему, надо отволочь, взялась не пойми откуда...

– Только попробуйте ко мне подойти, – рычу в ответ. – Я, может, и мелкая, зато кусаюсь отлично!

Может и правда, в этой ситуации лучше косить под ненормальную? Психов всегда боятся и предпочитают не связываться.

– Бешеная дура! – вскипает Барби. – Я сейчас охрану вызову, не поздоровится тебе! Пошли отсюда, – кивает своей «свите». – С Лисой потом закончим.

На этом троица удаляется. Я не верю, что все оказалось так легко и мне удалось отпугнуть эту троицу. Но, кажется, все так. Видимо, они просто решили не связываться с сумасшедшей пришлой девицей.

Стою, уставившись на Лису. Мне ужасно интересно, за что прицепились к этой девчонке Барби и К°. Видно, что она не из их стада. Она понравилась мне с первого взгляда. Мы сидели на соседних партах на алгебре. Правда, заговорить я так и не набралась смелости. Но в этой девчонке я будто почувствовала родственную душу. Простая, неброская одежда, рюкзак, выдавший виды. Неидеальный маникюр, черный лак слегка облупился на кончиках ногтей. Клетчатая юбка до колен, белая рубашка и черный галстук. Никакого стремления добавить сексуальности, броскости во внешний облик, что так свойственно Барби. Обычная девчонка. Совсем как я.

– Ну и чего ты на меня уставилась, лесби, что ли? – буркает Лиса, и весь мой только что выстроенный мир разбивается на осколки. – Тебя никто не просил встречать! Защитница нашлась! Пигалица недоделанная! Чем бы ты помогла, интересно, если бы они на меня накинулись? Выдра тощая!

Заступаться лезешь, в зеркало бы сначала посмотрела!

С последней фразой Лиса разворачивается и направляется к двери. Проходя мимо меня, слегка задевает рюкзаком мое плечо, я теряю равновесие и падаю на задницу. Мне ужасно обидно, я ведь заступилась, посочувствовала ей! А она оказалась ничуть не лучше Барби. Даже хуже. Что может быть отвратительнее неблагодарности?

Ну и дура же я! Врагов в первый день нажила, а друзей, как обычно... не смогла найти. А вдруг Лиса за дело по морде получила?

«Отстань от него» – может, она к парню Барби клеилась? Скорее всего. Тут поток предположений прервал звонок на четвертый урок. Вот и пообедала. Несусь по коридорам в спешке, совершенно не представляя, где мой класс. Зато вот она, нате вам, столовая. Красивая, светлая, прямо ресторан. Желудок сводит от голода – с утра не смогла проглотить ни крошки, так волновалась. Не в силах противостоять соблазну, подбегаю к прилавку.

– Что можно взять на вынос? – запыхавшись, спрашиваю женщину за прилавком.

– Чего ты так поздно, деточка?

– Я новенькая, еле вас нашла, – признаюсь, – мне уже на урок пора, и класс найти бы...

– Какой у тебя урок?

– Литература.

– А класс какой?

– Десятый «Б»

– Ну, на нее опоздать не страшно. Учительница ваша болеет, ее замещает сейчас преподаватель черчения, а он в литературе не силен, – фыркает буфетчица. – Покушать – важнее. Тем более ты такая худющая!

Ничего себе осведомленность, удивляюсь я. Но мне становится немного спокойнее, голос и внешность у моей собеседницы самые располагающие. Полная фигура, круглое улыбочливое лицо и очень добрые глаза. Я так редко встречала в своей жизни искреннее дружелюбие, что меня притягивает эта женщина. Как будто согреваюсь ее теплом.

И все же пытаюсь отнекиваться от еды, но мне все равно наливают огромную тарелку борща.

– Вот, кушай, деточка.

С трудом осиливаю половину, остальное, как бы ни было мне стыдно, не в силах проглотить.

– Извините, мне, наверное, пора...

– Хорошо, деточка. А чего не доела? Не понравилось? Повар у нас хороший...

– Очень вкусно! Пальчики оближешь! Но мне правда надо бежать...

– Хорошо, подожди, солнышко. На вот, я тебе коктейль молочный налила.

Ох, ни фиги себе! В этой школе даже молочные коктейли делают!

– Наверное, это дорого для меня.

– Не бери в голову! Я не возьму денег с новенькой.

– Как же...

– А вот так. Все это оплачено. Богатенькие тут учатся в основном, наказывают, а все съесть не могут. Так что полно остается. А ты, видно, не из таких. По социальной программе, наверное.

– Типа того, – соглашаюсь, так как нет сейчас времени объяснять. – А есть еще здесь такие, как я?

– Немного, но есть. Нелегко им приходится. Но школа в самом деле хорошая. Знания дают отличные. Только вот заносчивых учеников тут многовато... Хамов мажористых...

– Ясно, – вздыхаю. – Хамов везде полно! Спасибо за коктейль!

– Приходи вот так к окончанию перерыва, я тебя еще чем угощу...

– Спасибо!

Воодушевленная, несусь в класс. Вот и первые дружеские отношения, пусть не со сверстницей, но хоть что-то. Останавливаюсь на минуту, втягиваю через трубочку коктейль – вкуснятина! А вот и знакомый коридор, здесь я уже ориентируюсь. Занятая мыслями, как объясню свою задержку почти на двадцать минут урока, и как бы аккуратно засунуть в рюкзак этот вкусный коктейль, не замечаю вышедшую из туалета девушку, и на полной скорости врезаюсь в нее. Обе падаем на пол, я оказываюсь сверху, коктейль выливается прямо на грудь бедняжки, я поднимаю глаза и встречаю полный яр-

сти взгляд Барби. Раздается хихиканье – похоже, даже в туалете эти девицы ходят компанией. Кое-как слезаю с потерпевшей и протягиваю ей руку.

– Извини! Я тебя не видела...

Игнорируя мою руку, блондинка поднимается с пола.

– Чего ржете? – цыкает на подруг.

Отталкивает их от двери и залетает в туалет. Я – следом.

– Правда, извини! Я не хотела. И в спортзале зря вмешалась. Я новенькая, не знакома с порядками...

Барби резко оборачивается ко мне, хватая за шею и впечатывает меня в стену туалета. Больно ударяюсь о кафельную плитку затылком. От Барби пахнет молоком и ванилью. Ее розовая блузка безнадежно испорчена.

– Ты, маленькая сучка. Пожалеешь, что попала на моем пути! Это я тебе обещаю!

Я даже не сомневаюсь. Я уже жалею.

Барби отпускает мою шею и поворачивается к одной из подруг, протягивает той ключ.

– Принеси мне футболку из шкафчика.

Подхожу к раковине. Моя белая рубашка тоже испачкана коктейлем. Включаю воду, чтобы замочить пятно. Но меня хватают за шкуру и пинком выпихивают из туалета. Это вторая подружка Барби. Смуглая, очень высокая, под два метра. Я вроде никогда не считалась низкорослой, метр шестьдесят семь – не так уж плохо, но рядом с этой баскетболисткой чувствую себя гномом. Меня выкидывают из туа-

лета в расстегнутой блузке. И что теперь делать? Бреду по коридору, обхватив себя руками. Наверняка в школе не один туалет... Но сколько мне понадобится времени, чтобы отыскать другой? Подумываю вернуться в столовую, там хотя бы есть приветливая душа, которая мне поможет... Но вот и дверь с заветной надписью. Проскальзываю туда. До перемены я должна успеть застирать рубашку и хоть немного подсушить под аппаратом. Ведь я, увы, не Барби, и переодеться мне не во что. С утра мне выделили шкафчик, но, естественно, я еще не успела ничем его наполнить. Да и кто знал, что первый день в новой школе окажется настолько насыщенным.

Глава 3

Если бы я знала, что мой первый день возвращения из школы в испачканной блузке, растрепанной, с дорожками высохших слез на лице, положит начало целой череде неприятных событий... Что бы я сделала? Сбежала бы обратно в родной город? Бросила отца? Жила бы у Дашки? Конечно нет! Я бы никогда не смогла оставить папу, тем более на растерзание теще. Которая его терпеть не может и винит в смерти дочери. Да и кто бы мне в шестнадцать лет позволил уйти из дома? Пусть даже чужого...

Но помечтать-то можно? О том, что подруга никогда не дала бы меня в обиду. Приютила бы. Я устроилась бы на работу. И все в моей жизни шло бы своим чередом, а главное – спокойно.

К счастью, мне удалось проскользнуть в свою комнату незаметно, и ни отец, ни бабушка не увидели мое жалкое состояние. Меня бил озноб. Я едва сдерживала слезы. Но все равно старательно убеждала себя, что первый блин всегда комом. Что все не так уж страшно, как кажется на первый взгляд. Барби забудет меня и мою неуклюжесть. Во всяком случае, ни о какой мести на тот момент я и подумать не могла.

Следующий учебный день начался довольно спокойно. Первое занятие, русский язык, пролетело быстро, я даже

умудрилась получить пятерку за ответ с места. Вторым была алгебра, которая тоже не доставила никаких неприятных моментов. Пожилой учитель очень доступно объяснил новую тему, строгим он был только с нарушителями порядка в классе. Несколько раз сделал замечание двум болтающим на задней парте парням, потом выставил их за дверь. Вызвал несколько учеников для решения примеров. Последней у доски оказалась Лиса. Сразу видно, с математикой у рыжей не очень, ехидно отметила я про себя. С натянутой добрым учителем тройкой, красная как помидор Лиза Лаврова возвращалась за свою последнюю парту. Я не испытывала к ней сочувствия после известных событий. Да и вообще хотела забыть и Лису, и весь вчерашний день.

Третьим был урок информатики. Учитель дал нам задание и покинул кабинет. Класс тут же превратился в бедлам, начались громкие разговоры между учениками, споры, несколько человек ушли вслед за учителем.

– Теперь только к звонку вернется, тетради собрать, – пробурчала моя соседка, та самая девушка в пирсинге, заметив мой недоуменный взгляд. Класс информатики небольшой, так что все сидели по двое. Мне досталось место рядом с ней. Было еще одно свободное, на последней парте, но, встретившись взглядом с Лисой, я выбрала Пирсинг. Впрочем, судя по взгляду Лисы, я была ей не менее противна, чем она мне. Как странно, что с первого взгляда она понравилась мне, и я даже пыталась ее защищать. Мы же абсолютные антиподы!

Наверное, я одна из всего класса делаю в данный момент то, что велел учитель. Остальные занимаются чем угодно, но только не заданием. Неожиданно в кабинет заходит несколько парней из параллельного класса. Сразу же кучка «наших» покидает помещение, юрко, как мыши. Девчонки же, наоборот, замирают, и все внимание на «гостей». Еще бы. Явно готовится нечто интересное, вот только по чью душу делегация? Я наблюдаю за всем этим краем глаза, все еще делая информатику. Меньше всего могу предположить, что причина происходящего – я.

Один из парней возвышается над остальными на целую голову. Невозможно не обратить внимание. И отвести взгляд тоже нестерпимо трудно. Высокий, гибкий блондин под два метра ростом со слегка длинноватыми для мальчишеской стрижки белокурыми волосами. Расслабленной походкой, слегка вразвалочку он подходит к учительскому месту и вальяжно опускается в кресло. Забрасывает ноги на стол.

– Кто у нас тут новенькая? – вопрошает на весь класс.

Я подпрыгиваю от неожиданности. Сердце падает куда-то вниз, в область живота, а потом начинает стучать, как сумасшедшее. Никогда и никого я не видела красивее, чем этот парень. Прищуренные серые глаза с небольшим отливом в голубой. Прямой нос, твердая линия подбородка. Одним словом – красавчик, неоспоримо хорош на любой, даже на самый привередливый вкус. Принц из сказки, не меньше.

– Василина Дусманис! К доске, немедленно! – резкий при-

каз блондина, будто плетью, разрезает пространство и повисает черным облаком над моей головой. Ощущение, что стены вокруг меня начинают смыкаться, виски сдавливают, и я едва могу сделать вдох. Что этот красивый парень хочет от меня? Чем моя персона могла заинтересовать его?

Соседка с пирсингом тыкает мне в предплечье карандашом, при это мерзко хихикая:

– Чего сидишь, как окаменевшая? Тебя к доске вызывают. Дергаю плечом. По-прежнему не двигаюсь с места.

– Тут она! Только ты напугал ее, Артур! – кричит со своего места моя соседка.

– Ну так ты пни ее хорошенько, помоги подруге. Или мне самому подойти? – вкрадчивым голосом интересуется Принц.

При мысли, что меня будут вытаскивать из-за парты, я подпрыгиваю, как ужаленная. Глаза всего класса устремляются на меня. Впрочем, ряды учеников заметно поредели. И в основном остались девчонки. Что не менее обидно и унизительно. Я уже не сомневаюсь, что после этого происшествия не смогу смотреть в глаза никому из присутствующих. Но если Принц и правда подойдет сейчас ко мне и начнет силой выволакивать с места к доске – будет еще хуже. Поэтому я собираю остатки воли в кулак и поднимаюсь на ватных ногах. Медленно иду к учительскому столу. Встаю возле него, спиной к классу. Принц внимательно разглядывает меня с головы до ног. Медленно. Оценивающе. Так пронзительно, как

будто насквозь просвечивает. Меня начинает трясти мелкая противная дрожь. Ощущение, будто стою перед ним, перед половиной класса, обнаженной. Голая и беспомощная среди толпы. Ужасное ощущение.

– Привет, – наконец нарушает бесконечную тишину Принц. – Значит, ты Василина?

– Да, – едва слышно шепчу, с трудом двигая губами. Лицо словно онемело.

– А меня Артуром зовут. Знаешь, у меня к тебе очень серьезный вопрос, Василина.

«Ты будешь моей девушкой», – тут же подбрасывает вариант воображение. Я определенно сошла с ума. На второй день в этой проклятой школе! Даже не успеваю додумать мысль о своем стремительном сумасшествии и рассердиться на себя за дикое предположение, как Принц Артур разбивает все мои мечты вдребезги:

– С чего ты решила, дорогуша, что в этой школе можно безнаказанно устраивать свои разборки, будучи новенькой?

– Что? – Не верю своим ушам. Какие разборки? Что я устраивала?

Не узнаю свой голос, ставший внезапно тонким и настолько пронзительным, что, кажется, эхом отдается от стен класса.

– Я не понимаю, о чем вы!

С перепугу я своего ровесника на «вы» начала звать. Смех, да и только. Еще немного, и вернется заикание, от ко-

того я избавилась в первом классе. Начинаю понимать, что сегодняшний день обещает быть хлеще предыдущего.

– Что вам всем надо от меня? – вопрошаю, стоя у доски, опустив голову и впившись взглядом в носки своих ботинок. Не могу поднять глаза на Принца. На класс. Хочется провалиться сквозь землю.

– Не строй из себя дуру ненормальную. – В голосе Принца пробиваются нотки злости. Чувствую себя как на допросе в криминальном фильме. Вот только доброго полицейского не хватает. Тут все злые.

– Закосить не получится, таких в эту школу не принимают. Или у тебя с памятью проблемы? Позабыла, как вчера доставала красивую блондинку с большими глазами?

– А вы тут типа защитник? – пишу испуганно. Мне реально конец. Барби пожаловалась на меня Принцу, и тот прискакал на белом коне защищать свою даму сердца? Барби – его девушка. Мысленно ставлю их рядом. Картинка выходит настолько яркой и изысканной – аж глаза слепнут. Хочется потрясти головой, чтобы отогнать ее.

– Точняк, – кивает Принц. – Ника – моя девушка. Пришла ко мне вчера, дрожа как осиновый лист, говорит, в школе бешеная завелась. Только ты вчера успела домой укатить. Не иначе как чуяла, что по твою жопу приключения готовят. Но сегодня, Василина Дусманис... что у тебя за имечко-то такое, да и с фамилией, язык сломаешь... Так вот, ДуРманис, готовься, сегодня так просто не свалишь в свою нору.

Отрабатывать придется.

– Что, простите? – Все еще мало понимаю смысл речи Принца. Чего он хочет от меня? Надо же, как старался, искал со вчерашнего дня, имя с фамилией узнал.

– Отрабатывать повинность будешь. Чтобы научилась уму-разуму. Таков закон. Ты – тебе. Привыкай, ДуРманис.

– Может, хватит коверкать мою фамилию? – резко обрываю я блондина. Страх и смущение заслоняет злость. Какое он имеет право унижать меня?

– Сам решу, когда хватит, – отрезает Артур. Голос его мгновенно меняется, в нем проскальзывают нотки металла. – Ты, цыпа, наверное, плохо соображаешь, куда попала. Тут нельзя вести себя как в голову взбредет. Но я научу тебя.

– А ты типа учитель? Всем их место показываешь?

– Нет, только зарвавшимся новеньким.

– И как же ты меня учить собираешься?

И откуда только во мне бравада эта взялась...

Принц поднимается с учительского места и подходит ко мне вплотную. Гордость и ярость тают, стоит ему оказаться рядом. Как и я сама. Как мороженое, таю от его близости. Задираю голову и смотрю снизу вверх на склонившееся ко мне лицо. Невероятное. Завораживающее. Такие люди бывают лишь на экране телевизора. Столько красоты сразу невозможно вытерпеть и не ослепнуть. Сердце замирает, перестает биться, когда блондин наклоняется ко мне:

– Узнаешь. Прямо сегодня, Дунанис. Готовься.

– Ну, скажем, я готова. Что дальше?!

Не знаю, откуда берется эта бравада. Но мне вдруг становится абсолютно наплевать. Пусть делает, что захочет. Лишь бы это закончилось.

Взгляд Принца становится пристальным. Оценивающим.

– О-о, смелость я уважаю. Но как там говорят? Ожидание смерти хуже, чем сама смерть? Вот и ты подожди, имей терпение. Хочу растянуть удовольствие, раз уж ты такая храбрая. Прямо Жанна Д'Арк, жаль, мелковата. Не потянешь. А то блеснула бы в местном спектакле.

С этими словами Принц отходит от меня, направляясь к двери. Сопровождающие его несколько парней шагают следом. Класс, всю эту сцену наблюдающий в полнейшей тишине, тут же начинает шуметь, бурно обсуждая произошедшее. И вдруг разряжается овациями. Я продолжаю стоять на месте, обхватив себя руками. Чему они аплодируют? Тому, что двухметровый парень запугал новенькую? Или тому, что заступился за свою девушку? Или просто его красоте и харизме? Я уже поняла, что Артур – всеобщий любимчик, король школы. Барби – его королева. А я – прыщ на их заднице. Которому сегодня не поздоровится.

Оставшаяся часть уроков проходит в тумане. Благо меня, как новенькую, не спрашивают, не вызывают к доске, да просто не замечают. Вот бы дотянуть так до конца года... Но я догадываюсь, что это всего лишь розовые мечты. Барби-Ника, Артур, Лиса – все они разбились по очереди мои хрупкие

надежды на мельчайшие осколки. Не будет мне в этой школе ни покоя, ни комфорта. Я обречена быть изгоем. Меня ужасно задело, как Артур издевался над фамилией моего отца, потомственного Грека с острова Тасос. Для нас она была гордостью. Памятью о предках.

Мой папа, Никон Дусманис, покинул Грецию пятнадцатилетним подростком. Влюбился в русскую девушку и сбежал от родителей в неизведанную, холодную, огромную Россию. Девушке в скором времени наскучил влюбленный романтик-грек. Все новое, экзотическое быстро приелось. Быт, семью, обязанности – все это вертихвостка не захотела. Тем более семья отказалась от Никона, оборвала все связи. В греческой семье перечить родителям немислимо. Никон нанес самое сильное оскорбление своему отцу, всем предкам...

Пришлось обустроиваться в одиночку в России. Никон даже в университет умудрился поступить, на инженера. Правда, сначала целый год без устали бился над сложным русским языком. До слез буквально, как любил рассказывать папа. А потом стало полегче, нашел подработку, жилье, с отличием университет закончил. Так и остался жить в России. Вот только очень много лет прожил один – не мог забыть первую любовь и предательство. Пока однажды мою маму не встретил. И тогда его раненое сердце воспряло для любви. И опять невзгоды – мать возлюбленной ни за что не хотела принимать в зятя неизвестного грека, без корней, без связей с семьей, без денег... Родители сбежали. Мама была влюб-

лена в отца, как безумная. Но недолго длилось их счастье... Всего пять лет, а потом автомобильная авария оставила меня сиротой... Всего в два года от роду я потеряла маму...

Но я прерываю поток грустных воспоминаний. Жалостью к себе делу не поможешь. Сейчас лучше подумать, как ускользнуть от Принца и его Барби. Чего они хотят от меня? И что Ника наплела своему парню, раз тот пришел сюда, чтобы отомстить, намеренно унижить меня?

Последний урок приносит с собой ощущение чего-то неотвратимого. Во мне засело убеждение – Принц не бросает слова на ветер. Он готовит свою месть, и мне точно придется несладко. Как незаметно покинуть здание школы? Отчаяние, которое грызло меня с момента, как только я встрети-лась глазами с Принцем, теперь уже вцепилось в сердце все-ми своими клыками. Снова и снова я проматываю в голове разговор с Артуром. И каждый раз спотыкаюсь, вспоминая свою первую мысль – Принц хочет предложить мне стать его девушкой. Откуда только взялось это безумие? Как я вообще даже на секунду о подобном могла подумать? Такой кра-савец и нескладная серая мышка вроде меня? Я точно с ума сошла. Только в сказках Принцу нужна Золушка, и то, лишь когда наденет нарядное платье.

Я решила, что лучше всего покинуть школу окольными путями, в обход здания, там, где начинались технические помещения. Моя «знакомая» из столовой, Настасья Михай-ловна, великодушно разрешила мне пройти через подсобные

помещения на улицу.

Но, конечно, не удержалась от вопроса:

– Что случилось, деточка? С урока сбегаешь? Или обижают кто? Тут такой серпентарий, только и держи ухо востро! Ты, если что – мне говори. Меня они послушают, побоятся, что в суп им плюну.

«Или уволят», – думаю про себя, понимая, что ни в коем случае нельзя впутывать в свои проблемы эту добрую женщину.

– Нет, что вы, у меня все отлично, – стараюсь, чтобы мой голос звучал как можно беззаботнее. – Просто мне интересно посмотреть здание со всех сторон. Тут так красиво, везде цветы, деревья, целый сад! Хочется погулять подольше. Даже домой неохота.

Вру безбожно, но, кажется, Настасья Михайловна мне верит.

Шагаю почти вприпрыжку по выложенной плиткой дорожке, огибающей технический корпус школы. Любоваться палисадниками, как обещала, совсем не успеваю – в голове лишь одна мысль: поскорее бы убраться отсюда. Почему-то меня преследует мысль, что за мной следят. Может, я просто накрутила себя? Жалкая трусиха. Но ничего не могу с собой поделать. Мне страшно. На минуту присаживаюсь на скамейку, чтобы завязать шнурок на ботинке. Поднимаю голову и вижу вдалеке, возле забора, большую компанию школьников. Белокурая голова Принца. Рядом с ним Барби, снова

в розовом. Я не видела ее сегодня в школе, по счастью, не пересеклись ни разу. Она, как кошка, ластится к парню, что-то шепчет ему на ушко, а он по-хозяйски обнимает ее одной рукой, общаясь с друзьями, смеется чему-то. Потом поворачивает голову в мою сторону. Вжимаюсь в скамейку, не в силах пошевелиться, когда понимаю, что они направляются ко мне. Все. Начинается. Я просто не вынесу еще одного разговора, не смогу. Бежать. Но куда? Обратнo в столовую? Признаться Настасье Михайловне в своих проблемах? Что обижают меня? Но они пока ничего не сделали. Еще и меня выставят виноватой. Да и что они могут сделать мне? Но страх поневоле охватывает, сковывает меня. Понимаю, что не могу двинуться с места, разве что сползти вниз под скамейку. Вот смеху то будет, если обнаружат меня под ней.

Кое-как поднимаюсь на ватных ногах, мне стыдно, что я оказалась такой жалкой трусихой, пячусь на газон позади, планируя спрятаться в кустах, авось не будут меня там искать. Пока они еще только направляются в мою сторону, о чем-то оживленно разговаривая, но тут же останавливаются, поглядывая в противоположном направлении. Что-то отвлекает их, так что у меня есть шанс...

И тут кто-то резко хватает меня за руку и затаскивает в кусты шиповника. Одна из веток больно царапает мне правое плечо, так что вскрикиваю от боли. Тогда мне зажимают рот и дергают еще резче.

– Заткнись, дура! – шипит кто-то мне на ухо. – Или хо-

чешь попасть в лапы к Ведьме?

Глава 4

Выворачиваюсь из захвата, поднимаю глаза и встречаю злющий взгляд... Лисы.

А эта что делает здесь? И она решила достать меня?

– Чего тебе от меня надо? – зло шиплю в лицо рыжей. – Мне и так проблем хватает. Из-за тебя, кстати!

– Из-за дурасти твоей, скорее, – едко отвечает Лиса. – Я помочь тебе хочу. Вон та компашка неподалеку явно что-то задумала. Или ты, божий одуванчик, этого не видишь?

– Прекрасно вижу. Тебе-то что?

– Если поняла, что по твою душу, чего рассиживалась? Или опять крутую из себя строишь? Ох и заработала ты проблем на свою жопу! Неужели не понимаешь?

– Да я...

– Потом, – шикает на меня Лиса. – Они идут! Бежать надо!

И мы бежим. Я слепо следую за рыжей: дорожки, заросли, закоулки, вбегаем в здание, снова на улицу, и наконец, перед нами маленькая дыра в заборе на самом отшибе, за небольшой постройкой из серого кирпича. Ну и школа! Просто аттракцион лабиринтов!

Легко пролезаю в отверстие, размышляя, как теперь искать остановку своего автобуса. Я понятия не имею, где оказалась, и даже не удивлюсь, если в каком-нибудь параллельном мире!

Лиса следует за мной, но протискивается с трудом, она на голову выше меня и полновата. Впрочем, ее это не портит. Ей идут и немного грузная фигура, и рыжие волосы. Вот только симпатии я к ней теперь уже ни капли не испытываю. Ведь все из-за нее. Опускаю голову, осматриваю свою одежду. Так и есть, вторая рубашка за два дня – испорчена. Выдран клоч, видимо, зацепилась за неровные края, пока пролезала. Юбка тоже порвана. «Бабушка меня убьет», – первая мысль, которая приходит в голову.

Хотя на самом деле я понятия не имею, как поведет себя Анна Григорьевна, но мне в любом случае будет дико стыдно смотреть ей в глаза.

– И как я в таком виде домой пойду? – восклицаю в отчаянии, даже позабыв о Лисе, о том, что нужно держать лицо перед посторонними. Я совершенно не хочу выглядеть размазней.

Лиса вздыхает.

– Ну и дура ты. Поверь, рваные шмотки – меньшее из зол. И скоро в этом убедишься. Ты их еще не знаешь!

– О чем-то уже догадываюсь, – холодно отвечаю своей сегодняшней спасительнице.

– Ты куда?

– Остановку искать! Мне домой пора.

– Подожди!

– Ну чего тебе? – устало оборачиваюсь к Лисе.

– Ко мне пошли. Я тут рядом живу. Пешком недалеко.

Дам во что переодеться.

– Спасибо, обойдусь. Да и вряд ли твои шмотки мне подойдут по размеру...

– Намекаешь, что я толстая? – хмурится Лиса.

– Слушай, мне сейчас не до разборок, честно. Спасибо, что помогла. Но как ты вчера ясно дала понять, нам не по пути.

– Это потому что лесбиянкой тебя назвала?

Глупый вопрос виснет между нами. Лиса сегодня явно настроена более дружелюбно. А я понятия не имею, с чего упираюсь. Почему не даю ей шанса. И себе заодно. Мне не помешает подруга, даже после того, что произошло вчера. В конце концов, Лиза не была обязана бросаться мне на шею, после того как я вступилась за нее. Она меня не знала.

– Ладно. Где твой дом? – спрашиваю я.

* * *

Лиза Лаврова и правда живет совсем рядом со школой, только в противоположной стороне от остановки, где я выхожу. Жаль, нам не по пути, пусть даже совсем короткому. Приятно идти из школы с подругой. Простая трехкомнатная квартира в двенадцатиэтажном доме-свечке. Один подъезд, консьерж, в подъезде чистота, картины висят, зеркала в лифтах. Поднимаемся на пятый этаж.

– Проходи, – гостеприимно кричит Лиса, пролетая в обу-

ви на кухню. – Тапочки под вешалкой!

Я переобуваюсь и следую за ней.

– Сейчас есть будем, – кричит Лиса, уже из другой комнаты.

Она как ураган.

– Спасибо, я не голодна.

– Ну за компанию навернешь. Мать моя вкусно готовит.

– Наверное, я лучше домой пойду, – робко отвечаю я.

– С чего это? Только пришли.

– Мои волноваться будут.

– Так позвони. Скажи, дополнительные занятия.

Так я и делаю. Папа похоже по уши занят своей ювелирной, отвечает рассеянно. Надеюсь, не забудет передать бабушке мои слова. Анна Григорьевна отсутствует, где-то на встрече с поклонниками. По идее, сейчас самое удобное время, чтобы прошмыгнуть домой незамеченной.

– Да не парься ты. У меня полно рубашек, похожих на твою. С позапрошлого года. Некоторые ни разу не надела, в упаковке лежат. Мать все никак не отдаст. Она обычно многодетным соседям мои шмотки раздает.

– Мне неудобно.

– Неудобно, знаешь что? Когда эта ведьма Ника тебя достает. А на остальное – наплюй.

Лиса наливает две тарелки ароматного супа.

– С фрикадельками. Мой любимый. Тебе понравится.

Некоторое время мы молча жуем.

– С чего это ты мне сегодня помочь решила? – задаю самый важный для меня вопрос, когда заканчиваю с супом. – Кстати, спасибо. Очень вкусно.

– Не за что, – хмыкает Лиса. – Захотела и помогла. Ты мне, я тебе. Не обижайся, что сразу так набросилась на тебя. Я в тот день ужасно психованная была, а еще эта Ника... Знаешь, а мне понравилось, как ты с Артуром сегодня разговаривала! Прямо круто! Ему ж никто перечить не смеет. Он – король.

– Больше на принца похож, – вздыхаю.

– Че, втюрилась уже? – хихикает Лиса. – Да-а, по нему все девки сохнут.

– И ты?

– Я – нет. У меня есть парень.

– Тогда почему Барби к тебе лезла?

– Барби?

– Ну эта, Ника.

– О, кстати, ей подходит кликуха Барби. Только я ее зову Ведьма. Еще больше идет.

– Такая ужасная?

– Не то слово! Жуткая стерва! Думаешь, Артур сам додумал к тебе прийти? Я слышала их разговор утром. Ух и накрутила Ведьма Принца! В таких черных красках тебя расписала. Прямо чудовище огнедышащее. Вот Артур и схватил меч, рванул защищать даму сердца. Мозгов-то у него немного, Ника вертит им как хочет... Ну и рожа у него была в пер-

вый момент, когда тебя, козьявку, увидел. Он же готовился бой-бабу под сотню кило встретить.

– Хочешь сказать, Ника меня так расписала? – удивляюсь я.

– Я сама слышала. Прямо монстром выставила.

– Но зачем?

– Да просто так. Ей нравится видеть Принца на побегушках. Крутит она им знатно. По-умному себя вела. Год Артурчику не давала. Этим и зацепила. Заставила ухаживать, цветочки, конфетки. Он отродясь столько не ждал – все само в руки плыло. А у Ведьмы концепция целая была разработана. Уж не знаю, кто помогал, сама она тоже мозгами особо не блещет... Вот и завяз Артур в этих отношениях. Они всего-то два месяца вместе. С лета. Побоялась Ника дольше тянуть.

– Интересно, – задумчиво отвечаю я. – Прямо лав стори.

– Так и есть. Но на любую Ведьму найдется своя Белоснежка.

– Типа я? – улыбаюсь.

– На Белоснежку, если честно, не тянешь. Мелкая, костлявая, курносая. Скорей уж гном.

– Ну спасибо! – фыркаю обиженно.

– Да ты не обижайся, я не со зла. Приодеть, накрасить – принцессой будешь. Но красотой Артура не возьмешь.

– Почему ты вдруг решила, что я «взять» его хочу? И в мыслях такого нет!

– Да я так, к слову брякнула. Конечно, не по зубам он тебе.

– Такой крутой?

– А то! Вся его семья – звезды в нашем городе.

– Актеры, что ли?

– Не, они из другой оперы. Папа – академик. Декан финансового факультета, в лучшем университете нашего города. Мать тоже из преподавателей института. Короче, известная семейка. Папаша вечно в газете мелькает. На мероприятиях разных. Дядька тоже в деканах вроде...

– Поэтому он такой зазнайка?

– Наверное, – пожимает плечами Лиса. – Откуда мне знать.

– Не хочу больше о них. Надоело. Про себя ты так и не рассказала. Что за конфликт с Ведьмой?

– Парень, – хмыкает Лиса.

– Но если она с Артуром, почему ее колышет еще какой-то парень?

– Потому что он – ее старший брат, – вздыхает Лиса.

– Что? Ничего себе! И насколько он старше?

– На четыре года. Матвеем зовут. Классный он. Мы на дискотеке познакомились. Встретились пару раз. У него такой байк клевый! Гоняли по городу. Как друзья... А потом Ведьма узнала...

– И что? Ей какое дело?

– Да ей до всего дело есть. Везде нос свой сунуть готова. И брату одну из подружек своих подогнать пыталась. А он...

Ох, ты не представляешь, какой он!

– Познакомишь?

– Эх, я ведь даже не уверена, что снова с ним увижусь! –

Выдав эту фразу, полную отчаяния, Лиса встает и начинает убирать со стола, мыть посуду.

– Давай помогу, – предлагаю я.

– Сиди. Ты гость, сама справлюсь. Знаешь, у нас ведь только начиналось все, когда Ведьма влезла. Увидела нас на дискотеке вместе. Мы целовались. Мой первый поцелуй, понимаешь? А она набросилась, в волосы мне вцепилась. Матвей оттащил, конечно... Но момент она испортила. Ненавижу эту сучку! И теперь Матвей не звонит мне... Наверное, решил, что все кончено.

– Но почему ты ей сдачи не дала? Тогда, в спортзале? Ты сильная... крупная. Могла бы уложить эту выдру тощую.

– Ага, и ко мне бы Принц на разборки пришел, – ухмыляется Лиса. – С ними нельзя ничего сделать! Они звезды... чтоб их.

– И что терпеть? Спускать обиды?

– Не знаю... Одноклассники в основном либо обожают Нику, либо боятся до смерти. Артур – король школы, ему вообще никто не указ. Но он, если честно, и не лютует особо. Не обижает никого. Разве что по делу. А уж чтоб к девочке прицепился – никогда такого не было. Ты – уникам, гномик. – С этими словами Лиса заканчивает мыть посуду, вытирает руки, посылает мне воздушный поцелуй и уходит

в комнату.

Сажу и перевариваю обилие информации. Ведьма-Барби, Принц-Король, и я... Гном. Совершенно идиотское сочетание для самой креативной сказки.

– Иди сюда, Гном, нашла тебе рубашку! – кричит из комнаты Ника.

Встаю со стула, размышляя, как убедить Лису забыть об этом прозвище. Уж кем-кем, а гномом я быть уж точно не желала.

* * *

Домой я летела на крыльях. Мы с Лисой забыли о неудачном старте знакомства и еле смогли расстаться уже под вечер, когда я забеспокоилась, что автобусы перестанут ходить, и я не доберусь до дома. А еще один приятный сюрприз состоял в том, что Настасья Михайловна, женщина из столовой, оказалась мамой Лисы. Вернувшись домой и застав нас, танцующих под оружий из телека рок, бешено скачущих по креслам и кроватям, эта добрая женщина лишь улыбнулась. Правда, телевизор выключила. Спросила, что мы ели. И потащила с собой на кухню пить чай с тортом. Уютная атмосфера, которую мне не хотелось покидать и уходить в большой, но холодный дом бабушки.

Все равно, настроение было замечательным. Не омрачила его даже лекция от Анны Григорьевны, которая верну-

лась домой раньше меня. Отец, конечно, рассказал ей о моем звонке. Но, видимо, бабушка посчитала, что строгая отповедь не помешает.

* * *

В школу на следующий день я тоже шла воодушевленная, уверенная в своих силах. Теперь у меня есть подруга. Мы не дадим друг другу в обиду!

Увидев в классе Лису, я на минуту сбилась с шага. Растерялась – садиться к ней за парту или на свое прежнее место? Но Лиса так активно замахала руками при виде меня, что сомнения отпали. Я бросилась к ней. Хотелось прямо задушить в объятиях, но я сдержалась. Несколько раз нам учителя делали замечания на разных уроках – мы не могли наболтаться. В столовую тоже ходили вместе. Тишина. Ни Ведьмы, ни Принца в поле зрения. Вот бы так всегда!

Последним уроком было рисование. Но на большой перемене Лиса получила СМС от Матвея, тот подъехал к школе, чтобы забрать мою подругу покататься. Мы вместе вышли в школьный двор. Матвей и правда оказался красавчиком. Взрослый, высокий, блондин с белокурыми волосами, огромными глазами... Ох, тоже принц. Он был довольно похож с Ведьмой. Но даже это не отталкивало. Моя подруга отхватила себе абсолютно шикарного парня! Правда, она во многом сомневалась, комплексовала, и вообще у них даже

поцелуя толком не было, все испортила Ведьма... Но я на все сомнения резонно заявила, что такой красавец даже не подъедет к школе, которую закончил несколько лет назад, без веской причины. Значит, есть большой интерес. Лиза повеселела. Она выглядела сегодня прекрасно, рыжие волосы блестели на солнце, распущенная копна ослепляла. Глаза сияют от счастья, делая симпатичную мордашку Лисы совершенно изумительной. Она легко запрыгнула позади парня на байк и помахала мне рукой.

– До завтра, Василина!

Вообще-то Лиза уговаривала меня тоже сбежать с рисования. На всякий случай. Мы договорились везде держаться вместе, но не отменять же из-за этого свидание?

Но я сказала, что очень люблю рисовать, впрочем, это действительно так. Но осталась я на урок по другой причине. Бояться, бежать, как пугливый заяц, я больше не хотела. Пристанут – дам отпор.

Учительница по рисованию показалась мне странной особой. Копна волос мышиноного цвета, очень пышная, создавала впечатление безумного начеса. Круглые очки, длинный сарафан. Задание она пробормотала себе под нос и вышла из кабинета. Совсем как учитель на информатике. Но ничего не происходило, ни Артура, ни свиты. Я выдохнула. Принц еще сильнее упал бы в моих глазах, появись он сейчас снова. Нашел с кем тягаться, здоровый лоб почти два метра ростом. Неужели сам не понимает, что глупо выглядит, нападая на

девчонку?

После звонка учительница так и не вернулась. Странные порядки в этой школе.

Я мыла кисти возле раковины, в классе почти никого не осталось, когда почувствовала, что в спину ударилось что-то мокрое. Шлепок. Еще один. Поворачиваюсь – подружки Ведьмы и еще несколько парней из нашего класса, в руках у них обычные воздушные шарики. Только наполнены они не воздухом. А, похоже, краской, разбавленной водой. Снова и снова эти «гранаты» летят в меня, ударяют в плечо, в грудь, а самое унижительное – в голову. Не больно, но ужасно неприятно. Прикрываю себя руками. Я уже мокрая с ног до головы, одежда безнадежно испорчена, и я не представляю, как поеду домой. Позади компании стоит Артур, руки сложены на груди, он молча наблюдает за сценой. Очень внимательно. Отодвигает ребят и выходит на передний план.

– Всем спасибо, – кидает он ребятам, у которых все еще достаточно шариков. – Все свободны.

Мы остаемся наедине. Он подходит ко мне вплотную. Так близко, что чувствую запах его парфюма, удивительно приятный, обволакивающий, тепло, исходящее от его тела. Серебристые глаза Артура беззастенчиво скользят по моему залитому краской лицу, по мокрой испачканной одежде, останавливаясь более внимательно на груди, просвечивающих через мокрую одежду сосках. Я сквозь землю хочу провалиться от этого взгляда. Я продрогла, меня колотит. Не знаю,

от чего больше, от холода, или от унижения.

– Ты вчера очень дерзко себя вела. Сегодня, надеюсь, тебе все объяснили более доступно?

Продолжаю стоять молча. Зубы выбивают барабанную дробь. Мне дико хочется показать ему средний палец и послать к черту. Только об этом и могу думать. А еще о том, что никогда больше не вернусь в эту школу. Ни за что! Но я нет сил произнести ни слова, меня словно парализовало. Хочу оттолкнуть его и убежать. Но не могу решиться прикоснуться к нему даже на секунду. На лице Принца написано пренебрежение. словно ему противна картина, которую он сам же и нарисовал широкими мазками краски, как безумный художник.

Во мне закипает ненависть. Кто он такой, этот красивый мальчик? Почему думает, что может безнаказанно измываться надо мной?

– Теперь ты доволен? – тихо спрашиваю, едва сдерживая клокочущую внутри ярость. – Чувствуешь себя королем?

– Ты сама напросилась. Ника в школу второй день не приходит. А ты была вчера слишком дерзкой. Пришлось наказание придумать.

– Может, вы с Никой отвяжетесь от меня и займетесь друг другом?

– И так занимаемся. Очень много и усердно, уж поверь. Меня затошнило от его намека.

– Мне плевать, чем вы занимаетесь. От меня отстаньте!

– Да больно нужна ты, малявка. Попросишь завтра прощения у Ники. Подойдешь к ней в столовой, извинишься, перед всеми. И не задирай больше мою девушку. Обходи стороной, не хамай, не дерзи. У тебя слишком острый язык, подумай об этом. Могут и подрезать.

– А что будет, если не извинюсь? – Нервно касаюсь золотого кулона на шее. Маленький мотылек в круге из звезд. Папина работа, которую он подарил матери на свадьбу. Единственное, что осталось на память от мамы. Он всегда со мной, защищает меня.

– Продолжаешь дерзить? Лучше подумай, как будешь домой добираться. Нет, из тебя, конечно, отличный вышел клоун. Но смотри не простудись, сегодня пасмурно и прохладно.

– Не беспокойся, хотя ты это вряд ли умеешь!

Артур уже, кажется, готов был уйти, но мой выпад остановливает его. А я прикусываю губу и снова тереблю цепочку. Ну почему я не могу держать язык за зубами? Зачем продолжаю эту бессмысленную стычку, которая принесет мне лишь новые унижения?

Артур снова подходит ко мне вплотную, мои руки все сильнее сжимают кулон.

– Дай посмотреть.

И вот мой талисман каким-то неведомым образом уже в его ладони. То ли цепочка растянулась в самый неподходящий момент, то ли Артур такой проворный.

Меня охватывает паника. Только не это, пожалуйста! Мне

противно даже от мысли, что эта вещь оказалась в его руках!

– Немедленно отдай!

Из глаз брызнули слезы. Еще одно унижение, плакать на глазах этого уроды.

– Это личное. Пожалуйста, хватит. Ты, кажется, уходил.

Я извинюсь, ты выиграл.

– Ого, такая ценная вещь? Любимый подарил?

– Ага, самый дорогой сердцу человек. И то, что ты держишь эту вещь в своих руках – уже кошунство.

– Ой, ты меня пристыдила, – смеется Артур. Облокачивается на переднюю парту. В его глазах блеск – задумал что-то.

– Раз эта вещь так важна, я понял, что угодно сделаешь.

– Она очень важна для меня.

– Тогда подойди сюда ко мне.

Подхожу и встаю напротив Артура.

– Вот так, молодец. Вставай сюда. Разденься.

Я уже вся заледенела к этому моменту, но от этих слов меня бросает в жар. Щеки начинают гореть. Он вообще в своем уме? Как смеет говорить такое! Этот парень абсолютно ненормальный!

– Ты больной.

Губы Артура изгибаются в усмешке.

– Возможно. Сними блузку. Она все равно мокрая. Хочу посмотреть, насколько тебе дорог кулон.

– Пошел к черту!

Выбегаю из класса в слезах, они текут нескончаемым по-

током. Чувствую соленый вкус во рту – похоже, я до крови прикусила губу. Встреченные ребята пьются на меня, мокрую, в мазках краски, зареванную. Но сейчас мне уже плевать. Отчаяние душит, растет в груди огромным комом. Я все потеряла. Гордость, самоуважение, но более всего мне жаль мамин кулон. Как я теперь заберу его у Артура?

Глава 5

Бегу в единственное место, где могу получить помощь – в столовую. Настасья Михайловна в ужасе смотрит на меня.

– Это что же, деточка? Кто сотворил такое с тобой? Вот ведь паразиты безмозглые!

От ее участия плачу навзрыд, у меня начинается истерика. Настасья Михайловна увлекает меня в подсобное помещение, усаживает на стул и начинает вытирать полотенцем.

– Бедная деточка! Ты насквозь мокрая. Ничего, сейчас к нам пойдем. Вымоешься, найдем, во что переодеться. А Лизка где? Она с тобой была?

Я не могу подставить Лису, рассказав ее матери, что та сбежала с рисования.

– Нет, она на дополнительных занятиях, – с ходу придумываю я.

– Так кто это сделал? Лично уши откручу!

– Нет, не надо! Это случайно вышло.

Слова так и рвутся с языка, выплеснуть накопившуюся обиду, рассказать все как есть, но я почти уверена, что это лишь принесет новые проблемы. И мне, и Лизиной маме. А я меньше всего этого хочу.

– Ладно, не плачь, милая. Вот, держи полотенце.

– Я испорчу его краской.

– Плевать. Высушись, я тебе сейчас халат белый дам. Дой-

дем до нас, а там переоденешься. Нельзя через весь город в таком виде. Ох и паразиты, ну только бы добраться до них!

Настасья Михайловна причитала всю дорогу до дома, а я переживала, как бы она не спросила снова про дочь. Но, кажется, мое объяснение про дополнительный удовлетворило женщину. Правда, когда мы пришли в квартиру, она набрала Лизу. Та, видимо, хорошо продумала свои объяснения, трубку Настасья Михайловна повесила весьма довольная.

– Ладно. Лизки еще пару часов не будет, а я сейчас переоденусь, и такси возьмем. Провожу до дому тебя. Но сначала в ванную дуй.

– Что вы! Не надо. Вы и так мне помогли очень!

– Без разговоров, Василина, держи полотенце. Вперед.

Я не стала больше спорить, тем более мне нестерпимо хотелось смыть с себя краску.

После ванной Лизина мама усадила меня пить чай. Мы болтали на отвлеченные темы, возвращаться в бабушкин дом мне ужасно не хотелось. Отец, как обычно, наверняка по уши занят своим хобби. Или читает что-нибудь. А с Анной Григорьевной я пока не нашла общий язык, не знала, как вести себя. Наверное, это нормально, прошло совсем немного времени...

Но, с другой стороны, ведь с Настасьей Михайловной мне хватило пары разговоров. Как же мне уютно в обществе этой женщины. Я словно увидела в ней маму, которую не знала никогда.

Как я ни отпираюсь, Настасья Михайловна заказывает такси и везет меня домой. Всю дорогу волнуюсь, думая, как объясню это бабушке. Вдруг Лизина мама решила рассказать о произошедшем моим родственникам? Я совершенно не хочу этого. Сажу в такси как на иголках, ерзаю, терблЮ подол юбки Лисы. И рубашка на мне снова с ее плеча. Она, впрочем, не надевала ее, с этикеткой вещь была, но все равно неловко. Настасья Михайловна ободряюще сжимает мою ледяную ладонь:

– Все хорошо будет, не нервничай, милая.

Заходим вместе в дом бабушки. Уже почти восемь вечера, представляю, какую лекцию устроит мне Анна Григорьевна. Вот и она, встречает нас практически на пороге. Недовольство на лице сменяет удивление, когда она видит мою спутницу. Позади бабушки появляется отец. Немую сцену нарушает веселый голос Настасьи Михайловны:

– Добрый вечер! Вы извините, что я без приглашения. Надеюсь, не очень вас побеспокоила.

– Что случилось? – тревожно вопрошает папа. – Василина, ты что-то натворила в школе?

– Вовсе нет, наоборот! – прерывает его Настасья Михайловна. – Такая замечательная девочка у вас! Всего пара дней, а с моей обалдуйкой так подружились – не разлей вода! Вот

я и решила приехать, представиться, познакомиться. Лизок у меня не блещет отметками. И Василина была очень добра, оставалась вот у нас два дня подряд, занимались девоньки. Над учебниками корпели. Ну а сегодня думаю – провожу девочку. И чтоб вы не расстраивались, сама объясню все. Да чтобы не подумали чего.

На лице отца проступает облегчение. Он радушно здоровается с Настасьей Михайловной и приглашает ее в гостиную.

– Сейчас чаю приготовим. Вы знаете, просто камень с души. Очень рад, что дочка нашла себе подругу. У нее никогда не было много друзей, она трудно с людьми сходится.

– Да ну нет, не поверю, мы так вот сразу общий язык нашли, – воркует Настасья. – Я-то ведь там же, в школе, работаю.

– Да что вы?

– Ага. В столовой.

– Как замечательно.

Но я догадываюсь, что бабушке это не кажется таким прекрасным. На ее лице брезгливая гримаса. Папа с гостьей удаляются, а мне Анна Григорьевна преграждает путь.

– Значит, репетитором заделалась? – хмуро спрашивает она.

– Что плохого в этом? Помогаю подруге, это проступок?

– Дружбы за пару дней не бывает.

– Возможно. Нам просто интересно вместе. Лиза живет

рядом со школой, поэтому мы и сидим у нее...

– Об этом нужно разрешения просить, Василина. Кажется, вчера я тебе это объясняла. А сегодня ты сделала то же самое!

– Простите. Но у меня нет мобильного телефона... Я бы обязательно позвонила вам. Нашла бы откуда. У Лизы попросила бы... Но не знаю вашего номера.

– Так запиши мой номер сейчас же. И потом, ты знаешь телефон отца. И что значит «нет мобильного телефона»? Если это так, почему ты молчала? И как это допустил твой отец?

– Мой телефон сломался. Перестал работать...

– Почему не сказала мне об этом? Разве ты не понимаешь, как важно быть всегда на связи? Что за детские выходки, Василина? И почему не попросила телефон у кого-нибудь из друзей? Этой Лизы, ее матери, наконец?

– Я попросила. Не дозвонилась.

Вру. Сегодня я о таком даже не вспомнила. Пока мылась в ванной, меня снова накрыла истерика. Так обидно было вспоминать произошедшее. Я не смогу вернуться в эту школу. Но как объяснить такое отцу? Бабушке... Да, я не могу вернуться, но бросить Лизу, забыть о кулоне матери я тоже не могу. Это рвет меня на части...

– Мне кажется, я говорю со стеной! Я объясняла тебе порядки и правила поведения в этом доме!

– Простите, – снова извиняюсь. Как же это надоело – по-

стоянно чувствовать себя в чем-то провинившейся! Но бабушка права, нужно было попросить у Настасьи Михайловны телефон. А оправдания типа «я была мокрая, измазанная в краске, а еще зареванная по вине одного козла» можно засунуть себе в одно место. – Этого больше не повторится!

– И что это за тяга к плебеям? – переключается неожиданно на другую тему Анна Григорьевна. А я просто столбенею, услышав такое. Бабушка, конечно, звезда и тому подобное... Но не ожидала от нее снобизма!

– Что, простите? – уточняю в надежде, может неправильно ее поняла.

– В этой школе учатся дети известных в городе личностей. Очень интересных, знаменитых. Слышала, например, о Бурмистровых? А ты не нашла ничего лучше, как с дочерью поварихи подружиться! Правду говорят, гены не пропьешь... Это все твой отец, ни на что не годится в плане воспитания...

– Но он – мой отец! – обрываю Анну Григорьевну. – Именно он будет решать, с кем мне можно общаться.

Я буквально свирепею от такой несправедливости. Чудесная, добрейшая Настасья Михайловна недостаточно хороша для бабушки только потому, что работает в столовой! Не говоря уже об ее упоминании Бурмистровых, фамилии, которую я хочу забыть, как страшный сон. Я себя почти не контролирую. Еще немного, и взорвусь, нахамлю бабушке. Поэтому я просто разворачиваюсь и выбегаю из холла. Заносусь, как ураган, в гостиную. Отец и Настасья Михайловна

мирно беседуют о чем-то. Вскидывают глаза на меня, а я уже не могу сдержать слезы, которые ручейками катятся по щекам.

– Что такое, дочка? – взволнованно спрашивает папа.

– Милая, что случилось? – вторит ему Настасья Михайловна.

– Ничего! Пожалуйста, хватит на сегодня! – крик отчаяния в никуда, взвиваюсь по лестнице, забегаю в свою комнату и захлопываю дверь.

* * *

Меня выручило больное горло, которое нестерпимо щекотало, горело и приносило кучу самых неприятных ощущений. Полоскаю каждый час содой и морской водой. В школу можно не идти, и мне необходима эта отсрочка.

Бабушки дома нет – снова на встрече с поклонниками. Только и живет этим. Но мне даже лучше. Пока она дома – не хочется из комнаты выходить, все еще злюсь на нее из-за вечернего разговора. Похоже, как и она на меня. Отец сообщил ей, что я заболела. Но она даже не зашла проведать. Наверное, заразиться боится. Ну и ладно.

После уроков ко мне примчалась Лиса. Она уже в курсе вчерашних событий. Залетает в комнату и взволнованно восклицает:

– Артур просто урод! Ты как, Василин? Неужели аж до

ангины допереживалась?

– Как ты меня нашла? – хриплю в ответ. Имя моего врага неприятно режет слух, причиняет дискомфорт. Сегодня все произошедшее кажется еще более диким и омерзительным.

– Мать адрес сказала. Денег на такси дала. Оказывается, она у вас вчера в гостях побывала! С отцом твоим подружилась! Очень он понравился ей! Я ужасно рада, мы теперь прямо-таки как сестры!

– Я хочу уехать отсюда. Вернуться в родной город, но еще не говорила папе, – делюсь с подругой наболевшим.

– Из-за вчерашнего? Эх, говорила тебе, не ходи без меня на рисование! Зря я тебя одну там оставила...

– Чем бы ты помогла мне? Тебя просто забросали бы вместе со мной.

– Вдвоем веселее! И не так обидно! – восклицает с энтузиазмом Лиса, и это происшествие уже не кажется таким ужасным. Поневоле начинаю улыбаться, хихикать. Но потом вспоминаю про кулон.

– Он забрал то, что мне очень дорого как память, – делюсь несчастьем с Лизой. – Я должна его вернуть. По-любому.

– Вернем! И вообще на место придурка поставим. Ведьма сегодня в школу притащилась, кстати. Обнималась эта парочка в столовой, аж смотреть тошно. Он ее за все места просто затискал. Долбаный извращенец.

– Не говори мне о них. Даже слышать не хочу!

– А потом Ведьма меня в углу прижала, – признается Ли-

за, не обращая внимания на мою просьбу.

– Да ты что! И ты молчишь, не рассказываешь?

– Так вот ведь! Говорю! Прижала, сука такая, опять начала по поводу Матвея цеплять.

– А почему ты Матвеем не пожалуешься?

– Пробовала. Но он видит свою маленькую сестренку прямо ангелочком.

– Он что, дурак? – вырвалось у меня. – Или слепой?

– Он просто хороший старший брат.

– Прости, я не хотела оскорбить твоего парня.

– Проехали. А потом эта сволочь и говорит: «Чего это твоя пигалица-подружка не пришла в школу? В штаны наложила, бедная?» Я тогда еще не знала ничего... Прямо опешила. Я тоже все думала, чего ты в школу не пришла. Позвонить хотела. Но, оказывается, не знаю номера твоего. Я даже не поняла, как так вышло, что не спросила.

– У меня нет телефона. – Вздыхаю.

– Как это может быть? Даже у стариков есть мобильники.

– Мой сломался. Еще там, дома. Симка, наверное, уже заблокирована, слишком давно не пользуюсь.

– А почему не купили новый?

– Отцу не до этого, да и денег нет.

– Такой домище, бабка наверняка у тебя богатая.

– Я не собираюсь у нее ничего просить...

– Ну, как знаешь! Но без мобильника не дело! У меня есть старенький. Ужасно примитивный, но, может, работает

еще...

– Я хожу в твоей одежде, вы меня кормите... не могу я еще и мобильник от тебя взять!

– Почему? Кстати, о кормежке! Я совершенно забыла, мать прислала куриный бульон! Я его в пакете внизу оставила. Ща разогрею, мигом тебе горло вылечим!

Подруга, громко топая, несется вниз. Через полчаса, я уже успеваю задремать, возвращается с чашкой ароматного бульона. Такая забота трогает меня до слез, смахиваю их украдкой. Лиза прислоняется рукой к моему лбу.

– Вроде нет температуры. А глаза вон слезятся.

– Ты смотри сама не заболей.

– Да я только за! Отосплюсь недельку, задолбало вставать рано. Кстати, я познакомилась сейчас на кухне с твоим отцом. Прикольный, очень! А мамке как понравился. Как бы не втюрилась. Влюбчивая она у меня... Хотя... Мы тогда с тобой сестрами настоящими станем! Прикольно!

В болтовне обо всем проходит еще несколько часов. Выписываю у Лисы задания, что дали сегодня на дом. Провожая вниз – мне уже значительно лучше, видимо, и правда помог бульон.

– Отлеживайся, спи, ни о чем не волнуйся. Думаю, пока поболеешь недельку, Артур с Никой обо всем позабудут. Найдут, к кому еще прикопаться.

– Но мне все равно придется подойти к нему из-за кулона...

– Не думай об этом. Я сама у него спрошу.

– Ну уж нет! Тебя и так Ника достает!

– Вот именно. Все равно прицепится, так что хуже не будет! Завтра после уроков не смогу заскочить... С Матвеем договорилась... Погулять. В парке.

– Круто!

– Ох, даже не знаю. Он такой обалденный... Мотик и все такое... А я... толстуха рыжая. Так, все, нафиг мамкину выпечку, строгая диета – и вперед!

– Ты прекрасно выглядишь, – убеждаю я подругу.

– Ага, сказала худышка, которая лишний кусочек шоколадки не съест.

– Просто не люблю сладкое.

– Ох, я так никогда не уйду! Ладно, пока! – Подружка убеждает рыжим ураганом.

* * *

Две недели ангины пролетают слишком быстро. К сожалению. И снова передо мной маячит призрак ненавистной школы, а точнее – Бурмистрова. Не хочу его видеть, просто не могу. Даже к Нике, с которой все началось, у меня нет такой ненависти.

Лиса подбадривает меня, старается развеселить. Даже встретила на остановке, чтобы вместе в школу войти. Чувствую себя ужасно жалкой. Почти шестнадцать, и такая тру-

сиха.

А еще – полная неудачница. Потому что уже возле своего шкафчика в раздевалке (погода слякотная, сменная обувь обязательна) встречаю Нику. Она выглядит донельзя довольной.

– Ну что, отсиделась, мышь, в своей норке? – щебечет она, хлопая наращенными ресницами.

Интересно, ей учителя замечания не делают? Зачем с таким макияжем в школу приходиться?

– А? – делаю вид, будто не понимаю, что меня мышью назвали.

– Отсиделась, говорю? Ты еще и глухая к тому же?

– Нет, просто не поняла, о чем ты. Слушай, я не хочу ссориться. Я очень извиняюсь перед тобой, правда. За то, что упала на тебя. Я неуклюжая, факт. Но сделала это не специально... Может, забудем уже?

– Хммм. Возможно. Но ты вроде как перед всеми в столовой извиниться обещала.

– Может, не будем этот цирк устраивать, а? Я нигде не отсиживалась, во-первых, у меня ангина была. А во-вторых, твой парень сильно перегнул палку, защищая тебя.

– Завидно, мышка? У тебя-то никогда такого парня не будет! – пафосно восклицает Ника.

«Ну что за дура», – вздыхаю про себя. Да толку спорить. Но все равно, помимо воли вырывается:

– И слава Богу! Я бы все отдала, лишь бы этого твоего

парня никогда больше не видеть!

– Seriously? – раздается голос за моей спиной.

Я даже не заметила, как он подошел! Спина мигом становится мокрой. Коленки дрожат. С Никой я бы еще справи-лась, но с ними обоими...

Разворачиваюсь к Артуру лицом. Глупо идти на попятную.

– Ага. Совершенно серьезно! Я готова на все, лишь бы больше никогда не видеть твою физиономию! Но ты, похоже, мимо просто не можешь пройти!

– Эй, полегче на поворотах, – хмурится Ника. – Ты вообще как разговариваешь?

– Да я еще нормально разговариваю. – Кажется, на самом деле я впадаю в истерику. – После того, что со мной произошло! Интересно, Барби, ты в курсе, что твой Принц просил меня блузку перед ним снять? – смеюсь им в лицо, а в глазах – слезы. Чувствую, еще немного, и разревусь перед ними, окончательно унизив себя...

– Что? – подпрыгивает Ника. – Как ты меня назвала? Что сказала? Ты, пигалица безмозглая, да я тебе...

– Эй вы! – раздается крик, поворачиваю голову – к нам несется Лиса. – Отошли от нее! Быстро! Или я к директору иду.

Лиза подлетает ко мне, обнимает, я утыкаюсь лицом в пышный бюст, прячу слезы в ее мягкости. Чувствую себя невероятно хорошо. Как же славно, когда друг рядом...

– Эта дура заявила, что Артур к ней приставал!

– Бред, – бормочет Бурмистров. – Ника, пошли отсюда.

– Это правда, – подтверждает Лиса. – А еще кулон забрал.

И просил раздеться, если хочет вернуть. Это память о близком, Бурмистров. Даже ты своими тугими мозгами должен сообразить. И вернуть.

– Артур, это правда? – пищит Ника, хлопая глазами. – Ты просил эту плоскую уродину раздеться?

– Ника, тебя еще хоть что-нибудь в этой жизни волнует? – взрывается Лиса.

– Если к моему парню клеишься, сволочь, тебе хана! – визжит на это Барби. Похоже, на остальное ей действительно плевать.

– Пошли отсюда, наедине поговорим, – тянет свою девушку в сторону Артур.

Ника нехотя позволяет парню увести себя. Я делаю глубокий вдох и крепко обнимаю Лису.

– Ну чего ты, малышка, – мягко похлопывает мне по спине Лиза. – Хорош. А то прослышем в школе с тобой лесбиянками. Тут ярлыки быстро вешают.

– Кажется, я уже не против, – всхлипываю. – Если все парни такие, как Бурмистров, я лучше сразу лесби стану.

– Ну у меня вообще-то парень есть, – хихикнув, напоминает Лиса.

– Знаю. Ты счастливая.

– И тебе найдем. Будет от таких вот кретинов защищать.

– Ой, нет. Не хочу... – осекаюсь, потому что к нам снова идет Бурмистров.

– Ты нажила себя крупные неприятности, деточка. Теперь тут уже не в Нике дело. А между нами.

– Снова угрозы? – взрываюсь я. – Достал уже, хватит.

– Смелая, пигалица.

– Отдай кулон!

– Теперь его точно не получишь, пока через веревочку, как зверек, не попрыгаешь.

– Пошел к черту!

– Посмотрим, как запоешь, птичка, когда оборву все крылышки, – едко произносит Артур, и уходит.

– Ну что такое-то! – вырывается из моей груди стон. – Сколько можно? Не могу так больше.

– Да наплюй. Бурмистров не так ужасен и вообще отходчивый. Не знаю, что это между вами такое... Раньше никогда девчонок не трогал, с первого класса его помню. За ним девки всегда табунами... Он, наоборот, чуть ли не бегал от них. А у вас... Прямо нашла коса на камень. Любовь и ненависть.

– Зря мы про блузку сказали, – вздыхаю я. – Ника теперь не отвяжется. Будет думать, что ее Принц ко мне приставал...

– Ну и отлично! Пусть утрется, Ведьма!

– Хотя... Вряд ли она всерьез поверит, – добавляю, подумав. – Где я, и где Барби!

– Чушь! Ты красотка.

– Спасибо, но ты врешь.

– Нет, не вру. Если такие, как Артур, этого не видят, то, значит, дебилы!

– Ты очень милая, – улыбаюсь подруге. – Но такие, как Артур, никогда не посмотрят на меня как на девушку. Им тюнинг подавай, все самое яркое, лучшее. Я же такой не собираюсь становиться никогда. Да и не хочу я привлекать подобных дегенератов. Только бы отстали от меня, отвязались! Сил уже нет.

– Отвяжутся. Я с Матвеем поговорю, – решает Лиса. – И правда, надоело. Учиться не дают.

Знаешь, что! В пятницу в клуб пойдем! Втроем, с Матвеем.

– А третий кто?

– Ты, дурында. Парня будем тебе искать.

– Вот уж нет, спасибо!

– Не обсуждается.

– Бабушка не отпустит.

– У отца отпросим, маман постарается. С ночевкой.

– Точно нет.

– Все получится!

Глава 6

Все оставшиеся учебные дни этой непростой для меня недели прошли под девизом «быть незаметной». Я разве что со стенами не сливалась. В столовую перестала ходить – брала с собой бутерброд, мне хватало. Подруга тоже старалась быть все время рядом. И еще несколько девочек из класса, с которыми Лиса дружила, но не очень близко. Маша Анохина и Таня Торопова. Вполне себе нормальные оказались девчонки. Не ботанички, но учились хорошо, даже в чем-то помогали мне, подсказывали. На переменах мы теперь везде ходили вчетвером. Так было гораздо спокойнее, да и веселее. Я никогда прежде не была частью большой компании. А тут к нам еще и парни присоединились – Петя Моржухин и Ваня Стеблов. Сначала я не могла понять причину такого внезапного желания дружить. Позже Лиса открыла мне глаза. С удивлением я узнала, что стычка с Артуром на информатике сделала меня знаменитой на всю школу. Почему-то мое жалкое блеяние в лицо этому кретину сочли за смелость. И теперь многие хотели со мной если не дружить, то хоть пообщаться. Даже парни. Удивительно, но, вступив в схватку с королем школы, я тоже как будто приобщилась к звездному статусу. Противно было это осознавать, но, с другой стороны, дружелюбие, внимание – это очень даже приятно. Жаль, с дискотекой у нас не вышло. Бабушка услышала, как

я у папы отпрашиваюсь, и устроила скандал, заявив категорическое «нет».

«Ты только оправилась от ангины, а уже собралась в гости развлекаться. Сиди дома, догоняй программу, мне нужна золотая медаль, не меньше», – вот краткое содержание ее отповеди. Училась я всегда отлично. Здесь же пока получала в основном четверки – стеснялась отвечать, особенно когда вызывали к доске. Медаль меня мало волновала, но универ – очень даже. Золотая награда данной школы гарантировала поступление в лучший университет города на бюджетное отделение практически на сто процентов. И я вняла увещаниям бабушки, в пятницу как следует выпалась, предоставив Лизе самой развлекаться в клубе, с Матвеем, разумеется. И правда, зачем им третья лишняя? Все выходные я усердно занималась уроками, зубрила, решала, чертила. Подобрала все хвосты, чтобы в понедельник прийти на занятия максимально подготовленной. Бабуле нужны пятерки? Ок, если она от меня после этого отвяжется – сделаю, как она желает, с превеликим удовольствием.

* * *

Мои новые друзья оказались интересными и веселыми. Петя Моржухин был давно влюблен в Таню Торопову. Все остальные мило подшучивали над зарождающимися отношениями двух голубков. Забавно, наша спонтанно образо-

вавшаяся компания дала толчок этой любви. Куда эти двое смотрели раньше? Почему молча проходили мимо друг друга? Почему причиной всему происходящему в школе, пусть даже косвенно, неизменно оказывался противный Артур? Ведь не случись между нами конфликт, кто знает, нашла бы я столько друзей?

Ваня Стеблов – очень веселый, задиристый, обожает спорт, качалку. А вот Артура Бурмистрова – терпеть не может. «Наш человек!» – как сказала Лиса. Это не могло не вызвать у меня симпатии к парню.

Итак, дружной компанией ходим по школе, да и за ее пределами. Гуляем во дворе дома Лисы после уроков, играем в волейбол на спортивной площадке, правда, получается у меня ужасно, чувствую себя маленькой и неуклюжей.

Через какое-то время начинаю замечать, что Иван проявляет ко мне весьма красноречивый интерес. Что меня беспрельдно смущает. Я не готова к отношениям с мальчиком, даже к самым невинным. В этом с Лизой мы полные противоположности – она с легкостью кокетничает, заигрывает с мальчишками, несмотря на то, что у нее есть Матвей. Лиса – яркая, рыжая, броская, самоуверенная. Я иногда поражаюсь себе, с чего вообще я решила вступить за такую сильную девушку в свой первый день в школе? Ей же все нипочем, и уж помощь от такой пигалицы, как я, точно не нужна. Но это положило начало очень крепкой дружбе. Сейчас наша компания включает в себя уже шесть человек, но все равно

с Лисой отношения особенные.

Лиза часто подшучивает надо мной, а изредка отчитывает за излишнюю замкнутость в общении с парнями. К Пете и Ване я немного привыкла и все же чувствую себя в их присутствии скованно. Особенно с Иваном, который взял за правило провожать меня каждый день до остановки. Со временем даже рюкзак свой ему нести позволила. Но он мне ни капельки не нравится как парень. Сердце не стучит быстрее в его присутствии.

Откуда я знаю, как должно стучать сердце рядом с особенным человеком?

У меня нет ответа на этот вопрос. Но есть одно неприятное, колющее замечание, которое всплывает в голове помимо воли:

«Рядом с Бурмистровым мой сердечный ритм просто зашкаливает»

Но я гоню от себя эту странную, глупую мысль.

* * *

Осенние каникулы я провела в одиночестве в доме бабули. Отец устроился на работу в редакцию местной газеты, теперь пропадает там допоздна. Бабушке тоже не сидится дома. Лису мама отправила к родственникам бывшего мужа, в соседний город. Маша и Таня тоже уехали. Кажется, весь наш класс решил провести каникулы вне родных стен,

всю последнюю неделю четверти народ на каждой перемене оживленно обсуждал свои планы. Принц с Ведьмой собрались в Испанию. Об этом шептались девчонки в туалете. Не то чтобы мне было дело до них... Но как-то сразу задышалось легче при мысли, что город останется без этих персон. Можно свободно бродить по улицам, торговым центрам, без страха встретить своих врагов. Вот только гулять, увы, не с кем. Правда, я немного лукавлю – Ваня звонил мне ежедневно и звал в разные места – то в кафе, мороженого поесть, в кино или просто побродить по городу. Но я стеснялась и придумывала причины для отказа. Я уже не сомневалась в том, что скоро ко мне приклеится ярлык «странная». Я и сама чувствовала, что веду себя необычно, даже по-идиотски. Но ничего не могла поделать. Значит, надо принять себя такую, как есть. И радоваться, что, несмотря на это, я нашла друзей. Влилась, хоть не сразу, в коллектив школы. Оставалась лишь одна проблема, незаживающая рана. Вернуть кулон. Я собиралась с силами, ждала окончания каникул и возвращения Бурмистрова с заграничного курорта.

* * *

Полторы недели каникул пролетели быстро даже для меня. Я много читала, рисовала, занималась уроками, стараясь догнать и перегнать программу – в этой школе был сильный упор на технические науки, физику, математику, а я все-та-

ки больше гуманитарий. А еще – шила себе платье для ночного клуба. Идею подала мне Лиса, оказалось, в ее гардеробе для меня нет вечернего наряда. «Даже странно» – мои слова во время ревизии. Я уже понемногу привыкла, что дом Лавровых для меня и пещера Али-Бабы, и палочка-выручалочка. Но такие шмотки Настасья Михайловна считала излишними, и Лизе самой приходилось выкручиваться, копить на одежду для выхода в люди. Итак, мы все еще не оставляли надежды повернуть затею с клубом. Раньше я посещала не только кружок вязания, но и шитья, поэтому получилось у меня довольно неплохо. На чердаке, куда я прокрадлась, как лазутчик, в отсутствие бабушки (уверена, она бы мое любопытство не одобрила), я обнаружила склад самых разных вещей, в том числе – старую швейную машинку. Довольно странный экземпляр – чтобы шить, нужно двигать ногами нижнюю панель. Я не сразу вникла, как это делается, но времени для исследования вопроса было достаточно. Никто не мешал, бабушку спрашивать не хотелось, я вообще не собиралась признаваться, что проникла на чердак. Мы так и не сблизилась с Анной Григорьевной. Она общалась со мной лишь по необходимости, чаще всего отчитывая за что-то. Короче говоря, ответ я поискала в интернете. Справилась, и вскоре у меня лихо получалось. Ткань я тоже нашла на чердаке. Огромная коробка из-под стиральной машинки, забитая доверху атласом и парчой. Наверное, бабушка покупала эти яркие блестящие ткани для своих сцениче-

ских костюмов. Пришлось перебрать почти все, чтобы найти нечто не слишком тяжелое и броское. На верхнюю часть платья – тонкая шелковистая ткань телесного цвета с золотым налетом. К счастью, современная мода не может похвастаться идеальной точностью и выверенностью форм. Любое безумие способно попасть в тренд. Дырки на одежде, спущенные петли. Поэтому мое платье – довольно простой силуэт в зоне декольте, – в районе талии переходил в пышную юбку с рваными краями органзы и шелка, золотистыми и белыми, с подходящими аксессуарами могло сойти за вещь из бутика. Во всяком случае, я похожую модель в журнале увидела. И скопировала все детали с максимальным усердием.

Лисе мое платье ужасно понравилось. Она вернулась домой за два дня до начала второй четверти. Но с ночевкой к подруге бабушка меня снова не отпустила.

* * *

В понедельник Лиза на уроке алгебры захлеб рассказывала мне о своем первом поцелуе с Матвеем. Мне было неловко, в таких подробностях и красках подруга все описывала. Оставалось лишь молча слушать, краснеть и вздыхать. На большой перемене я, как обычно, игнорировала столовую. Пристроилась в дальнем углу холла на третьем этаже, на мягком диванчике возле кабинета немецкого языка. Наскоро проглотила бутерброд, запила чаем из маленького

термоса. Блаженно прикрыла глаза – не выпалась, хоть бы пару минут подремать...

Неожиданно кто-то сзади хватает меня за косу. Очень крепко – так, что пошевелиться не могу. Паника накрывает волной. Я будто пришпилена к спинке дивана. Нет, руки-ноги свободны. Но что толку размахивать ими, если головой пошевелить не могу? Да и шок так силен, что все тело будто парализует. Я могу лишь беспомощно пялиться в потолок. Говорить тоже не могу. Полная прострация. Меня колотит. Но я догадываюсь, кто решил поиграть со мной в такую жестокую игру. Два варианта – Барби или Принц. И я отчаянно молю, чтобы это была Ника. Отчего-то меня не так ранят ее нападки, я испытываю нечто сродни жалости к этому красивому существу с полным отсутствием мозгов. А вот парень ее меня пугает. Мне не по себе от одного только взгляда – смущаюсь, краснею, начинаю гореть... И мне ужасно не нравится подобная реакция. Никогда раньше не замечала за собой таких сильных, неконтролируемых эмоций...

Наверное, меня держали всего лишь минуту. Но она показалась мне вечностью. Наконец косу отпустили. Не оглядываясь, бегу к лестнице. Мне не надо оборачиваться, чтобы посмотреть на нападавшего. Я узнала его по запаху дорогой туалетной воды. Запах моря, свежести с терпкими нотками бергамота.

Я ненавижу тебя, Артур. С этого момента еще сильнее, отчаяннее. Всегда презирала бессмысленную жестокость, лю-

бую. А ты – именно такой. Беспощадный от скуки. Равнодушный, холодный. Пустой и ничтожный.

* * *

– Просто урод этот Бурмистров, – восклицает Лиса.

Мы сидим в женском туалете на первом этаже. Я, конечно, долго редела в кабинке, никак успокоиться не могла. Пропустили два урока – физику и русский. Плевать. Точнее, три – литературы все еще нет, не могут найти учителя. Это в такой-то крутой школе? Что тут у них за порядки? Да сюда любой препод с радостью пойдет. Не понимаю...

Впрочем, расстраиваться по поводу литературы не собираюсь, хоть это, можно сказать, мой любимый предмет – с раннего детства обожаю читать. Но для расстройств и без того причин куча. Итак, Артур не планирует отступать. Что он хотел показать своим мерзким поступком возле кабинета немецкого? Что всегда рядом, на шаг позади меня, темная тень, преследующая, опасная? Хочет, чтобы у меня нервный тик начался от ежеминутного ожидания нападения? Я и так уже вторую неделю всухомятку питаюсь. Приходится врать Настасье Михайловне про больной желудок и строгую диету. Она не верит, возмущается. Тем более что у Лисы я не отказываюсь ни от каких продуктов, бывая там ежедневно. Но мама Лисы слишком сильно устает на работе, еще и по дому куча дел. На вопросы сил не остается.

– Слушай, мы все-таки должны выбраться в «Бездну». Совсем рядом со школой клуб, классный. Мама поначалу не разрешала, ворчала, а теперь не боится меня отпускать. Там очень строгая охрана, потому что туда ходят в основном школьники и студенты. У мамы там подруга с работы подрабатывает. Уборщицей. Строгая тетка. Обещала маман присматривать за мной.

– И как? Следит, как вы с Матвеем целуетесь?

– Ой, да она сама с охранником мутит! Так что у нас с ней взаимовыгодное молчание! Я про нее все знаю – муж у тетки имеется, весьма строгий. Работает у нас в школе завхозом.

– Как все запутанно, – хихикаю я. – Везде любовь-морковь. Даром что не весна, а зима скоро.

– Ага. Все вокруг цветет и пахнет. Только тебе, бедняжке, моральный дебил достался.

– Моральный урод, так говорят...

– Уродом не могу назвать, уж прости, никак. Артур – красавчик, каких поискать.

– Давай не будем про него.

Почему-то не смогла я Лисе о случае на третьем этаже рассказать. Сказала просто – опять встретила, опять хамил и угрожал. Остальное, видимо, на лице было написано, снова опухшем и зареванном. Лиза не стала требовать подробностей. А мне стоило подумать об этом снова – комок появлялся в горле. Что-то слишком личное, интимное было для меня в этой истории. Артур коснулся меня, моих волос, будто

в плен забрал. Я ненавидела его за это отчаянно, неистово. И не могла объяснить, почему именно этот поступок, наедине, без свидетелей, так ранил меня.

Но как бы я ни намеревалась избегать Бурмистрова, оставался кулон. Я тряслась при мысли, что эта сволочь выбросила дорогой моему сердцу амулет. Что мне тогда делать? Чем больше проходит времени, тем меньше шансов вернуть мотылька. Артур может просто потерять, запомнить, куда дел.

Поэтому в среду, немного придя в себя, я была преисполнена решимости снова поговорить со своим мучителем. Пригрозить в случае чего директором.

Высматриваю его – ну конечно, с Никой обнимается. Чем еще придурку заниматься?

Нет уж, к ним двоим точно не подойду. Попробую на большой перемене, в столовой.

* * *

Столовая. Я не заходила сюда с самых первых дней учебы. Переступаю порог и чувствую, как все дрожит внутри. Но я приказываю себе успокоиться. Хватит трусливо прятаться по углам и убегать. Кто такой этот Артур? Всего лишь выскочка, который пользуется своей смазливой внешностью и состоятельными, успешными родителями. Кем бы он был без этого? Да никем. Даже Ника не взглянула бы на него, не будь

он таким... Красивым? Так, стоп, Василина! Ты пришла сюда не для того, чтобы внешность этого козла описывать. У тебя есть конкретная цель, вот и сосредоточься. Твердой поступью подхожу к столику, за которым сидят Артур и еще трое парней.

– Надо поговорить, – заявляю нагло.

Принц лишь усмехается. Внимательно, нарочито медленно рассматривает меня – я смущенно переминаюсь с ноги на ногу, в голове вертится идиотская мысль – надо было умудриться напялить сегодня старые потертые балетки. Черт, я ведь плюю на такие вещи, тогда почему мне стыдно? Я вовсе не нищенка, а уж Анна Григорьевна расщедрилась перед началом учебного года на довольно приличный гардероб. Вот только туфли для сменной обуви на толстом сантиметровом каблуке – не по мне. Вот и таскаю старые – в них ноги не устают, удобно и комфортно. Но сейчас ненавижу себя за то, что не подумала об этом. Могла бы попримечнее одеться. И дело совсем не в том, что мне важно произвести впечатление на этого твердолобого кретина! Просто... одежда – тоже своего рода защита. Да и замарашкой выглядеть не хочется.

– Давай, валяй, Дусманис. Чего придумала? Нам с парнями как раз скучно.

– Наедине можем поговорить? Или ты без друзей за спиной не чувствуешь себя комфортно?

– О, мне комфортно везде и всегда. А вот ты как решилась из своей норки выползти?

– Ради того, что тебе дорого, еще и не на такое пойдешь.

– Так ты все про цацку свою? Не оригинально.

– А ты чего ожидал?

– Ладно, парни. Оставьте меня наедине с этой камикадзе.

Ребята нехотя встают из-за стола, видно, что жаждут досмотреть представление до конца. А я облегченно вздыхаю. Еще пара фраз, и я бы убежала. Ноги почти не держат, сажусь за стол на освободившееся место напротив Артура.

– Почему тебе так дорог кулон с изображением моли? Это, право слово, странно, – недоумевает Артур.

– Это мотылек. Его сделал папа. Символ нашей семьи. Пожалуйста, верни мне кулон. Это память о моей маме. Она умерла. Даже у такого, как ты, должно быть хоть подобие человечности.

– Какого? Какой я, по-твоему?

– Я сейчас не об этом.

– А я – так вот очень хочу узнать. Что ты возомнила о себе? Хамишь мне, моей девушке. Уверена, что не пожалеешь?

– Уже жалею! Но я не хотела, пойми! Вы сами начали нападать, я же – только защищалась. Если вернешь кулон – клянусь, даже близко не подойду. Хочешь, буду Нике домашку по русскому делать? Целый год? Она в русском языке еле плавает. Был тут у нас совместный урок с ее классом, так прямо жаль ее было...

– Да ну подумайте, какая щедрость! – ухмыляется Принц. – Ну, Ника, дело десятое. А что, если мне портфель

будешь носить, до машины, каждый день?

– Портфель? А он есть у тебя?

Представила Принца со школьным ранцем, и отчего-то захотелось хихикнуть. Презабавная нарисовалась картинка.

– Нет, нету. Но я куплю ради такого случая.

– Прости, но я не могу носить за тобой портфель, – при-
творно вздыхаю, делая вид, что мне очень жаль отказываться
от столь щедрого предложения. – Боюсь, твоя девушка меня
в этом случае съест. Давай что-нибудь еще придумаем?

– А давай, – вальяжно откидывается на стул Принц. – Я
сегодня отчего-то добрый. Станцуешь для меня стриптиз?
Вот прямо сейчас, на этом столе? Даже трусы разрешаю оста-
вить, только сиськи покажешь...

Вот ведь урод! Вскакиваю, пунцовая, из-за стола, испепе-
ля взглядом Артура, мечтая стереть идиотскую ухмылоч-
ку с порочного лица! Извращенец недоделанный! Девушка
есть, а он все грязные намеки на раздевание никак не оста-
вит! Нет, правда, до какой же степени больным надо быть!
Я не могу мыслить здраво, ярость застилает все. Кажется, у
меня проблемы с управлением гневом. Но об этом я тоже по-
думаю позже. И очень сильно пожалею. Буду корить и нена-
видеть себя больше, чем Принца. Хотя не знаю, как такое
возможно. Мое презрение к нему беспредельно. Поэтому я
хватаяю со стола стакан с недопитым компотом. И выплески-
ваю прямо в улыбающуюся нахальную рожу.

Глава 7

Помимо того, что ангина помогла мне получить передышку и собраться с силами, она пригодилась и еще в одном деле – откосить от уроков физкультуры, хотя бы на какое-то время. Не то чтобы я не любила спорт, наоборот, особенно гимнастику. Я быстро бегала и хорошо прыгала в длину. Вот только плавать я не умела. А в этой школе, как оказалось, огромный шикарный бассейн. Обязательная программа: для девочек еженедельно аква аэробика, для мальчиков – водный волейбол.

Я пока не решила, что делать. Мы эту проблему всесторонне обмозговали с Лизой, подружка даже предложила познакомиться со мной вечерами. У Настасьи Михайловны дружеские отношения с учителем физкультуры, она могла попросить за меня, разрешить нам посещать бассейн после уроков. Хорошо бы, а то денег на частные уроки плавания у нас с папой точно нет – мы все еще расплачиваемся по кредитам, оставшимся от прошлой жизни в родном городе.

Но пока мне не приходилось беспокоиться о занятиях плаванием. Я отдала справку об освобождении очень симпатичной молодой учительнице, которая занималась с девочками в отдельном зале, и два урока в неделю просиживала на скамейке, наблюдая за подружками. Мальчики тренировались в другом зале.

Очень хотелось размяться вместе со всеми, но, если я начинала двигаться, разогреваться, неизменно душил кашель.

В дальнейшем я собиралась попросить отца написать заявление с просьбой освободить меня от сих занятий, так как я не умела плавать. Смущало то, что во всей школе я такая одна. Не считая первоклашек, которые начинали с азов в лягушатнике – совсем небольшом резервуаре с водой. Мне, наверное, по колено. Будучи на одном уровне с ними, я совершенно не намеревалась начинать занятия с мелюзгой. Представляю, какую кучу насмешек это бы породило.

Захожу в огромное стеклянное помещение. Была здесь всего лишь один раз – в тот день, когда мы с бабушкой приехали оформляться, и нам устроили экскурсию. Но тогда я мало что рассмотрела. Очень светло и просторно – стекла от пола до потолка, пять длинных дорожек, высокие трибуны для болельщиков... Я такого большого бассейна в жизни не видела. Переминаюсь с ноги на ногу возле двери в кабинет в ожидании учителя, чтобы отдать ему справку, но не могу смотреть в стену, поэтому пялюсь на группу парней в воде, играющих в волейбол. Конечно же, Бурмистров среди них... от его грации и пластики невозможно отвести взгляд. Мне стыдно, ненавижу себя, ненавижу его... но не могу оторвать глаз от покрытого золотистым загаром, гибкого, мощного тела. Идеальные пропорции, ни грамма жира. Я залипла на этой картинке, не думая, как выгляжу со стороны. Не обращая внимания на окружающих, забыв о том, зачем сюда

пришла. Конечно, я не могла за это не поплатиться.

Чувствую толчок в спину и в следующую минуту лечу в воду. Барахтаюсь, захлебываюсь, меня захлестывает дичайшая паника. Никогда мне не было настолько страшно. Все тело буквально сковывает ужас. Но тут же чьи-то сильные руки подхватывают меня, не давая пойти ко дну. Вцепляюсь в шею своего спасителя. Едва дышу, едкой воды с хлоркой наглоталась так, что наизнанку выворачивает. Меня, как куклу, вытаскивают из бассейна и кладут на холодную плитку. Ощущаю все это словно со стороны, не могу пошевелиться, легкие горят. Я проваливаюсь в черную дыру, пытаюсь вернуться, открыть глаза – но не получается. Я будто все еще тону, хотя чувствую, что уже не в воде.

Чьи-то губы касаются моих губ, и в меня врывается чужое дыхание с запахом ментола. Сильные руки давят на грудную клетку, догадываюсь, что мне делают вентиляцию легких! Распахиваю глаза и встречаюсь взглядом с Принцем. Закашливаюсь, отталкиваю его, принимаю сидячее положение, отодвигаюсь подальше от него и съеживаюсь. Обхватываю себя руками и дрожу. Мокрая, как выдра. Волосы облепили лицо. Белая рубашка – тело, не оставляя простора воображению. Стыдно-то как. Почему, ну почему меня должен был спасти именно он?!

Подбегает учитель.

– Что случилось, Дусманис? Почему ты в мокрой одежде?

– Она в бассейн упала, – объясняет Артур. – Кажется, пла-

вать совершенно не умеет. Или испугалась?

– Н-не ум-мею. – Мои зубы стучат, мне нестерпимо стыдно, и хочется поскорее сбежать.

– Так, ну и чего рассиживаемся на полу? Медсестру позвали? – спрашивает учитель.

– Мне как-то не до того было, я ей искусственное дыхание делал.

– Хорошо, молодец, Бурмистров! Пятерку заслужил. Эй, Мальков! – кричит кому-то. – Сгоняй за Софьей Викторовной, быренько! Так, а ты, Бурмистров, девочку – на руки и тащи ко мне в кабинет. Высушим ее, а то заболит.

Я открываю рот, чтобы сказать – своими ногами пойду, еще вот объятий Бурмистрова мне не хватает. Но меня прерывает голос Ники, невесть откуда взявшейся здесь. Впрочем, кажется, она всегда за Принцем хвостиком ходит.

– Почему Артур должен эту мышь тащить? Вон пусть Пашка несет! Паш, давай сюда, – машет она парню на другом конце бассейна.

Бурмистров вздыхает, но ничего не отвечает своей девушке – наклоняется ко мне, берет за талию, подхватывает легко, словно пушинку, и поднимает в воздух. Я не знаю, куда деть руки. Не обнимать же его за шею, как обычно в таких случаях делают! Чувствую ужасное смущение, головокружение и страх. Принц, продолжая держать меня всего одной рукой, другой захватывает мои ладони в плен и принудительно кладет себе на плечи.

– Держись, Мотылек. А то уроню.

От напоминания о связавшем нас мамином кулоне, который он так и не отдал, в глазах начинает щипать. Вцепляюсь в сильные плечи, сжимаю их изо всех сил, желая причинить боль своему мучителю. Но он как будто и не замечает моего прикосновения. Впрочем, я не вижу его лица, от смущения не могу поднять на него взгляд. Вместо этого оглядываюсь по сторонам и встречаюсь глазами с Соболевой. В ее взгляде горит ненависть. Обещание войны, неминуемой кары. Внутренне съеживаюсь. Да почему мне не везет-то так? Ника как раз в последнее время охладела ко мне. С момента разговора с Артуром возле шкафчиков больше ни разу не подошла. Я даже заужала ее. Подумала, что она это из женской солидарности, поняла наконец, как ужасен ее парень. Но сейчас вижу в ее взгляде обещание – она этого так не оставит. И что-то еще. Бешенство? Ревность? Да ну нет. Как королева школы, роскошная блондинка, может ревновать к серой неприметной мышке? Меня заметили лишь из-за того что неуклюже упала на Барби. Потом меня начал преследовать Принц. Но слава и известность – не по мне. Меня устраивает моя неприметность. И уж точно я не претендую на Принца, я его ненавижу! И даже то, что сейчас он фактически спас меня... нисколько не смягчает моего отношения. Он просто пятерку зарабатывал. Наверняка плавает лучше всех и бросился бы к любому. Увы, это снова оказалась я...

В кабинете Принц осторожно сажает меня на стул. Учите-

ля кто-то отвлек, и мы здесь одни. Мне неловко, судорожно пытаюсь расправить на коленях мокрую насквозь юбку.

– Похоже, мне все-таки суждено увидеть тебя голой, – усмехается Артур, наблюдая за моими действиями.

Но сейчас мне даже на эти слова наплевать. Молчу, игнорирую несносного хама.

– И вообще, Дусманис, все по-честному. В прошлый раз ты меня облила компотом – считай, сегодня пришло возмездие.

– В виде кого, интересно?

– Ты о чем?

– Думаешь, я сама в воду прыгнула? Меня кто-то в спину толкнул.

– Чушь. Ты просто неуклюжая.

– Плевать, думай как хочешь!

– Подозреваешь кого-то, Дусманис? Ну, главный твой враг – я. Но я в бассейне был. Алиби имеется.

– Да, это странно. Я сразу на тебя подумала.

– Ты же пялилась на меня, когда я в волейбол играл!

– С чего ты взял? Что на тебя? Да, игру я видела... Но тебя – нет.

– Врушка!

– Самовлюбленный Принц!

– Так, что тут у нас за разборки влюбленных? – строго прерывает нас учитель. – Проходите, Софья Викторовна. Вот наша Русалочка, угораздило же...

Медсестра направляется ко мне.

– Ну а вам, мужчины, придется выйти, – заявляет она безапелляционно.

Артур нехотя выходит, подталкиваемый в спину учителем.

– Давай-давай, Бурмистров, а то прям как приклеился к девочке.

* * *

– Слушай, нет, ну это прикол! – верещит Лиса. – Вся школа гудит, что Бурмистров тебе искусственное дыхание делал! Это же, можно сказать, все равно что поцелуй! С Принцем! Соболева в бешенстве, рвет и мечет у себя в классе. Визжит, требуя, чтобы все заткнулись и прекратили вас обсуждать!

– Ужас! – вздыхаю я. Стараюсь выглядеть спокойной, но чувствую, как краска начинает заливать щеки. Я тоже подумала об этом. Да что там, с момента, когда губы Принца коснулись моих губ, я сама не своя. Меня колотит, в ушах шумит, а в животе... в нем словно мотыльки порхают, щеко-чут своими крылышками, шепчут, предупреждая: только не влюбляйся. Вот такой вот первый поцелуй, лежа на кафельной плитке бассейна, на глазах у кучи народа. Хотя, какое там! Прекрати фантазировать, дурочка. Он делал необходимые в таких случаях манипуляции. А то, что ваши губы соприкоснулись, всего лишь побочное действие!

– Меня когда учитель вызвал и сказал, чтобы одежду сухую принесла для Дусманис, мне аж поплохело, – продолжает причитать Лиза. – Что, думаю, Бурмистров снова отчудил! Допрыгается! Нет, точно! Найдем управу на придурка.

– Он не виноват, – вздыхаю устало.

– Как это?

– Когда я свалилась в воду, он был в бассейне. В волейбол играл. Так что он тут, можно сказать, герой. Спас меня, из воды вытащил. Я теперь его должница. – Эта фраза режет слух. Принц – спаситель?

– Ого! Ну надо же! Бурмистров силен, мужик!

– Другой вопрос, кто толкнул меня туда.

– Уверена, что не сама споткнулась?

– Не настолько я неуклюжая!

– Подозреваешь кого-нибудь?

– Не знаю... – Мнусь, не решаясь произнести догадку вслух. – Но это между нами, доказательств у меня нет...

– Не томи!

– Там Вероника Соболева была... Хотя зачем ей меня в воду толкать? Она последнее время на меня никакого внимания не обращала.

– Это потому что ей Принц запретил!

– Как это? – раскрываю от удивления рот.

– А вот так! Торопова их разговор в столовой подслушала. Неподалеку сидела. Бурмистров телку свою очень жестоко отчитывал. За то, что подставила его, рассказала о мон-

стре, который в результате мелкой пигалицей оказался. Велел, чтобы больше Ведьма даже носом в твою сторону не вела! Так сказал, Танька аж сама испариной холодной покрылась. Вот Соболева и не смотрела на тебя. По ЕГО приказу. Тут все он решает, разве ты не поняла еще?

– Бред... А почему Танька сразу не рассказала?

– Так ее вчера после столовой с уроков мать отпросила, к стоматологу. А сегодня вот, сразу ко мне с новостью прибежала. А ты уже снова на первой полосе школьного вестника. Происшествия нон-стоп. Знаешь, я с тобой даже в клуб уже идти побаиваюсь...

– Думаешь, там Бурмистров окажется? – спрашиваю взволнованно.

– Вполне возможно... Я пару раз видела его там, и Ведьму тоже. Но ты не бойсь, мы же с Матвеем пойдем! Он, кстати, сестрицу свою тоже как следует отчитал. Больше лезть не будет.

– При тебе прямо?

– Нет. Но он рассказал мне это в красках. Да и видно сразу, Соболева в мою сторону даже не смотрит. Прищемили хвост по всем фронтам! А еще ходят слухи, что Принц охладил к ней. Все больше динамит. С собой в качалку не берет, а раньше – обязательно.

– Ну ты кладезь новостей!

– А то!

– Но мне неинтересно. Век бы ни его, ни Барби не видеть.

– А мне кажется, он к тебе неравнодушен.

– Бред.

– Все возможно.

– Нет, никогда и ни за что! Лиза, пожалуйста, давай больше не поднимать эту тему! – умоляю я хихикающую подругу.

Ей смешно, а мне – вот ни капельки! Я уже поняла, что сплетни в этой школе разносятся мгновенно. И если Артур узнает, что я обсуждаю его личную жизнь, или, тем более, допускаю пусть даже самую незначительную вероятность наших с ним отношений... Тогда мне точно кранты. Этого, думаю, Принц не простит. Самовлюбленный красавчик с репутацией ловеласа. Серая мышь может здорово эту самую репутацию подмочить...

Интересно, почему он вдруг решил заступиться за меня перед Никой? Что все это значит? Или подумал, что я только его игрушка и больше ничья? Что за странные игры? Почему мы постоянно пересекаемся друг с другом? Как же это невыносимо!

Глава 8

Новую учительницу по литературе весь класс ждал с трепетом. По одной лишь причине – прошел слух, что это старшая сестра Артура Бурмистрова. Мне было нехорошо при мысли об этом. Не знаю, почему у меня были дурные предчувствия. Столько стычек с Артуром, от каждой – маленький шрам на сердце. То ли сердце у меня слишком нежное, возвращенное на романтической литературе – Александр Дюма, Шарлотта Бронте, Джейн Остин, то ли я, как лабораторная мышь, выработала рефлекс на фамилию Бурмистров. Новую учительницу своего любимого предмета я готовилась встретить без какого-либо энтузиазма, чувствуя лишь апатию. Но стоило Таисии Александровне появиться в дверях класса, безразличие смыло бурным потоком эмоций. Она притягивала взгляд. Яркая, необычная. Отчего-то в голову пришло сравнение с Мэри Поппинс, может, виной тому прозрачный зонтик, который она держала в руке. Темные очки. Белоснежные волосы. Прямое каре до плеч. Строгий пиджак, узкая юбка-карандаш, высокие сапоги – все идеально подобрано по оттенкам. Стильный образ, ну просто сошедшая с глянцевого журнала модель.

– Доброе утро, дорогие ученики! – гремит на весь класс хорошо поставленный высокий голос. – Заждались, поди, литературу? Ну, отлично. Начнем со знакомства. Меня зовут

Таисия Александровна Бурмистрова. Ненавижу отчества, но увы, в этом бюрократическом заведении так принято. Как я понимаю, моего предмета у вас не было с начала года. Много пропустили, значит, возьмемся как следует, плотно. На завтра у вас задание – «Гранатовый браслет» Куприна. Прочитать, составить устное мнение. В пятницу принести сочинения. За списком тем подойдете после звонка. А сейчас откроем учебники на странице сорок и начнем по очереди чтение стихов замечательной поэтессы Анны Ахматовой.

* * *

«Гранатовый браслет» я читала несколько раз, поэтому могла не переживать об оценке. Рассказала Лизе краткое содержание, потому что подруге некогда тратить время на литературу – она снова собирается на свидание. Уроки закончились, сидим дома у Лисы, она вывернула содержимое шкафа на кровать и ломает голову над сегодняшним образом. Кем стать на вечер – леди Вамп или Белоснежкой? А я пытаюсь одновременно наряды комментировать и домашку по математике за подругу делать. Тихонько вздыхаю про себя. Интересно, буду ли я когда-нибудь так же готовиться к встрече с парнем? Даже представить это крайне волнительно. А если это когда-нибудь станет явью? Да я с ума от переживаний сойду!

Литература у нас теперь по расписанию почти каждый день – нагоняем пропущенное. Таисия Александровна – строгий учитель. Но, кажется, в этот раз мне хоть в чем-то повезло – я стала ее любимицей. Она очень хвалила мое сочинение по Куприну. И за стихи Маяковского наизусть. Сейчас мы проходим «Мастера и Маргариту». Это запредельно интересное, потрясающее воображение произведение. В котором сплелось буквально все – и огромная любовь, и религия, и потустороннее, мистика, быт... Очень нравятся разборы глав каждый урок. Я записалась на дополнительные занятия по литературе. Разговоры с Таисией – так она разрешает называть себя вне обязательных занятий – моя отдушина. С ней можно не стесняться, и не чувствуешь, что ты странная. Таисия Александровна сама немного не от мира сего. Очень необычная, постоянно размышляющая, анализирующая. От нее я почерпнула множество интересных вещей. Целый список книг, о которых не имела понятия – в нашей старой квартире в основном были классика и детективы. Но и эту скромную библиотеку пришлось оставить новым жильцам при переезде...

С появлением Бурмистровой ее младший брат заметно поутих и больше не доставал меня. Если встречались в коридоре, он лишь смотрел хмуро, но, не говоря ни слова, про-

ходил мимо. Я радовалась такому равнодушию. Это можно было бы считать победой... если б не кулон, который Артур так и не отдал. Иногда я плакала перед сном, уверенная, что Принц потерял дорогую мне вещицу. И ненависть к нему крепла. Он-то небось не знает, что такое утрата близкого! У него большая, красивая, яркая семья! Все талантливы, очень любят друг друга... Ему не понять, как это больно, когда у тебя нет мамы...

Только что толку в моих слезах и ненависти. Поэтому я коплю силы для новой стычки. Обязательно подойду и снова поговорю о кулоне. Добьюсь своего во что бы то ни стало. Иногда посещают мысли действовать через Таисию. Рассказать ей обо всем. Но каждый раз, открывая рот, чтобы пожаловаться, осекаюсь. Это слишком трусливо. Все равно что наябедничать. А я отчего-то не хочу выглядеть ябедой перед Принцем. Сама не знаю, почему. Таисия бы мигом уладила ситуацию. Все в школе заметили, что Артур сестру слушается беспрекословно, и, кажется, даже немного побаивается.

Я не замедлила в этом убедиться на совместном уроке. Как только компания во главе с Бурмистровым зашла в наш класс, Принц направился ко мне. Оказалось, Его Высочество возжелал сидеть со мной, причем за задней партой. После случая с компотом прошел уже почти месяц. Поначалу я с трепетом ждала возмездия, потом мне надоело каждую минуту бояться, и наконец я и вовсе позабыла об инциденте. Увлеклась учебой и как-то даже не вспоминала о Принце.

Удачно получалось – мы не пересекались. Лиса сказала, чтобы я не парилась – за компот Артур мстить не станет. Для него это слишком мелко.

И вот сейчас, кажется, все началось заново! Этот козел буквально силой стаскивает меня с места. Лиза сегодня не пришла в школу – живот заболел. Скорее всего, причина в другом – Матвей. После уроков навещу подругу. А пока изо всех сил отбиваюсь от Принца. Ни за что не сяду с ним за заднюю парту, вот еще, придумал! Класс, замерев, наблюдает за нашей потасовкой, вступаться, разумеется, никто не планирует. В этот момент заходит Таисия.

– Бурмистров, почему не на своем месте? – холодно спрашивает она.

– Может, они и не родственники? Нет, серьезно, ну ни капли не похожи! Разве что оба блондины. Но в остальном – никакого сходства!

– Извините, Таисия Александровна! – выпаливает Артур. Но меня из рук не выпускает. Вот ведь упертый, бесстыжий!

– Артур, ты меня слышал? – еще строже тон, но Принц, кажется, слишком возбужден нашей потасовкой и преисполнен решимости на своем настоять.

– Я быстро! Только вот Дусманис заберу. Она сегодня со мной сидит.

– Так, Артур, вон из класса, – этот голос уже буквально пронизывает холодом. Артур нехотя отпускает меня. С облегчением опускаюсь за парту. Я ужасно боялась, что силой

поташит, я ж для него как пушинка. Только цепкая хватка за край стола дала мне пару минут преимущества.

– Хорошо, раз гора не идет... – вздыхает Артур. Он и не думает выполнять требование Таисии!! Нахально плюхается рядом со мной на место Лизы. Ненавижу себя за слабость – мои глаза наполняются слезами. Не хочу сидеть рядом с ним! Ну почему, почему каждый раз, оказываясь рядом со мной, он все портит! Доводит меня до слез, унижает одним лишь своим присутствием! А я рядом с ним чувствую себя некрасивой, убогой, бесцветной. Как сорняк рядом с прекрасным цветком. О да, я ненавижу его, но я не слепая. Артур красив, настолько – аж смотреть больно. Даже если он абсолютно пустой, никчемный мерзавец и моральный урод. Но картинка – глаз не оторвать. Высокий, спортивный, белокурые локоны. Принц.

– Бурмистров, ты решил мне сделать сюрприз – урок сорвать? – возвращает меня из грез голос учительницы. – Думаешь, фамилия наша тебе какие-то привилегии дает?

– Конечно же нет, – притворно вздыхает Артур. – Но я вроде как уже ничего не нарушаю. И по теме готов ответить...

– Вот только я не готова тебя выслушать. Выйди из класса. За поведение два. И радуйся, что не идешь к директору.

Артур больше не спорит, но его щеки горят. Впрочем, у Таисии они горят не меньше. Да что у них такое, в семье нелады? Почему она так строга с ним? Интересно... Неуже-

ли не все гладко в королевстве? Как жаль, что именно сегодня Лисы нет! Славно было бы обсудить все это.

Да уж, Таисия умеет быть строгой, аж поджилки трясутся. Хотела бы я походить на нее, когда повзрослею. Но куда мне. Она – высокий белокурый гигант по сравнению со мной, мелкой пигалицей. В дальнейшем урок проходит спокойно. Ответив с места, снова ухожу в свои мысли, слушая новую тему вполуха.

После звонка народ быстро покидает класс – большая перемена, все торопятся в столовую. Я же, наоборот, вожусь с портфелем. Глупо, но мне не по себе. Переживаю, что Артур поджидает за углом, чтобы отомстить. В конце концов, начался сегодняшний конфликт именно с меня. Может, стоило покорно сесть с ним за заднюю парту? Ну не съел бы он меня, наверное...

– Василина, можешь задержаться на пару минут? – останавливает меня возле доски Таисия Александровна.

– Да, конечно.

– Садись, – кивает на первую парту. Устраивается напротив.

– Что там у тебя с Артуром? Достает?

– Нет, – отрицательно мотаю головой. – Ну, иногда, – добавляю, смутившись от ее скептического взгляда, говорившего «Ни капли тебе не верю»!

– Чего не поделили?

– Сама виновата. На его девушку упала... случайно.

– Пф! – фыркает Бурмистрова. – Девушек у этого остолопа мильен!

– Может, эта особенная?

– А о ком ты?

– Ника Соболева.

– А-а, эта выскочка. Вряд ли.

– В общем, ничего нет между мной и Артуром, вам показалось. Так, прикалывается иногда ваш брат... Ой, простите! Может, я ошибаюсь...

– Ясно. Нет, не ошибаешься. Артур – мой младший братик. Именно поэтому говорю с тобой. Если что выкинет – мне говори. Быстро на место поставлю, совсем малыш от рук отбился! Родители в отъезде, только через месяц вернутся. Я очень занята, за младшей нашей присматриваю, там не меньше возни. Вот Артур и почувал свободу.

Улыбаюсь про себя мысли, что такой здоровый лоб все еще подвергается «воспитанию» со стороны старшей сестры. Как-то легче на душе становится. И очень хочется рассказать про кулон. Но все равно не решаюсь. Не знаю, почему. Это только между нами. Очень личное. Сама забрать должна. Заставлю его, обязательно. Еще раз поговорю, а не выйдет – тогда расскажу все Таисии.

* * *

Спустя два дня я все еще коплю силы для разговора с Ар-

туром. На физике подлетаем с Лисой к своей парте – мы одни из первых забежали в класс. Хотим повторить задание, сегодня контрольная, а этот предмет дается мне с большим трудом.

На моем стуле лежит красивая коробочка, перевязанная красной лентой.

– Ого! Подарок от поклонника! – присвистывает Лиса. – Точняк, от Ваньки, парень по тебе уже высох весь!

– Зря он... – вздыхаю. Нет, ну никак не ответить мне на чувства Ивана. Не могу. Не мое...

Даже открывать коробочку не хочется.

– Чего ты! Открой!

– Зачем? Верну просто...

– Ну и дурында! Во-первых, это тебя ни к чему не обязывает. Во-вторых, посмотреть-то можно! Может, там записка! Может, не от Ваньки это...

– А от кого тогда? От Моржухина? – хихикаю я.

– Ты че? – цыкает на меня Лиза. – Танька услышит – космы повыдергает!

– Шучу же! Ну кто еще может оставить подарок на моем стуле... разве что стулом ошиблись.

Лиза выхватывает коробочку из моих рук, срывает ленту и красивую блестящую обертку. Распахивает коробку резким движением, и едва успеваю поймать выпорхнувший оттуда... кулон с мотыльком.

Глава 9

В понедельник школа встречает нас с Лизой огромной толпой в главном холле. Ученики возбуждены, что-то оживленно обсуждают. Возле стенда с объявлениями толпа – не пробиться. Подбегают Торопова и Анохина. Танька – кладёз информации, знает всегда и обо всем, обожает подслушивать.

Оказывается, весь сыр-бор из-за того, что завершились отделочные работы в пристройке к школе – новом актовом зале, по размерам – настоящий театр.

– Но главная новость не в этом! – восторженно щебечет Татьяна. – Бурмистрова ведь организовала театральный кружок, знаете?

– Конечно балда, Василина записалась туда! – прерывает Лиса. – Она ведь в любимчиках у Таисии – добавляет с гордостью.

– Я только пару раз была, – поправляю смущенно. – Потом бросила, времени на это нет. Да и Ника там, а мне ну совсем с ней в одном помещении находиться не улыбается.

– Ясно. – Кивает Торопова. – Так вот, Таисия решила организовать спектакль, обновить зал, так сказать. Опробовать.

– И что за спектакль? – спрашиваю с интересом. Это и правда волнующе! Как жаль, что у меня плохие отношения

с Никой и ее подружки тоже меня терпеть не могут. А ведь еще и Артур есть... Он вернул кулон, без всяких условий... Но означало ли это перемирие? Ничего не сказал, просто как подарок оставил на стуле. Поди пойми, в чем тут собака зарыта. Странный он... Может испугался Таисии?

– «Ромео и Джульетта»!!! – вырывает меня из размышлений ржание Лисы. – Оооо, это будет весело. Спорим, знаю кто уже место Джульетты забил? Соболева!

– Ника метит, однозначно, – поддакивает Торопова. – Ну ясный пень, первая красавица школы...

– Золотистые локоны, огромные глаза, – подхватывает Лиса. – ну и поржем мы, о-о, предвкушаю!! Она же просто деревянная, помню концерт в пятом классе!

– Не факт, что ее возьмут, – задумчиво продолжает рассуждать Таня. – Таисия в объявлении написала о кастинге. Любой может претендовать на роль Джульетты.

– Ну, тогда я в деле! – продолжает хохотать Лиса. – А чего? Разве я не хороша? – спрашивает, подбоченившись. – Эй, Васюш, пойдем на кастинг?

– На роль кормилицы – точняк подойдешь, – хмыкает Анохина.

– Ты можешь тоже, вполне! – не остается в долгу Лиза. У тебя не меньше моего грудь. Четвертый поди, размерчик?

– Третий! – обиженно уточняет Маша. – У тебя сиськи больше.

Вот так, кому Шекспир, а кому тема женской груди... Да

уж, сегодня и правда в школе бум, всем весело. А мне вот отчего-то грустно... Неужели завидую Нике? Хочу на сцену? Не замечала за собой таких порывов раньше... Но Таисия как будто разбудила во мне что-то... глубоко спрятанное, тайное. Далеко не красавица, ее внешность более всего подходила под определение «своеобразная». Но как же она притягивала, жесты, мимика – завораживали. Как было бы здорово репетировать вместе с ней, работать над образом...

Но я безжалостно давлю внутри себя эти глупые мечты.

– Что скажешь, Василин? Примем участие во всеобщем безумии? – толкает меня плечом Лиса.

– Ни за что, – качаю головой, улыбаясь. – Я попробовала уже и поняла, что театр – не мое.

На самом деле мне было больно бросать кружок. Я обожаю Таисию, мне так хорошо с ней! Но Ника – мое табу. Она конечно отстала, спасибо Артуру, или не знаю кому, возможно благоразумию, проснувшемуся в этих особах... Но взгляды Соболевой все равно полны ненависти и яда – аж не по себе становится. Поэтому, снова бросать вызов судьбе я не намеревалась.

– Вы плакат бы почитали, лентяйки, – ворчит Татьяна. – Там ведь все написано. Будет кастинг всея школы. Сейчас заполняется лист заявок, вон Ленка из девятого «Б» сидит на стульчике. Всех вписывает. Выбирать на роль будет «Худсовет». Уж не знаю, что за монстр такой, но тоже, видать, с кружка народ. А может Таисия кого из актеров известных

пригласит? Она и не на такое способна, с ее то связями... Вот будет круто!

– Ну все, звонок, на урок пора, – призываю подруг оставить театральную тему.

И правда, к чему она? Будет спектакль, придем как зрители. А пока – смысл болтать? Нам все равно сия дорога не светит.

* * *

После урока литературы Таисия снова подзывает меня к себе. Просит задержаться.

– Василина, снова отличное сочинение! Ты умница. Такие взрослые мысли, рассуждения. Пять/пять, но даже этого мало.

– Спасибо, Таисия Александровна, – отвечаю смущенно. Как же приятно, когда тебя хвалят, вот так, от души! Еще и твои сокровенные мысли, которые ты впервые решилась выплеснуть на бумагу... Хочется расплакаться от счастья. Таисия стала мне буквально родной за один короткий месяц. Всегда готова помочь, выслушать... прийти на помощь любому ученику! Строгая, но справедливая. Вся школа обожает ее.

– Ты придешь на кастинг? – последний вопрос, брошенный будто невзначай мне вслед. Ошеломленно оборачиваюсь.

– Я? Даже не собираюсь...

– Почему? Не любишь Шекспира?

– Что вы! – краснею. – Конечно же это не так! Люблю...

Хотя «Ромео и Джульетту», признаюсь, не очень. Но что мне делать на кастинге?

– Как что? Участвовать. Показать себя, попробовать. Это же весело. Интересно. Даст дополнительные рекомендации в университет.

– Что мне показывать? – вздыхаю. – Я совершенно «не про это». Извините, Таисия Александровна.

– Дело твое, – пожимает плечами Бурмистрова. – Неволить не стану, хотя считаю ты бред несешь. Но комплименты делать не люблю и не особенно умею. Это не мой профиль. Я учу размышлениям, анализу. Ты отлично читаешь стихи. Шекспир из твоих уст звучал бы музыкой.

– Это очень приятно! Ваши слова окрыляют!

– Рада... Нужно беречь свои крылья, Василина. Никому не позволять сдерживать тебя. Загонять в рамки. Если ты захочешь – ты можешь все. Стать Джульеттой. Взлететь до небес. Получить золотую медаль, признание друзей...

– Какая из меня Джульетта! – фыркаю. – Когда есть белокурая Ника...

– Не обязательно играть главную роль, можно и в массовке блеснуть. Приходи.

– Нет, извините, спасибо!

– Как знаешь. Но ты расстроила меня. Совет – подумай

еще и подучи Шекспира. Что-то мне подсказывает, куколка, что ты и так знаешь некоторые отрывки.

* * *

Мистика или проницательность? Таисия в который раз удивила меня, ведь в точку попала – я знала несколько сцен из «Ромео и Джульетты» наизусть. Да, не самая моя любимая пьеса, уж больно конец печальный, но насколько же пронзительно красивая!! Я обожала монолог Джульетты:

О, куст цветов с таящейся змеей!

Дракон в обворожительном обличе!

Исчадье ада с ангельским лицом!

Поддельный голубь! Волк в овечьей шкуре!

Ничтожество с чертами божества!

Пустая видимость! Противоречье!

Святой и негодяй в одной плоти!

Чем занята природа в преисподней,

Когда она вселяет сатану

В такую покоряющую внешность?

Зачем негодный текст переплетен

Так хорошо? Откуда самозванец

В таком дворце?¹

Но толку моей любви к литературе и знания наизусть нетленных отрывков? Ни за что не осмелюсь претендовать на роль, даже в массовку не пойду. Разве я смогу? Под ненавидящим взглядом Ведьмы? Или насмешливым – Принца? Ни за что! Почему-то я не сомневалась, что они будут на кастинге в первых рядах.

* * *

Вторник, школа все еще гудит как разбуженный улей. Кастинг назначен на пятницу, после выходных объявление результатов. Лиса и Таня вписали свои имена в кастинг лист. Петя и Ваня тоже. Только мы с Машей как отщепенки старались держаться подальше от театрального безумия. До нового года осталось два месяца. Как раз перед новогодними

---

¹ Уильям Шекспир «Ромео и Джульетта»

каникулами – премьера. Все это ужасно интересно. Но мне о медали и поступлении думать надо! А в первую очередь – о плавании. Директор после моего падения в воду и счастливого спасения вызвал меня к себе. В кабинете уже был Артур, которого при мне долго хвалили и всячески восторгались его спортивными достижениями, быстрой реакцией, ну и так далее. Понятное дело, школу от скандала спас. Утони я или получи травму – сколько бумажной волокиты, возмущенных и испуганных родителей. А тут – все отлично. Бурмистров герой. А я... Мне директор заявил – или учусь плавать, или трояк по физкультуре испортит мне весь аттестат и мечту о золотой медали.

– Пусть Артур с тобой плаваньем позанимается, – щедро предлагает в конце разговора директор.

– Ни за что! – гордо отказываюсь я. Он вообще с ума сошел, я в воде, в руках своего мучителя? Да лучше сразу пойти и утопиться. Артур лишь посмеивается, видя мое возмущение.

– Передумаешь, Мотылек, скажи.

Он больше не достает меня в школе, забыл обо мне, и это безмерно радует. Провоцировать изменение этой ситуации нашим совместным времяпровождением? Да ни за что! Я ж беда ходячая. Мало ли что выкину. И снова будут преследования. Странно что вообще отстал от меня Бурмистров. Не отомстил за компот. И за двойку по литературе. Отдал ку-

лон. Наскучила я ему видимо. Вот пусть так и остается!

* * *

В пятницу после уроков забегаем домой к Лизе, которая по-быстрому собирает кое-какие шмотки. У нас новый план: раз мне не позволяют ночевать у подруги – значит Лисеньш сама придет на ночевку ко мне. Конечно, бабушке это не понравится. Она и нас с отцом еле терпит. Но если Лиза что-то решила – ее не остановить. А тут еще и Матвей пропал, не звонил уже несколько дней. Расспрашиваю подругу, что произошло, может поссорились? Молчит, как воды в рот набрала. Грустит, переживает, я же вижу. Уговариваю Лису отбросить гордость и самой позвонить парню, все выяснить чтобы не страдать от неизвестности... Пусть горькую, да какую угодно, но правду. Все выяснить.

Эх, Мотылек, легко давать советы. Ты бы в такой ситуации наверняка тоже гордость включила.

Почему же Матвей не звонит? Да откуда мне знать. Я даже не знакома с парнем. И вообще в парнях не разбираюсь. Не мое это дело! Главное, я подругу должна поддержать, а для этого нужно попасть в ночной клуб. Бабушка все еще категорична, но мы с Лизой придумали план как поменять ситуацию.

Сегодня в доме такой шум-гам устроить, чтобы бабуля сама нас свалить попросит.

Настасья Михайловна наготовила нам с собой целую сумку вкусностей. Например, пирожки с мясом, от которых отец пришел в полный восторг, не уставал нахваливать и ел с таким аппетитом – даже бабушка слюни пустила и попробовала угощение. Совместную ночевку мы объяснили подготовкой к пробным ЕГЭ. На это Anne Петровне ответить было нечего. А ночью шумели-гремели, на кухню бегали – то воды попить, то в окно посмотреть, вроде померещился кто. Довели бабушку. В субботу я наконец получила разрешение на ночевку у Лавровых. Нашей радости не было предела!

* * *

Субботний вечер. Занимаемся сборами в ночной клуб. Кхенд-мейд платью Лиса преподнесла мне подарок, от которого я аж подпрыгнула: морская звезда, усыпанная стразами, на длинной цепочке из мелких черных бусин. Очень броское украшение, никогда такие не носила и даже не представляла, что могу нацепить на себя такое.

– Оно великолепно! – обнимаю подругу. – Вряд ли решусь надеть его. Слишком ярко для меня...

Почему-то морская звезда напомнила мне о бассейне, в котором я чуть не утонула. Снова в голове всплывает красивое лицо Артура, его длинные непослушные локоны, от которых невозможно отвести взгляд. Да что же это такое-то? Не хочу о нем думать, прочь из моей головы, Бурмистров!

– Мне кажется, или это намек? – шутливо обращаюсь к Лизе. – Что я так и не научилась плавать?

– Типа того, – хмыкает Лиса. – Намек, что надо преодолеть свои страхи. Я и про воду, и про Бурмистрова.

– Давай только по очереди, умоляю.

Ну вот. Теперь и Лиза о нем вспомнила. Как уйти от этого имени? Как спрятаться от мыслей о нем?

– Конечно, как скажешь. Сегодня у нас по плану страх толпы. Ты должна быть неотразима и ослепительна, ок?

– Даже не знаю. Неотразима? Рядом со мной это слово звучит по меньшей мере странно. Я вряд ли смогу стать такой.

– Но ты уже такая, Вась. Правда, хватит Золушку из себя корчить.

– Уж лучше ее, чем Русалочку, – усмехаюсь криво.

– Да, это тебе точно не грозит, подруга. Но плаванием мы обязательно займемся. Мать с учителем поговорит, частные уроки и все такое.

– У меня нет денег.

– Да твоя бабка наряды как перчатки меняет. Вот уж кто звезда, хоть и не морская, мать ее за ногу.

– Мне не нужны ее деньги.

– А отец?

– У него долги.

– Ладно. Я копилку разобью. Разберемся.

– Нет, я так не могу!

– Слушай, мы договаривались что сестры. А значит делимся всем, что есть. Ну подумаешь, на норковый жилет я копила. Там еще и на половину этой норки не набралось. А плавание – обязательный предмет. Летом подработку найдем, отдашь.

– Серьезно? Ты летом работать собираешься?

– Ну норку я все-таки хочу, – бурчит Лиса.

Хохочем, обнимаемся, так и падаем на диван.

– Эй, Васюш, прическу испортишь! – возмущенно кричит Лиса.

Она сделала мне действительно обалденную укладку – локоны. Я редко распускаю волосы, в школе – никогда. Обычно заплетаю косу, или, если опаздываю – хвост. Сегодня же, Лиза заявила, что все будет по-другому. Накрутила меня, получилось очень красиво. Потом взялась за макияж. Я никогда прежде не красилась, разве что губы гигиенической помадой. Но Лиса если взялась за дело – ее не остановить. Я стала совершенно другой. Подхожу к зеркалу и не могу разглядеть отражение. На меня смотрит кукла с выразительными глазами, густо обведенными черным, огромными ресницами... пухлые алые губы... Это не я!

– Так я точно не пойду, – возмущенно кричу Лизе, убежавшей на кухню.

Стираю косметику с помощью тоника. Оставляю минимум, ресницы не трогаю, иначе смывать придется долго и

тщательно, лицо покраснеет – предупреждение Лисы. Может она просто хитрит? Сама тоже прилично так наштукатурилась. Наверное, в клуб по-другому и нельзя?

Когда с внешним видом приходим к золотой середине, после долгих споров, нахожу наконец смелость задать еще один вопрос:

– Что делать, если я ну просто совершенно не умею танцевать?

Лиса встает как вкопанная перед дверью.

– Что? Василин, ты меня сегодня с ума решила свести?

– Нет... Прости. Просто раньше как-то в голову не приходило...

– Не знаю, что тебе на это даже сказать! Перед самым выходом ошарашила! Слушай, я тебя не на бал зову. Там никто танцам не обучен. И я не училась. Слушаешь музыку. Двигаешь жопой. Ноги переставляешь. Ок? Охх, ну ты даешь, честное слово. Неужели никогда под музон не дрыгалась?

– Я не это имела в виду, – возражаю смущенно. – Дрыгалась, разумеется. Я думала, в клубах может свои какие движения, правила есть. Я ведь никогда не была в таких заведениях. Вдруг опозорю тебя?

– Чушь какая! Да плевать мне, как ты двигаешься. Главное, не пей лучше ничего. Ни от кого напитки не бери, даже безалкогольные – первое правило. Держись рядом. А дрыгаются там все как могут. Классно выглядишь, подруга. Куколка! Парни офигеют.

– Спасибо... мне так страшно.

– Норм! Это адреналин, перед тусовкой он полюбому, всегда есть. Меня тоже потряхивает. Привыкнешь.

Но у меня оставался еще один вопрос. Стою, переминаюсь с ноги на ногу. Обутая в туфли, которые бабуля купила в школу. Они конечно ничего... новые. Но черные, грубоватые и совершенно не подходят к платью. Что тут поделывать... Лиза тоже опускает взгляд на мою обувь. Усмехается.

– Ладно, Золушка. Пришло время для сказки.

– Что? – переспрашиваю непонимающе.

– Пошли со мной.

Идем в комнату Настасьи Михайловны. Та читает книгу, лежа в кровати.

– Девочки? Ой, Васюша, какая ты красивая сегодня, – восклицает Лизина мама, увидев меня. Смущаюсь. Неужели и правда сегодня гусеница станет бабочкой? Но я не готова! Абсолютно нет... Гусеницей быть проще. Нет крыльев, которые так легко подпалить...

– Мам, дай подарок для Василины. Очень надо.

– Но насколько я помню день рождения через два месяца... – возражает Настасья Михайловна.

А я краснею. Они говорят так, будто нет меня, но я здесь, и все слышу. Эти двое приготовили мне подарок! Заранее!! Думали обо мне! На глаза наворачиваются слезы, но на ресницах все еще осталась тушь... А значит будет щипать.

– Так, Дусманис, только попробуй зареветь! – рявкает Ли-

са. – Нечего мокроту разводить, знаю тебя... только повод дай. Да и какой повод! Это приколы просто. Гуляли с маман по торговому центру и увидели их на распродаже. Красивучие – глаз не оторвать! Размер – твой. Был бы мой сорок первый, не видать тебе подарка, Вася, так и знай. Я обувь жуть как люблю, сама знаешь. А тут – твой кукольный тридцать шестой. Поэтому – огромная скидка. Вот и купили. Как приколы. Туфельки для Золушки... Хотели обыграть момент, романтично сделать...

– Ну а вышло как всегда, – мать завершает за дочерью тираду. – Васюш, ты не обижайся на Лизку. Грубовата она. Ничего сказать нормально не может. Открой, деточка.

Все еще ошеломленная и мало что понимающая открываю коробку и замираю. И правда туфли для Золушки! Серебрятся, переливаются. Аж глаза слепит.

– Давай, примеряй, – хмыкает Лиза. – Мы ждем. Хотим увидеть превращение в Принцессу.

– Она и так Принцесса! – восклицает Настасья Михайловна. – Какая красавица, глаз не отвести!

– Мам, прикинь, она сама это платье сшила, – с гордостью выпаливает Лиза.

– Потрясающе! Еще и рукодельница. И умненькая. – Как же тобой отец гордится, – вздыхает Настасья Михайловна. – Счастливцев.

– А ты значит несчастная, – ворчит Лиза, опускаясь к матери на постель.

– Ну что ты, Солнышко. Ты у меня тоже замечательная! – обнимает дочурку Настасья Михайловна.

Глава 10

Дома у Лисы все казалось проще, доброта и тепло этой семьи вселяли уверенность, что все получится и вечер выйдет замечательным, полным новых впечатлений и эмоций. Они столько раз называли меня красивой, Принцессой... что я почти поверила. Но возле клуба, мигающего яркой неоновой вывеской «Бездна» меня вдруг пробирает озноб и трясутся поджилки. Тем более чувствую – Лиза нервничает не меньше. Близкая встреча с Матвеем заставляет ее переживать – почему? Чувствую, что подруга что-то не договаривает. Но сейчас неподходящее время задавать вопросы. Стоим перед клубом, на входе – два охранника в черных костюмах – по виду настоящие громилы. Вспоминаю, что в таких местах существует фэйс-контроль, легко ли будет пройти двум совсем еще соплячкам? Спрашиваю Лису, тихонечко шепнув ей на ухо:

– А нас точно пропустят?

Ожидаю ответ – разумеется, ведь Лиза всегда в себе уверена на все сто. Но на этот раз подруга неопределенно пожимает плечами.

– Значит, возможно и нет? – мой голос полон разочарования. Наверное, я и правда на какой-то миг поверила в сказку. И сейчас почувствовала себя так, будто моя карета превратилась в тыкву задолго до полночи.

– Я всегда с Матвеем проходила. Его тут все знают.

– И что делать будем? Ждать его возле входа?

– Не знаю!! – заметно нервничает Лиса. – Об этом я не подумала, извини!!

– Ладно, ничего, – успокаивающе сжимаю ее руку. Ну что толку давить на человека. Лиза не в себе из-за ссоры, или что там у них произошло. Теперь я поняла – она держалась до последнего, но перед клубом начали сдавать нервы. И мои хотелки свежесвылупившейся принцессы надо засунуть по-дальше.

Но на улице прохладно, зубы начинают стучать от холода. Мы в легких платьицах, сверху я на себя накинула тонкий белый плащ, а Лиса – черную блестящую куртку из кожзама. Еще немного и окончательно продрогнем. Не заболеть бы...

– Эй, девочки, чего внутрь не проходите? – кричит нам мужчина, который вот уже минут пятнадцать неподалеку, болтая по телефону и на нас глаза.

– Знакомых ждем, – коротко бросаю фразу в ответ, крепче стискивая руку Лизы.

– Замерзнете.

– А тебе то что? – грубо отвечает Лиса.

Мужчина не отвечая выбрасывает сигарету и направляется к нам.

– Да ничего, спросил просто. Зачем хамишь, красавица? Я же помочь хочу. В клуб не пускают что ли?

– Мы еще не пробовали... – начинаю оправдываться и

осекаюсь, увидев взгляд Лисы.

– Со мной запросто пройдете. Да не бойтесь, не съем. Мне может лет и поболее вашего, но поверьте, в сомнительных подкатах к дамам я не нуждаюсь. И так все отлично. Просто жаль стало, особенно ваши посиневшие носы. Пошли, красотки. Угощу коктейлем и разойдемся по разным сторонам.

Мужчине на вид не меньше сорока. Даже Лизе неловко, и что бы он там не говорил – все равно подозрительно. Но я вижу, как отчаянно переживает подруга. Ей необходимо попасть в клуб. Может Матвея там нет, а может с другой обжимается внутри сего помещения. Нужно выяснить. Неизвестность хуже всего.

– Хорошо, – киваю незнакомцу. – Но если что, учтите, у нас тут родственники работают. А еще, я кричать умею о-о-очень громко. Оглохнете.

– Меня Романом зовут, – кивает на мою тираду незнакомец. Можете не верить, но я тут завсегда – каждая собака знает. Так что не резон мне свои маньячные наклонности, о коих вы уже живописно нарисовали картину у себя в голове, проявлять тут. Но я восхищен вашей осмотрительностью, девочки.

– Я Василина. А это Лиза.

– Очень приятно. Заходим?

Роман на самом деле оказался интересным собеседником. И не обманул – женщины висли на нем буквально горстями. Не слукавил Рома и в том, что знакомых в клубе у него много. Кивал и здоровался буквально каждую секунду пока мы протискивались к бару. Правда от напитков мы все равно отказались.

А вот и Матвей. Я первая замечаю его белокурую голову, фотки неоднократно разглядывала вместе с Лисой на Фейсбуке. Красивый парень, интересный, яркий. Любитель мотоциклов, большая часть фото – на его роскошном железном коне. Толкаю Лизу локтем в бок. Мы сидим возле бара вот уже, наверное, с полчаса – Рома оставил нас и ушел танцевать, когда его пригласила какая-то девушка. До этого он пытался уломать на танец меня, но я так и не решилась. Наблюдаю за танцующими – кто-то двигается классно, так слаженно и отточено – глаз не оторвать. Кто-то наоборот, забавно, аж смех душит. Пожалуй, во мне уже не осталось смущения. На танцполе никому ни до кого нет дела. Люди просто сливаются с музыкой, как умеют. Отдыхают, расслабляются. И с каждой секундой во мне разгорается пожар. Я тоже хочу. Тело требует движений, хочет влиться в общий ритм. Расслабиться, раскрепоститься.

Но Матвей отвлекает меня от музыки. Подходит, заметив

Лису. Смотрю на лицо подруги и начинаю волноваться. Щеки алеют, руки смущенно теребят край платья.

– Привет, ты давно пришла? – как ни в чем не бывало спрашивает Матвей.

– Час назад. Это кстати моя лучшая подруга Василина. Давно хотела вас познакомиться.

– Очень приятно. – протягиваю руку для знакомства.

– Мне тоже, кивает Матвей. – Что будете пить, девочки?

– Ничего, – качает головой Лиса. – Хотя нет, возьми бутылку простой воды. Без газа.

– Мне то же самое, – пишу смущенно.

– Ясно, – хмыкает Матвей. – Хороший выбор, хоть и странный для клуба. – Пошли потанцуем, – берет Лису за руку. Словно ничего не произошло! Как будто не было нескольких дней без звонков, изводящего ожидания и неизвестности.

– Я поговорить хотела... – нерешительно переминается с ноги на ногу Лиса. Я ее такой никогда не видела! Даже после пощечины Соболевой.

– Хорошо. Потанцуем и поговорим, – Матвей целует подругу в щеку, и та, зардевшись безропотно следует за ним.

Остаюсь в одиночестве. Впрочем, какое там, вокруг толпа. Но меня никто не знает. Я невидимка, песчинка в пустыне. Потрясающее ощущение. Это раскрепощает. Хочется плыть по течению, кружиться в воздухе... отдаться мелодии без остатка. Из динамиков льются первые ноты любимой

песни, такой пронзительно красивой и нежной:

How Deep Is Your Love

I want you to breathe me in

Let me be your air

Let me roam your body freely

No inhibition, no fear²

Выдержка отказывает мне, не могу усидеть на месте. Ноги сами несут меня в толпу. Завороженная музыкой, я забываю обо всем. Чувствую себя невесомым, порхающим мотыльком на раскрашенном неоновыми всполохами танцполе. Кружусь, платье красивыми золотистыми волнами обвивает мое тело при каждом повороте. Наслаждаюсь песней, растворяюсь в мелодии, в словах о любви, без остатка.

«Как глубока твоя любовь?» – грустным голосом вопрошает исполнитель. – Похожа ли на океан – бескрайний, бездонный? Насколько она сильна?»

Смотрю на диджея с дредами, пластичнодвигающегося в такт песне. Похоже, и его зацепила эта композиция. Простая, но такая проникновенная.

Бывает ли подобная любовь на самом деле? Что испытывает человек, который любит? Что сильнее при этом – боль, страх или счастье? Мне почему-то кажется, что все вместе.

Не замечаю, как ко мне пристраивается незнакомый парень, начинает танцевать все ближе и ближе, я стараюсь держать дистанцию, но он либо игнорирует мое нежелание, либо

---

² [Calvin Harris & Disciples](#)

не замечает, что вряд ли. Хочу уйти, мелодия почти закончилась, но тут руки незнакомца хватают меня за талию, поднимают высоко в воздух и начинают кружить... Это уже мне совсем не нравится. Вырываюсь, паникую. То же самое ощущение беспомощности, как тогда, возле кабинета немецкого.

Артур. Всегда и везде, при любой мысли он приходит мне в голову. Это очень, очень плохо. Не надо вспоминать, учись постоять за себя, Василина.

– Эй, отпустил девушку, – раздается рядом знакомый голос. Вскидываю голову. Артур Бурмистров собственной персоной. Хищный взгляд на прилипшего ко мне «танцора диско», и вот уже мои ноги касаются пола. Снова Принц пришел мне на выручку. Второй раз. Что бы это значило? Мой мучитель стал защитником? Или все-таки заглаживает вину, опасаясь, что старшей сестре пожалуюсь?

Принудивший меня к танцу парень решает, что овчинка, то бишь я, не стоит выделки. Буркнув извинения, растворяется в толпе. А я хмуро смотрю на спасителя. Ну вот кто его просил? Тоже мне, рыцарем заделался. Может, я сама в состоянии отшить нахала?

– Я вообще-то не просила помощи, – холодно кидаю Принцу, разворачиваюсь спиной и направляюсь к тому месту, где меня оставили Лиса с Матвеем. Возможно, они уже поговорили и ждут меня там.

– Не думал тебя увидеть здесь, Мотылек. Каким ветром залетела? – Надо же, Принц идет за мной!

– Тебя забыла спросить, – фыркаю, слегка поворачивая голову назад. А в душе поражаюсь своей смелости – и как только духу хватило на столь дерзкий ответ? Или меня так сильно задели его слова? Намек на то, что невзрачные насекомые, как я, не ходят по клубам?

Ужасно хочется пить, но вода осталась у Лизы, моя сумочка слишком мала для бутылки. Это скорее даже малюсенький расшитый золотыми пайетками кошелек, в который влезает только телефон и немного денег. Подхожу к бару, заказываю бутылку простой воды без газа. Выпиваю залпом половину. Артур все еще рядом. Недоумеваю, почему.

– Да уж, умеешь удивлять. Странная ты, – задумчиво произносит Принц.

И вот что можно ответить на такое заявление? «Да, ты прав»? Или: «Знаешь, ты тоже»?

Подхожу к стульям в некотором отдалении от барной стойки, здесь мы расстались с Лизой. Никого нет. Все еще разговаривает с Матвеем? А мне что делать? Набираю ее номер, но абонент недоступен. Отключила, чтобы поговорить спокойно? Ох, Лиса! С каждой минутой нервничаю все сильнее. А тут еще и близость Артура, ну вот почему он так и стоит рядом, смотрит, разглядывает? Меня это раздражает. Я боюсь позабыть, что должна быть колючей и неприступной с ним. Язвить, отстаивать свою независимость. Это трудно. Долго не протяну. Может, пройтись по клубу, поискать Лизу? Но с какой стороны начать?

Артур продолжает молча стоять рядом. С каждой минутой это все сильнее нервирует меня.

Оглядываюсь по сторонам, подумав о Соболевой. Наверняка она где-нибудь здесь, неподалеку. Увидит меня рядом со своим парнем – беды точно не миновать. Не то чтобы я боялась Нику – я уже не чувствую себя новенькой, да и поддержка друзей дает уверенность. И все же как-то не по себе. Понравилось бы мне, если б увидела своего парня с другой? Конечно же нет! Вот и не надо нам рядом стоять... ни к чему это.

Артур неожиданно протягивает руку, и притягивает к себе кулон, который Лиса сегодня подарила. Внимательно разглядывает. Хочу отстраниться, но боюсь, что цепочка порвется.

– Утром мотылек, ночью звезда морская? – хмыкает Бурмистров.

– Тебе то что? – отвечаю, но беззлобно. – Кстати, спасибо что вернул кулон. Он очень мне дорог. Но мне интересно, почему ты вдруг смилостивился?

– В смысле? – уточняет Принц удивленно.

– Какая причина такого великодушия? Твоя сестра?

– Не понимаю, что ты хочешь сказать, Дусманис, – хмурится Артур.

– Мне очень Таисия нравится. Замечательный преподаватель, никогда у меня такой учительницы по литературе не было. Я ничего не рассказывала ей о наших с тобой stycz-

ках... но она недавно сама начала меня расспрашивать. Помнишь, когда с урока тебя выгнала?

– А-а-а, ясно. Ты решила, что я старшей сеструхи испугался? – ухмыляется Артур.

– Как вариант.

– Ну, возможно ты права. Тайка может быть настоящей мегерой. Обожает поучать и воспитывать.

– Ясно. – Мне отчего-то грустно, словно другой ответ хотела получить. Какой?

«Я отдал кулон потому что ты мне нравишься»

Краснею, подумав об этом. Загоняю как можно глубже безумные мысли. Встряхиваю локонами.

– В любом случае, спасибо! Не ожидала, что ты умеешь признавать свои ошибки. Да и Ника тоже... Кстати, где она? – задаю вопрос хлопая ресницами, лишь бы скрыть охватившее меня смущение. Да и вспомнив о манерной Барби, поневоле начинаю копировать ее мимику. Слегка надуваю губы.

Наверное, смешно получается, потому что у Артура такое лицо... Уставился на меня и выглядит так, будто сейчас заржет. Смущаюсь и опускаю подбородок, теперь рассматриваю туфли, стараясь забыть про стоящего рядом парня. Туфли – чудо, переливаются серебристым светом, лучики светомузыки скользят по ним солнечными зайчиками, как и по ниспадающим «лепесткам» платья. Рядом с высоким широкоплечим Артуром чувствую себя Дюймовочкой. Это

и неудобно, и раздражающе, но в то же время я ощущаю себя невероятно хрупкой и женственной рядом с ним...

А вот это уже совсем плохие мысли, Василина. Бежать, и срочно. Пока окончательно не свихнулась от близости Принца, который тебе не светит. Да и не нужен.

Снова взгляд на обувь. Ее вид отчего-то успокаивает меня. Хм, странно, никогда не замечала в себе склонности к фетишизму.

«Если побегу от Принца – главное, не потерять туфельку, – мелькает в голове сумасшедшая мысль. Ты совсем с ума сошла, девочка! Помешалась на глупых сказках!

Нет. Я просто мыслю рационально, – продолжаю внутренний диалог с самой собой. – Во-первых, не прощу себе потерю столь шикарной вещи, которую я когда-либо имела в своем гардеробе, тем более подарок дорогих мне людей. А во-вторых... ни за что мне не нужен такой вот догоняющий Принц. Да и Бурмистров – точно не из сказки. Если бы не внешность – ему бы больше роль Кощея Бессмертного подошла. Жестокий и надменный, ну почему, как ни мечтаю держаться от него подальше, он все ближе оказывается! Каждый раз!!»

– Я от тебя просто тащусь, Дусманис, такие рожи корчишь, умираю от любопытства, что бы это значило.

– Отвали, Бурмистров, – снова грублю, потому что он бесконечно смущает меня. Тревожит.

– Сначала скажи, о чем задумалась. Либо у тебя живот

прихватило... Либо ты влюбилась в меня, – уже откровенно ржет надо мной Артур.

– Может, хватит говорить ерунду! – выпаливаю обиженно. Задумчиво смотрю на остатки воды в бутылке. Артур правильно понимает мой взгляд.

– Только попробуй, Дусманис. На этот раз просто так не отделаешься, – тихо произносит он. – А ты... – осекаюсь, подумав, что как-то некрасиво обзывать человека, который спас тебя только что от неприятного инцидента. – Ладно, проехали. Не собираюсь я тебя обливать. Мне подругу найти надо. Я тут с Лизой. Она пошла со своим парнем поговорить.

– Никуда Лиса твоя не денется. Пойдем пока потанцуем, – неожиданно ошарашивает меня Артур.

– Что? – Вот теперь у меня точно не лицо, а рожа. Рот распахивается от удивления. Бурмистров приглашает меня на танец? Мир перевернулся, а я и не заметила!?

– Мне понравилось, как ты двигаешься, – снова удивляет меня Артур. – Занималась танцами?

– Нет, никогда. Но спасибо. Не ожидала похвалы от тебя.

– Так идем?

«Вот уж ни за что! – раздается крик внутри меня. – Бурмистров снова играет с тобой! Не вздумай поддаваться на провокации».

– Трусишь?

– Просто не хочу!

– Придется!

– Вот еще! Отстань, Бурмистров! Ни за что не буду танцевать с тобой!

Но Принц не привык отступать, а к отказам – тем более. Огромной горой надвигается на меня. Красивый, немного растрепанный, будто кто-то провел рукой по его волосам, взъерошив их. И тут же меня охватывает желание тоже попробовать, запустить руки в его копну, притянуть к себе его лицо, заглянуть в глаза цвета серебра.

«Приди в себя, Василина», – пищит тихонечко внутренний голос. Последние проблески здравого смысла. А в голове – дурман от его запаха, изысканного, будоражащего, терпкого. Хочется приблизиться и глубоко вдохнуть.

Артур выглядит так, словно тоже взволнован. Но это уже бред, а точнее, всему виной мое глупое воображение! Он все ближе. Притягивает меня к себе. Ткань лифа платья уже касается его грудной клетки, и у меня перехватывает дыхание, ноги подкашиваются. В голове больше нет мыслей – там торнадо.

Губы Артура касаются моих губ, и я начинаю падать. Реально, нога подворачивается... Но сильные руки подхватывают, Принц прижимает меня к себе. Очень крепко. Поднимает руку к моему лицу, убирает выбившуюся прядь.

– Уже и на ногах не стоишь... Слабенькая совсем. Но не бойся, не дам упасть.

Издевается, наверняка в душе ржет над моей глупой реакцией. Мне так стыдно, но поделаться ничего не могу. О по-

целуях столько написано, сказано... Но все равно никто не в силах подготовить к лавине чувств, что я испытываю сейчас. И самое ужасное – ни убежать, ни скрыться...

Его ладонь ложится на мой затылок, Артур снова наклоняется к моим губам. Я едва нахожу силы, чтобы повернуть голову вбок, так что его губы лишь слегка скользят по моей щеке.

– А ты упрямая, Василина. – Сердце пропускает удар. Осознаю, что Принц впервые назвал меня по имени. Глаза защипало, приходится зажмуриться, чтобы сдержать непрошенные слезы. Руки Артура обхватывают мое лицо. Теперь мы касаемся друг друга лбами. Он тяжело дышит, будто бежал. Мое дыхание тоже затруднено. Мы как рыбы, выброшенные на берег. И что-то подсказывает мне – это лишь передышка. Принц меня не собирается отпускать. Нужно самой найти силы и вывернуться из захвата. Но как же тепло, как неожиданно сладко в его плену! Я не хочу бежать, тело ломит лишь при одной мысли об этом!

– Эй, здра́ова, дружище. – Чья-то рука хлопает Артура по плечу, и он отпускает меня. – Что тут у нас? Я помешал? Играешь в «покажи мне свою – я покажу тебе свой»? Не замечал в тебе склонности заниматься этим на людях... Хотя понять могу. Такая куколка! Мы не знакомы? Я такую красотку бы не забыл. Простите, мадемуазель, что нарушил ваше уединение. – Незнакомый парень, произнеся эту насмешливую тираду, от которой у меня щеки запылали жаром, берет

мою правую руку и приникает к ней поцелуем, как галантный рыцарь. Чем лишает меня дара речи.

Незнакомец высок, одного роста с Артуром, но выглядит старше. Необычная стрижка – подбритые виски, а сверху длинные волосы – что-то вроде каре, только мужского. Красив, но совсем не так, как Артур. В Бурмистрове все буквально пышет обаянием. Мимика, жесты, улыбка – от них исходят тепло и свет. А вот этот «дружище» – красив изысканно, но на ум приходит слово «порочно». Изогнутые чувственные губы. Большие голубые глаза – пронизательные и хитрые.

– Бур, я вообще-то по делу, насчет завтрашней гонки хотел обсудить. Девочка твоя все мысли мне перепутала. Так чего, все в силе на завтра?

– Конечно. Мог и по телефону выяснить.

– Зачем, если знаю, что ты тут. Неужто так сильно помешал? – усмехается парень. – К тому же нам надо про Седого поговорить. Крупно парень вляпался, не знаю, как долг отдавать будет. Наверняка к тебе за помощью прибежит. В конце концов, понимает, за брата девушки полюбому впряжешься. Или уже прибежал?

– Нет, не видел его пока. Так что там, в общих деталях?

– О, ты много пропустил... – но тут парень осекается, посмотрев на меня. – Кстати, я сейчас возле входа твою блонди видел. Очень психовала, что не может найти тебя. Обещал СМС скинуть, если мне повезет больше, чем ей, в по-

исках. – Уже откровенно ржет над ситуацией, а у меня от понимания, что речь о Барби, начинают пылать щеки. Чувствую себя грязной, использованной в чем-то порочном. И почему-то кажется, что незнакомый парень сделал все это специально. Унизил меня, разозлил Артура. Что это за отношения, за дружба такая? Гонки... Господи, Бурмистров еще и в этом участвует?

Парень тем временем достает телефон, начинает набирать текст, явно подначивая Артура.

Который злится, я это чувствую. Вырывает телефон у друга.

– Хватит, Якоб. Не беси.

– Ты слишком жадный. Блондинка на входе, шатенка возле бара, – манерно кривит губы Якоб. – Не слишком ли заигрался?

– Да тебе-то что? – психует Артур.

– Ничего. Просто скучно, – ухмыляется парень. – Так чего, деточка, потанцуешь со мной, пусть валит блондин к своей белокурой бестии? Ника – она такая, может и в волосы вцепиться. А я хороший, ты не думай. Со мной играть интереснее, чем с ним, – кивает на Артура.

– Мы ни во что не играем, я как раз уходила, – отвечаю как можно тверже.

Пытаюсь уйти, но Артур берет меня за руку и не отпускает. Вырываю руку, дернув изо всех сил. От резкой боли темнеет перед глазами и наворачиваются слезы. Но стараюсь не

подавать вида. Отступаю.

– Ого, а девочка-то с характером, – удивленно присвистывает парень. – Бур, это ж прям чудо! Нашлась наконец та, которая не исходит на тебя слюнями и не растекается лужей возле твоих ног. Я просто обязан узнать ее поближе. Иди ко мне, малышка. Я тебя спасу от плохого мальчика. Я – хороший, можешь быть спокойна. Не дам в обиду.

– Только сам обижу? – Уклоняюсь от протянутой руки, отскакиваю в сторону. Не желаю быть игрушкой ни для одного из них. Уроды. Обращаются как с куклой. И чем больше делят, тем сильнее азарт. Хочу уйти, но мне в который раз преграждают дорогу.

– Ну и язва. Но так еще интереснее. Кто же ты, куколка? Где откопал этот самородок, Бур?

– Не твое дело, – еще сильнее мрачнеет Артур. – Отстань от девочки, Якоб.

– Хм, значит, у нас уже идет отрицание здоровой конкуренции?

– Отвалите оба! – перехожу на крик, потому что этот петушиный бой двух самцов реально достал. Никогда не была предметом спора. В кино, честное слово, такие сцены выглядят намного романтичней. Тут же я чувствую себя бессловесной вещью.

Парни тем временем напрягаются все сильнее, у Артура аж желваки заходили на лице. Не могу поверить! Из-за меня? Это шутка такая? Розыгрыш? Я сплю, и это всего лишь

брдовый сон?

Щипаю себя за руку. Но ничего не меняется, я по-прежнему в клубе, люди все также неистово дрыгаются под музыку. Отворачиваюсь от парней, подпрыгиваю, стараясь разглядеть в толпе Лису или Матвея. Как же надолго они пропали! Не бросит же подруга меня здесь одну. Нет, такого просто не может быть! Лиза никогда так не поступит!

Ладно, хватит с меня Бурмиistroва, надо и вправду искать подругу.

Лизу я нашла рыдающей в кабинке женского туалета. Сердце сжалось, когда увидела подругу в таком состоянии. Обняла ее, вытащила наружу, умыла холодной водой. На все вопросы она лишь головой мотала. У меня самой внутри все кипело от самых разных чувств, не поддающихся описанию и контролю. Я будто в водоворот попала, когда не успеваешь думать о событиях, лишь захлебываешься и тонешь.

Тащу Лису к выходу из клуба, мысленно давая себе обещание найти эту сволочь Матвея и как следует высказать ему. Вот ведь урод! До чего довел бедную девочку! Что же за нелюди эти парни? Как они смеют так поступать?

«Да вот так, – отвечает внутренний скептик. – Потому что им все позволено».

Даю себе зарок разговорить Лизу во что бы то ни стало.

Едва оказавшись на пороге клуба, обнаруживаем, что Лиса забыла сумочку. Там и телефон, и ключи от квартиры. К моей удаче, Роман опять курит на крыльце, ну хоть в чем-то

повезло! Радуюсь, как старому другу, располагает этот мужчина к себе, что тут скажешь.

Рома занят разговором с какой-то дамой, но я беззастенчиво прерываю тет-а-тет и прошу его присмотреть за Лизой. Недавний знакомый смотрит на нас с удивлением – то ли от моей наглости, то ли от зареванного личика Лисы. Но кивает, и я уношусь обратно в клуб, благо, охрана пропускает. Несусь к туалетам, в надежде вернуть потерянную сумочку. Конечно, такси нам и Рома вызовет, не сомневаюсь. Но будить Настасью Михайловну, просить денег расплатиться с водителем – совсем не улыбается.

Мне везет – сумка все еще в кабинке. На обратном пути, желая сократить дорогу, решаю пробежать через танцпол. Народу уже не так много, поэтому я довольно легко лавирую между танцующими. Но на самой середине цепляюсь за что-то каблуком, понимаю, что падение неминуемо. Вот позорище! Как раз в центре танцпола! Глупо размахиваю руками, пытаюсь сохранить равновесие, готовлюсь к позорному падению, и тут понимаю, что кто-то подхватил меня.

– Снова теряешь равновесие. – Глубокий вкрадчивый голос Артура за спиной заставляет внутренне сжаться. Сильные руки обвивают мои плечи. И снова слабость в конечностях – не упала я только потому, что Принц крепко держит меня. Черт! Да что же это такое! До каких пор он будет заставлять меня врасплох в идиотских ситуациях? От отчаянного стыда за то, что Бурмистров снова оказался свидетелем

моих дурацких движений, закусываю губу. Но уже через минуту усилием воли отбрасываю ненужные эмоции и развернувшись, дерзко смотрю на Артура.

– Спасибо. Мне пора. – Пытаюсь убрать с плеч его руки.

– Придумал тебе новое прозвище. Неваляшка. Как тебе?

– Мне неинтересно, извини. Я тороплюсь.

Прошу прощения, но в голосе – вызов. Я это понимаю, как и то, что снова могу отхватить за свою дерзость. Но сейчас мне все равно. Сколько можно смущаться, давать волю страху? Скоро школьная жизнь закончится, и в новой, взрослой – не будет места неуклюжим выходкам и стыду. Там придется выгрызать себе дорогу – как любит выражаться Анна Григорьевна. Так зачем пасовать перед такой ерундой как школьный Принц? Вот только рассуждать легко, а на деле...

Артур крепко хватает меня за руку, не давая уйти. Разворачивает к себе лицом, задумчиво прищуривается и оглядывает меня с ног до головы.

– Мне правда пора! Лиза ждет на улице!

– Но мы еще не закончили разговор, который прервал Якоб. – Принц одаривает меня неотразимой улыбкой. – И ты все еще должна мне танец.

Эти слова заставляют мое глупое сердце отчаянно колотиться в груди. К счастью, внешне мне удастся скрыть смятение, остаться спокойно-равнодушной. Понимаю, что Принц не отстанет. И дело не во мне, а в парне, Якобе. Артур все еще соревнуется с другом. Проще дать Бурмистрову то, что

он хочет. Предоставив желаемое, я быстрее освобожусь, чем если продолжу препирательства.

Было ли это правдой? Или я лишь глупо пыталась скрыть другую истину? То, что сама до безумия хочу этот танец? Я не знаю. Слишком сложно заниматься самоанализом, когда громкая музыка оглушает, а события стремительно меняются, как в калейдоскопе. Лучше побуду пару минут Скарлетт О'Хара. Подумаю обо всем завтра, а пока подарю вынужденный танец несносному Ретту Батлеру. Пусть подавится.

– Хорошо, – равнодушно киваю. – Наверное, иначе от тебя не отвяжешься.

– Сколько энтузиазма, – ехидно бормочет Артур. Похоже, мое пренебрежение его задело. Он привык, что девчонки млеют под его взглядом. Ну ничего, пусть вкусит для разнообразия мой пофигизм, пусть и напускной.

Принц двигается уверенно и легко, словно всю жизнь провел на танцполе. Ошеломленная, я лишь следую за ним, чувствуя каждое его движение, одновременно сдержанное и уверенное. Удивительный момент. Я как будто стала другим человеком, приняла чужую роль Принцессы и таю сейчас в его руках, а мое глупое сердце ноет от сладкой боли. Руки, горячие, как огонь, обнимают меня за талию. А я, словно воск, лью к своему партнеру, забыв обо всем. Рука Артура осторожно скользит по моей спине, чуть сильнее прижимает к себе, не прося близости... приказывая. А мое тело отвечает: о да, я так давно жду этого... Сильнее, ближе...

Едва заметные движения, медленные покачивания, жар сплетенных тел. Мы в сердцевине танцпола, нас окутывают звуки музыки, лепестками окружают другие, танцующие под медленную композицию, пары. Мы словно экзотический цветок, едва распустившийся, робкий, неуверенный, но преисполненный жаждой жизни.

И только в этот момент я понимаю, что песня та же, что и в прошлый раз, когда я впервые решила сюда выйти.

Как глубока твоя любовь?

Только это медленный кавер. Запредельно пронзительный, тревожащий сердце, впивающийся иглами в кожу.

Горячие руки Артура все сильнее сжимают мою талию, вынуждая растворяться в этом жаре...

Все это похоже на сюрреалистичный сон, я в объятиях Принца, мы в волшебном саду, где цветут экзотические цветы, вокруг порхают мотыльки, бабочки... Это его губы, касающиеся моего уха. Потом шеи. Потом щеки. Потом уголка глаза...

– Почему ты так дрожишь, Мотылек? Боишься меня? – шепчет Принц.

Безвольно смотрю, как он наклоняется ко мне, чувствую его дыхание на своих губах. Замираю в предвкушении.

– Испугалась? Уже не улетишь, – шепчет мне прямо в губы Артур.

Он прав. Не улечу, крылья обожгла. Единственным прикосновением. Он даже еще толком и не дотронулся, а я уже

превратилась в пепел.

Безумный Мотылек, что же ты наделала? Как позволила огню подобраться так близко?

– Нисколько не испугалась, – едва слышно шепчет моими губами внутренняя упрямица.

Ответ абсолютно не соответствующий истине. Я боюсь так сильно, что сердце еще чуть-чуть, и разорвется.

– Тогда держись, Мотылек.

Мой первый поцелуй. Такой бесконечно долгий и за пределами нежный. Ошеломляюще сладкий. Мои глаза закрыты, я тону в новых ощущениях, растворяюсь во влажной неге этого удивительного соприкосновения. Волшебство. Я забыла обо всем на свете, потерялась. Меня унес ураган. Нет сил остановиться, оторваться от этих губ. Без них мой мир никогда больше не засияет. Что же я натворила? Зачем ты это сделал со мной, Артур? Но и об этом я подумаю завтра, а пока мне плевать. И я снова погружаюсь в восхитительные ощущения, утопаю в мелодии, окутывающей нас покрывалом нежности, обещающей вечность в объятиях друг друга. Первый раз в жизни я испытала столь полное единение с музыкой и с другим человеком, с парнем, сжимающим меня в объятиях. Артур стискивает мою талию, притягивает все ближе, почти расплющивая о свою грудную клетку. Мои руки обвивают его за шею. Боюсь отпустить. Боюсь открыть глаза, даже просто перевести дыхание.

Музыка обрывается, как и окутавшее меня наваждение.

А спустя секунду чувствую себя так, будто ледяным душем окатили. Как это могло произойти? Поцеловалась со своим врагом, с чужим парнем, да еще и буквально растаяла в его объятиях! Я словно побывала в параллельной вселенной. Которая меня сначала окутала негой и теплом, а потом безжалостно выплюнула. Резко сбрасываю руки Артура с талии. Отталкиваю его от себя. Разворачиваюсь и убегаю, но на каблуках это делать – ноги переломать. Останавливаюсь на секунду, скидываю туфли, и босиком, держа дорогую сердцу обновку в левой руке, несусь к выходу.

Не знаю, преследовал ли меня Артур. Завтра я, наверное, всю голову сломаю, размышляя об этом. Разбирая по косточкам каждую секунду своего пребывания в клубе. Но сейчас мне не до этого. Надеваю на пороге обувь – на улице около нуля, не располагает погода к бегу босиком, абсолютно. Подлетаю к Лисе, Рома заботливо держит мою подругу под руку. А вот и такси – и об этом позаботился наш знакомый. Залезаем в машину, машем Роме на прощание. Мы обменялись телефонами, и я обязательно позвоню ему завтра, поблагодарю как следует. Кладу голову на плечо Лисы. Она кажется сейчас очень спокойной. Лезет в возвращенную с такими приключениями сумочку, достает зеркало и молча сует мне. Немного удивленная, открываю зеркальце и замираю.

Спутанные волосы, тушь потекла – под глазами черные дорожки. Но самое главное – смазанная помада на губах, а сами они – припухшие. Вид... эротичный просто до непри-

личия, навевает мысли о ночных бабочках, коих я лишь в кино наблюдала.

– Интересно, кому из нас первому начинать свою историю выкладывать, – задумчиво комментирует Лиза выражение глубокого шока на моем лице.

Глава 11

Добравшись до дома, мы с Лизой поняли, что на вопросы и разговоры сил просто не осталось. Только помыться и упасть в постель. Но сон не шел ко мне. Стоило закрыть глаза – снова и снова я переживала поцелуй с Артуром. Его внимательный взгляд. Прикосновения, горячие ладони, жар тела. Мягкие губы, ошеломляюще нежные. Ничего прекраснее я не испытывала.

«Ты с ума сошла, Мотылек», – шепчу я себе.

И тут же подсакиваю, сажусь на постели, обхватываю колени руками. Да что ж такое?! Это прозвище Артур придумал, но почему и я так назвала себя в мыслях? Везде он... Безумие.

В воскресенье мы с Лисой провалялись в постели до полудня, никак не могли проснуться. Еще бы, почти всю ночь я не сомкнула глаз, все вспоминала, размышляла. Ладно, это произошло, теперь уже ничего не изменить. Я поцеловалась с Артуром. Со своим врагом. С чужим парнем. Нужно принять сей факт и двигаться дальше. Но куда?! Как вести теперь себя с Принцем? Что у него в голове? Зачем он поцеловал меня? Что это значит? Враги мы теперь или друзья? Или... он намекал на что-то большее? Я нравлюсь ему? Как можно поверить в это?

Но сейчас у меня другие заботы. Я должна разговорить

Лису, устала от выражения полного безразличия на ее лице. Позавтракали. Настасья Михайловны нет дома – ушла в магазин. Начинаю осторожно расспрашивать подругу. Лиза сразу же впадает в истерику, аж трясет всю.

– Я такая дура, Василин! Сама все испортила, испоганила! Не знаю, почему я такая идиотка.

– Расскажи все спокойно, Лиз. Не надо так... Истерика не поможет.

– Да мне ничего не поможет! Все! Капец!

– Не верю. Матвей выглядел довольным, веселым, спокойным. Что могло произойти? Вы, наверное, просто не поняли друг друга.

– Да нет. Все предельно ясно. Матвей хотел близости. Хотел, чтобы у нас все произошло... прямо в клубе! В мужском туалете.

– Что-о? Какой ужас! Ну он и урод! – С трудом подбираю слова. На ум лишь приходит лишь идиотский вопрос: Разве это возможно? Но понимаю, что подобная фраза несколько не утешит Лису. Да и как в такой ситуации вообще можно утешить?

– Нет, Василин, это я дура. Еще и поверить не могла. Как с шалавой со мной обошелся, понимаешь? Приспичило – давай. Но я сама виновата, – всхлипывает подруга.

– Как ты можешь себя винить? Это Матвей кретин полный. Пошли его!! Нафиг он нужен.

– Я виновата, я! Хвостом перед ним крутила, опытную

изображала. Типа трахалась уже не раз, все пробовала, все умею. Он ко мне еще в прошлый раз в клубе приставал. Но нас прервали, а потом я сбежала. Не знала, что делать. А он звонить перестал, обиделся. Что, не попрощавшись, сбежала. Конечно, его можно понять – глупый поступок.

– И правда, зачем ты так поступила? В смысле изначально, зачем притворялась, что не девственница? – Краснею, задавая этот вопрос. Об этом мы с Лизой еще ни разу не разговаривали. – Прости, не хочу давить, но ты очень все запутала.

– Знаю! Хотела опытной казаться, чтобы парня взрослого привлечь. А на деле дурой выставила себя. Может, если бы Матвей знал, что я девственница, не стал бы вообще на меня смотреть.

– Но изначально вы ведь не на почве сексуальных отношений сошлись? Были свидания, прогулки, поездки на мотоцикле.

– Да, все верно! А потом я испугалась, понимаешь? Такой парень классный, я и стала выпендриваться. Соблазнять... А когда до дела дошло, да еще и в клубе, он в трусы ко мне полез... Такой странный стал. Серьезный, даже как будто злой... Я жутко испугалась. Запаниковала. Мой первый раз не случится в туалете! – прорыдала Лиза, захлебываясь в истерике.

Обнимаю Лису. Мне отчаянно жаль ее. Очень больно за подругу. И я не знаю, что сказать. Как утешить.

– А вчера в клубе снова ко мне полез, еще настойчивее,

в кабинку затащил... Я поговорить с ним хотела, а он... как с цепи сорвался. Тискал меня, аж неприятно, больно было. Я кричать начала. Он психанул, отшвырнул меня от себя и ушел.

– Урод!

– Я сама виновата!

– Нет! Что бы ни было, так нельзя себя вести.

– Ох, Василин, истории и хуже бывают.

– Забудь о нем.

– Не могу. Влюбилась по уши. Он классный! И был поначалу добрым, хорошим. А еще – неприятности у него. Денег много должен.

– Он у тебя еще и денег просил?!

– Нет, что ты. Да и откуда у меня. Нет, я разговор подслушала. Еще до туалета, мы как раз поговорить хотели, к нему парень подошел. По виду – опасный тип, странное в нем что-то и неприятное. На байкера похож, в коже весь, куртка, штаны. Волосы длинные, черные. Они отошли в сторону, за угол, Матвей попросил меня подождать, но я не могла стоять просто так, подкралась и уши наострила... Тот, в кожанке, завел о гонках разговор, я, правда, не все поняла. Матвей же обожает мотоциклы. Какие-то запрещенные ночные соревнования на окраине города. Бурмистров тоже там участвует, кстати, он и там звезда. Об этом они тоже говорили. Типа «звезда» совсем зажрался, только на самые крутые гонки приезжает, и слишком редко. Бесит типа всех. А потом, па-

рень этот, короче, Матвею говорит: хочешь – к Бурмистрову беги, вдруг поможет. Раз уж сеструху твою «пялит». А если нет – сам выкручивайся, но быстро. Иначе и тебя на перо посадим и сестренку по кругу пустим. Вот после этого разговора Матвей и слетел с катушек. Его аж трясло. И меня, если честно, тоже. Что это за соревнования? Что за люди такие? Вот хочу с Артуром поговорить. У него семья богатая очень. Деньги точно есть. Он должен помочь Матвею!

– Да уж, ну и история!

Пытаюсь переварить полученную информацию. Голова идет кругом. А слова о Нике и Артуре, о том, что он ее «пялит», иголкой вонзились в сердце. Почему? Ревную? Нет, я должна сделать все возможное, но забыть о вчерашнем происшествии на танцполе. Никакого Артура. Выбросить из головы. Сосредоточиться на уроках и скором поступлении. Я не Лиса. Не тороплюсь с любовью, гормоны подождут. Меня это никогда не интересовало. Конечно, красота Принца немного подкосила меня, сдвинула на скользкую колею вождения. Но я это осознаю, а значит, справлюсь с проблемой. Не было никакого поцелуя, и танца тоже не было!

– А у тебя что вчера произошло? – выплакавшись, спрашивает Лиса.

– Ничего, – равнодушно пожимаю плечами.

– Ты явно с кем-то целовалась.

– Да нет, ты что! Пристал один, когда уже уходила. Схватил, типа давай потанцуем, я как раз с сумочкой через танц-

пол бежала. Еле отвязалась.

– Хм, он тебе всю помаду на губах сожрал. Что за парень? Симпатичный?

– Да нет, это я сама губы все время облизываю. Дурная привычка. А парня и не разглядела даже. Отбивалась, как могла, к тебе торопилась. – Вру безбожно, аж стыдно. Что я за подруга, Лиза передо мной душу вывернула, а я... Горько, противно от самой себя, а рассказать правду все равно язык не поворачивается.

– Значит, все прошло вчера скучно? – разочарованно спрашивает Лиза.

– Ну почему? Я поглазела, потанцевала. Мне понравилось, правда.

– Даже так? Решилась все-таки подвигать телом? Круто, да?

– Очень. Но больше не пойду.

– Почему?

– К экзаменам готовиться надо.

– Еще куча времени до конца года!

– Да нет, пролетит – не успеешь оглянуться...

* * *

Понедельник. Почему я чувствую себя так, будто, проходя в школьные двери, вступаю на минное поле? Хочу ли я увидеть Артура или боюсь этого до чертиков?

Как назло, у шкафчиков встречаю Соболеву. Она буквально прожигает меня ядовитым взглядом. Подходит ко мне вплотную.

– Говорят, ты вчера в «Бездне» отплясывала? Оперилась,мышь недоделанная?

– Тебе-то что? – отвечаю грубо.

– А то, что дошли слухи, ты к Артуру липла. Совсем страх потеряла?

– Может, это он ко мне лип? И вообще, с ним решай свои проблемы.

– Я с тобой решу, тварь. Ты еще хлебнешь у меня!

– Умеешь пугать, этого не отнимешь. Слушай, Барби, шла бы ты к своему парню, а? Может, на нем и сейчас кто виснет?

– Тебя забыть спросила!

Завидев приближающуюся Лису, Ведьма замолкает, кидает еще один полный ненависти взгляд и уходит. А я уж готовилась, что пощечину залепит, видно было, прям руки чесались. И что тогда? Драться с ней? Но это так низко и уродливо... Да, я хочу уметь постоять за себя, и учусь этому, как мне кажется, довольно успешно. Но не хочу быть бой-бабой – мне кажется, распускать руки для женщины – абсолютный нонсенс.

Лиса отвлекла меня от размышлений, и мы пошли на урок. К концу дня стало ясно, что Артура в школе нет.

Сидим с Лизой в столовой. Подруга занята разговором по телефону с матерью. А я наблюдаю искоса за Соболевой, ко-

торая сидит одна одинешенька за столиком Принца и грустит. Интересно, куда подевалась ее свита? Или сама пожелала побыть в одиночестве? Тоскует по Артуру? Всего день в школу ведь не пришел...

Ладно, она – его официальная девушка. Но отчего и у меня в душе образовалась пустота? Почему вдруг глубокая тоска охватила меня? Все краски померкли. Перед звонком, уже собираясь на урок, мы с Лисой прислушиваемся, как Ника по телефону разговаривает. С Принцем что-то случилось! Соболева аж сумочку из рук выронила, всполошилась и убежала из столовой. Мы с Лисой из любопытства следуем за ней. Ника на всех парах летит к своему шкафчику, хватается куртку и бежит к выходу. Решила пропустить оставшиеся занятия? Узнав, что Принц заболел, понеслась к нему? Чувствую отчаяние, задыхаюсь от этих мыслей.

* * *

Прошло пару дней. Ведьмы нет, не ходит в школу. Таисия тоже! Вместо литературы нам в расписание в последний момент поставили информатику. Кастинг отменили, ничего не объясняя. Как проводить, если худсовет отсутствует? А тем временем по школе поползли слухи, что Артур Бурмистров разбился на мотоцикле. Барби не ходит в школу – выхаживает раненого Принца? От этой мысли меня начинает тошнить, аж наизнанку выворачивает. Хоть и презираю себя за

это. Кто я такая, что смею ревновать? Одумайся, Василина, остановись! Принц всего лишь сыграл с тобой в игру. Очередной раз посмеялся, выбрал новую тактику. А ты... Дурочка, ненормальная, идиотка! Ты влюбилась, что ли?! Не смей! Вот только попробуй!

Так я увещевала да запугивала сама себя, пыталась вытянуть наружу старые обиды, нанесенные Принцем, заставить глупое сердце вспомнить, что это враг, что его надо ненавидеть. Вот только оно плевать хотело. Ныло, стонало, умирало от тоски и беспокойства. Только бы увидеть. Хоть одним глазком. Только бы знать, что с ним все в порядке. Но какой порядок, раз даже Таисии нет! Будь она в школе, я, может, решилась бы спросить... У нее я смогла бы... наверное. Но я даже от Лисы скрываю свое волнение, перерастающее в одержимость. Что бы сказала подруга, узнай мою тайну? Ужаснулась? Рассмеялась?

Впрочем, Лиза сама очень страдает. Матвей снова пропал, не звонит. От тоски она позвонила Роману, чтобы поблагодарить за помощь и поддержку. И неожиданно они договорились о свидании. Лиса собирается в кафе.

– Снова грустишь, Васен? Это мне убиваться надо, меня парень бросил.

– Ты этого не знаешь.

– Верно. Возможно, у Матвея сейчас слишком много проблем, ведь именно из-за него пострадал Бурмистров.

– Как это? – замираю, услышав знакомое имя.

– Да из-за Ведьмы в это дело впрягся. Принц, оказывается, самый крутой гонщик из той самой компании, как его, стритрейсеров, байкеров, или как их там. Да он во всем крутяк, понятное дело. Бурмистров гоняет на всем подряд, обожает скорость и адреналин, спорт. Да, еще и в боях без правил участвовал... Особенно в прошлом году, когда за Никой волочился, а эта сука ему не давала. Потому что хотела привязать покрепче. Рассказывала подружкам – аж на стенку лезла, так хотела его. Но терпела, изо всех сил. Ну а Принц в боях да гонках адреналин сбрасывал. Он вообще-то спокойный, не задира. Но скорость и драйв любит. Ну вот и на этот раз не смог остаться в стороне. Ника, видать, ныла, умоляла помочь. Вообще-то Артур с Матвеем не друзья, скорее – наоборот. Соперничали раньше.

– Значит, он поехал соревноваться и разбился? – стараясь не выдать дрожь в голосе, спрашиваю я.

– Не думаю, что прям сильно. Он вроде дома, не в больнице.

– Откуда знаешь?

– От матери. Она же в школе со всеми учителями общается. Кто-то рассказал, почему Таисии нет – дома братика выхаживает. Потому что родители в длительной командировке за границей. Ох и достанется Бурмистрову от нее! Таисия очень строгая. Хотя в детстве тоже родителям немало проблем доставляла. Совсем как Артур сейчас.

– Это все твоя мама рассказывает?

– Ага. Она с Таисией подружилась. Та даже в гости к нам приходила!

– Да ты что? Не рассказывала мне!

– Ой, забыла. Да просто так, на чашку чая. Ну обо мне, конечно, в основном трепались – сочинения плохие, грамматика вообще на нуле. А тебя, наоборот, нахваливали. Очень ты этой училке нравишься, прям тащится, удочерить готова.

– Что ты несешь!

– Я серьезно! Маман аж напряглась.

– Почему?

– Ну так она сама на твоего папу виды имеет.

– Было бы классно, – отвечаю мечтательно. – Жили бы все вместе, в одном доме! Только бабулю куда? Она точно в восторг не придет! – Хихикаем обе.

– Да, знаешь, надо нашим предкам свидание организовать! – вдохновенно предлагает Лиса, и остаток вечера мы строим планы, как свести родителей, немного отвлекшись от тревожащих душу мыслей.

Вот уже неделя прошла со злополучного посещения «Бездны». Бреду не спеша в школу – я такая рассеянная, сегодня почему-то встала на час раньше, без будильника. Собралась, позавтракала, вышла из дома, удивляясь тишине – обычно, когда я спускаюсь отец уже вовсю колдует на кухне, стряпая нехитрый завтрак. Мы любим эти недолгие минуты общей трапезы. Но я подумала, может папа взял выходной – такое тоже иногда случалось. Так почему я перепутала часы? Что

вообще со мной происходит? Страшно было в этом копать-ся, я менялась и новые чувства пугали до чертиков.

О своей ошибке я сообразила, когда уже почти подъехала к школе. Бабуля на соседнем сидении спросила у сидящей рядом с ней женщины который час. Услышав время, я какое-то время не могла понять в чем дело. А потом, расстроившись, вышла за две остановки до школы. Глупость за глупостью. Моросил мелкий противный дождь, пришлось открыть зонтик. Но если честно, эта промозглая погода середины ноября абсолютно соответствовала моему настроению, мы грустили в унисон. Вот только причину своей хандры я отказывалась признавать. Заталкивала поглубже, прятала даже от самой себя. Но с каждым днем скрывать становилось все труднее, молчание – невыносимее, правда рвалась наружу, хотелось закричать во все горло...

Я отвлекала себя как могла. Изнуряющими занятиями с тренером по плаванию. В этом вопросе Анна Григорьевна проявила большое великодушие – оплатила мне абонемент в бассейн неподалеку от дома. И себе заодно, возможно, бабушка решила стать ближе к внучке, наладить нескладывающиеся отношения. Мы с отцом это обсуждали и радовались. Хотелось, чтобы была дружная семья, без подводных камней. Занятия отвлекали, я очень старалась. Стала меньше бывать у Лисы, которая продолжала забивать на учебу, снова скатилась, потому что, занятая бассейном, я не могла помогать ей с уроками как раньше. А еще Лиза абсолют-

но запуталась в своих отношениях с Матвеем, который так и продолжал то звонить, то пропадать. Но она хотя бы призналась ему, что девственница. А еще Лиса бегала на свидания с Романом. Пару раз всего, но это повергло меня в глубокий шок – он же намного старше. Сама я себя в таких отношениях не могла даже на секунду представить. Но Лиза – моя полная противоположность. Рома ее притягивал как раз своим возрастом, опытом, мудростью. В то же время он был легок в общении...

* * *

Вот и здание школы видно, но как назло дождь зарядил прямо проливной, еще и косой, из-за ветра. Зонтик вывернуло наизнанку, и за пару минут я промокла насквозь. Удивлюсь, если не заболею после такого. Мокрая до нитки, забегаю в здание школы, несусь к своему шкафчику – там у меня и полотенце чистое, и сменная форма есть. Наученная горьким опытом, а точнее шариками с краской, я теперь ко всему готова. И тут, вижу, как по коридору идет прихрамывающий принц со своей свитой. Нет, серьезно, внушительная процессия! По правую руку идет Таисия, по левую – Барби, позади – компания парней, верных друзей Артура. Ну а дальше, цепочка поклонников и любопытствующих. Всего две недели прошло, а мне кажется – вечность. «Бездна» и поцелуй на танцполе – будто в другой жизни были, в другой галактике.

У меня подгибаются колени – ну почему, почему мы должны встретиться именно в этот момент, когда я выгляжу ужасно?

Я прекрасно осознала, что рано или поздно Артур появится в школе, и считала, что готова к этой встрече. Мы могли натолкнуться друг на друга в любой момент, и не смотря на всю свою подготовку к этой встрече... я ошеломлена, дрожу как осиновый лист, а внутри взрываются снаряды. Не готова. Особенно сейчас, когда мокрые волосы облепили лицо. Знаю, что выгляжу жалко. Барби же наоборот, сшибает наповал новеньким розовым костюмчиком – пиджак и юбка чуть светлее на тон. Элегантно и в то же время сексуально. А я – убогая, мокрая, замерев на месте жадно вглядываюсь в приближающегося Принца, словно лет сто не видела. Чего я жду? Радости на его лице, оттого что видит меня? Какая идиотка...

Процессия поравнялась со мной, а я вцепилась в полотенце, прижимая его к себе, желая прикрыться.

– Привет, – чудом удается справиться с дрожью в голосе.

Небрежный кивок головы, Артур окидывает меня равнодушным взглядом, словно и не помнит, кто я такая. Вот и все, на что еще я могла рассчитывать? Принц, скорее всего, и думать забыл о нашем поцелуе! Возможно, в ту же секунду, как я убежала с танцпола. А может и вовсе не заметил... Для него это обыденность, забавная игра, не более.

Какая же я дура! Опускаю глаза в пол. Принц следует дальше по коридору, слышу хихиканье Барби, наверняка на-

до мной ржет, и поделом мне. Ты сама во всем виновата, Мотылек. Знала, что обожжешься. И все равно порхала над огнем...

Чья-то рука сжимает мое плечо. Поднимаю глаза – Таисия.

– Почему ты мокрая, Василина? – мягко спрашивает она. В ее глазах доброта и сочувствие, словно она знает, как мне сейчас плохо.

– Под дождь попала, – вздыхаю я. – Так глупо.

– Очень глупо, тем более стоять здесь. Пойдем, тебе надо переодеться и высушить волосы. У меня в кабинете есть фен.

– Ой, это было бы здорово! Спасибо огромное.

* * *

В кабинете литературы тепло, но Таисия на полную включает еще и обогреватель. В маленькой каморке сбоку от доски – эдакий чуланчик для учителя, я переодеваюсь. Феном сушу волосы. Чувствую себя немного лучше.

– Очень рада, что вы вернулись, – говорю Таисии, а та протягивает мне чашку свежесваренного чая.

– Держи. С малиной. Даст Бог не простудишься. Почему гуляешь по такой погоде, да еще и без зонтика?

– Случайно вышло. Перепутала время, получилось, что раньше приехала в школу, решила пройтись.

– Ясно. Тебе надо больше отдыхать. Учишься прекрасно,

отметки по всем предметам высшие. Ты молодец, Василина, но не загони себя учебой. Отвлекаться тоже надо.

– Да я отдыхаю...

– Что-то незаметно. Круги под глазами. Видно, что не высыпaeшься. Тебя что-то тревожит? Может, проблемы в семье? Я могу тебе помочь?

– Нет, все у меня в порядке.

– Может влюбилась? Прости что так в лоб спрашиваю... Я слишком прямолинейна, знаю. Но просто очень хочу помочь...

– Да нет, совсем не поэтому. Наверное, и правда устаю.

– Ну хорошо. Хочу, чтобы ты знала – я всегда готова выслушать тебя. Теперь я вернулась, и ты всегда можешь подойти и поговорить со мной. Выслушаю. Ну или помолчим и попьем чаю, – улыбается Таисия.

– Спасибо...

– И надеюсь, на кастинг ты все же придешь.

– Нет, не могу. Вы правы, я слишком занята учебой. Хочу поступить в хороший университет... Мне не до театра.

– В какой планируешь?

– Думаю, в финансовый. Слышала он лучший в городе.

– Да, замечательный универ. Артур тоже о нем подумывает. Хотя вся наша семья заканчивала педагогический. Мама, отец. Дядя.

– Здорово...

– Ну, ты хотя бы посмотреть приходи. Ты же любишь

Шекспира, я знаю!

– Хорошо, – улыбаюсь. Таисии трудно отказать, умеет она добиваться своего.

– Вот и отлично. Допивай чай, скоро звонок.

* * *

Встреча с Артуром оказалась для меня настоящим испытанием. Не ожидала, что одного только взгляда на его красивое лицо, на стройное, гибкое тело, будет достаточно, чтобы расклеиться и позволить чувствам и воспоминаниям вырваться из-под контроля. Они накрыли меня с головой – стоило Принцу лишь бросить короткий взгляд. И я уже тону, захлебываюсь. Как же страшно. Я с трудом контролирую себя. Проходит еще неделя, за эти дни я встретила Принца лишь пару раз, за которые я убедилась, что стала вновь пустым местом для него. Незаметной, почти прозрачной. Привыкай, Мотылек. А ты чего ожидала? Что будет бегать за тобой, ухаживать?

Какая же я дура! От самой себя противно!

* * *

Новый актовый зал, сегодня начался кастинг. Худсовет во главе с Таисией восседает на первом ряду зрительного зала.

В него также входят еще несколько учителей: Иван Петрович – учитель географии, Елена Львовна – учительница по рисованию, а также несколько приглашенных со стороны, незнакомых мне людей. Прежде чем начать прослушивание, Таисия поднимается на сцену и делает объявление:

– Дорогие друзья! Спасибо всем, кто пришел. Спасибо за поддержку наших начинаний. Хочу сделать небольшое объявление. Одна из главных ролей в спектакле – уже утверждена. Это роль Ромео. Я понимаю, что со стороны это может выглядеть несправедливым, но... сейчас я не вижу другого выхода. И хотя будущий Ромео совершенно не в восторге от моего решения... Позвольте вам представить, вот он – Артур Бурмистров!

Артур сидит в первом ряду в компании своих друзей и Соболевой, так и льнущей к нему. Ника выглядит роскошно, на кастинг она пришла в изысканном кружевном платье – истинная Джульетта, нежный белокурый цветок, трогательный и невинный. Чувствую себя замарашкой рядом с ней, впрочем, я не рядом, мы с Лисой на последнем ряду шушукаемся. Я пришла потому что Лиса заставила, уговорила помочь поддержать морально.

– Прошу подняться на сцену, – приглашает Таисия брата.

Принц нехотя поднимается и прихрамывая ковыляет на сцену. Подходит к сестре, машет рукой улюлюкающей компании друзей, при этом выглядит так, будто проглотил жабу. Лицо выражает отвращение.

– Он жутко не хотел во всем этом участвовать, – шепчет мне на ухо Лиса. – Таисия опять к нам приходила и с мамкой делилась. Это такое наказание, за то, что гонял и чуть не погиб. Тайка очень переживает, прям до слез была расстроена. Не знаю, говорит, что с ним делать. Совсем от рук отбился, не слушается. Хотела даже деду позвонить. А деда у них в семье все боятся. Богатый очень, олигарх. И строгий. Состояние сколотил в лихие девяностые. Бандитом был, даже криминальным авторитетом, можно сказать...

– Это тебе все Таисия рассказала? – шепчу ошеломленно в ответ.

– Нет конечно, хмыкает Лиса. – Я инфу по крупицам подслушиваю, все анализирую и записываю, – показывает пальцем себе на лоб.

– Офигеть. У Бурмистрова криминальная семья!

– Только дед! И то в прошлом. Но они его все равно побаиваются. А так как родителей нет сейчас... к кому еще обращаться?

– Да где они пропали то?

– Путешествуют. Лекции папка Артура читает, по всему миру.

– Как интересно!

– Ага, так вот. Таисия говорит – не могу я такому лбу здоровому надавать по жопе, прикинь? Поэтому наказать решила своеобразно. По-учительски. Заставила в спектакле участвовать. Ромео будет, или она деду звонит. А у того ме-

тоды жесткие. В спортивный лагерь, спартанские условия, никаких тебе развлечений, подъем в пять утра, тренировки, и все такое. Мужика спяют на раз два, – хихикает рыжая.

– Что смешного? – говорю ошеломленно. – Тогда я понимаю Принца, что выбрал меньшее из зол. Уж лучше стихи учить, чем так над собой измываться.

– Ага, все мужики – слабаки и лентяи. Вот Артурик и согласился быть Ромео. Так бы, по своей воле – ни за что. А уж Ведьма то, наверное, как рада! Будут на сцене любовь изображать! А то он в последнее время бегаёт от нее, надоела поди.

– Думаешь надоела? – спрашиваю дрожащим голосом, а в душе просыпается глупая надежда.

– Да наверняка. Она ж как репей! Но теперь ему некуда рыпаться. Как миленький будет лобызаться с ней на сцене. А уж Ника расстарается, я думаю.

– Там и поцелуи будут? В пьесе?

– А ты как считаешь?

– Я... не помню этот момент, хоть и читала.

– Не помнишь самое интересное? Ну ты даешь! А я вот прекрасно помню, по «Ромео + Джульетта» с Ди Каприо я, можно сказать, целоваться училась...

– Не смотрела этот фильм.

– И очень зря! Хорошо, что у меня ночуешь, будем восполнять упущенное.

Хромого Ромео, тем временем, отпускают со сцены, и он

ковыляет на выход, видно, что все происходящее его бесит и охота поскорее смыться. Начинается кастинг на роль Джульетты и на сцену выходит Соболева.

Ромео, как мне жаль, что ты Ромео!

Отринь отца да имя измени

А если нет, меня женою сделай

*Чтоб Капулетти больше мне не быть.*³

Читает Ника, мягко сказать, средне. Запинается и мямлит. Впрочем, не знаю, как бы я на ее месте себя чувствовала на сцене, перед кучей учеников, которым только дай повод поржать. Может, вообще ни слова бы не выдавила.

На роль Джульетты пробуются также Лера Иванова из девятого В и еще несколько девочек, но понятно, что Ника в приоритете и никому роль не отдаст, хотя отрывок выучила плохо, и запинок было слишком много.

Лиса выходит на сцену, читает монолог кормилицы, очень здорово у нее получается. Мы репетировали эту часть пьесы не один раз, ухахатываясь до упаду. Лиса не может без шуточек и стеба. Но выступает отлично, со всей серьезностью, и ясно что роль будет ее. Впрочем, больше на роль кормилицы желающих нет.

– Так, перерыв, а после у нас еще одно прослушивание

---

³ Уильям Шекспир «Ромео и Джульетта»

на Джульетту, последнее, объявляет Таисия. – Василина Дусманис, рада, что ты все-таки решилась попробовать, – слышу летящий мне в спину голос учительницы.

Мы с Лисой уже почти дошли до выхода. Замираю и оборачиваюсь, услышав свою фамилию. Что все это значит? Стоящая неподалеку Соболева прожигает меня ядовитым взглядом.

Подбегаю к Таисии.

– Почему вы моя имя назвали? Я не подавала заявку!

– Ну значит кто-то решил за тебя, вздыхает Таисия. Может подружки, может недоброжелатели. Какая разница, Василина? Не вижу в этом ничего плохого. Считаю, ты должна попробовать. Это шанс показать себя.

– Я не могу. Не готовилась, да и просто не хочу! Не желаю ничего показывать!

– Слушай, голосует в любом случае комиссия, это не моя благотворительность или заговор. Выйди и расскажи отрывок, это же не сложно! Только переоденься, я не говорю, что надо бальное платье как у Ники, но спортивный костюм все же перебор...

– Я пришла поддержать подругу! Не собиралась выступать. Да и переодеться мне не во что, одежда мокрая.

– Да, я помню – ты попала под дождь, улыбается учительница. – Импровизируй. Или выступи в этом – неважно. Но не отступай. Поверь, я знаю о чем говорю. Ты сразу почувствуешь себя лучше!

Таисия уходит с другими учителями, а я стою столбом, Лиса тоже. Мы ошарашены новостью. Я не знаю, что делать. Не хочется обижать любимую учительницу, она ясно дала понять, что разочаруется во мне, если не поднимусь на сцену. С другой стороны, тот кто это сделал – явно не желал мне добра. Что же это? Новая игра Артура? Какой план? Посмеяться, закидать шариками с краской, облить помоями? Как же мне паршиво сейчас! Так и хочется заорать во все горло от безысходности.

Но это еще не все. Вальяжной походкой, обмахиваясь веером (похоже Ника решила, что этот атрибут еще больше сроднит ее с персонажем, хотя выглядит глупо и совершенно «не из той оперы»), к нам приближается Соболева.

– Та-ак, значит мышь Джульеттой себя возомнила, – смеется мне в лицо Барби. – Ок, посмотрим, поржем от души, да, девочки? – кивает своим подружкам, которые подходят и берут Соболеву под руки.

– Сама можно подумать круто выступила, – буркает себе под нос Лиса. – Тоже мне, актриса погорелого театра...

– Что ты сказала, мышь? – рывкает Ника. – Что там под нос бубнишь?

– Да ничего, – спокойно отвечаю я, не желая ввязываться в обмен оскорблениями. Вижу, что Лиса свирепеет. Только

очередного конфликта сейчас не хватает, и так тошно. Беру Лизу под руку и тащу в сторону. – Плевать, – тихо говорю Лизе. – Пусть что угодно несет, пусть ржет. Какое нам дело до Ведьмы и ее мнения?

– Ты должна выступить, Василина! – неожиданно заявляет Лиса. – Просто обязана поставить на место эту мымру!

– Да ты что? Они же наверняка мне что-то подстроили! Смотрела «Телекинез» по роману Кинга? Вот точно мне какое-нибудь ведро с жидкой гадостью готовят! Я в этом не сомневаюсь!

– Да пошли они! Не решатся! Ты видела, какой Принц тихий и зашуганный? Да если только попробует выкинуть подобное – Таисия его быстро к деду наострит. Он кстати должен был на кастинг приехать. Но раз нет – на первую репетицию припрется. Перед ним Бурмистров будет по струнке ходить, вот увидишь!

– Откуда ты все это знаешь? Ты что, постоянно подслушиваешь? – недоумеваю от осведомленности подруги.

– Ну я вспоминаю тот разговор, когда Таисия у нас в гостях была, – смущается Лиса. – Не могу же я тебе стенографию разом выложить. Короче, ничего не бойся. Я за сцену пойду и все проконтролирую. Но поверь, такая выходка на глазах учителей будет срывом постановки. Устроившего подобное из школы выкинут.

– Если докажут. А концы прятать Соболева умеет.

– А риск? Слышала, он – благородное дело! Ну пожалуй-

ста, Вась! Я так хочу Ведьме нос утереть! Я только поэтому в кормилицы пошла. Уж я задавлю ее своими буферами, обещаю! Но если обойдешь ее, на роль тебя выберут, с Принцем обжимашкаться будешь – Ника такого точно не переживет.

– Смерти моей хочешь? – Я аж в сторону отпрыгиваю от нарисованной Лисой картиной. Я в объятиях Артура. Регулярные встречи, репетиции, монологи, клятвы вечной любви друг другу – такого мое бедное сердечко точно не вынесет! – Ни за что, Лиз! Я не хочу, мне это не интересно!

– Тогда выйди и прочти! А от роли откажешься, скажешь родители не разрешили, да мало ли что, придумаем как выкрутиться!

Лиса практически бегом тащит меня за собой в столовую.

– Успокойся, чего так разволновалась! Аж покраснела вся! Давай монолог быстро повторим! А главное, переоденем тебя!

– Не пойду, не хочу-у-у, – продолжаю упираться. Меня накрывает истерика. – Не хочу поддерживать их идиотские игры, ну пожалуйста, Лиза, хоть ты не мучай меня! Ведь ржать будут! Издеваться!

– И ты позволишь им победить? Они и так ржать будут! Спрячешься как трусливая мышь? – зло кричит мне в лицо Лиса. – Докажешь, что Соболева не зря нас так называет! Ты ведь показала, что умеешь постоять за себя, с тем парнем на дискотеке. Меня нашла и вытащила из дерьма, можно сказать, когда я как желе растекалась из-за Матвея. Так чего или

кого сейчас боишься? Шекспира? Нику? Или Таисию разочаровать? Пойди и расскажи чертов монолог!

– Ника же видела, как я испугалась, отказалась уже при ней!

– Пофиг. Плевать на эту дуру!

– Ща, жди меня здесь, – кричит Лиса и убегает к матери в подсобное помещение, оставив меня посреди столовой. Возвращается через пару минут держа в руках красивую упаковку.

– Что это? Только не говори, что бальное платье, – сквозь слезы усмехаюсь я. Снова игра в фею-крестную? Не успокойсь, пока принца не встречу? – и осекаюсь, потому что Артур снова перед глазами, хотя не хотела упоминать его кличку, даже не думала...

– Мать вчера на новый год скатерть купила. По случаю, знакомая по дешевке принесла. Красивая, кружевная, на занавеску похожа. То что надо! Ща быстро тебе платье не хуже Никиного сообразим, заявляет Лиса и достает из кармана ножницы, иголку с ниткой.

– Ты шить умеешь? – недоверчиво спрашиваю я.

– Нет! Ты – умеешь. Пошли в туалет, у нас мало времени!

Глава 12

Вечером, за просмотром обещанных Лисой «Ромео + Джульетта» я вспоминаю события прошедшего дня, почти не вдумываясь в происходящее на экране. Голова кружится, одолевают всевозможные мысли, от которых мне нехорошо, в груди будто мотыльки крылышками щекочут, аж задыхаюсь. Я переступила через свои страхи. Рассказала монолог.

Таисия права, после этого меня охватила эйфория, чувство свободы, словно в небо воспарила. Я хорошо выступила. Прочитала с вдохновением, без запинки. Тишина в зале была тому доказательством. Я многих удивила. Заставила посмотреть на себя с другого ракурса. И это было приятно. В конце монолога я едва не запнулась – осмелев, я подняла голову, оглядывая зрительный зал, представляя себя актрисой. И встретила взглядом с Бурмистровым. Он стоял в дверях и пристально смотрел на меня! Выражения лица я не смогла толком разглядеть, потому что, моментально смутившись, опустила голову.

Итак, я выступила и мне это понравилось. Но готова ли я к роли? К ежедневным репетициям? Лиза уверяла, что я была великолепна, роскошна и неподражаема. В который раз я подумала, как невероятно мне повезло найти такую подругу! Во всем поддерживает на двести процентов, любого порвать за меня готова. Как и я за нее... Что может быть важнее.

Новый день и снова школа. Еще перед порогом здания, к нам подлетает возбужденная компания: Ваня Стеблов (он тоже пробовался на роль Ромео, и у него весьма неплохо вышло), Анохина, Моржухин с Тороповой под ручку и еще несколько ребят. Все взволнованы и возбуждены. С нетерпением подбегаем к стенду – там уже вывешены списки утвержденных на роли. Лиса уверена, что роль Джульетты – моя. Я же – лишь фыркаю на ее слова об этом. Но в душе все-таки теплится робкая надежда, хотя и не знаю – зачем это мне. Ежедневные встречи с Артуром, репетиции, разве тебе это нужно, Мотылек? И ненависть Соболевой ко всему этому определенно прилагается.

Лиза Лаврова в роли кормилицы – нас ничуть не удивляет эта новость. Джульетта – Ника Соболева. Стоящие рядом ребята, впиваются в меня взглядами, ожидая реакцию. Какую? Чего они ждут? Негодования? Слез? Я же лишь усмехаюсь и пожимаю плечами. Я так и думала! Ожидала. Глупо было рассчитывать на другой результат.

А вот и Соболева. Стоит с триумфальным видом, конечно, она ни сколочко не сомневалась в победе!

– Ты же не думала, что тебя могут выбрать, – с показной жалостью в голосе спрашивает Ника, подходя ко мне.

– Не только не думала, я и не хотела. Не собиралась даже участвовать, – отвечаю равнодушно. – Но на премьеру обязательно приду. Желаю тебе блистать! – кидаю, стараясь скрыть ехидство. В душе убеждена – блистать Ведьма не будет, она короткие то отрывки еле учит. Хотя... любовь творит чудеса и ради Артура... кто знает. Впрочем, не мое это дело. Еще раз кивнув Соболевой, отхожу в сторону.

– Не расстраивайся, Вась, подумаешь, – вот только голос у Лизы грустный, словно сейчас расплечется. А меня на хихи пробивает почему-то от этого. Хотя в душе ни капли не смешно, возможно, это признак приближающейся истерики из-за нервного напряжения. Слишком много прячу в себе в последнее время. Нет, все-таки что за человек Лиза Лаврова, переживает за подругу сильнее чем за себя! Обнимаю свою дорогую рыжую и кладу голову ей на плечо.

– Василин, а давай в массовку? – Предлагает Стеблов. – Мы все собираемся. Да, кстати, Таисия говорила о дублерах. Так что будет еще одна пара... Может мы...

– Ну уж нет, с меня хватит. И так порцию яда хлебнула, – отказываюсь категорически.

С Лавровой бесполезно спорить и после уроков она тянет меня на первую репетицию. Упираюсь как могу, но где мне с Лизкиной энергией совладать. А еще... внутри бьется предательская мысль одним глазком Артура увидеть. Сегодня мы ни разу не сталкивались. Понимаю, что это похоже на мазохизм – ну зачем он тебе, Мотылек? Чтобы снова кивнул

равнодушно? Или как на пустое место посмотрел? Снова обжечься, убедиться, что все твои грезы были глупостью?

Но я не могу совладать с желанием увидеть Принца. Сегодня на Бурмистрове вылинявшие рваные джинсы и черная футболка в обтяжку. Эта одежда идеально подчеркивает каждый бицепс сильного, тренированного тела. Плоский живот, широкие плечи. Он не просто Принц, он круче в тысячи раз. Он великолепен. А я забила на задний ряд, в самую темноту, притянула на сиденье ноги, обхватила руками, сжавшись в комочек. Чувствую холод и пустоту внутри. Но жадно наблюдаю за происходящим на сцене, словно заправский маньяк-театрал. Анна Григорьевна, кстати, очень вдохновлена происходящим в школе. Тоже собирается прийти. Долго сетовала, что я не прошла отбор. Ворчала, что мало я старалась.

Попросила монолог рассказать, который я на кастинге читала. Раскритиковала в пух и прах, ругалась, что я сама виновата – надо было первым делом к ней за помощью обратиться, уж она бы со мной порепетировала. В общем, еще одна проблема – как избежать присутствия на репетициях, если мало того, что лучшая подруга здесь участвует, так еще и бабуля жаждет прийти и разумеется заставит меня сопровождать ее...

Охваченная этими мыслями, не сразу замечаю, что не одна прячусь в темноте. Пожилой мужчина, наверное, кресел пятнадцать от меня вправо, очень внимательно вглядывает-

ся в происходящее на сцене. Ну вот, переживаю о бабушке, а тут уже чей-то дедушка нарисовался! Мужчина элегантный, интересный. Похож на киноактера: строгий синий костюм в полоску, трость, на шею накинута длинный узкий шарф с мелким рисунком. Настоящий денди!

Старичок замечает мой взгляд, поворачивает ко мне лицо, кивает и подмигивает. Против воли улыбаюсь. Интересно, может он не дедушка одного из учеников, а какой-нибудь театральный продюсер?! Выискивает новые таланты. Может потом поинтересоваться у Таисии? Рассказать ей о таинственном госте?

Но Таисию я пока избегаю – мне стыдно, что вчера капризничала, отказывалась участвовать в кастинге. А еще стыдно за то, что проиграла блеющей как овца Соболевой. Сегодня она и вовсе в обнимку с томиком Шекспира. Ни словечка без шпаргалки! Если так была уверена в своей победе, чего ж начало не выучила?

Тем временем замечаю, что мой сосед встает и направляется в мою сторону! Смущаюсь, спускаю ноги на пол, прирастаю...

– Простите, я вас побеспокоил, милая девушка, – обращается ко мне мужчина.

– Да нет...

– Напугал значит.

– Не совсем.

– Это хорошо. Потому что пугать уж точно не хотел. Заме-

тил, что оба сидим в одиночестве, наблюдая за позорным началом неплохого в общем-то проекта. И подумал, что вдвоем нам, возможно, не будет так грустно.

– Вы о Джульетте? – вырывается у меня помимо воли.

– Именно.

– А вы... Имеете отношение к театру?

– О, вы сидели и гадали, разглядывая меня, чего этот старый пень делает здесь, на школьной репетиции?

– Мне неловко признаваться в этом, – улыбаюсь я, – но да. Поневоле начала придумывать вам «легенду».

– Как здорово! Это мне очень нравится! – восклицает мужчина, правда шепотом. Видно, что не хочет привлекать внимания. – Но на самом деле, увы, к театру я не имею отношения. Я всего лишь дедушка одного из оболтусов.

– Ясно. Здорово, что вы пришли поддержать внука! Ко мне вот тоже бабушка собирается... Точнее... я в спектакле не участвую, но бабушка очень любит Шекспира. Она оперная певица, бывшая...

– Очень интересно. А почему не участвуете, можно полюбопытствовать? У вас получилось вчера великолепно! Я был уверен, что Джульеттой быть именно вам.

– О, спасибо. Вы и вчера здесь были? Я вас не видела... Приятно слышать такие слова! Но как видите, меня не выбрали...

– Это же чушь какая-то! Вы выступили лучше всех. Может, отбор был не честным, – подмигивает дедушка.

– Нет, не думаю. Это обычная реальность. Только в сказках Золушки побеждают.

– Не только. Поверьте умудренному опыту старику.

– Я привыкла верить только своему опыту, уж простите...

– И это тоже неплохо, – кивает мой собеседник. В этот момент Ника снова начинает зачитывать с книги реплики, Артур ей отвечает нехотя.

– Ну что за бездарности, – возмущенно шипит старичок. Сил нет слушать.

– Первая репетиция, – чувствую отчего-то потребность заступиться... за Артура. – К тому же Ромео играет не по своей воле!

– Это как? – любопытствует мой сосед.

– Кажется, его заставили.

– Хм, интересно. Такой здоровый парень, и кто это мог его заставить в спектакле играть?

– Строгая сестра, – улыбаюсь выражению лица своего собеседника. Мне нравится этот старик. С ним так легко и непринужденно болтать, о чем угодно! Вот бы махнутья бабушкой своей на такого дедушку! Но тут же становится стыдно за глупые мысли.

– Откуда информация, могу я полюбопытствовать? – с явным интересом спрашивает старик. А мне неловко становится, аж кончики ушей начинает жечь – прямой признак что я покраснела.

– Да подружка рассказала.

– Могу я еще один, последний неловкий вопрос задать?

– Лучше не надо... Кажется, я и так лишнего наговорила, и мне ужасно стыдно, это же сплетни!

– Что может быть интереснее сплетен, – парирует с улыбкой старичок. – Мне вот на миг показалось, я могу ошибаться и заранее извиняюсь... Вам нравится этот парень? Ромео?

Еще больше смущаюсь, щеки уже огненные по ощущениям, наверное, со стороны я красная как помидор. Ужас, вот болтушка, аж по губам надавать себе хочется!

– Вам показалось, мы почти не знакомы. Я же новенькая.

– Вот как! И давно пришли сюда?

– С сентября.

– Пара месяцев уже. И не познакомились с учениками?

– Не со всеми. Я не очень общительная, больше времени трачу на учебу.

– Это хорошо.

– Спасибо.

Радуюсь, что отвела разговор со скользкой дорожки. Еще только свои странные и противоречивые чувства к принцу не хватало с посторонним дедушкой обсуждать! Хотя, возможно именно то, что этот человек незнакомец, с которым вряд ли увижусь, заставило меня расслабиться и на миг потерять бдительность. И что я сразу слышу? О, тебе деточка нравится Принц? Не хочу больше допускать подобных домыслов! Он НЕ НРАВИТСЯ мне!!! И никогда не понравится. Точка.

– Внимание, объявление! – раздается в микрофон голос

Таисии. – Всем спасибо за репетицию. А сейчас я хочу объявить имена дублеров. На случай, если основной состав заболит, мы выбрали еще одних Ромео и Джульетту. Василина Дусманис и Иван Стеблов, проследуйте, пожалуйста, на сцену!

Испуганно вскакиваю с места. Сажусь обратно. Хватаю с пола рюкзак. Никак не получается расстегнуть молнию. Когда она поддается, достаю маленькое зеркальце – пытаюсь рассмотреть, насколько я растрепана. Ужас, ну что за вид! Рот открыт от изумления, глаза – круглые, как блюдца. Я же сегодня абсолютно не планировала выступать на сцене! Поспешно приглаживаю волосы, но лучше не становится. Я похожа на чучело, да и со стороны, мои нелепые движения ваньки-встаньки, наверняка, выглядят совершенно по-идиотски. Снова встаю. Опускаю взгляд на своего собеседника. Он улыбается, поднимает большие пальцы вверх, подбадривая меня. И что делать? Будь я сейчас одна, могла б и не вылезать из своего темного угла. Но перед незнакомцем прятаться от Таисии стыдно...

Обреченно иду к сцене. Соболева буквально дыру прожигает во мне своим взглядом. Бесится. Мне не по себе. Артур выглядит по-прежнему скучающим. Ему абсолютно пофиг, что я тоже получила роль...

Ему пофиг, значит и тебе тоже! Плюнь Мотылек на этого самоуверенного зазнайку! Сдался он тебе, Ромео недоделанный!

– Начинаем репетицию с первого акта. Дусманис и Стеблов, держите, вот ваш текст и постарайтесь читать с выражением. Василина, чудесное платье, – тихо добавляет Таисия, проходя мимо меня. Всего пара слов, а на душе – потеплело.

* * *

На выходе из школы, меня догоняет Ника с неизменным шлейфом из подружек, копирующих каждый ее жест, походку и даже взгляд. Так что меня буквально пронзает неприязнь нескольких пар глаз. Я жду Лису, которую Таисия задержала после репетиции для разговора. Одна из подружек Ники дергает меня за рюзкак, отчего одна из лямок рвется, а сам он подает на пол.

– Ты что о себе возомнила? – Соболева больно хватает меня за запястье. – Совсем страх потеряла, Дусманис?

– Да что тебе надо от меня? – вырываю руку и поворачиваюсь лицом к лицу к Ведьме.

– Что ты вечно чем-то недовольна, а? Тебе дали роль, учи, репетируй. Сказано же – мы дублеры! На всякий случай!

– Я не хочу чтобы ты даже близко к сцене не подходила, – шипит Соболева. – Ты только посмотри на себя! Интересно, где ты вообще это платье выкопала!

– Это скатерть, – ухмыляюсь удивленному лицу Соболевой. – У меня было всего двадцать минут, думаешь я в магазин за нарядом сгоняла? Но раз я даже в скатерть завернутая

прошла... Видимо ты не зря переживаешь. Или боишься...

– Что сказала? Тебя, боюсь? Да я тебе... Соболева заманивается, а я зажмуриваюсь, забывая о решении дать сдачи, или хотя бы попробовать. Но удара нет. Открываю глаза.

Между мной и Никой стоит Бурмистров. Выглядит очень злым.

– У нас ведь был разговор на эту тему, – его голос как удар хлыста. Отчитывает Нику, а у меня отчего-то внутри все съеживается.

– Да... Прости милый. Она меня обзывать начала, вот и не сдержалась. – Соболева бессовестно врет, ничуть не смущаясь моего ошарашенного взгляда. – Вечно эта Дусманис меня цепляет.

– Хорошо, иди. Жди в машине, поговорю с твоей обидчицей, – приказным тоном заявляет Артур.

А мне вот нисколечко этот «разговор» не нужен. Подхватываю с пола рюкзак и закидываю на плечо, собираясь уйти, а если понадобится, убежать. Ника тем временем идет на попятный.

– Да нет, дорогой, не надо с ней связываться. Она же...

– Тебя забыл спросить, что мне делать, – рявкает Артур, словно присутствие Соболевой его бесит. – Пошла, я сказал.

Ника, всхлипнув, и бросив на меня злой взгляд, убегает, подружки по пятам следуют за ней.

– Мне не о чем с тобой разговаривать, – сразу заявляю Артуру. – И если думаешь, что можешь командовать мной

так, как ею – киваю в сторону убежавшей Соболевой, ошибаешься.

– Я не думаю, что ты виновата, – говорит Артур.

– Тогда о чем нам вообще говорить? – пожимаю плечами.

Артур собирается что-то сказать в ответ, но тут к нам подлетают Лиса с Ваней.

– Он тебя достает? – с места в карьер интересуется Лиза, вид грозный, готовность к бою сто процентов. Улыбаюсь воинственной подруге и качаю головой.

– Нет, все в порядке.

Артур пожимает плечами и уходит. Я так и не узнала, что же он хотел сказать мне...

* * *

– Ника ужасно разозлилась, что меня все-таки впихнули в спектакль, – вздыхаю, обращаясь к Лисе, по дороге к остановке. Лиза решила проводить меня. Наверное, переживает, что Ведьма пакость может замышлять. А я думаю – стоило ли участие всего этого. Наверное, нет. Но с другой стороны, как же мне понравилось! Ваня конечно не супер партнер, он даже пьесу не читал, и мне после репетиции пришлось долго растолковывать ему сюжет этого произведения... Но все равно, ощущения классные. Жаль бросать, а уж из-за страха – и вовсе стыдно. Да и что она сделает, эта Барби? Обольет чем-нибудь? Плевать...

– Еще бы она не злилась! – с энтузиазмом восклицает Лиза. – Ты вчера была шикарна! Просто бесподобна! Все об этом говорили.

– Тогда почему Нику выбрали?

– Комиссию подкупила, сто процентов.

– Грустно это...

– Уверена, ее потихонечку сдвинут с пьедестала. У Ники родители – спонсоры школы. Поэтому в открытую перечить Ведьме боятся. Но Таисия ни за что этой бездарной кукле выступать не позволит. Поэтому и ввела дублеров.

– Думаешь, Таисия боится родителей Ники?

– Не знаю. Вряд ли. Таисия дерзкая и упрямая. Может ей нравится действовать постепенно... не в лоб.

– Ясно. Ваня тоже так себе Ромео, – вздыхаю.

– Ну ничего. Подучишь с ним сцены. Он будет счастлив! Давно уж по тебе сохнет.

– Глупости не говори!

– Это правда, дурында!

– Уфф, не хочу об этом!

– А чего хочешь? С Артуром любовь сыграть?

От этого вопроса аж спотыкаюсь на ровном месте. Лиса успевает удержать в последний момент, иначе я бы в грязную лужу из талого снега улетела. Снег выпал утром, первый, самый красивый, укрыл все вокруг. И растаял, оставив лишь серые разводы да лужи.

– Ну вот, стоит ненавистное имя услышать, аж падаешь!

– К чему ты это сказала? Что хочу с Артуром играть? Я его терпеть не могу, ты же знаешь!

– Не знаю, брякнула не подумав, извини! Ведь два варианта-то всего – Ванька да Артур. Стеблов тебя не устраивает, но и от Принца вряд ли в восторг придешь.

– Думаешь, нас могут с Бурмистровым в пару поставить?

– Если Ванька и Ника заболеют – вполне возможно, – хмыкает Лиса. – Да не бойсь, Василина! – добавляет, увидев мое расстроенное лицо. – Ну чего ты нервная такая! Ника даже ползком на репетицию приползет, своего не отдаст, не волнуйся.

* * *

Но Лиса очень сильно ошиблась. Прошло две недели репетиций. Пришлось и правда заниматься с Ваней дополнительно, снова и снова повторять текст, помогать ему учить наизусть трудные отрывки, которые никак не желали запоминаться. Постепенно что-то стало вырисовываться. Нам нравились репетиции, особенно тем, что проходили они без участия главной пары. Наверное, Таисии это было сложно, отнимало лишнее время, но она сама так решила. Видимо, чувствовала, что вместе с Никой и Артуром у нас вряд ли выйдет что-то путное. Я не спрашивала у нее, как все проходит у основного состава. Иногда с нами репетировали другие персонажи – Кормилица, Меркуцио, Леди Капулетти, Граф Мон-

текки, и Брат Лоренцо, на роль которого взяли необъятного Петрова из восьмого «Б» – самый толстый парень из всей школы. Но чаще мы были с Иваном и Таисией втроем. Ваня, надо признаться, все еще питал в отношении меня надежды. На романтику и всякое такое. Я же наоборот, с каждым новым днем убеждалась, что не могу ответить на его чувства. Сама сожалела об этом, но глупое сердце продолжало тосковать по-другому, запретному, запрятанному в самые дальние уголки души. И как я ни пыталась избавиться от него, освободиться... не выходило.

Спустя три недели репетиций, всех нас огорошили новостью: Джульетта-Соболева заболела. До новогодней премьеры оставалось чуть меньше месяца! Как это могло произойти? Весь состав участников, да что там, практически вся школа, только и сплетничала на тему «Что случилось с Никой Соболевой».

Таисия разыскала меня на геометрии, и попросила прийти на репетицию основного состава, как закончатся уроки. Не то чтобы мне не приходило это в голову – раз Ника больна, понятно, что я Джульетта номер один. И это пугало, тревожило. Вдруг пока Ника болеет меня заставят репетировать с Артуром? Я к такому не готова! Едва стала привыкать к взаимному игнору с ним!

За эти недели я всего несколько раз пересекалась с Артуром. Он даже не смотрел на меня, словно я вдруг стала для него невидимой. Радоваться бы такому равнодушию...

Да вот отчего-то не получалось. Я пыталась внушить себе, что все к лучшему. Запрещала себе думать о нем... и все равно тосковала. Ужасное ощущение – держать в себе некую тайну, не имея возможности рассказать, поделиться. Потому что говорить по сути не о чем. Я не могла объяснить своих эмоций. Поэтому начала выплескивать их на бумагу. У меня никогда не получались портреты, хотя рисовала я в целом неплохо. А тут... Рисунки Артура-Ромео, которые я изредка позволяла себе сделать, просто завораживали. Я прятала их очень тщательно, в огромной старой книге «Атлас СССР», которую откопала на чердаке. Выплеснув на лист формата А3 свои эмоции, я засовывала рисунок в эту книгу, благо она была еще большего размера, и заталкивала атлас как можно дальше под кровать...

* * *

И все же просьба Таисии прийти на репетицию очень тревожит меня. Поэтому, забегаю на перемене в ее кабинет. Хочу выяснить все прямо сейчас, нет больше сил находиться в подвешенном состоянии. Неуверенно мнусь на пороге, не решаясь начать разговор, жду когда учительница поднимет голову от проверяемых тетрадей и заметит меня.

– Василина, прости милая, не заметила тебя. Давно ждешь? – Прошло, наверное, минут пять, пока сестра Артура наконец обратила на меня внимание.

– Нет, только пришла.

– Дорогая, у меня к тебе огромная просьба! – с места в карьер начинает Таисия, пока я неуверенно мнусь, размышляя как повежливее отказаться, если она меня попросит репетировать с Артуром.

– Так как наша основная Джульетта заболела, придется тебе с Артуром играть в спектакле. Понимаешь, это очень важно. Иначе он совсем сольется, он уже сейчас начал нудить, что есть второй состав, и раз Ники нет...

Я была готова к тому, что речь пойдет о репетициях с Бурмистровым, но даже предположить не могла, что услышу такое! Играть с Принцем в спектакле? Перед всей школой? Ни за что! Я даже не беру в расчет Нику и ее ревность. Не думаю о своей абсолютной неготовности к выступлению перед огромной аудиторией! Самое главное не в этом, а в том, что от одной фразы, даже просто от произнесенного вслух Таисией имени, сердце забилося как сумасшедшее. Что же такое со мной! Почему до сих пор так реагирую на парня, который в мою сторону и не смотрит? Иногда мне кажется, что ночной клуб, танец, поцелуй, Принц – все это было во сне. Надо спросить Лизу, правда ли я ходила однажды с ней в «Бездну». Но меня останавливает то, что подруга в любом случае после такого вопроса начнет переживать о моем психическом здоровье.

– Может и правда, отпустить его? Артур же с самого начала не хотел участвовать? – робко спрашиваю я.

– Что?? Ты на его стороне? Как ты можешь?! – возмущенно восклицает Таисия.

– Простите. Я не знаю, как на самом деле будет лучше. Только слышала, что Артур не желал участвовать в постановке, вы его заставили. Хотели проучить. Думаю, уже сработало. И он все понял...

– Ну знаешь, не ожидала от тебя такого! – вспыхивает Таисия. А из учительской каморки выходит Принц собственной персоной.

– Вот это да! Спасибо за поддержку, Мотылек! Сестра не ожидала, признаюсь, я тоже! Что будешь защищать меня так рьяно...

– И я не ожидал, – раздается еще один голос, и на сцене появляется... дедушка, с которым мы познакомились на первой репетиции! Если бы я была барышней, склонной к обморокам, самое время было бы грохнуться на пол. Эффектно и как раз в духе театра. Но я лишь замираю с открытым ртом.

– Ой... – только и могу вымолвить.

– Дедуль, а ты что здесь делаешь? – изумленно спрашивает Таисия. Похоже, она тоже не знала, о подслушивающих нас гостях.

– Как что? Внуков решил проведать!

– И давно там сидишь?

– Недавно. Пришел вот, тебя нету, Артура встретил, сама знаешь, нам есть о чем поговорить. Уединились в твоём кабинете, хотя какое там, эту каморку даже гардеробной не

назовешь, но не суть. Пожалуй, надо внести этот вопрос на совете школы...

– О размере гардеробной? Дедуль, да я там просто сумку оставляю, да чайник иногда кипячу. Мне есть где жить, спасибо.

– Ну как хочешь. Знаешь, я за комфорт и люблю делать внукам приятное.

– Знаю! Ты нам такой зал подарил!

– Это вы построили новый зал? – вырывается у меня помимо воли. Тут же прикрываю рот ладонью. Вот ведь позорище – зачем я это лягнула? Почему так беспардонно лезу не в свое дело?

– Именно так, деточка, – снисходительно улыбается дедушка Артура. – Я, собственной персоной. В прошлый раз я так и не успел представиться. Аристарх Александрович Бурмистров.

– Оч-чень приятно.

– И мне. – Дедуля галантно наклоняется к моей руке, касается губами тыльной стороны. Кажется, я краснею.

– Так что ж, Василина, отказываешься с моим внуком играть в спектакле?

– Нет... вы не так поняли...

– Да все я понял. Жалеешь его. Считаешь, надо освободить от обязательств. Но Бурмистровы так не поступают. Раз начал, до конца должен довести. Таков закон в нашей семье.

«Ну и дедуля, – думаю про себя, – Прямо Дон Корлеоне.»

– Что ж, – вздыхаю обреченно. – Раз другого выхода нет...
Я согласна. Только как же Ваня?

– А что Ваня?

– Он тоже играет Ромео. Мы много репетировали...

– Да? Ну тогда будешь продолжать репетиции с обоими,
и пусть победит сильнейший.

– В смысле победит? Разве Ника не вернется? Долго она
болеть собирается?

– Нет, не вернется, – встречает Таисия. – И слава богу...

– Что за грубость, деточка, – морщится Аристарх. – Нель-
зя быть такой бесчувственной! Никуля, прелестный белоку-
рый цветок, который, увы, на сцене не блистал, но тем не
менее...

– Тем не менее, из-за того, что ты играешь в гольф с ее
дедом, я почти месяц промучилась! – заявляет Таисия.

– Ника заболела надолго? – спрашиваю учительницу. –
Что случилось?

– Ногу сломала, – вздыхает она в ответ. – Сама виновата,
дурища. Полезла на мотоцикл...

– К тебе? – забыв о своем твердом решении игнорировать
Принца, поворачиваюсь к нему. Он усмехается в ответ:

– Нет, со мной она бы не пострадала.

– Ну уж конечно! – фыркает Таисия.

– Эта дура решила себе тоже мотик купить, – поясняет
Принц. – Чтобы влиться в нашу компанию, так сказать. Ну и
свалилась, а Харлей придавил ее лодыжку. Прилично так...

Теперь трещина. Орала как резаная, пока скорую ждали...

Глава 13

Первая репетиция с Артуром. Нервничаю, буквально с ума от переживаний схожу. Не могу себя заставить пойти туда. Произносить слова любви, глядя в его красивое лицо. Это неправильно. И принесет мне только боль – я чувствую. Поэтому вместо репетиции прячусь в школьной библиотеке. Чудесное место, очень люблю бывать здесь. Длинные стеллажи, оглушающая тишина, ученики редко сюда заглядывают, только если присылает учитель. Ведь сейчас все на планшетах, учебниками на бумаге мы почти не пользуемся. Но данное место холят и лелеют, видно, что кому-то не наплевать на этот пережиток прошлого. Широкие подоконники за толстыми гардинами напоминают сцену из романа «Джен Эйр», героиня которого малышкой любила прятаться таким же способом. Вот и я примостилась сейчас на одном из подоконников, как птичка на жердочке.

Неожиданно кто-то нарушает тишину библиотеки. Со всем рядом раздается голос Принца. Неужели не нашел меня на репетиции и отправился разыскивать? Щеки мигом становятся горячими. Но тут Артуру отвечает женский голос, а затем заливисто смеется. Принц не один! Он с девушкой! Быстро же нашел замену Нике...

Выглядываю в щелочку между гардинами. В объятьях Артура худенькая брюнетка с короткой стрижкой. Узнаю Ма-

ринку Зайцеву из параллельного класса. Краснею и глубже вжимаюсь в подоконник, подальше от занавески, но продолжаю наблюдать.

Принц приподнимает Зайцеву за талию, целует ее в губы. Затем ставит девушку на ноги, его руки остаются сплетенными за спиной Маринки, а ноги прижаты к бедрам девушки. Он нависает над ней, что-то нашептывая на ухо.

Словно окаменев, наблюдаю за ними. Стыд, ревность, ярость – все сплетается в моем сознании. Я должна что-то сделать, подать знак, что они не одни... И не могу. Так и продолжаю смотреть на увлеченно целующуюся парочку.

Ну, целуются, подумаешь! Тебе-то что, Мотылек? Так почему тогда слезы унижения и обиды текут по щекам, а внутри все сжимается от отвращения...

К себе? К ним? Не могу разобраться.

Видимо, я так сильно увлеклась развернувшейся передо мной сценой, что позабыла про занавески, щель между которыми все увеличивалась. С моих губ неожиданно срывается то ли стон, то ли всхлип, и в эту же секунду встречаю изумленный взгляд Принца. Он заметил меня! Вскинув голову, поймал мои обезумевшие от стыда и отчаяния глаза в свой плен. Едва заметно улыбнулся и снова наклонился к Зайцевой! Словно я не то что не помеха, а вообще пустое место, не интереснее подоконника, в который вцепилась сейчас. А самое ужасное, на меня будто ступор напал. Хочу убежать, но не могу пошевелиться. Продолжаю наблюдать за целующейся-

ся парочкой, за тем, как ладонь Зайцевой скользит с талии Принца, ниже, на его зад, настойчиво прижимая ближе к себе, поощряя и провоцируя на большее, чем просто поцелуй. Артур в ответ начинает стягивать с Зайцевой блузку!

Мое лицо уже не только пылает от смущения и стыда, оно мокрое от слез. И еще в большее смятение прихожу, поняв: Артур по-прежнему внимательно наблюдает за моей реакцией, словно для меня разыгрывает этот спектакль.

Еще минута полного окаменения, и мне наконец удастся соскочить с подоконника, несусь к двери библиотеки, забыв даже обуться.

В голове, видимо, засела мысль о репетиции, потому что остановившись, едва переведя дыхание, обнаруживаю себя стоящей перед актовым залом. Сзади раздается топот, обернувшись, вижу приближающегося Артура. Хочу лишь одного – сбежать от Принца и его странных игр, поэтому забегаю внутрь и несусь как угорелая по центральному проходу, к сцене.

– Стой, Мотылек! – несется мне вслед.

В этот момент, проносясь стрелой через весь зрительный зал, под изумленные взгляды собравшихся на репетицию учеников, мечтаю лишь об одном – никогда в жизни больше не видеть Бурмистрова. Хорошо, что народу совсем немного, человек пять от силы. Это слабое, но все же утешение – не так много людей видят мое очередное позорное бегство. И кажется, Таисии нет пока. Возможно, будь она здесь, Ар-

тур бы не стал меня преследовать, но что толку размышлять на тему «если бы». Ныряю за сцену, в гримерку.

Тут меня и догнал Принц.

– Слушай, ну ты и бегаешь! Хотя, скорее летаешь как птица, не догнать...

– Чего надо? – бурчу в ответ. Как избавиться от него? Как остаться одной, как скрыть смущение? Где моя Кормилица? В смысле, Лиса. Она обязательно помогла бы избавиться от настырного Принца. Но ее нет...

Я метнулась в сторону, желая выбежать обратно на сцену. Но Артур догоняет меня в два прыжка, хватая за плечи, разворачивает к себе. Соппротивляюсь как могу, в меня словно бес вселился. Обида, разочарование, ревность, боль, все эти демоны терзают меня, придавая силы к сопротивлению.

– Стой, Мотылек, да успокойся ты! Не думал, что так напугаю тебя в библиотеке, – продолжает усмехаться Принц. – Я твою обувь принес. Только и всего. Вырываешься, словно сожрать тебя пытаюсь. Вот, держи, Золушка. И не подглядывай больше.

Протягивает мне мои балетки, а когда понимает, что не собираюсь их брать, ставит рядом, на туалетный столик.

– Я не просила помогать мне! И я не подглядывала!

– Ладно, как скажешь. Вообще, знаешь, это весело – бегать за тобой. Похоже на сказку.

Артур приближается ко мне. Его лицо совсем близко. Смущаюсь, отстраняюсь, хочу убежать.

– Попалась, Мотылек?

– Отпусти.

– А если нет?

– Тебе что, пока Соболева на больничном, жизненно важно всю школу перетискать?

– Ревнуешь?

– Да вот еще!

Артур притягивает меня к себе, мое предательское сердце делает головокружительный кульбит, а перед глазами темнеет. Почти теряю сознание от его близости, руками цепляюсь за спинку стула, что позади меня. Зажмуриваюсь, видеть его красивое лицо так близко – невыносимо... Он хочет поцеловать меня, я это чувствую. Хотя только что целовал другую... Мне это нестерпимо осознавать, противно. Хочу оттолкнуть его и не могу. Чувствую на своих губах его дыхание, распахиваю глаза, оказываясь в серебристом плену его пристального взгляда.

Протянув руку, Артур дотрагивается до меня. Тихий голос внутри шепчет неуверенные, хотя и разумные предостережения, но, не в силах побороть запретные желания, позволяю своим тайным мечтам возродиться.

Потянувшись рукой к волосам, которые сейчас жутко растрепаны, наверное, вид у меня просто ужасный, Артур касается моей щеки. Начинаю дрожать и с трудом преодолеваю желание снова закрыть глаза, по коже пробегают мурашки, а в животе будто стая мотыльков бьется. Не могу освободить-

ся из серебряного омота, тону, захлебываюсь в этой глубине.

– Артур! – раздается совсем рядом сердитый голос Таисии. – Что здесь происходит?

Как по команде отскакиваем друг от друга.

– Репетируем, – ухмыляется Принц, а я краснею, лицо пылает.

– Василин, почему ты босиком? – спрашивает учительница. – Артур, опять твои проделки?

– Она туфли потеряла, а я нашел, – ухмыляется Бурмистров. – А в чем ты меня подозреваешь?

– В том, что как козел себя ведешь, – отрезает сестра. – Так, давай на сцену. Тебя там ждут.

– Окей. – Артур и бровью не повел на грубые слова и очевидную злость сестры. Спокойно кивает, оглядывает меня еще раз с головы до ног, словно пытаюсь найти в эту последнюю минуту то, чего изначально ожидал, но не успел обнаружить. Слабость. Уязвимость. Зависимость. И, не говоря ни слова, выходит из гримерки.

Я чувствую себя отвратительно. Ужасно стыдно перед учительницей за всю эту сцену. Наверняка сделает вывод, что Артур лапал меня, как и остальных. Всех подряд. И я такая же. Жалкая, убогая, растекшаяся лужицей у его ног, от одного лишь кивка. Или приветливого взгляда. И ведь это правда!

– Василина, с тобой все в порядке? – Таисия берет меня за руку, а я непонимающе смотрю на нее. Оказывается, так

ушла в свои мысли и увлеклась самобичеванием, что ничего не слышу. Словно в пол выросла после ухода Бурмистрова. Стою на одном месте, как зомби.

– Артур обидел тебя? Знаешь, я дома ему устрою! Он может быть настоящим козлом с девушками, уж я-то знаю. А ты из тех, кто не может постоять за себя...

– С чего вы взяли? – Вскидываю голову. Обидно такое слышать...

– Не обижайся, милая. Ты просто слишком нежная и ранимая. Я это чувствую, потому что была в твоём возрасте такой же. Не умела давать отпор...

– Артур ничего не сделал мне.

– Мне сказали, он бежал за тобой. Преследовал.

– Да, чтобы обувь отдать.

– Ты уверена, что между вами ничего? Я могу убрать его из спектакля.

– Вы же сами хотели, чтобы он участвовал! Говорили, как это важно!

– Да, для меня это важно, но не настолько, чтобы наплевать на твои чувства. Мой брат способен на все, чтобы добиться желанной цели. Может даже угрожать тебе, чтобы спектакль сорвать. Артур... слишком избалован. Любимчик деда. Матери... Он – самый обожаемый в нашем семействе, и это не могло не дать свои плоды, огрехи воспитания...

– Я справлюсь. Ничего он мне не сделает! Не боюсь, ни его, ни Соболеву.

– Никак тебя беспокоила? – нахмуривается Таисия. – Я могу поговорить с ней.

– Не нужно. Сама могу за себя постоять.

– Хорошо. – На лице учительницы появляется едва заметная улыбка, а морщинка на лбу разглаживается. – Но пообещай, если что-то, или кто-то побеспокоит тебя, ты мне скажешь?

– Обещаю.

* * *

Я и сама не могла понять, почему не воспользовалась шансом отвертеться от игры в спектакле с Бурмистровым. Могла сказать Таисии, что у нас с самого моего прихода конфликты. Могла соврать, что он по-прежнему обижает меня, или придумать, что пристаёт. И что с Иваном мне играть намного комфортнее. Но на меня, наоборот, нашло какое-то отрицание, я встала на защиту Принца! Рассказать об этом Лисе – засмеет. Еще и дразнить будет. Я и бежать хочу от Артура, и одновременно тоскую безумно, если долго не вижу его. Это очень странные, противоречивые ощущения, которыми я ни с кем не могу поделиться.

Как же нестерпимо трудно и в то же время одуряюще сладко стоять рядом с ним на сцене, произносить слова вечной любви!

Артур обращается ко мне, глядя прямо в глаза, да так про-

никновенно, у меня аж колени дрожат. До премьеры всего пара дней. Не высыпаюсь, не успеваю делать уроки, мандраж ужасный. Лиса, хоть ее роль и не главная, тоже переживает. Но хотя бы с Матвеем у нее наладилось. Он на репетиции иногда приходит, приносит цветы. Внимательно слежу за Матвеем и Артуром – даже не смотрят друг на друга, будто враги. Как же так, ведь Артур из-за него в гонках рисковал!

«Это тебя не касается, Мотылек, – говорит мне внутренний голос. – Не лезь не в свое дело».

Но ничего не могу поделать, мне интересно все, что связано с Бурмистровым.

На репетициях нас очень хвалят, буквально все, и учителя, ребята, задействованные в спектакле, а уж Таисия и вообще в восторге. Говорят, мы красивая пара. Идеальная. Умиляются, глядя на нас, все это не может не льстить. Я приказываю себе не слушать подобные разговоры. Это опасно! Глупое сердечко возьмет и поверит, а потом будет больно. Очень больно...

Странно, но Ника в этот месяц так и не появилась в школе. Я думала, потеряв роль, она все равно будет присутствовать, пусть на костылях, сидеть в зрительном зале, наблюдая за своим парнем, чтобы лишнего себе не дай бог не позволил. С Мышью... Но он и не позволяет, Соболева может быть довольна. Впрочем, наверное, она осознает, что я – не конкурентка ей, ни в чем. Если ей и нужно беспокоиться, то скорее о Зайцевой, которая с Принцем в библиотеке сосалась, и те-

перь, когда Соболевой нет, ни на шаг от Артура не отходит, бегают по пятам как собачонка. Но уж никак не обо мне. Я никогда бы не стала так унижаться, неважно насколько мне нравился бы парень. Со стороны выглядело жалко и отвратительно. Но Зайцева все ж таки получала от Принца крохи внимания, и кажется, была ими довольна.

«Вот и не думай о его личной жизни, Мотылек, забудь, выкинь из головы! Принц всегда будет зажавшимся бабником, тебе точно не подходит. Да и не смотрит он в твою сторону»

По всей видимости, в ту первую репетицию, когда Артур преследовал меня, чтобы обувь вернуть, Таисия как следует поговорила с ним. С тех пор Принц мне не досаждал. Я снова стала для него невидимкой. Все, что мы говорили друг другу, лишь слова, написанные много лет назад Шекспиром. Только Ромео и Джульетта. Никакого Артура и Василины. Никогда. Ни капельки. Но все равно после каждой фразы Ромео, обращенной ко мне, Джульетте, мои щеки начинали пылать, ресницы подрагивать, а во рту пересыхало. Мы играли любовь, при том что между нами не было даже дружбы. Между нами лежала пропасть. Мой Ромео был огнем, огромным столпом живого, неистового огня. А я была маленьким мотыльком, вокруг порхающим. Любопытным, наивным до глупости. И конечно, в результате я не могла не подпалить себе крылья.

Хоть наша постановка была скорее классическим вариантом пьесы великого Шекспира, Таисия решила внести авангардную изюминку – к моему простому белому платью прицепили бутафорские крылья – находка База Лурмана, которую он использовал в фильме «Ромео + Джульетта» с Клэр Дэйнс и Лео Ди Каприо.

– Тебе они очень идут, Василина, – восклицает Таисия. Мы стоим перед зеркалом, учительница обнимает меня за плечи, широко улыбаясь. – Артуру тоже очень идет его костюм, – вздох облегчения. – Надеюсь, все пройдет как по маслу. Я так волнуюсь! Родители только вернулись домой. Знаешь, вроде и живу давно отдельно, своей жизнью, и от мамы с папой не завишу, но до сих пор пытаюсь что-то доказать своей семье, переживаю... Классическая черта Бурмистровых. Ладно, прости, что загрузила тебя своими глупостями...

– Нисколько, – улыбаюсь в ответ. – Крылья не очень удобны, но мне они и правда идут. Мы будем стараться изо всех сил.

– Ты умница! С тобой рядом даже Артур спокойным стал! Забыл про свои гонки наконец-то.

– Мне кажется, он увлекся процессом.

– Что ж, может быть. Его воспитывали, приучая все делать

на пределе возможностей. Хотя не скажу, чтобы мы добились в этом больших успехов... Артур никогда не отличался серьезностью. Он скорее отчаянный и неугомонный. Эти его постоянные проказы, беспечность. Девчонки, виснувшие гроздьями. Толпа подражающих ему парней. Все это не на пользу. И дед вечно ругал родителей, что слишком мягки с ним. Дед, кстати, очень ждет премьеры. От тебя он в восторге и ждет на праздничный новогодний ужин.

– Меня? Ох, ну нет. Я не могу! Что мне делать в чужой семье на Новый год?

– Ну, до двенадцати ты домой успеешь, если там соберешься отмечать. Посидим немного за столом, пообщаемся... А если захочешь – у нас останешься. Меня ты знаешь, Артура тоже. С родителями сегодня познакомишься.

* * *

После разговора с Таисией стою в центре примерки, до спектакля осталось меньше часа. Вокруг бушует торнадо – кого-то гримируют, кто-то еще не до конца одет, каждый кричит что-то свое, шум и гам, кажется, только одна я готова, а так как с крыльями на спине не очень-то удобно сидеть, приходится стоять, переминаясь с ноги на ногу. Чувствую, как кто-то тянет меня за крылья назад, оборачиваюсь, ну конечно же, Артур! Чертов Ромео, тоже наряжен как положено и невероятно хорош в своем костюме, глаз не отвести. Даже

пышные бриджи и обтягивающие колготы, которые он поначалу категорически отказался надевать, его не портят. А шляпа с пером – удивительно идет, подчеркивая идеальные черты, делая его истинным Принцем.

– Отстань, – произношу как можно равнодушнее. – Заняться нечем?

– Как и тебе, – соглашается Артур. – Скука.

И снова дергает меня за чертову бутафорию, тянет назад, на себя.

– Придурок, отпусти мои крылья! Достал уже! – возмущаюсь я.

– Не отпущу...

– Артур! – раздается рядом властный голос Таисии, и Ромео удаляется на зов сестры.

– Василин, помоги корсет затянуть, – зовет меня Лиса. – Я ужасно нервничаю, – признается мне подруга. – Прямо сбежать отсюда хочется. Пойдем на воздух, а? Или хотя бы в туалет выйдем, от этого шума у меня голова болит.

* * *

– Матвей придет? – спрашиваю Лизу, ожидая ее возле туалетной кабинки.

– И Ромка тоже, – хихикает рыжая.

– Ты обоих пригласила?

– Ну, на самом деле я не уверена ни в одном, ни в другом.

Хотя Ромка вроде точно пообещал...

– А если оба придут, что делать будешь?

– Не знаю, – вздыхает Лиса. – Меня достали качели с Матвеем. То вверх, то вниз, аж бесит.

Выходим из туалета, бредем по коридору. На меня накатывает грусть. У Лизы все так запутано, но у меня, пожалуй, все еще хуже...

Нам навстречу идет Матвей с букетом красных роз. Лиза сразу же меняет походку, грудь вперед, красивый шаг «от бедра».

– Привет, – довольно равнодушно кивает она парню. – Мы как раз с Василиной гадали, придешь или нет.

– Это тебе. – Матвей передает букет, а Лиза, как заправская театральная прима, принимает розы.

– Можем наедине поговорить? – спрашивает парень.

– Спектакль вот-вот начнется... Разве что пару минут.

Оставив Лису разбираться с Матвеем, направляюсь по коридору в сторону актового зала. Но не с моим везением спокойно туда добраться. Почти дойдя до зала, я буквально нос к носу сталкиваюсь с Никой Соболевой. Так долго ее не было, я уж и забыла, какая она красивая. Сегодня Ника выглядит великолепно – волосы, уложенные крупными локонами, сияют, макияж подчеркивает огромные голубые глаза, вечернее платье модного оттенка «мята», на тонких бретелях, притягивает взгляд. Чувствую себя замарашкой с глупыми крыльями за спиной, в простом белом платье. Разве я

– Джульетта? Да ни в коем разе!

Соболева останавливается, преграждая мне путь.

– Ну привет, *замена*. Наверное, от счастья писаешься, что я травму получила, а? Говорят, старалась ты сильно. Но на результат... смотреть больно! Неужто никого получше Таисия не нашла?

– Как ты себя чувствуешь, прошла нога? – Не хочется ругаться с Соболевой перед самым спектаклем. Да и в целом с ней согласна – я так себе замена.

– У меня, мышь, как всегда, все прекрасно. Только с Мальдив прилетела. Думаешь, я дома болела, в постели валялась? У меня все по высшему разряду. Поверь, ради Мальдив можно и от роли в захудалом школьном спектакле отказаться.

– И от парня? – вырывается у меня помимо воли.

– Что? – ошарашенно смотрит на меня Соболева. А потом начинает хохотать. – Ты серьезно решила, что раз я слилась с постановки и роль тебе уступила, то и Артура отдала?

– Нет... Я не это имела в виду.

– Значит, девочки мне правду говорили? Что бегаешь за Артуром, как собачонка? – спрашивает Ника с ехидным сочувствием.

– С чего ты взяла? – Стараюсь, чтобы голос звучал как можно спокойнее.

– Да об этом все говорят. Смотришь влюбленными глазами, девочки рассказывали, на химии учитель тебе замечание

сделал, так и сказал: «Хватит, Дусманис, на Бурмистрова пялиться». О-о-о, какая ржака, не могу! Влюбилась? Ну и дура! Он и не посмотрит на тебя в ЭТОМ плане.

– Тебе показалось. Вам всем показалось! Ничего подобного!

Про химию Ника не ошиблась. Это было несколько дней назад – позорнейший случай. Наши с Артуром классы объединили на общий урок. И когда Бурмистрова вызвали к доске, я замечталась. А на деле – уставилась на его спину, как за гипнотизированная. Если быть честной до конца, мои глаза упирались в область чуть пониже спины... задница у Бурмистрова идеальная. Унизительные мысли, я бы скорее умерла, чем призналась в них. Учитель химии – Павел Андреевич, средних лет мужчина, немного грубоват и прямолинеен. Опозорил меня на весь класс. «Дусманис, хватит влюбленным взглядом на Бурмистрова пялиться». Как же я хотела провалиться сквозь землю в тот момент! А самое ужасное – Артур после слов учителя на меня такой взгляд бросил... Многозначительный. Понимающий. Мотыльки в животе враз забились, как ненормальные, я едва могла дышать. И как же было стыдно! Хорошо, что Лисы на том уроке не было. Я с ужасом представляла, как бы оправдывалась перед подругой.

– Думаешь, если тебе досталась главная роль в спектакле, то вмиг стала звездой? И перестала быть мышью? Это не так!! Ожидаешь, что Артур станет бегать за тобой, как за

мной когда-то, если изобразишь недотрогу? Ты – жалкое подобие меня! Повторюшка! Таких, как ты, замарашек по нему сохнет миллион! Вагон и тележка!

– Я рада за него.

Соболева аж позеленела от злости, видя, что я спокойна и равнодушна к ее угрозам.

– И я не притворяюсь недотрогой, понимаешь? – зачем-то добавляю, глядя на Соболеву. – Меня и правда не трогал еще никто. В этом разница между нами!

– Ах ты, сука, – шипит Ника, сжимая кулаки. Чувствую, как сильно ей хочется броситься на меня. Но она не смеет. Понимает, если испортит мне костюм или крылья, по головке никто не погладит. Догадываюсь, что только это сдерживает мстительную блондинку.

– Мне пора, скоро начало, – спокойно отвечаю Соболевой и ухожу.

* * *

За несколько минут до премьеры меня буквально трясло от переживаний. Раньше я думала, что ничего хуже, чем ежедневные репетиции, разговоры о любви с Артуром, быть не может. Или хуже очередной ссоры с Ведьмой, после которой я ввалилась в гримерку, дрожа как осиновый лист, зуб на зуб не попадал. Хорошо, что я прихватила из дома валерьянку. Приняла три таблетки, выдула стакан воды. Немного полег-

чало.

И все же, снова я ошиблась. Главный стресс был впереди. Игра в любовь перед огромной аудиторией, едва уловимое касание рук, пронзительные взгляды. Каждую минуту мне казалось – еще чуть-чуть, и я упаду в обморок от нервного напряжения. Я почувствовала, как слезы текут по щекам во время сцены на балконе, когда Джульетта прощается с Ромео:

*Почти светает. Шел бы ты подальше.
А как, скажи, расстаться мне с тобой?
Ты как ручная птичка щеголихи,
Привязанная ниткою к руке.
Ей то дают взлететь на весь подвесок,
То тащат вниз на шелковом шнурке.
Вот так и мы с тобой.⁴*

Почему мне сейчас кажется, что я произношу эти слова не от имени Джульетты, а от своего? Ведь и правда наши отношения – точь-в-точь строки Шекспира. Артур меня, как птицу, за нитку к руке привязал. Всего одно его прикосновение – и я будто парю в небесах. А потом разбиваюсь камнем о землю, осознавая, что все было лишь игрой, иллюзией.

Окончание спектакля и трагическую смерть Ромео и Джульетты венчают бурные овации. Нам довольно долго приходится, взявшись за руки, раскланиваться на сцене, и я едва держу себя в руках – нестерпимо хочется убежать, побыть

---

⁴ Уильям Шекспир «Ромео и Джульетта»

хоть немного одной. Меня буквально разрывает от самых разных эмоций.

Вокруг меня огромное количество людей, среди которых мой отец, Анна Григорьевна, Настасья Михайловна. Все целуют, обнимают, восхищаются. Чувствую себя настоящей звездой. Краем глаза замечаю, что и Артур окружен родными. У него большая семья. С которой мне предстояло познакомиться спустя несколько минут, когда я все-таки добралась до гримерки в надежде побыть одной – но не тут-то было. Семейство Бурмистровых, во главе с Артуром, завалилось в гримерку. Мое лицо от смущения приняло почти свекольный оттенок. И как же бесит, что Артур, кажется, не смущен нисколько! Таисия тоже здесь, отчего мне чуточку легче. Она представляет меня своим родителям. Я, конечно же, не запоминаю ни одного имени, но смотрю во все глаза. Родители у Артура – потрясающе красивая пара. Отец – очень представительный мужчина: высокий, с седыми волосами и искрящимся взглядом таких же пронзительно серых глаз, как и у Артура. Понятно, в кого пошел Бурмистров. А мама – одна улыбка чего стоит. От нее веет теплотой и уютом. И в то же время она очень изысканная, красивая женщина. Рядом с ней – младшая сестра Артура. Я и не знала, что у него есть еще одна сестра! Очень симпатичная, лет, наверное, двенадцати, девочка. Настоящий ангелочек, жметя к матери, молчаливая и скромная. Сразу проникаюсь к ней симпатией. И конечно же, дедушка Аристарх – сразу видно,

что в семье он пользуется безусловным авторитетом.

– Я в тебе не ошибся, деточка. Вы с Артуром показали высший класс, порадовали старика! – Аристарх раскрывает руки, и я смущенно позволяю обнять себя.

– Теперь мне лишь один подарок желанен, милая. Скажи, что придешь к нам на новогоднее застолье. Прошу, пожалуйста!

Ну и как можно отказаться в такой ситуации?

* * *

Я так и не смогла придумать отговорку, чтобы не прийти на праздник к Бурмистровым. Слишком мало времени оставалось на раздумья – всего два дня. За которые я успела кучу предложений перебрать и отбросить. Но последнюю точку в надежде избежать этого визита поставила Анна Григорьевна. Оказалось, Таисия позвонила нам домой, разговорилась с бабушкой, и вот та возникает на пороге моей комнаты грозным облаком.

– Почему не сказала, что тебя пригласили к Бурмистровым? – В голосе бабушки клокочет ярость.

– Я не собиралась идти к ним. Не хочется...

– Почему?

– Просто нет желания. Побуду дома.

– То есть со мной вдвоем отмечать интереснее?

– Нет, но...

– Значит, нет причин для отказа.

– Есть, их полно. Мне не в чем пойти...

– Сейчас съездим в торговый центр.

– Папа все еще выплачивает кредит...

– Ошибаешься. Твой отец погасил кредит, еще в прошлом месяце. А в новогоднюю ночь он улетает в Грецию. Разве ты не знаешь?

– Знаю, да. Он хочет помириться с родными.

– Интересно. А о том, что мать твоей подруги летит с ним, ты знаешь?

– Нет...

Как папа мог скрыть такое от меня? Я знала, что наши с Лизой родители понравились друг другу с первого взгляда и иногда созванивались. Мы с Лисой и ужин хотели им организовать, но, как выяснилось, они и без нашей помощи прекрасно смогли встретиться и пообщаться. Правда, нас в известность поначалу не ставили. Потом Лиса что-то об этом пробурчала между делом, а я, занятая репетициями, не обратила внимания. А ведь совместное путешествие – это уже совсем серьезно. Я очень рада за папу, Настасью Михайловну обожаю... Но почему они не сказали нам об этом? Обидно. Я ужасно хотела поехать с отцом на его родину. Он давно обещал мне это. Но я не смела просить, зная, как мы ограничены в средствах... И вот теперь оказывается, что он взял с собой вместо меня Настасью Михайловну...

Я не знала, как реагировать на полученную информацию.

Мне и обидно было, и в то же время я радовалась за папу. Меня мучили мысли – знала ли об этом Лиза. И если знала – как могла скрыть от меня? Но ведь и у меня все больше секретов от подруги. Например, о приглашении на Новый Год к Бурмистровым я ни словечка не сказала.

Будучи в полном раздрае чувств, я покорно поехала с Анной Григорьевной за платьем. Я не обращала внимания на то, что бабуля подсовывает для примерки, мне было абсолютно все равно.

– Ты отлично смотришься в белом, – бормочет меж тем бабушка. – Джульетта, надо сказать, тебе удалась, я глаз не могла отвести. И как здорово ты смотрелась с младшим Бурмистровым! Парень такой красавец! Но только не для тебя, конечно, – вздыхает бабушка.

– А мне и не надо! – обиженно отвечаю я.

– Да я о тебе же волнуюсь, – оправдывается Анна Григорьевна, заметив, что я насупилась. – Такие парни успокаиваются только к сорока, а то и позже. Нет с ними счастья, только сердце разбитое. Поверь моему опыту, от таких Ромео лучше держаться подальше. Особенно таким девочкам, как ты.

– Он мне не нравится, к чему эти разговоры? И каким «таким»?

– Вот только меня, деточка, не обманешь. Если б совсем не нравился, вряд ли бы у вас так все гладко в спектакле вышло. Зал аж не дышал. А таким – я имела в виду, что ты

слишком хорошая, кроткая и правильная. Тебе учиться надо, карьерой заниматься. Такие же, как Артур Бурмистров, могут тебя легко с верного пути столкнуть. Потеряешь себя... и пиши пропало.

– Мы много репетировали, поэтому у нас все гладко в спектакле вышло, – ворчу недовольно. Бабушка с ее нравами начинает раздражать. Если не хочет, чтобы я с Принцем общалась, зачем эти новогодние приготовления, примерки, поиск платья? Куда проще остаться дома!

– У Артура, кстати, девушка есть, на вечере будет, – добавляю еще один аргумент. – Так что твои предупреждения ни к чему.

– Ладно, как знаешь, Василина. Я лишь советую – сердце от него спрячь подальше. Семья интересная, я с радостью схожу к ним, посмотрю, как живут, пообщаюсь. Думаю, пойти в гости – неплохая идея.

– А я бы вовсе не пошла, посидели бы у телека, посмотрели огонек новогодний, – вдыхаю я. Артура и правда видеть ни капельки не хочется. Премьера перевернула мою душу. Я думала, что взлечу, воспарю в небо, настолько обострены до предела были мои чувства. А потом Артур уехал под ручку с Никой. И мне показалось, что сердце проткнули насквозь чем-то острым.

Из приглашения Таисии я поняла, что Новый год будет проходить в квартире родителей Артура. Мы договорились, что она заедет за мной и Анной Григорьевной. Каково же было мое удивление, когда рано утром, тридцать первого декабря, я увидела на пороге дома Артура. Всю ночь я представляла в мечтах, как мы встречаемся с Принцем за новогодним столом. На мне пышное голубое платье, совсем как у Золушки в экранизации две тысячи пятнадцатого года, в исполнении Лили Джеймс. Принц Артур не может отвести от меня взгляд, сквозь толпу он пробирается ко мне, подходит вплотную, опускается на одно колено и умоляет о танце...

Ха. Ха. Ха. В реальности, едва продрав глаза и не почибив зубы, уверенная, что это либо почтальон, либо соседка, подруга Анны Григорьевны, я открываю входную дверь в папином махровом халате, который мне настолько велик, что волочится по полу. Папа улетел, Лиса отправилась на все праздники к бабушке и дедушке по папиной линии, весь вечер я грустила в обнимку с альбомом для рисования, так и заснула на кушетке в гостиной, свернувшись калачиком в теплом уюте папиного халата.

И вот смотрю на Артура, в миллионный раз краснея и смущаясь. Да уж, показала красоту, Золушка. Огромная махровая хламида в коричневую полоску, на голове воронье

гнездо, уж точно нет причин рассчитывать на звание красотишки. Скорее, чучела.

Вздыхаю. Ну а мне-то что? Убедится лишний раз Бурмистров в том, что я – страшилище, подумаешь! Я ведь не его девушка, не претендую на это звание, не мечтаю понравиться ему.

– Чего надо? – буркаю недовольно. – Ни свет, ни заря приперся, мы вообще-то спим еще. Прошу, скажи, что домом ошибся.

– За тобой приехал. И чего недовольная такая? Самая волшебная ночь в году, даже мотылек сегодня бабочкой способна стать. А ты куксишься.

– Может, все-таки скажешь, зачем приехал? Или так и будем тут стоять? Мне холодно.

– Так я и жду, пока в дом пригласишь.

– Зачем это?

– Уф-ф, Мотылек, ну и злюка ты по утрам. Я за тобой приехал. Ты же пообещала сестре, что на праздник придешь?

– Да... И она сказала, что за мной заедет.

– Не получается у нее. Дел слишком много. Попросила меня, приказала, можно сказать. Так что у нас обоих нет выбора. Хоть и не желаешь меня видеть... придется потерпеть.

К сожалению, задаваться вопросом, с чего Артур решил, что я его видеть не хочу, помешала бабушка. Вот кто умеет и ранним утром выглядеть идеально! Отлично уложенные волосы, легкий макияж. Да и красное шелковое кимоно изыс-

канно облегает фигуру.

– Что такое, Василина, у нас гости?

– Это Артур. Бурмистров. Говорит, что приехал за нами.

Так рано...

– Действительно, мы не ожидали столь раннего визита, но проходите, молодой человек. Я начала делать омлет, будете?

– Не откажусь, – пожимает плечами Артур.

– Я пойду переоденусь, – шепчу бабушке на ухо. И, не глядя на гостя, выскальзываю из комнаты.

Перебираю весь гардероб, как ненормальная, вывалив все из шкафа. Но так ничего и не приходит в голову. Да и глупо пытаться поразить Принца, за которым бегают все красотки школы. И не только... Натягиваю джинсы, простую белую водолазку из ангоры и спускаюсь на кухню. Бабушка и Принц оживленно обсуждают... Травиату, любимую бабулину оперу.

У меня пропадает дар речи, стою тихонечко на пороге кухни, слушая их диалог. Да уж, умеет удивлять Бурмистров. Никогда бы не подумала, что он способен даже просто высидеть оперу, а уж тем более вникнуть в сюжет и составить собственное мнение. Но сейчас Анна Григорьевна и Артур жарко спорят именно о сюжете.

– Вся суть в том, что Альфред Жермон слаб и жалок. Не смог отстоять свою любовь. Поверил слухам. Позволил отцу разрушить свое счастье, – говорит Бурмистров.

– А ты бы как поступил?

– Если бы любил, плевать на прошлое, увез бы ту, с кем хотел быть, подальше.

– Несмотря ни на что? Несмотря на ее тайны, прошлые ошибки и грехи? – удивляется бабушка.

– Если хочешь быть с человеком, разве может что-то помешать?

Бабушка собирается ответить, но замечает мое появление.

– Василина, мы заждались тебя! – недовольно восклицает она. – Скоро выезжать, мы уже позавтракали, давай и ты поторопись...

– Я не голодна.

Я действительно редко ем в такую рань, а уж под пристальным взглядом Принца кусок в горло точно не полезет!

– Хорошо, тогда выдвигаемся, – командует Артур. – Ехать часа три, так что возьми с собой бутерброд.

Анна Григорьевна, к моему удивлению, послушно семенит за сумкой. А я так и остаюсь стоять столбом посреди кухни.

– Куда мы едем? Почему так далеко?

– Дед решил отмечать праздник в своей загородной резиденции. Сестре пришлось еще вчера выехать туда, чтобы помочь с организацией. Вот и попросила меня помочь, вместо нее привезти дорогих гостей, то бишь вас.

– Но я не собиралась ехать в такую даль... Никто не предупредил, что приглашение подразумевает длительную поездку... Не знаю, что нужно взять с собой. И вообще, неохо-

та никуда ехать!

– Решай сама, – пожимает плечами Артур. – Только быстрее. Не хочу попасть в пробку.

– Деточка, хватит выделываться, – подходит ко мне Анна Григорьевна. – Поехали.

Глава 14

Загородная резиденция Аристарха Бурмистрова поразила мое воображение. У меня буквально челюсть отвисла. Отчего-то в голову пришло сравнение с поместьем из книги Маргарет Митчелл. Я как раз только закончила читать «Унесенные ветром», и Тару я представляла именно так. Кованые ворота, длинная подъездная дорога и огромный трехэтажный особняк. По бокам дома – величественные дубы, украшенные мерцающими гирляндами. Справа, чуть поодаль, огромная ель, стильно наряженная сочетанием золотых и красных украшений, шаров и мишуры. Невозможно отвести взгляд от этой красоты, я замираю.

– Вижу, ты под впечатлением, – бросает замечание Бурмистров. – Надеюсь, ты выспалась пока ехали, во всяком случае, посапывала эти три часа в машине довольно сладко.

Я краснею под его взглядом, действительно, всю дорогу в машине я проспала как убитая. Надеюсь, хоть не храпела!

Артур, можно сказать, бросил нас на пороге. То есть, как только мы вошли в просторный холл, разглядывая стильный дизайн, изысканные обои, все будто из телевизионного сериала о жизни элиты, Бурмистров испарился. Нас приветствовала немолодая женщина строгого вида, представившаяся экономкой. Проводила в отведенные нам комнаты. Оказалось, что нас с бабулей решили поселить отдельно. Я за-

метила ее недовольство, но спорить, как ни странно, Анна Григорьевна не стала.

Итак, я оказалась в одиночестве на третьем этаже особняка, в просторной комнате с розовыми обоями в мелкий цветочек. Прямо «девичья» комнатка, кровать с пологом, подушки с рюшами, пушистое покрывало персикового оттенка, на которое так и хочется прилечь... В центре комнаты кованный журнальный столик, по обеим сторонам от которого – два кресла, по размерам скорее как мини-диванчики, обтянутые тканью розового и голубого оттенков. На полу – ковер с длинным ворсом, серого цвета. Буквально все в этой комнате радовало глаз, но я терялась в догадках, кому она принадлежит, ведь на комнату для гостей все это великолепие не очень походило. Слишком все уютное и девчачье...

Из окна открывается вид на конюшни. Я всегда обожала лошадей, в родном городе даже одно время занималась верховой ездой, папа устроил меня через знакомого, который работал на конюшнях. Это было ужасно интересно, у меня быстро начало получаться. Но потом у нас начались финансовые затруднения, и как бы ни хотелось продолжать любимое занятие, пришлось его оставить. Даже добираться на окраину города стало накладно. Зависнув на подоконнике, уставившись на конюха, выводящего в данный момент роскошного гнедого из паддока, я поняла, что очень соскучилась по прошлому, по нашей жизни вдвоем с отцом. Возможно, было непросто, но проблем уж точно тогда существовало

в разы меньше. А я была счастливой и беспечной, несмотря ни на что.

– Привет! – отвлек меня от мыслей женский голос, и от неожиданности я едва не свалилась с подоконника. Кто мог так бесцеремонно зайти в комнату?

Поворачиваюсь, передо мной стоит девочка подросток в малиновом халате, растрепанная, босиком, внимательно разглядывает меня. Узнаю младшую сестру Артура.

– Привет, – отвечаю вежливо. – Не ожидала тебя здесь увидеть. Анжелика, я правильно помню?

– Да, точно. Только лучше Лика. Извини, что так неожиданно ворвалась, – смущенно говорит девочка. Вот только хитрый прищур глаз, совсем как у Артура, говорит мне о том, что девица на деле не так невинна и проста... и что я сильно ошиблась в своем первом впечатлении на премьере. Она не ангелочек, далеко нет.

– Ничего страшного, – улыбаюсь ободряюще.

– Знаешь, ты только не подумай чего... хочу признаться, – мнется Лика. – Эта комната – смежная с моей. По сути, все это – мои «покои». Я попросила поселить тебя сюда, уговорила дедушку, хоть он и ворчал, что это неудобно... И поставил условие, чтобы я сразу тебе все это разъяснила, сказала, что он тут ни при чем, – последнюю часть фразы девочка выпаливает буквально скороговоркой.

– Ясно. Объяснишь почему?

– Ты меня заинтересовала. Захотелось пообщаться. Когда

я узнала, что будешь на Новый год... Обычно мы только самых близких приглашаем. Но Таисии ты очень нравишься, дедуля просто в восторге от вашего с Артуром дуэта, вот и я решила узнать тебя получше.

– Что ж, спасибо за откровенность, Лика. Я тоже очень люблю твоих родных, Таисия – моя любимая учительница. А дедушка у тебя – замечательный! – Отвечаю как можно дружелюбнее, но чувствую себя неловко. Попала на праздник в большую семью, совершенно чужую, кто я здесь?

Надеюсь, что девчонка уйдет, а я смогу побыть одна, разобрать вещи и обдумать только что сказанное ей. Как я оказалась здесь, в дали от города, от дома... И чего ожидать от этой поездки? Надеюсь, Лика всего лишь любопытна, что это не ревность, еще одного врага не хочется иметь, еще и в соседней комнате, пусть даже на одни сутки...

Но девочка не уходит, она плюхается в одно из кресел и внимательно смотрит на меня.

– Что делать будешь? Только не говори, что спать! Родители обязательно днем ложатся, чтобы к бою курантов быть как огурчики. Раньше меня тоже заставляли...

– Нет, вряд ли смогу уснуть. Надо сумку разобрать...

– Помочь?

– Нет, спасибо... Там ничего особенного, немного вещей.

Только сейчас мне в голову приходит мысль, что из-за суматохи и скорых сборов я толком даже не помню, что положила в сумку! Да что там, я понятия не имею, что мне пред-

стоит одеть на новогодний вечер! Вот это предел идиотизма! Во время шопинга с бабушкой я была так поглощена мыслями о Принце, что выполняла лишь требования Анны Григорьевны – это снимки, то надень... В итоге мы что-то купили, но к тому времени я уже совершенно как выжатый лимон была. Бабушка выбору своего наряда уделила, пожалуй, в два раза больше времени, чем моему. Я же, скучая, таскалась следом. Так что же мне купили? Что-то белое, кажется.

– Ты мне нравишься, – заявляет вдруг Лика. – Не помещана на шмотках, как эта слащавая Вероника. Вечно сюсюкается со мной как с малышкой, аж бесит!

– Тебе не нравится девушка брата? – осторожно, стараясь не выдать радости, спрашиваю я.

– Терпеть ее не могу! Лицемерка, а со мной вечно сюсюкается, аж противно. Как будто я debilка недоразвитая.

– Она здесь? – спрашиваю со вздохом.

– Разумеется. Наши деды много общаются. Дела, интересы, спорт. Правда, раньше она не так надоедала. Но потом мой братец решил замутить с ней, и от Ники не стало воздуха! Артур и сам уже устал от нее. Ха, даже забавно наблюдать, как он от нее бежит...

– Ясно, – отвечаю равнодушно, надеясь показать, что тема отношений Ведьмы и Принца меня не особо интересует. Беру сумку и начинаю разбирать вещи. Достāju белое платье с широкой юбкой. Значит, вот что мы с бабулей выбрали? Снова простота? Надоело!!! Внутренний всплеск отрицания,

сиюминутный. К чему эмоции, Мотылек? Тебе никогда не стать бабочкой, и ты это знаешь...

– Красивое, – говорит Лица. – В шкафу есть вешалки. Можно попросить Машку, она отпарит. Сейчас позвоню.

– Не нужно...

Но Лику не остановить, она уже говорит в мобильный:

– Маш, поднимись ко мне, пожалуйста. Надо кое-что отпарить. Ага,хвати.

– Все быстро сделают, не волнуйся, – добавляет Лица, видя мою ошарашенную физиономию.

– Не привыкла к такому... Горничные, прислуга.

– Ну, это удобно, – пожимает плечами Лица. – А мы пока можем погулять. Хочешь, я тебе дом покажу?

Мне хотелось, очень. Но мысль о том, что могу наткнуться на Артура с Никой, меня останавливала. Сегодня Новый год, я словно в сказку попала, так, может, не стоит себе настроение портить? Но и в комнате сидеть не хотелось.

– А мы можем сходить на конюшню? – спрашиваю неуверенно. – Обожаю лошадей!

– Правда? Я тоже! – Лицо девочки просияло. – Конечно, пойдем! Я тебя с Гранатом познакомлю.

– Гранат?

– Мой конь, двухлетка, дедуля на позапрошлый день рождения подарил!

Выходим на улицу, и тут же, невесть откуда к нам несутся две огромные собаки. Они такие большие, и на первый взгляд – пугающие до жути. Начинаю пятиться, едва сдерживаюсь, чтобы не побежать со всех ног назад в дом. Лика в последний момент замечает мой испуг и останавливает, схватив за плечо.

– Испугалась? Не бойся!

Не успеваю придумать скептический ответ, собаки уже рядом, одна напрыгивает с ходу на Лику, а вторая на меня. Едва удается устоять на ногах, зажмуриваюсь от ужаса, и тут чувствую, как большой мокрый язык вылизывает мне лицо.

– Кас, Пол! Фу! Перестаньте! – строго кричит Лика. – Мои хорошие, – тут же интонация ее голоса меняется. – Соскучили, зайки.

– Ничего себе зайки, – отталкиваю от себя зверя, немного успокаиваюсь, понимая, что собаки добрые и ласковые. – Я чуть не описалась от страха!

– Они большие да, но совершенно безобидные. И ужасно любвеобильные. Ты понравилась Поллуксу.

– Как говоришь их зовут?

– Кастор и Поллукс. Красавчики мои!

– Имена классные! Им очень подходят. Ты их различаешь?

– Конечно, запросто! Поллукс, во-первых, на год младше. Смотри, у него пятна на спине большие, широкие. А у Кастора такие ближе к заду... Да у них куча отличий, но выглядят они на первый взгляд близнецами, – смеется Лика.

Мы еще долго возимся с догами, играем с ними, гладим, теребим за уши, позволяем лизать себе руки. Теперь я уже с трудом могу оторваться от этих очаровательных красавцев.

* * *

На конюшне мы провели с Ликой больше часа. Она не только со своим жеребцом, изумительно красивым Гранатом, познакомила. Анжелика рассказала почти о каждой лошади, о всех десяти. Жаль, покататься мы не смогли – слишком холодно, мороз все крепчал, к ночи обещали снегопад и под минус тридцать. А сейчас был полдень, слабые, едва заметные снежинки падали с неба, лениво кружась, создавая атмосферу сказочного праздника. Красота невероятная. Мы побродили по ухоженной территории поместья, позади дома открывался великолепный вид – вдалеке стоял лес. Густой, заснеженный.

– Летом ходим туда за грибами. С охраной, естественно, так дед не пускает, – хмыкает Лика.

– Спасибо за экскурсию, – искренне благодарю девочку. – Я чудесно провела время. Жаль, не лето сейчас... Никогда не собирала грибы. Это интересно?

– Довольно нудно. Но я влюбилась прошлым летом в соседского мальчика, а он с родителями почти каждый день в лес ходил... Вот и я увлеклась, – хихикает Лика. Я в ответ тоже улыбаюсь. Мне все больше нравится эта открытая девчонка. Совсем не заносчивая, не вредная, хотя видно, спуску не даст, если что не понравится.

– А теперь можем поплавать, – заявляет Лика.

– Что, прости?

– Пойдем в бассейн.

– Я немного замерзла...

– Ой, да ты ж, наверное, голодная!

Но я не чувствовала голода. Столько событий, впечатлений, я была взволнована и возбуждена, а это всегда отбивает у меня аппетит.

– Нет, я не хочу есть, спасибо.

– Тогда чаю попьем! Потом в хамаме посидим, погреемся, и в бассейн.

– Извини, не поняла. Где посидим? Хама-что?

– Хамам. Это баня по-турецки.

Я ни разу не была в бане, даже в обычной, русской. Стыдно признаваться в этом перед Ликой, подумает, что я совсем темная.

Девочка снова звонит по мобильному, и к нашему возвращению в ее комнате уже накрыт стол, ароматный чай разлит в фарфоровые чашки. Вазочки с конфетами, печеньем и мини-сэндвичами. «Роскошный ланч миллионера» – замечаю

про себя ехидно. Но мне все ужасно нравится: уют, быстрый сервис, роскошь дома. Хочется насладиться всем этим в полной мере, представить себя частью всего этого. Хотя вслух я конечно ни за что в таком не признаюсь. С наслаждением беру в ледяные с мороза ладони горячую чашку. Осматриваюсь – смежная с моей комната, принадлежащая Анжелике, в два раза больше по габаритам. Огромная кровать, тоже с пологом. Только краски тут ярче – преобладают оттенки фуксии и салатового, немного отдает востоком. Все выглядит очень уютно. Есть письменный стол, стеллаж с книгами, туалетный столик с огромным количеством баночек и бутылочек. Девочковый рай...

Рассматриваю книги – большинство авторов мне не знакомы, но и классическая литература, хоть и в небольшом объеме, присутствует.

– Знаешь, у меня ведь нет с собой купальника, – вдруг вспоминаю я. – Да и плаваю я ужасно... Всего два месяца как учусь.

– Ну ничего себе! Как можно не уметь плавать?

– Вот так... Я в школе даже чуть не утонула однажды... А твой брат меня спас...

– Ну ни фига!!! – аж подскакивает Лика. – Расскажешь все в подробностях?!

– Да нечего особо рассказывать. Меня кто-то в бассейн толкнул, а я плавать тогда вообще не умела. Артур был в этот момент в воде и вытащил меня.

– Круто! Я про это не знала. Родители, кажется, тоже. Мой брат герой! Обычно, знаешь, ему только отповеди достаются... То он в гонках участвует – маман жутко переживает по этому поводу... То девица какая приходит под дверь дежурить, зареванная... Папу это ужасно бесит, – смеется Лика. – А вот геройство – это редкость.

– Не надо им рассказывать, пожалуйста. – Я уже не рада, что проговорила про этот случай.

– Хорошо. Но в бассейн все равно пойдем. Он до середины неглубокий, по грудь тебе будет. Не утонешь, не бойся.

– Я уже два месяца с инструктором занимаюсь... Немного стало получаться.

– Вот и отлично! А купальник не проблема, пошли.

* * *

Анжелика привела меня в огромную комнату на первом этаже. С интересом оглядываюсь, тут множество вещей, платьев, верхней одежды, обуви.

– Что это за место?

– Гардеробная, – хмыкает Лика. Гостей тут бывает много, так что актуально. Не переживай, все новое. Если кто что берет отсюда – уже не возвращает. Это такой «магазин» для гостей, на все случаи жизни.

– Но откуда эти вещи?

– Все, что мы покупаем, но не носим. Такое часто быва-

ет. Или дарят, а нам не подошло... Бабушка тот еще шопоголик... Была. Вот, смотри, целая коробка купальников.

– Твоя бабушка умерла? – спрашиваю осторожно.

– Нет, что ты! Они с дедом развелись в прошлом году. Долгая история, мои предки весьма эксцентричные, бабуля – особенно. Родители были в шоке, полжизни вместе прожили, и на тебе, приревновала деда – и сразу развод! Дурдом тот еще...

* * *

Я выбрала самый простой и скромный купальник, из тех, что нашлись моего размера. Слитный, черного цвета. «Монашенский» – так окрестила его Лика, ей мой выбор совершенно не понравился, но спорить она не стала.

Меня буквально восхитила турецкая баня, куда мы отправились с Ликой после чаепития. Горячий пар отлично согревал и расслаблял, убирая тревожные мысли из головы. Правда, долго я не высидела, минут десять – и выскочила наружу. Лика вышла за мной. Ополоснувшись в душевой, пристроенной к хамаму, мы вышли в помещение бассейна. Тут тоже царил роскошь, я аж задохнулась, все казалось мне невероятно великолепным. Много света, высоченные окна, как по бокам, так и в крыше помещения. Можно плавать и смотреть, как над тобой кружатся снежинки... Вокруг бассейна стояли уютные диванчики, столики, даже бильярд. В конце бассей-

на располагалось огромное джакузи. Да уж, не будь Артура, я бы не отказалась провести здесь все новогодние каникулы!

Лица плавала как рыба, ныряла, кувыркалась в воде. Я, смотря на нее, тоже осмелела. Начала потихонечку заплывать на глубину. Совсем чуточку. Лица меня подбадривала, учила нырять, мы были так увлечены процессом, даже не заметили, что уже не одни.

– Так-так-так, – раздался мужской голос у нас над головой. – Кто это тут у нас? Две русалки! И такие одинокие, мне свезло, похоже.

Я испуганно уставилась на парня, мигом вспомнив эту ехидную, с подковыркой, манеру разговора. Тот самый парень из «Бездны», который спорил с Артуром насчет меня!

«Иди ко мне, малышка. Я тебя спасу от плохого мальчика. Я – хороший, можешь быть спокойна. Не дам в обиду», – всплывают в памяти слова, сказанные этим парнем в клубе. Только я не поверила им ни капли. Он такой же, как Артур. Если не хуже. Еще как способен обидеть. Это прямо-таки читается на его красивом, порочном лице.

– Я-я-якоб! – визжит Анжелика, выскакивает в два прыжка из бассейна и несется в объятия парня.

– Привет, Солнце! – смеется тот. – Эй, я теперь весь мокрый!

– Ну а как иначе, ты ведь в бассейн пришел!

– Точно. Ты права. Черт возьми, ты так выросла, крошка! Дай я тебя рассмотрю хорошенько! Сколько мы не виделись?

– Год! Все это дурацкая частная школа, – надувает губки Лика. – Не хочу больше там учиться. Одни девчонки, озвереть можно!

– Да уж, одни бабы – это ужас, особенно для такой кокетки как ты, – смеется Якоб.

– Не хочу больше учиться там!

– А что родители?

– Обещали подумать! Хочу к Артуру в школу!

– Отличная идея, как по мне, – соглашается парень. – А с подружкой не познакомишь? – поворачивается Якоб ко мне. – Одинокая? Я сегодня один, и компания мне не помещает.

– Это Василина, она из Артура школы. Они вместе в спектакле играли.

– Артур играл в спектакле? – поднимает брови Якоб, его недоумение так забавно, что Лика прыскает от смеха.

– Отгадай, кого!

– М-м-м... Серого волка? Твоей молчаливой гостье очень бы подошла роль Красной шапочки, – продолжает прикалываться Якоб.

– Нет, Ромео! – хохочет Анжелика. – А в воде – его Джульетта!

– Серьезно? И как я мог это пропустить?!

– Не знаю. Артур не пригласил тебя на премьеру?

– Ни словом не обмолвился. Впрочем, мы давно не общались... Меня родители на месяц за границу отправили.

– Ничего себе подарок за плохое поведение!

– Уж поверь, было не в кайф в том месте, куда я попал.

Немногим лучше реабилитационной клиники... – морщится Якоб.

– Артура тоже туда хотели, – кивает Лика. – Но, видимо, решили, вместе вам будет слишком весело. И его направили на исправительные работы... в школьную постановку.

– Честное слово, военный лагерь теперь кажется мне более подходящим местом.

– Возможно. Но мне пьеса понравилась, Артур хорошо сыграл.

– А как Вероника-то позволила быть кому-то, кроме себя, Джульеттой? – вдруг задумчиво спрашивает Якоб, причем обращаясь, похоже, ко мне. Смотрит на меня внимательно. А я так и замерла в воде, на все время разговора. Уже замерзнуть успела, но вылезти из воды на глазах у парня слишком стесняюсь.

– Василин, пойдем в хамам, погреемся? – предлагает Лика. – Ты уже дрожишь вся, вылезай, а то простудишься. Она не очень хорошо плавает. – Последняя фраза обращена к Якобу. Делать нечего, выхожу из воды под пристальным оценивающим взглядом. Мне ужасно неловко, как можно скорее подбегаю к диванчику, где оставила полотенце, хватаю его и прикрываюсь, заметив, что Якоб направляется ко мне.

– И почему мне кажется, что мы знакомы? – спрашивает он, оглядывая меня с головы до ног. Он подошел ко

мне вплотную. Мне пришлось откинуть голову назад, чтобы встретиться с ним взглядом.

– Вспомнил! Неужели Золушке все-таки довелось получить приглашение на бал? – Протянув руку, Якоб дотрагивается подушечкой большого пальца до моих чуть приоткрытых для ответа губ. Резко откидываю голову назад, но не успеваю отстраниться. Палец нежно скользит по губам, которые начинают гореть от этого прикосновения.

– И вот опять этот взгляд, словно я серый волк, который мечтает похитить ягненка. Сложно поверить, что ты настолько невинна, дорогая.

– Отстань, Якоб, ты смущаешь ее! – встает на мою защиту Лика. – Василин, не обращай внимания, он обожает смущать девушек. На самом деле Якоб безобидный и очень добрый.

– Ага, только с детьми и старушками. Так что ты, милая, в полной безопасности. А вот Джульетта...

– Уже синее от холода. Все, мы ушли в хамам, а ты – марш за плавками! – командует Лика.

* * *

– Я ни за что больше не полезу в воду, если там будет Якоб, – предупреждаю Лику, пока отогреваемся в бане. – Он... странный. И совсем мне не нравится.

– Да ладно, если он и опасен, то где-нибудь на тусовке, может прижать в темном углу, – хихикает Лика, глядя на мое,

ошарашенное ее словами, лицо. – Но тут, у дедули в гостях, все плохие мальчишки становятся паиньками.

– Родители Якоба и ваши тоже дружат?

– Ага. Раньше наши квартиры были рядом. Потом Штаховские переехали в Прагу. Но Якобу там не понравилось, он вернулся. Ему позволили жить с дедушкой и бабушкой. А когда в институт поступил, купили ему отдельное жилье, где-то в центре. С Артуром они друзья с самого детства. Только Якоб старше, он уже в институте учится. Квартиру свою Штаховские сейчас сдают, а для Якоба купили поменьше и ближе к институту.

– Ясно. Но в бассейн мне больше все-таки не хочется.

– Ой, да ладно тебе! Ну тогда в джакузи полежишь. Ты еще не добралась туда.

Джакузи мне действительно ужасно хотелось попробовать. Огромная круглая ванна находилась в углу бассейна, с бурлящими пузырьками, так и манила залезть в нее.

– Ну хорошо, – соглашаюсь. – Но если Якоб будет доставать меня...

– Пожалуешься деду! Он его быстро уgomонит. Это будет весело, – смеется Лика.

* * *

Лежу в джакузи, наслаждаясь теплом и мощным водяным массажем, расслабляющим спину и ноги. Так хорошо. Да-

же глаза закрываются сами собой. Якоб и Лика плещутся в бассейне, играют, шутят, Лика все время визжит, мешая мне окончательно заснуть. Но едва я почти полностью расслабилась, как в помещении появляются Артур и Ника. На Бурмистрове лишь распахнутый настежь белый халат и черные плавки. Соболева облачена в крохотное золотое бикини, не оставляющее простора воображению. Ее купальник подчеркивает красивой формы грудь, высокие бедра и длинные стройные ноги. Ника вначале располагается в кресле, поправляя тесемки купальника и заматывая волосы в пучок. Каждое движение – как для фотосессии модного журнала. Будто почувствовав, что я наблюдаю за ней, Соболева бросает быстрый взгляд на меня, поднимается с кресла, покачивая бедрами, направляется к Артуру. Прижимается к нему всем телом, пока он болтает с Якобом и Ликой, что-то шепчет на ухо. Принц кивает. Мне становится не по себе. Вдруг эти двое что-то задумали против меня? Хочется уйти, но это будет выглядеть как побег...

Из-под полуопущенных ресниц наблюдаю за Артуром. Мое дыхание учащается, лицо горит, в животе странное щекочущее ощущение. Это безумие, это так стыдно и так глупо! Но приходится признать – это моя сумасшедшая реакция на Бурмистрова в плавках!

Артур прыгает в воду и несколько раз проплывает всю длину бассейна, туда и обратно. А Соболева залезает в джакузи и устраивается напротив меня. Смотрю на нее, ожидая

очередную порцию гадостей. Но Ника на этот раз удивляет меня.

– Знаешь, я решила, что мы не с того начали, Василина, – заявляет она. – Нам совершенно ни к чему враждовать. Тем более, раз мы оказались обе приглашены в этот дом.

– Согласна, – осторожно отвечаю. – Я никогда и не хотела ссориться с тобой.

– Ну вот, наконец я это поняла. Значит, мир?

– Хорошо...

– Отлично!

В бассейне появляется женщина в форме горничной, подходит к Нике и что-то говорит, но у меня не получается слышать из-за шума воды. Впрочем, я отворачиваюсь в сторону, изображая равнодушие.

– Парикмахер приехал, – вздыхает Ника. – Не дали поплавать. Василин, как насчет прически? У меня отличный мастер.

– Спасибо, но мне не нужно, – отвечаю я. Хоть я и рада тому, что Ведьма сменила гнев на милость, все ж не настолько ей доверяю. Еще покрасят не пойми во что или побреют...

– Ну, как знаешь. – Соболева вылезает из джакузи и направляется к бассейну.

– Никуля, уже уходишь? – вопрошает Якоб, на котором виснет Лика.

– Ага. Пора заняться красотой, – важно заявляет Ника.

– Ты и так прекрасна.

– Милый, – обращается Барби к Артуру. – Может, вместе пойдём?

– Нет, я здесь буду. Мне прическа ни к чему.

– Ошибаешься. – Ника влюбленным взглядом пялится на мокрые белокурые локоны, облепившие лицо Принца. – Тебе не помешает стрижка.

– Потом, – отмахивается Бурмистров.

Ника оглядывается на меня, словно ей не хочется оставлять своего парня со мной в одном помещении. Серьезно? Я смею ТАК думать? Или это неумно разыгравшееся воображение?

В любом случае блондинка покидает помещение, красота оказывается важнее любви. А я... продолжаю украдкой наблюдать за красавцем-блондином, рассекающим воду мощными рывками совершенного длинного тела. Я настолько поглощена Артуром, что не сразу замечаю – Якоб вылез из бассейна и направляется ко мне. Только когда он опускается в джакузи рядом со мной, я ошеломленно отскакиваю от него.

– Не бойся, Красная Шапочка, – ворчливо произносит Штаховский. – Не съем тебя. Только попробую. – Якоб хватается меня за руку, притягивая к себе. – И чего ты такая пугливая, а?

И что делать? Сказать: «Я дедушке Аристарху пожалуюсь» – глупо и стыдно. Пытаюсь вырвать руку, на минуту кажется, что удалось, но тут Якоб приподнимается, хватается меня за талию и снова опускается в джакузи, а я оказываюсь

буквально распластанной на нем!! Наши лица вплотную друг к другу, замороженно смотрю на его изогнутые в усмешке пухлые губы, большие голубые глаза... Понимаю, что Якоб собирается меня поцеловать... осознаю, что не смогу помешать этому – никакой опоры, чтобы схватиться, оттолкнуться от него. А в следующую минуту меня вырывают из рук Якоба и буквально отшвыривают в сторону. Принц! Стоит посреди джакузи и выглядит ужасно разозленным.

– Эй, мы вообще-то были заняты, амиго! – возмущенно восклицает Штаховский.

– Теперь ты освободился, – холодно отвечает Артур. – Поговорим? Сколько можно приставать к девушке?

– Ты ей нянька? Или парень? Ой, нет, ты ведь парень Никуси. Она только что ушла отсюда. Ты, часом, ее с этой брюнеткой не попутал? Хотя подожди – они ведь совсем не похожи! Вот ни капельки! И с чего ты решил, что малышка нуждается в защите? Мы прекрасно проводили время.

– Ей это не нравилось! – отрезает Артур. – Нехрен доставать моих гостей в моем доме. Чего с собой телку не привез?

– Знал, что у тебя две всегда под боком! Слушай, Бурмистров, а не зажрался ты? Второй раз меня с этой девочкой обламываешь. Она тебе кто?

– Не твое дело! Она никто!

– Сам не ам и другим не даешь? – вскипает Якоб. – Ты че – блюстителем морали заделался?

– Она гость деда. Просто будь уважительнее.

– Ты че, воспитывать меня решил? Это с какой стати? – Штаховский поднимается из джакузи и подходит вплотную к Бурмистрову, нос к носу.

Артур и Якоб разошлись не на шутку, в воздухе запах дракой. Меня буквально колотило от происходящего, оба парня выглядели заведенными до крайности и готовыми на кулаках решить спор, причину которого я не могла понять. Я посмотрела на Лику – девочка вылезла из бассейна и теперь испуганно переминалась с ноги на ногу, явно не зная, что делать. Она явно ошеломлена происходящим. Значит, ситуация нетипичная. Драка в канун Нового года, в шикарном особняке, два красавца парня, из-за меня? Такого просто быть не может! И поверить сложно, и отчего-то гадко и стыдно, подобного позора в гостях мне уж точно не хочется пережить. Парни продолжают стоять возле кромки бассейна и как два петуха напряженно смотрят друг на друга. Поднимаюсь из воды, спотыкаясь, добираюсь до Артура и пытаюсь взять его за руку.

– Пожалуйста, не надо! Со мной все в порядке. Якоб ничего такого не сделал, правда! – прошу Бурмистрова почти умоляюще.

– Отвали, – рывкает на меня Артур. От этой грубости глаза наполняются слезами. Но я упрямо не отпускаю руку, продолжая оттягивать Принца от Якоба. – Отстань же от него! Если это такая защита, то мне она не нужна!

Но парни в мою сторону и не смотрят, занятые друг дру-

гом, злые, агрессивные. Артур бросается на Якоба, и они, сцепившись, падают в бассейн.

Мы с Ликой застываем возле бортика, с ужасом наблюдая, как драчуны уходят под воду, потом всплывают и снова, схватившись друг за друга, погружаются. Что мы можем сделать? Кричать «прекратите» – бесполезно. Поворачиваю голову к входу, собираясь бежать за помощью, и вижу неторопливо идущего в нашу сторону мужчину. Заметив драку, он быстро скидывает мокасины и с разбегу бросается в воду, прямо в одежде. Он почти сразу растаскивает драчунов. Впихивает на кафельный пол Якоба, кажется, потерявшего сознание, хлопает его по щекам и зло смотрит на Артура, который выбирается из бассейна самостоятельно.

– Что это значит? – видно, что мужчина в ярости. Он последним вылезает из бассейна, встает в полный рост, с рубашки и брюк стекает вода. – Ты совсем охренел?

– Не твое дело, – хрипло отвечает Бурмистров и закашливается.

– Ты его чуть не утопил! Своего друга. В доме деда! Последние мозги отказали?

– Слушай, отстань, а? Ты мне не папочка.

Ощущение, что эти двое ненавидят друг друга. Хотя я почти уверена, что они – родственники. Внешнее сходство на лицо. Еще один брат?

Лица, тем временем, никакого внимания не обращает на эту перепалку. Она падает на колени перед Якобом, кладет

его голову себе на колени, обхватывает лицо ладонями... Наклоняется с явным намерением сделать парню искусственное дыхание... Но тут мужчина отвлекается от Артура, переводит взгляд на Лику, чертыхается и оттаскивает девчонку от Якоба. Я, как замороженная, наблюдаю за развернувшимся спектаклем, не в силах решить, кто в данный момент интереснее. Якоб, явно дышащий самостоятельно и даже слегка улыбающийся, так и лежит в позе утопленника. Артур, в позе хищника перед нападением, уставился на своего оппонента. Красивый мужчина, гораздо старше Артура, не менее чем на десять лет, оттаскивает упирающуюся нимфетку от объекта ее страсти. Прямо пьеса Мольера.

Наконец Лике удастся вырваться.

– Дядь Дим, мне больно, отпусти! – хнычет она.

И тут же оказывается на свободе. Бросается вновь к Якобу, но тот уже принимает сидячее положение.

– Дмитрий Александрович, не ругайте Артура. Это мы так, в шутку, баловались.

– У тебя, парень, синяк под глазом. Вряд ли твои предки, которые вот-вот подъедут, будут в восторге от этой картины. Их самолет, кстати, задержали, я пришел сюда как раз сообщить об этом.

Дядя Артура – очень красивый мужчина. Естественно, блондин. Но если у Бурмистрова непокорная шевелюра и чисто славянская мордаха простого парня, то Дмитрий – полная противоположность. Похож на аристократа. Истинный

дэнди. Глаза цвета бледного нефрита пронизывают собеседника насквозь. Прямой нос, красивой формы губы. От столь изысканных черт лица, их благородства, захватывает дух. Но в то же время ощущаю в «дяде Диме» есть нечто неприятное. Коварное, то ли... Или это просто игра моего воображения? Почему они с Артуром так грубы друг с другом? Будто враги...

Артур тем временем вытирает полотенцем волосы, играя накачанными мышцами живота и бицепсами. Он все еще крайне зол, это видно по напряженной позе его тела. Нас разделяет всего несколько метров – я могу отчетливо различить даже капельки брызг, сверкающие на его, покрытой золотистым загаром, коже. И вновь ощущение, что время остановилось и я вязну в нем, в этой минуте, в созерцании его невероятной красоты.

Почему при мысли об Артуре у меня всегда душа уходит в пятки? словно без страховки в пропасть лечу.

«Она никто»

Вспоминаю недавние два слова, произнесенные Артуром. Ощущения сравнимы с хлесткой пощечиной по лицу. Получила, Мотылек? Вот тебе, за глупые надежды.

Мне просто необходимо исчезнуть, побыть одной. Ступни заледенели, поэтому меня манит тепло хамама. Забегаю в баню – сейчас тут никого, сажусь на каменную лавку, пригнув к себе ноги. Согреваюсь, мечтая, чтобы глупые мысли ушли из головы.

Но я недолго нахожусь в одиночестве. Дверь бани открывается и в клубах пара появляется Артур. Он садится на каменную лавку, прижимается спиной к стене и закрывает глаза. Так мы сидим некоторое время в молчании.

– Это была плохая идея, Мотылек, приехать тебе сюда, – вздыхает он.

Как будто я сама не знаю! Но лишний раз подчеркивать это... Зачем? Чтобы снова задеть меня?

– Ты сам меня привез, – отвечаю, не в силах скрыть обиду в голосе.

– Знаю...

– Чем я тебе так не нравлюсь? – вопреки желанию этот вопрос всхлипом вырывается из моего рта. – Почему ты всегда меня преследуешь?

– Если бы я знал, – отвечает Бурмистров, уронив голову в ладони. – Ты бесишь меня.

– Я не хотела сюда ехать!! Если хочешь, могу из комнаты своей не выходить... Чтобы не раздражать тебя. Мне не сложно правда... Что-нибудь почитаю...

– Любишь читать?

– Это тут при чем?

– Просто интересно...

– Да, я люблю читать. И не люблю шумные праздники. А уж драки мне совсем не нравятся! Я пойду. До завтра меня не увидишь.

Но чтобы выйти, надо пройти возле Принца. Когда иду

мимо, он неожиданно хватает меня за руку. Встает и притягивает меня к себе. Как куклу. До этого момента вместо тепла, не смотря на клубы пара, я ощущала холод. Но как только Артур прикоснулся ко мне, в одну секунду в жар бросило. И вот я почти закипаю от нестерпимого ощущения, как будто обжигающая лава по телу разливается. Так и манят взгляд его широкие плечи и крепкая шея. Во рту пересыхает.

– Отпусти!

Но вместо этого Артур притягивает меня к себе вплотную. Наши тела соприкасаются, и у меня перехватывает дыхание. «Господи, только не это», – шепчу про себя, не испытывая при этом ни малейшего желания отпрянуть от мокрого золотистого тела Бурмистрова.

– А если не могу? – шепчет Принц, и не дожидаясь ответа, крепко обнимает меня за талию.

Под взглядом серых глаз выгибаюсь, пытаюсь освободиться. Делаю глубокий вдох, чтобы наполнить легкие, и остро ощущаю, как моя грудь поднимается, натягивая тонкую эластичную ткань, соски раздражает прикосновение к купальнику... Мне страшно, но одновременно я чувствую невероятное возбуждение. Мы почти обнажены, наедине, в мокром и влажном помещении. Это... неправильно. Если нас обнаружат сейчас, вот так, почти сплетенных объятиями, еще одного скандала не миновать! Но не могу пошевелиться. Артур не сильно держит меня. Я знаю, что могу уйти в любой момент. И именно это лишает меня воли к сопротивлению.

Артур протягивает руку и очень нежно касается пряди волос, прилипшей к моей щеке. Убирает прядь. Чуть отстраняюсь и руками откидываю темную шелковую массу назад. Завороженно смотрю в глаза Артура, могу думать только о поцелуе. Я буквально чувствую, что он собирается меня поцеловать. И жду этого...

Но поцелуя нет.

Медленно – очень медленно – Принц отпускает меня, и в этот момент меня словно прошивает электрическим разрядом, исходящего от наших мокрых тел, которые, буквально требуют прикосновений друг к другу. Или это лишь мои фантазии? Но я чувствую, что Артур тоже взволнован, его руки сжимаются в кулаки, взгляд острый, царапающий.

– Будь подальше от Якоба, Мотылек. Он слишком непостоянный. Взрослый. Не вывезешь.

Меньше всего я ожидала услышать в этот момент про Якоба. Я и думать о нем забыла, погруженная в переживания от близости Артура. А он, значит, продолжает о друге и своем соперничестве с ним, размышлять? И я – лишь разменная монета, повод показать свою крутость?

– Тебе то что до меня и Якоба? – отвечаю грубо. – Разве не плевать?

– Дружеский совет решил дать.

– Разве мы друзья?

– Нет. – Вздыхает Принц. И неожиданно добавляет:

– Хочешь дружить со мной, Мотылек? – голос выдает

странное напряжение, которое задевает меня, колет. Возрождает надежду, которую я не желаю замечать, хочу задушить, чтобы не терзаться потом иллюзиями... Не отвечая, обхожу Бурмистрова и направляюсь к выходу, всем своим видом показывая, что его предложение меня не интересует. Но кому я вру? Глубоко внутри бьется мысль, что он сейчас схватит меня... остановит.

Он не остановил, так и остался неподвижным.

Глава 15

Я уверена – это всего лишь новая игра. Артуру скучно и пока Ника делает стрижку, он решил позабавиться миллионной бабочкой в его коллекции разбитых сердец. Хотя, я ведь не бабочка. Я лишь невзрачный серый мотылек. Но выбор у Принца сегодня не велик, вот мне и достались крохи его внимания...

Яростно дергая пуговицы, которые не поддаются моим дрожащим пальцам, пытаюсь застегнуть халат, который одолжила мне вместе с купальником Лика. Мы в смежной с душевой и хамамом комнате, что-то вроде раздевалки. Тут тоже стоят мягкие кресла, на стенах огромные зеркала. Избегаю смотреть на свое отражение. Почему мне так больно и грустно?

– Эй, ты все петли перепутала, – замечает сестра Артура, которая в данный момент сушит голову полотенцем. Помочь? Испугалась, Василин, да? Я тоже! Ух-х, никогда не видела, чтобы парни дрались! Это было круто.

– Спасибо, я сама, – отвечаю скупо.

Мне безумно хочется побыть одной, чтобы хоть немного успокоиться и привести мысли в порядок, но от Лики не просто отделаться.

– Не расстраивайся. Ты тут ни при чем. Якоб... он всегда такой... Мачо. А брат... не знаю, что на него нашло.

По пути в свои комнаты, выбегаем с Анжеликой в большой зал, где все почти готово к торжеству, огромный длинный стол уже частично сервирован, красиво украшен. Но мне сейчас не до эстетики, хочется побыстрее оказаться в своей комнате, перевести дух и хоть немного обдумать, что произошло в бассейне и потом, в бане.

Впереди просторный холл, в глубине которого приоткрыта дверь, ведущая, как я догадываюсь, на кухню. Оттуда доносятся восхитительные запахи, так что рот наполняется слюной. И тут сверху раздается женский голос. Мы с Ликой дружно поднимаем головы: Елена Николаевна, склонившись над балюстрадой, обращается к дочери:

– Ликуша, где тебя носит? Дедушка уже дважды звал тебя. У него спина болит, и он в довольно ворчливом настроении. Хотел с тобой поговорить, ты же знаешь об этой традиции!

– Где он? – спрашивает Лика.

– В библиотеке.

– Хорошо, я попозже схожу, мамуль. Я только из бассейна – переоденусь высушусь и приду.

– На минутку поднимись ко мне, милая. – Настаивает Елена Николаевна.

Анжелика возмущенно фыркает.

– Уф-ф-ф. Иду, мамуль. Со мной пойдешь? – с надеждой поворачивается ко мне Лика. С тобой меня надолго не задержат.

В ответ я чихаю, и потрогав мои холодные руки, сестра

Артура отменяет свое приглашение.

– Ладно, ты заоченела вся. Интересно, с чего? Теплынь же в доме! Не хватало еще тебе заболеть. Иди к себе, суши волосы. Я попрошу принести тебе горячего чаю.

* * *

Белое шифоновое платье, которое купила мне бабушка, отлично село по фигуре и красивыми фалдами ниспадает к серебряным босоножкам, тем самым, которые мне подарили Лавровы. Единственное украшение – мотылек на цепочке, по моему мнению, прекрасно гармонировало с платьем. Внимательно разглядываю свое отражение. Может ли такая девушка понравиться Принцу? Вряд ли... ему подходят птицы с куда более ярким оперением. Из зеркала же на меня смотрела... простушка. Но в тоже время, девица в отражении показалось мне сосредоточенной, холодной и загадочной.

– Осталось только принца найти! – восхищенно восклицает вернувшаяся от матери Лика, уставившись на меня.

– Нет. Никаких принцев, – заявляю категорически. – Я абсолютно довольна своим одиночеством.

– Вряд ли ты останешься без мужского внимания в таком платье, – возражает Лика. – У нас полно гостей. Обязательно найдешь кавалера.

Чувствую, как краска заливает мое лицо. Ну что за дев-

чонка! Младше меня, а по разговорам и отношению к парням – мне у нее только поучиться.

– Пойдем ко мне в комнату? Просит Лика. – Подождешь, пока я переодеваюсь. Я быстро. Все уже собираются за столом.

– Ухх, ну и зажгли мы с тобой сегодня в бассейне! – восклицает Лика, когда через смежные двери мы проходим к ней. Не замолкая ни на секунду, Анжелика натягивает на себя розовое платье с пышной юбкой. – Подарок дедули. Не смогла отмазаться. А ведь хотела казаться взрослее, такое классное черное платье себе прикупила! Но нет, дед меня хочет видеть малышкой в розовом, – ворчит Лика. И возвращается к теме драки:

– Не могла дождаться, пока от мамы, а потом и деда, отвязусь, чтобы все спокойно обсудить. Дед уже все знает про драку и устроил мне настоящий допрос! Все-таки, ты роковая женщина, Василина. Такие два красавца из-за тебя подрались! Это я запомню на всю жизнь! Якоб с фингалом будет Новый год отмечать! Вот ведь угар!!

– Ничего смешного, – отвечаю я. – До сих пор меня всю трясет. Что сказал твой дедушка?

– Да ничего! Спрашивал, что у тебя с Артуром. Что у тебя с Якобом. Вот ведь событие! Все всполошились. Наверное, эмоции у тебя – запредельные! Знаешь, Артур еще никогда из-за девушки не дрался! Вот ни разочка.

– Почему ты в этом уверена? – слабо улыбаюсь я такой

сестринской категоричности.

– Да я с пеленок за ним по пятам шастала. Всех его девчонок знала, даже тех, с которыми не больше недели гулял. Он не тот, кто будет из-за девчонки спорить или ругаться. Это ниже его достоинства, он в прошлом году при мне об этом с Якобом разговаривал. Ха, тот кстати, и в прошлом году по морде огреб из-за женщины. Но там другое – дама оказалась замужней, и ее супруг застал их...

– И Якоб при тебе о таком рассказывал? – ужасаюсь я.

– Нет конечно, – фыркает Лика. – я подслушивала!

– Ясно, я так и подумала. Значит, Якоб – бабник?

– Еще какой! Но как иначе! Он же такой красивый. Я в него уже три года влюблена по уши, – томно вздыхает проказница.

– Не рано тебе сохнуть по взрослому парню?

– Любви все возрасты покорны! – декламирует Лика Александра Сергеевича Пушкина, ее красивая мордашка в этот момент до того умильна, что не выдерживаю и начинаю улыбаться до ушей, хотя еще пару минут назад мне было не до смеха – хотелось рыдать. Почему все это произошло? Может, дело не во мне, наверняка это какой-то внутренний конфликт между парнями, а я оказалась лишь средством для выплеска негативной энергии. Как же больно думать об этом!

Собравшись с духом, делаю шаг в большой зал, где семья Бурмистровых и их гости собрались за столом. Окидываю взглядом роскошный стол. Публика за ним совершенно разномастная, но видно, что в основном это семьи. С отпрысками, моего возраста по большей части, но есть и подростки, как Анжелика, и даже совсем малыши. Все гости очень нарядные, на дамах – вечерние туалеты, украшения, на мужчинах – изысканные костюмы. Несколько малышей детсадовского возраста – в забавных карнавальных костюмчиках. В углу комнаты – огромная, стильно оформленная елка, под которой буквально гора подарков в красивых обертках. В воздухе пахнет мандаринами, с наслаждением втягиваю в себя этот аромат. Атмосфера праздника поневоле захватывает меня, возбуждает. Я никогда не бывала на таких приемах, и все это бесконечно волнует меня. Лика, в нетерпении забегаёт первой, оставив меня нерешительно переминаясь с ноги на ногу на пороге. Но уже спустя пару минут, неутомная девчонка снова летит ко мне, хватая за руку.

– Идем, отведу тебя на твое место. Сидишь рядом с дедулей, поздравляю. И я тоже!

Аристарх Бурмистров поднимается со своего места при виде меня, и галантно целует мне руку.

– Деточка, ты прекрасна! Я счастлив, что буду ужинать в

таком цветнике!

Мне приятно внимание этого пожилого мужчины, но опустившись на стул я понимаю, что вечер будет тяжелым. Напротив сидят Артур и Ника, которая всячески льнет к нему. И я должна наблюдать эту картину весь вечер??

Спокойно, Мотылек. Ты же не дашь им насладиться твоей болью?

Ни за что!!

Стараясь не смотреть в сторону сладкой парочки, наблюдаю за другими гостями. Анну Григорьевну усадили рядом с мамой Артура и Таисией, женщины о чем-то оживленно беседуют. Я даже рада, что бабушка сидит не рядом, я боялась, что она будет смущать меня комментариями и вопросами. Но кажется, Анна Григорьевна чувствует себя абсолютно комфортно в этом обществе и ей, так скажем, не до меня.

Интересно, почему во главе стола сидит не дедушка Аристарх, а какая-то роскошная бабуля? Тихонечко спрашиваю об этом у Лики, шепча свой вопрос на ушко. Сестра Артура хихикает и шепчет ответ:

– А потому что в этом доме не дедушка главный. Ну по крайней мере не тогда, когда дома прабабушка Вера!

– Так это его мама? – восхищаюсь я. – Как раз в голове мелькнуло предположение, что это жена Аристарха. Но для жены чересчур стара. А вот для матери – женщина сохранилась великолепно. По правую руку от нее сидит суровый «Дядя Дима», по левую – папа Артура. И я вспоминаю, что

хотела спросить Лику, отчего Артур конфликтует со своим дядей.

– Почему Дмитрий Аристархович был так строг с Артуром в бассейне? – нерешительно задаю свой вопрос. – Он как будто очень зол на твоего брата.

– Ага, – кивает Лика, и понижает голос. – История не слишком приятная. Мой дядя – очень любит деньги. А вот работать ему не очень нравится. Дедулю это бесит, сильно. А он у нас в семье – главный богач. Ну, не считая прабабушки, которой он позволяет считать себя самой главной... Так вот, дедушка раньше планировал оставить свое состояние сыновьям поровну. Да не смущайся, у нас в семье разговоры о наследстве – вещь обычная. Дед не собирается умирать. Но его очень волнует карьера сыновей и все такое. Наш отец вообще от наследства отказался. Сказал – ничего мне не надо, сам заработаю. Он любит свою работу, читает лекции по всему миру... Ну дядь Юра и обрадовался – раз старший брат побоку, значит ему все достанется. А он деньги очень любит, жизнь роскошную, яхты, гольф... Вот только у него работы нет. Как уволился полгода назад из универа. Преподавать ему не нравится, ученики идиоты. Зато в казино буквально пропадал сутками. В Лас Вегасе как-то месяц жил... Короче, дед вскипел и несколько месяцев назад на семейном совете заявил – все оставляю Артуру. Внука он тоже непутевым считает... Но подающим надежды. А в дядь Диме разочарован полностью.

– Вот это да! У вас очень интересная семья.

– А то! Зато прабабушка, Вера Тимофеевна, обожает именно Дмитрия Аристарховича. Всю жизнь с ним нянчится. И теперь у нее с дедом вечные терки. Она убеждена, что дедуля несправедливо поступает. А тот – упрям, и ни в какую. Веселуха та еще, их дебаты слушать...

* * *

Постепенно немного расслабляюсь, и начинаю чувствовать себя вполне комфортно. Окружающие очень милы и дружелюбны. Дедушка Аристарх без конца потчует меня разными блюдами, и когда понимаю, что не смогу съесть больше ни кусочка, извиняюсь и потихонечку встаю из-за стола. Многие гости уже тоже покинули свои места за пиршеством и рассредоточились по залу. Стоят небольшими кучками, беседуют, кто-то уже пританцовывает. Подхожу к Лике – она в компании нескольких ребят, лет по пятнадцать, не больше. Анжелика представляет меня и я легковливаюсь в непринужденную беседу. Почти забываю, что нахожусь в стане врага. Что где-то здесь бродит Артур с вездесущей Никой. Пробую шампанское, предложенное одним из парней. Вкусно. Только нос щекочет. Ни разу в жизни еще не пробовала спиртное. Лика посмеивается, замечая мою неопытность.

Часы бьют двенадцать. Гости спешат вновь занять свои

места, чтобы поднять бокалы за наступление Нового года, загадать желания. Лика несется первой. У меня тоже много сокровенных мечтаний. Например, чтобы папа не болел. И с работой чтобы у него так же хорошо продолжалось. Чтобы нам снова не пришлось переезжать... Страшно подумать о такой возможности... В этот момент приходит осознание, насколько ярослась с этим всем! С новой школой, Таисией, Лисой... Артуром. И даже Никой, хотя без последней, надо признать, я могла бы обойтись. Я привыкла к бабушке. Стыдно, но я почти не вспоминаю Дашу, подругу детства. Мы переписываемся в одноклассниках, но все реже...

Мои мысли нарушает Якоб, который неожиданно оказывается рядом. Невольно приглядываюсь к его лицу, и признаю про себя – этого парня даже фингал не портит!

– Ты великолепно выглядишь, Василина! Ты еще прекраснее, чем я думал, – выдает мне комплимент этот парень, и я буквально чувствую, как заливаюсь краской. Никогда мне не говорили таких слов. Я теряюсь, не знаю что ответить. Фыркнуть? Поблагодарить? Рассмеяться в ответ? В результате я просто молчу, чувствуя себя полной дурой.

– Могу я предложить тебе выпить? – видимо Якоб решил не обращать внимания на мое странное молчание.

– Если только сок.

– Что ж так слабо? – прищуривается Штаховский. – Новый год все-таки. Шампанское рекой должно литься.

– Я уже выпила бокал и мне хватит.

– Ну хорошо, не буду настаивать. Тогда лучше на танец приглашу.

Играет медленная джазовая композиция, а я снова краснею. Довольно приличное число пар кружатся на танцполе в левой части зала. А я отступаю от настойчивого кавалера еще на шаг.

– Что-то не хочется, извини.

– Эх, до чего ты неприступна, Джульетта. – Вздыхает Якоб. – Не пьешь, не танцуешь. Ну и конечно не целуешься, это уж как пить дать.

– Разумеется.

– И не скучно жить такой недотрогой?

– Нормально.

– Значит скучно. Ладно, пойду поищу даму поговорчивее. Тебе надоедать – гусей дразнить. А мне одного фингала в день хватит.

* * *

Якоб отходит от меня, а я недоумеваю. Что значит последняя фраза про гусей? Ну да ладно, отвязался и слава Богу! Скорее всего, этот парень слишком привык к вниманию со стороны девушек. Он взрослый, опытный. Наверное, в порядке вещей влюбленные по уши девицы, готовые глаза друг другу выцарапать за внимание со стороны пухлогубого красавчика. Вот только на меня его обаяние ни капли не дей-

ствует!

Мне вдруг стало нестерпимо грустно. Окружающий праздник, его роскошество, показались лишь антуражем, игрой. Словно мне пришлось принять участие в еще одном спектакле, но уже не по Шекспиру. Зачем я здесь, среди богачей? В качестве забавной игрушки? Так же и Артур, наши судьбы лишь мимолетно соприкоснулись, связанные долгом перед школой, Таисией, искусством, но скоро вернутся на круги своя. Через неделю Принц и не вспомнит моего имени, увлеченный другими победами. Завтра кончится праздник, елка осыплется, а яркие новогодние игрушки уберут в далекий пыльный чулан. Туда же уйдут воспоминания...

Мне захотелось побыть одной, и я вышла в зимний сад, который находился за стеклянными дверьми в смежном помещении. Здесь никого не было, стояла тишина, лишь слабо доносилась музыка. Журчал ручеек искусственного фонтана. Я присела на деревянную скамейку с кованой спинкой, прикрыла глаза. Хотелось спать. Ну почему я такая странная? Лица вот, например, отжигает на танцполе, веселится, не останавливаясь ни на секунду. Почему я не могу быть такой же раскованной?

* * *

Слышу шаги, похоже, кто-то решил последовать моему примеру и побыть в одиночестве. Надеюсь, что это не Якоб,

который мог заметить куда я направлялась после нашего разговора. Иначе надо срочно покидать это уютное место...

И тут сердце начинает биться сильнее: ко мне направлялся Артур.

Замерев, я буквально вжимаюсь в скамейку, край которой утопает в густой тени огромного кустарника, наивно надеясь, что Принц не заметит меня. Освещение здесь приглушенное, совсем слабое. Так что у меня есть шанс...

– От кого ты здесь прячешься? – вздрагиваю от неожиданности, только сейчас осознав, что зажмурилась, наивно полагая, что это помешает Артуру обнаружить меня. – Тебя кто-то напугал? Обидел?

– Конечно, нет, – гордо вздергиваю подбородок. – С чего ты взял? Просто одной побыть захотелось.

– Почему?

– Странный вопрос.

– Тогда другой задам. Ты Якоба здесь поджидаешь?

– Что-о-о? – возмущенно вскакиваю со скамейки. – Ты совсем ополоумел? С чего такие вопросы? Да и твое ли дело, кого я жду? Тебе-то что?

– Не психуй так, – вздыхает Принц. – Можно ведь спокойно поговорить?

– Наверное. Но не с тобой, видимо. Зачем ты мне такие вещи говоришь, не понимаю. Если с Якобом у тебя конфликт, с ним и решай. Хочешь, я пойду позову его?

Делаю шаг в сторону выхода, но Артур хватает меня за

руку.

– Нет. Мне совсем не хочется сейчас видеть Якоба. Мне даже разговаривать о нем не хочется.

Артур опускается на скамью, и притягивает меня за собой, вынуждая тоже сесть. Чувствую, что меня начинает охватывать знакомая дрожь. Он так близко, что ощущаю исходящее от него тепло. И запах туалетной воды. Ненавязчивый, едва уловимый, но очень приятный. Хочется вдыхать и вдыхать, без остановки.

– Меня, наверное, Лика ищет, – произношу нерешительно. Хочется убежать, я едва могу заставить себя усидеть на этой лавке. Но в то же время, сердце замирает при мысли, что мы вдвоем сейчас. Отрезанные от мира, от праздника. Словно на необитаемом острове. И нет ничего прекраснее этой глупой фантазии...

– Не волнуйся за сестренку. Она как сайгак скачет по танцполу. Обожает танцевать, уж не знаю, в кого такая страсть. Наверное, в прабабушку, правда это слухи... – усмехается Бурмистров. – Расслабься.

Меня же охватывает любопытство.

– Твоя бабуля была танцовщицей?

– Прабабушка. Ты ее должна была заметить – такая чопорная, в жемчугах, во главе стола.

– Да, конечно. Меня представили этой даме, – невольно улыбаюсь такой простодушной характеристике. – Но кажется, я не произвела на нее особого впечатления. Она лишь

кивнула, и отвернулась. Даже разговоры о спектакле, из-за которого, я, по сути, здесь оказалась, ее не заинтересовали...

– Да? Странно. Вера обожает театр. Утром она заставила меня продекламировать ей целый отрывок, – ворчливо признается Артур.

«Оказывается, он может быть таким милым!» – поневоле замечаю про себя. – Как может этот обаятельный парень в кружевной белой рубашке и темных классических брюках, быть тем, кто унижал меня перед всем классом? Угрожал мне, забрасывал шариками с краской, травил?

– Видимо, твоя прабабушка симпатизирует Веронике Соболевой, – вздыхаю я. – Возможно, считает что я получила роль Джульетты незаслуженно...

– О, точно, соглашается Артур. – Как же меня это раздражает... Так вот, – возвращается он к теме танцев. Говорят, прабабушка в пятидесятые годы жила в Париже. И танцевала в кабаре. Мне она конечно такого не рассказывала. Но слухи были...

– Это очень интересно, правда. Но тебя, наверное, Ника ищет...

– Нет, я уверен, она отплясывает вместе с Ликой, – протестует Артур. – Мне нравится болтать с тобой, Мотылек.

– Не зови меня так. Ты же понимаешь, прозвища – это неприятно.

– Странно. Это довольно милое прозвище, разве нет?

– Обидное. И вообще, что за манера всем прозвища да-

вать? – спрашиваю хмуро.

– Seriously? – смеется в ответ Артур. – Разве ты за глаза меня не зовешь Принцем? А Нику – Барби?

– Да... Откуда ты знаешь? – теряюсь от его прямоты. – Но в лицо такого не говорю, понимаешь? Это большая разница! – нахожу нужный ответ и облегченно выдыхаю.

– А по мне – никакой. В лицо – даже честнее. Милый, растрепанный, злощипый как оса, Мотылек, – хохочет Артур, уклоняясь от моего кулачка, которым пытаюсь стукнуть его по руке.

Я и правда растрепана – понимаю это и жутко смущаюсь. А все дурацкая привычка запускать руки в волосы, взлохмачивать их. Пока сидела здесь пытаюсь разобраться в мыслях... о Боже, как стыдно! Я, наверное, как чучело выгляжу!

Вскакиваю и пытаюсь пригладить волосы, но без расчески ничего не получается, они лишь еще больше приходят в беспорядок.

– Эй, успокойся, – посмеивается надо мной Артур. – Подумаешь, волосы.

Он снова хватается меня за руку и притягивает обратно на скамейку. Покорно сажусь, чувствуя, как горят щеки.

– Тебе холодно? – неожиданно спрашивает Принц.

Я и правда ощущаю одновременно жар и озноб. Да что ж такое? Почему на меня так ненормально действует его присутствие?

– Нет, с чего ты взял? – спрашиваю раздраженно. – Только

голова немного болит и спать хочется. Не надо было пить шампанское...

– У тебя руки ледяные, – хмурится Артур. И кладет ладонь мне на лоб. Его ладонь тоже прохладная... Так приятно. По шее бегут мурашки, словно от внезапного порыва холодного ветра. Кажется, нет сил отстраниться от этого прикосновения, чувствую себя ничтожно слабой, зависимой... и все же отстраняюсь от его руки.

– Ты горящий, Мотылек. Похоже, у тебя температура.

– Глупости. Просто голова разболелась... Я пойду.

Встаю со скамейки и направляюсь к выходу из сада. С каждой минутой все сильнее ощущая слабость и головокружение.

* * *

Просыпаюсь, подскакиваю на чужой постели не в состоянии определить, где нахожусь. Сразу понимаю, что это не та комната, куда меня поселили вчера. Ничего девичьего и розового, строгий, и в то же время помпезный дизайн, а постель, в которой лежу – просто огромная... А еще, я вся мокрая, словно меня кто-то облил во сне... На мне ночная рубашка, моя, но вот как переодевалась вчера, снимала платье – хоть убей не помню. Последнее воспоминание – разговор в беседке с Принцем. Надеюсь, это не он меня переодел! Выбираюсь из постели, встаю – ноги дрожат. Поеживаясь от хо-

лода, хожу по комнате. Не могу сообразить, где моя сумка, вещи... Как мне выйти отсюда?

Пока я в панике оглядываюсь по сторонам, в комнату заходит Анна Григорьевна.

– Василина, зачем ты выбралась из постели? – возмущенно восклицает она.

– А что такое? Мне нельзя встать? – удивляюсь в ответ.

– У тебя вчера температура была под сорок! Быстро в кровать! Я лекарства принесла. Ты вчера такой переполох устроила. Испортила праздник!

– Чем испортила? – недоумеваю.

– Чуть ли не в обморок грохнулась! Прямо на пол, посреди зала! Хорошо Артур оказался рядом и подхватил... Отнес в ближайшую комнату... Потом наверх, когда тебя врач осмотрел. Можно сказать, деточка, тебя весь вечер носили на руках! А девушка Артура, Ника, громко этому возмущалась! Ужасно невоспитанная особа. Не понимаю, почему ее так любит мать Аристарха Александровича! Весь вечер с этой Никой шушукалась, а меня едва парой фраз удостоила! – возмущенно фыркает бабушка, а затем возвращается к теме обморока. – Все суетились, переживали. Хорошо, что у Бурмистровых семейный врач есть. Он был на празднике. Но за лекарствами Дмитрию Аристарховичу пришлось в ближайший поселок ехать. И он был от этого не в восторге. Но оказался единственным, кто не выпил. Сегодня на завтрак так зыркал на меня, – последняя фраза выходит особенно ворч-

ливой.

Мне ужасно неловко слушать бабушкин рассказ. Молодец, Василина, умудрилась снова оказаться в центре внимания! Ну вот за что мне это все?!

– Когда мы едем домой? – спрашиваю Анну Григорьевну. – Где мои вещи?

– Вещи должны сюда принести. А домой врач запретил тебя везти. Точнее, не рекомендовал и этого оказалось достаточно, Аристарх Александрович настоял, чтобы ты осталась у него в особняке. Какой же галантный, буквально сногшибательный мужчина, – мечтательно вздыхает бабушка.

Глава 16

Валяюсь в постели с книгой Джейн Остин – «Гордость и Предубеждение». Чудесный роман, захватил меня настолько – аж невозможно оторваться. Мне неловко и смешно, но историю гордой Лиззи и Мистера Дарси я поневоле сравниваю со своими отношениями с Артуром. Глупо, конечно. Но кто может запретить мечтать? А сцена, когда сестра Лиззи, Джейн, оказывается невольной гостьей в особняке мистера Бингли, заболев из-за матушкиной гонки за зятем и вовсе один в один напоминает мою ситуацию. Я, как и Джейн, простужена и вынуждена продолжать пользоваться гостеприимством Бурмистровых.

Большинство гостей разъехались. Лика все эти дни навещала меня, часами сидела в моей комнате, развлекая меня своей бесконечной болтовней. Рассказала и о том, как Артур нес меня на руках, сначала в ближайшую комнату, а потом в покои своей бабушки, которая после развода с Аристархом Александровичем отправилась в длительное путешествие по Европе. Впрочем, Лика была уверена, что все это лишь брачные игры, эмоции, которые всегда бурлили в этой семье. По ее рассказам чувствовалось, что она обожает свою бабушку и ждет воссоединения супругов. Еще я заметила, что Анна Григорьевна настораживала Анжелику, беспокоила. Прямо спросить было неловко, поэтому я могла лишь строить соб-

ственные умозаключения. Меня почему-то охватывало ощущение, что Анна Григорьевна нацелилась на отношения с де-душкой Аристархом. Но это были лишь предположения, которые я изо всех сил старалась выбросить из головы. Поро-дниться с Бурмистровыми? Вот только этого не хватало!

Я и так едва держусь, запикиваю как можно глубже эмо-ции, которые вызывает во мне Артур. Мечтаю, чтобы все это прекратилось. Мне невыносимо больно видеть его с Никой. Да и с любой другой. Я уже не выдерживаю этой пытки. Но сейчас Артура нет. Он уехал со своей Барби. И мне легче. Я почти освоилась в этом огромном доме, который для ме-ня – настоящий дворец... Из разговора горничных мне уда-лось подслушать, что почти все родственники наконец разъ-ехали. Анжелика вместе с родителями уехала еще вчера. Эта милая девочка до последнего просила, чтобы ее остави-ли вместе со мной. Но зато теперь Лика будет учиться в моей школе! Эта новость обрадовала нас обеих.

Особняк будто погрузился в глубокую спячку. Тишина стояла такая, что казалось – он полностью необитаем. Даже Аристарх уехал в город по делам.

* * *

На пятый день моей простуды температура окончательно спала, вернулся аппетит, а вот валяться в постели надое-ло до смерти. Тем более, что Анна Григорьевна, появившись рано

утром в моей комнате, чтобы проконтролировать прием лекарств, заявила, что у нее очередная встреча с поклонниками, которую никак нельзя пропустить, поэтому она уезжает. Что тут скажешь? Я и так благодарна бабушке, эти дни она возилась со мной, кормила с ложечки, часами просиживала в моей комнате, что, впрочем, не слишком мне было нужно и скорее напрягало. Прошу съехать вместе с ней – осталась всего неделя до возвращения папы и Настасьи Михайловны, да и Лиса вот-вот должна вернуться в город... Я предвкушала море новостей, и в то же время со страхом думала, как рассказать Лизе о том, где я провела праздники. Мы переписывались по СМС каждый день, а я так и ни словечка не написала об этом. Стоило только подумать – напал ступор, я представляла, как Лиза заваливает меня вопросами и обидами, что столько молчала... И я снова откладывала откровения на потом. Меня преследовал страх, что едва начав, я уже не смогу остановиться, и вывалю все про Артура и свои чувства к нему... чувства, которые я все еще надеялась победить, задавить, уничтожить...

Я устала от своего затворничества и постельного режима, и нарушить его мне мешал только стыд – люди так старались, в аптеку из-за меня ездили в новогоднюю ночь, комнату предоставили, врача... Поэтому, лежала первые дни как мышка, покорно выполняя все предписания. В день отъезда бабушки, впервые капризничаю и прошу Анну Григорьевну забрать меня с собой, ноя что мне невыносимо уже лежать и

болеть в чужом доме, у себя я быстрее пойду на поправку... Но бабушка мне отказывает, мотивируя это тем, что завтра сюда придет тот самый семейный доктор Бурмистровых, он должен убедиться, что мое лечение доведено до конца. Вздыхаю. Еще один безмерно скучный день. Книг я уже обчиталась, соскучилась по интернету, которого, здесь, похоже, нет, даром что дом олигархов. Видимо Аристарх Александрович не признает новые технологии. Но если честно, спросить об этом я постеснялась... Мда, отъезд бабушки привел меня в ворчливое состояние, хоть я и рада избавиться ненадолго от ее опеки. Немного показной, если честно... ощущение иногда складывалось, что бабушка на публику работала – стоило ко мне зайти Аристарху, как внимание ко мне становилось буквально елейным.

– Только смотри, Василина, будь осторожной, – предупреждает на прощание бабушка.

– Осторожной в чем? – удивляюсь я.

– С младшим Бурмистровым. Который на руках тебя носил. И надо сказать, без малейшего недовольства. Парень хорош, это как говорится, неоспоримо. Но не про тебя.

– Не понимаю, к чему эти слова. Артура здесь даже нет!

– Да... Но иногда путь к сердцу мужчины лежит через его родственников. Это умный ход, но мало что дает по прошествии времени.

– Не понимаю, правда, – качаю головой.

– Ты здесь остаешься с Верой. Мегера та еще, но кто зна-

ет, вдруг подружитесь... Лучше выздоравливай, деточка, и возвращайся в свой мир. Бурмистровы слишком шикарные... даже для меня.

* * *

На следующее утро я проснулась, когда комнату заливал солнечный свет. Снежная буря утихла впервые за несколько дней, и теперь за окном раскинулось настоящее снежное царство. Торжественное безмолвие подчинило себе мир, перед домом высились сугробы, белая пелена укрыла дорогу. Я надолго застыла у окна оглядывая все это великолепие. Ужасно хотелось на улицу, пройтись по хрустящему снегу, заглянуть в конюшню... Но я вряд ли решусь на такое в одиночку.

Выхожу из душа, одеваю свежую толстовку, спортивные брюки и шерстяные носки. Размышляю о прощальных словах Анны Григорьевны. Что у нее за воображение? Ладно, признаем правду – я ничуть не лучше. Мне не следует забивать себе голову мыслями о Принце, чем я упорно занимаюсь...

Сушу волосы полотенцем, затем феном. Подхожу к зеркалу, висящему над туалетным столиком из красного дерева, разглядывая свою распаренную физиономию. Густые пышные волосы волной рассыпались по плечам. Пожалуй, единственное, что мне в себе нравится. Серо-зеленые глаза довольно непримечательны, губы бантиком меня бесят. Ка-

кое-то время кривлю перед зеркалом рожи и размышляю, что можно сделать с моим лицом с помощью косметики. Можно подумать, такой нехитрый прием поможет мне стать красивой! «Красота – прежде всего в уверенности в себе» – любит повторять бабушка. А уверенности мне как раз-таки не хватает...

Беру расческу и принимаюсь методично приглаживать волосы, пока каждая прядь не улеглась на отведенное место. Красивее от этого я не стала, поэтому снова взлохмачиваю свою шевелюру. Какая разница, есть у меня прическа или нет? Ведь я практически одна в этом доме! Не считая Веры, которая почти не выходит из своих апартаментов. Это очень волнующе, осматривать такое большое здание одной! Можно на миг представить, что дом принадлежит мне... Поиграть в хозяйку старинного замка, пока никто не видит – очень заманчиво!

Спускаюсь вниз по широкой лестнице. В доме царит зловещая тишина. Беру мандарин с огромного блюда в холле. Чищу его, пряча шкурки в карман штанов. Лопаю фрукт, гуляя по дому, разглядывая дизайн, статуэтки, картины. Заглядываю в комнаты. На втором этаже меня очаровывает гостиная в бордовых тонах. Массивный, облицованный камнем очаг, в обрамлении двух встроенных шкафов, занимает всю дальнюю стену. Залезаю в огромное кресло-качалку, на которую заботливо наброшен клетчатый плед. Сворачиваюсь калачиком и смотрю на огонь. Интересно, кто прика-

зал его развести, раз хозяев нет дома? Или даже в их отсутствие дому положено жить своей жизнью? На меня нападает дремота, хотя самочувствие отличное, я уже даже не кашляю...

* * *

Мне снится чудесный сон – Артур нежно гладит меня по щеке. От его руки исходит приятное тепло.

– Ты очень красива, Мотылек, – говорит Принц. – Я хочу тебя поцеловать...

– Я тоже этого хочу, – искренне отвечаю ему.

Лицо Артура приближается, такое красивое, желанное. Взгляд очень добрый, полон нежности...

– Подожди! – выставляю руки перед собой. – Как же Ника?

– А что Ника? – удивленно спрашивает Принц. – Какая Ника?

– Твоя девушка!

– Не знаю такой!

– Новый год с ней отмечал и уже забыл о ее существовании?

– Перестань, Мотылек, иди ко мне...

– Не-е-ет! – кричу изо всех сил и отбрасываю от себя Принца. И лечу в пропасть, ощущение невесомости, голова кружится, адреналин зашкаливает.

– Мотылек! Мотылек! – слышу отчаянный голос Артура.

* * *

Открываю глаза не понимая, что произошло. Сердце колотится как ненормальное, но кажется, я не разбилась. Задница и локоть болят – оказывается, я упала с кресла.

– Мотылек! – раздается голос возле порога и у меня от страха почти останавливается сердце. Поворачиваю голову – Артур. Неужели сон продолжается?

– Дурак! – кричу, перепуганная и мало что соображающая. – Нельзя же так пугать!

Принц выглядит растерянным и виноватым.

– Извини. Я не думал, что напугаю тебя. Я и сам испугался, когда грохот услышал. Ты из кресла что ли вывалилась? С тобой все в порядке?

– Так и зайкой можно стать, Бурмистров! – заявляю возмущенно, поднимаюсь на ноги, потирая ушибленный зад. А в душе схожу с ума от мысли, что могла что-то сболтнуть во сне, отчего становлюсь очень грубой.

– Как можно выпасть из кресла, не понимаю, – прикалывается Артур. А я умираю от смущения.

– Отвали, тебе все равно не понять. Я задремала... Ты давно тут ошиваешься? Откуда взялся?

– Приехал к деду, – усмехается Артур.

– Да? Так его нет... А я – домой хочу... У вас тут водитель

есть, вот пусть меня отвезет...

– Водитель с дедом уехал. Придется подождать до завтра. Прости меня, Мотылек! Не хотел тебя напугать, я правда дурак, ну не сердись, пожалуйста. Я подарок тебе хотел отдать, новогодний.

– Не нужны мне твои подарки...

Теперь мне стыдно. Я ведь не из-за Артура упала, а из-за сна дурацкого... И чего на парня набросилась? Наверное, это шок – сначала сон, а потом такое неожиданное его появление. Что все это значит?! Определенно, принц намеревается свести меня с ума!

Много чести, Мотылек. Он о тебе и не думает. Мало ли зачем приехал к бабушке Аристарху.

– Ну тогда считай, не от меня подарок, – улыбается простодушно Артур. – Ты ведь в новогоднюю ночь без презента осталась под елкой. Обычно дед заказывает для гостей всякие безделушки. Ни одной не осталось, представляешь! Но я для тебя специально заныкал...

– То есть ты не знаешь, что даришь?

– Но так даже интереснее, разве нет?

– Возможно... Раз не от тебя, и ты даже не знаешь, что там, возможно, я взглянула бы...

– Отлично, потому что мне тоже интересно.

– Надеюсь, ты не задумал снова какую-нибудь гадость.

– Ни за что!

Принимаю протянутый сверток, срываю обертку. Откры-

ваю коробку. В ней – маленькая шкатулка, на крышке которой стоит балерина.

– Прелесть, мне нравится!

– Я рад.

Неловкое молчание. Артур переминается с ноги на ногу. Я пялюсь в пол, разглядывая его ноги... такие длинные, красивые... Подарок окончательно растопил мое сердце. И что теперь делать?

«Бежать, Мотылек. Только бежать»

– Ну я к себе. Лекарства пить надо...

– Что, даже и в щеку не чмокнешь? – притворно обидчивым голосом спрашивает Принц. – За подарки благодарить принято.

– Но это ведь не от тебя. Не ты купил. Вот дедушку Аристарха – с удовольствием поцелую.

– Не купил, зато спас от стада жадных детишек. А это нелегко между прочим было.

– Ну хорошо, – соглашаюсь неохотно. – Возможно, ты и правда заслужил. Закрой глаза.

– Это еще зачем?

– Поцелую.

– А глаза при чем? Или в глаза поцелуешь? Я не против, если что... Просто хочется быть готовым.

– Уфф, обязательно все по-твоему должно быть?

– Ладно, не буду капризничать. Раз тебе так хочется... Только объясни зачем.

– Стесняюсь!

– Но мы уже целовались, Мотылек.

– Без моего согласия! – краснею при упоминании об этом.

Не ожидала, что Принц помнит.

– Все, сдаюсь. Зажмурился, видишь?

Несколько секунд наблюдаю за Артуром, потом едва касаюсь губами его щеки и отскакиваю.

Но не тут-то было! Бурмистров распахивает свои серебристые глазищи, хватает меня в охапку и притягивает в объятия.

– Пожалуйста, не надо, – протестую, но слабо, голос вдруг обрывается, как и воля к сопротивлению. – Не надо, прекрати..., – уже шёпотом и невнятно.

Наши взгляды встречаются, в глазах Артура полыхает такое пламя, что мне становится не по себе. Но достаточно лишь исполоха, чтобы я капитулировала. Сердцем и душой отдалась на милость... Волосы Принца пахнут травами и морем, они слегка влажные, видимо, парень только что из душа. Глубоко втягиваю этот запах. Как перед погружением под воду. Закрываю глаза, дрожу от переполняющих ощущений. Покорно принимаю легкое прикосновение его губ к своим. Замираю от нестерпимого наслаждения. По коже пробегают обжигающе-прохладный ветерок возбуждения. Поцелуй невинен, но вызывает во мне целый тайфун эмоций. Понимаю, что хочу большего. Отвечаю на поцелуй, практически перехватывая инициативу. Вцепляюсь в свитер Артура.

Мягкие, но чуть обветренные мужские губы. Удивительно нежные и чувственные.

Но он отстраняется. Вглядывается в мое лицо. Убирает выбившуюся прядь волос мне за ухо и снова пристально изучает меня.

– Ух-х, Мотылек. Ты меня... потрясла. Ничего себе, – шепчет Принц.

Снова насмешки! Меня взрывают его слова, отталкиваю Артура. Бегу вверх по лестнице в свою комнату, изо всех сил пытаюсь сдержать слезы. Дура, какая же дура! Ненавижу себя. Я потрясена до глубины души собственной одержимостью, чувствами, нахлынувшими на меня огромным потоком. Почему, ну почему Принц вернулся? Что ему делать в огромном доме, где лишь двое стариков, прислуга, да большая девчонка? Какие только варианты не приходят в голову. Конечно, глупое воображение, да еще и подстегнутое славным романом Джейн Остин, не могло не шептать: «Из-за тебя, Мотылек. Ты причина». Но разум одергивал: «Опомнись, это глупо! Ты должна запретить себе так рисковать: мечтать и желать. Терзаться мукой и таять от радости...» А если дала себе слабинку, как бы ни было больно – держать свои грезы при себе, Артур не должен узнать о них.

– Мотылек? Ты обиделась? – бежит за мной Принц.

Врываюсь в свою комнату, пытаюсь прикрыть дверь, но мне не справиться с почти двухметровым верзилкой, решившим догнать меня во что бы то ни стало.

Не в состоянии остановить его, поднимаю глаза и читаю во взгляде Артура настороженное ожидание. Или я вижу то, что мне хочется?

Боже, как можно быть такой глупой?! Такой наивной. Конечно же, он играет со мной! Всякий раз, когда Принц оказывается рядом, я как с ума схожу. Чувствую необъяснимое желание убежать и спрятаться где-нибудь. Но в то же время умираю от желания подойти и убрать светлый завиток с его лба, провести руками по широким плечам. Иногда кажется – жизнь готова отдать, чтобы посмотреть в мечтательные глаза цвета серебра, прикоснуться упругим алым губам. Из всех сил надеюсь, что никто не узнает, какие тайные фантазии убаюкивают меня по ночам. Поэтому снова прячусь за маской ворчливого недовольства:

– Ты опять взялся за старое, да Бурмистров? Специально хотел унижить меня!

– Ничего подобного! Черт, да сам не понимаю что произошло! Я хотел просто поцеловать тебя, по-дружески, не больше. Думал, что ограничусь только этим, и... – Артур раздраженно замотал головой и вошел в комнату. Его тело с кошачьим изяществом опустилось на стул возле окна. Я подошла к нему, потребовать, чтобы он ушел... Но Принц робко дотронулся до моей руки и это обжигающее прикосновение отдалось в каждой клеточке моего тела.

– Василина...

Не помню, звал ли он меня хоть раз по имени. Кажется,

да, но сейчас я словно тумане, тут уж не до воспоминаний. Артур в моей комнате и это неправильно, плохо... но не могу ничего поделать, не могу выгнать его. Это выше моих сил.

– Да? – шепчу едва слышно в ответ.

– Мы можем забыть обо всем, что произошло между нами раньше?

– Почему?

– Мне не нравятся эти воспоминания. Я был уродом. Прости.

– Хорошо. Прощаю.

Вот так просто. Почему нет? Я не из тех, кто копит и лелеет обиду.

– Спасибо. Знаешь, я расстался с Никой.

– Когда?

– Давно, если честно. Но много времени ушло на то, чтобы она это поняла.

– Не умеешь ставить точки над *i*, – усмехаюсь.

– Возможно.

– Почему расстался? Вы красивая пара. Барби и Принц. Первые красавцы в школе.

Артур морщится, как от зубной боли.

– Скажи, тебе бы понравилось, если бы оценивали лишь твою внешность?

– Наверное, нет.

– Вот и мне. Красавец – от этого слова мне всегда хотелось плевать.

– Тогда как мне тебя называть?

– Как тебе нравится...

* * *

На следующий день вернулся Аристарх Александрович, с ним приехала Таисия. Мы почти не разговаривали с ней на новогоднем празднике, потом она навещала меня несколько раз во время болезни, но кажется, мыслями была далеко. Словно в ее жизни происходило что-то серьезное, она выглядела очень подавленной. Я, разумеется, постеснялась спросить что случилось. Тем более при Анне Григорьевне, которая почти не покидала мою комнату.

Таисия очень обрадовалась, что мне лучше. Мы вчетвером отлично позавтракали. Казалось, ни деда, ни сестру совершенно не смутило появление Артура. И его загадочно участливое отношение ко мне. Он был невероятно внимателен. Сердце стучало как сумасшедшее, при каждом его приближении, наклоне в мою сторону, а Принц словно специально пытался коснуться меня. От этой галантности у меня дрожали руки, и я ужасно боялась пролить чай.

После завтрака Артур пригласил меня кататься на санках, в которые запряг более покладистого Кастора. Это было незабываемо, сам Принц вместе с Поллуксом бежал следом. Я хохотала, особенно когда закончилась гонка в сугробе, из которого меня достал Артур, выглядя при этом очень взвол-

нованным. Даже не улыбнулся.

– Не хватало тебе снова заболеть, Мотылек. Дурацкая идея с санками. Пошли в дом греться. Сделаем тебе горячего чая, с лимоном и медом.

– От лимона меня уже тошнит, бабушка столько дней им пичкала!

– Ничего. Главное, чтобы ты не простудилась.

– Хорошо, греемся, а потом можно на коньках покататься.

– Завтра.

– Ну пожалуйста, Артур!

* * *

Стоит ли говорить, что возвращаться домой мне теперь совершенно не хотелось? Последние дни каникул были наполнены волшебством. Я жила как в сказке. С Принцем, который носил меня на руках. Мы не говорили о наших отношениях. О статусе. Нам это было не нужно. Я избегала разговоров, и Артур подчинился, но я чувствовала – слова ему тоже претили. Он поступками показывал, насколько менялся. И конечно, я не могла не влюбиться. Отдала ему сердце без раздумий, потому что иначе уже не могла. Но признания были впереди, и это меня пугало. Особенно – встреча с Лисой.

Артур останавливает машину возле моего дома. Помогает достать из багажника вещи.

– Увидимся в школе? – мягко спрашивает, открывая водительскую дверь, но не спеша сесть обратно в салон. Он не просит поцеловать на прощание, ни словечка. Но я сама, поддаваясь неведомому порыву, иду к нему. Встаю на цыпочки и касаюсь губами щеки.

– Я могу тебя попросить, Принц? – произношу с улыбкой. Он позволил звать как захочу, и теперь пользуюсь этим в свое удовольствие.

– Конечно, Принцесса, – не остается в долгу Артур.

– Мы можем в школе пока не демонстрировать нашу... нашу дружбу?

– Почему? Ты стесняешься меня, Мотылек? – обиженно надувает губы мой Принц.

Кривляка. Как будто его можно стесняться!

– Я должна подготовить почву... Предупредить друзей.

– Только не говори, что переживаешь за чувства Стеблоса, – хмурится.

– Что? Ваня? Нет, с чего ты взял?

– Парень втрескался в тебя по уши, невозможно не заметить. Ромео недоделанный.

– Эй, давай без оскорблений! Ваня мой друг. А Ромео, между прочим – ты. Я больше за Лизу переживаю. Вдруг надуется на меня...

– С чего это?

– Ну я ей говорила, что ты последний парень на земле... с которым я бы могла... поцеловаться.

– Серьезно? Ну ты и партизан, Дусманис. Тебе в разведке работать надо. Врагу не сдастся наш гордый Варяг...

– Это ты к чему? Почему это я Варяг?

– Да потому что, похоже, даже под пытками не признаешься, что Принц тебе не безразличен, – вздыхает Артур.

– Нет, я... Ну ты же понимаешь... Мы с тобой сначала... – мнусь, запинаясь и никак не могу построить фразу.

– Детки, вы чего на улице мерзнете? – раздается рядом голос Анны Григорьевны. – Артур, заходи дорогой, у меня как раз зеленый чай заварился.

– Он уже уезжает, – перебиваю бабушку. Мне и так стоило усилий попрощаться с Принцем, а он все никак не уедет. Боюсь, что еще немного – и сама буду цепляться за него, умоляя остаться. На ночь. Ага. У Анны Григорьевны сердечный приступ случится от такого моего гостеприимства. А завтра папа приезжает. И мы устраиваем ужин, семейный. Кажется, Настасья Михайловна и отец готовят для нас важное заявление.

– Большое спасибо, Анна Григорьевна. Я с удовольствием выпью чаю, – галантность Артура не знает границ. Настолько, что хочется его стукнуть. Сжимаю руки в кулачки, а Принц незаметно подмигивает, точно прочел каждую мысль в моей голове и теперь посмеивается надо мной!

Глава 17

– Ух-х, ну и каникулы у меня были, ты просто не представляешь! – тараторит Лиса, едва не задыхаясь от избытка эмоций. – Разрывалась между Ромкой и Матвеем! То один пожалует, то другой. И оба мне нравятся, ну что тут поделаешь. Конечно, Рома – скорее так, забава. Чтобы Матвей не думал, что он пуп земли... Нет, конечно, они друг о друге не знают! Ни сном, ни духом. Я не о том... Когда Ромик под боком, не так зацикливаюсь на Матвее. Ведь он такой своеобразный... сложный. Противоречивый даже. Ох, Василин, мне столько тебе рассказать нужно! Но не в школе, – последнюю фразу Лиза произносит почти шепотом и так многозначительно, что понимаю – дело серьезное.

Первый день учебы, школа гудит как растревоженный улей. Ну а Лиса, как всегда в своем репертуаре, полна новостей, событий, бурлящей через край личной жизнью. Вот только слушаю рассказы подружки вполуха. Потому что мысли заняты своими отношениями... с Принцем. Сейчас, в школе, наши новогодние каникулы кажутся чем-то невероятным. Сном. Который закончился, но был настолько реальным, что оставил после себя бездну воспоминаний, из которой не выбраться.

– Ты чего такая задумчивая, Василин? – хмурится Лиса. – Как будто тебе не интересно. Ну, давай, рассказывай, как

время без меня проводила. Много книг прочитала?

– Очень. – Краснею. Ну почему, почему не могу сказать Лизе правду? «Эти дни я провела с Принцем. Он бросил Барби и теперь любит меня», – всего пара фраз. Но как представлю реакцию Лисы... Становится дурно. Вот и держу в себе, бормоча вместо этого:

– Я заболела на праздники. Валялась в постели. Было скучно. Бабушка выхаживала меня, – все что получается выдавить. Чувствую себя жалкой.

– Да уж. Не повезло, – сочувствует Лиза. – Ничего! Я тебя развею. На выходные идем в «Бездну». Будем Старый Новый год отмечать.

– Нет, прости, но меня не отпустят.

– Это мы еще посмотрим! Завтра твой отец нас на ужин пригласил. Я тебя отпрошу, справимся с твоей бабульницей.

Предстоящий вечер поначалу тревожил. Если даже скрою от Лизы правду, то Анна Григорьевна может все испортить в один момент! Но как оказалось, бабушка и сама не жаждет откровенничать о наших каникулах. Она ни слова не сказала отцу, и меня попросила молчать. Какие у нее причины, я не смогла догадаться. Врать было отвратительно. И я не собиралась скрывать эту тайну как нечто постыдное долгое время. Лишь хотела немного разобраться. Убедиться, что не напрасно доверилась Артуру...

* * *

На семейном ужине нам ожидаемо объявили о помолвке Настасьи Михайловны и отца. Мы с Лизой станем сестрами! Это событие привело нас обеих в восторг. Вечер вышел очень теплым. Семейным. Даже бабушка, кажется, была довольна и рада за отца. Приняла Настасью Михайловну.

* * *

Артур сдержал свое обещание, и в школе ничем не выдавал своего интереса ко мне. Причем так натурально, что иногда я начинала переживать: вдруг последние дни каникул, коньки, санки и вечера у камина в особняке Аристарха Бурмистрова – все было лишь сиюминутной прихотью. В рюкзаке повсюду таскала с собой шкатулку с балериной – безделушка стала для меня не менее дорогим сердцу сувениром, нежели мотылек на цепочке. Наверное, глупая привычка – привязываться к вещам. Но иначе не могла.

Так бы и умирала от неуверенности и самокопаний, если бы не звонки Артура перед сном. Каждый вечер. Мы разговаривали не менее часа, ни о чем, просто болтали, шутили, подкалывали друг друга.

– Тебе не надоело скрываться, Мотылек? – ворчливый во-

прос.

– Надоело. Но вы, принцы, народ непостоянный. А мне потом расхлебывать.

– Чего ты боишься? Скажи, я развею все твои страхи.

– Не сможешь. Ты ведь сам их старательно создавал...

Мне даже нравилась такая тайная жизнь. Никаких распросов, комментариев, советов... Мы принадлежали лишь друг другу. Мир не знал о нас, и пока это продолжалось, наша пара была в безопасности... Но так не могло длиться долго. Я, конечно, ужасно поступала с лучшей подругой, и должна была поплатиться за это. Такие вещи всегда падают как снежный ком на голову.

Конец третьей четверти. После занятий мы встречались с Артуром в нашем тайном месте (так называли парк с маленьким прудом за две остановки до школы), и отправлялись бродить по городу. Катались на катке – оказалось, что оба любим это занятие. Ходили в кино, сидели в кафе или ресторанчике. Артур все время предлагал пройтись по торговым центрам, желая купить мне что-то из одежды или украшений. Но я всякий раз отказывалась и даже обижалась.

– Не нравится, как выгляжу? – хмурюсь в ответ на очередное предложение. – Так найди себе Барби!

– Не хотел тебя обидеть, прости. Думал, чем порадовать мою девочку.

– Это кого?

– Тебя.

– Разве я твоя?

– Нет, – тушуетя Артур. – Но надеюсь, станешь моей...

– С такими разговорами – вряд ли, – фыркаю в ответ.

Мы гуляем вокруг пруда, в котором сейчас никого, а вот летом тут плавают утки и лебеди. Правда кормить их нельзя – запрещено. Крошу купленный батон на землю, кормлю голубей. Артур берет из моих рук крошки и тоже бросает птицам. Мы молчим, каждый думает о своем. Но это уютное молчание.

В последнее время меня мои мысли поглощает одно – размышления о близости. Разумеется, знаю о сексе, и знаю, Артур рано или поздно захочет этого. Он понимает – я невинна, и пока не делает попыток. С момента нашего «примирения» прошло чуть больше месяца. Мы обнимаемся, целуемся. Его это возбуждает, сильно. Меня тоже, но я все еще не готова отдаться. До конца довериться. Слишком мало времени после Ники. Да и у нас отношения совсем недавно были совершенно другими. Не могу разобраться, что и в какой момент изменилось, а спросить стесняюсь.

«Когда ты понял, что любишь меня, Артур?»

Можно задать ему этот вопрос... Но признания в любви не было. Ни с его стороны, ни с моей. Были поступки. Прогулки. Поверхностная болтовня. Нежность. Поцелуи. Но не признания.

Может Принц не из тех, кто говорит такие слова? Да и я не могла первой признаться, хотя любила безумно. Полно-

стью пропала, растворилась в этом парне. Понимала, если он получит желаемое, а потом бросит – это меня разрушит... убьет.

Вот и молчим оба как партизаны. Сходя с ума от желания прикоснуться, изучать, целовать. Ласкать, чувствовать. Но Артур держит дистанцию, не позволяет себе большего, нежели поцелуи и объятия.

Как бы мне хотелось поговорить об этом с Лизой! Тем более, в день помолвки родителей, оставшись на ночевку, подруга рассказала о том, что у нее произошла близость с Матвеем. Во всех подробностях. Как было больно, и в то же время потрясающе, волнующе, как нежен и терпелив был Матвей, и насколько изменились их отношения, стали гораздо ближе, доверительнее. Слушала, и радовалась за подружку. Как же мне хотелось поделиться в ответ! Счастьем, чувством всепоглощающей влюбленности, страхами... Но так и не смогла начать. Снежный ком продолжал расти, а я становилась заправской лгуньей.

И в результате – потеряла подружку.

Наверное, так должно было случиться. Я это заслужила.

Артур взял меня с собой в место, где собираются гонщики. Он не хотел, говорил, что мне там не понравится, что парни, гоняющие на байках, слишком грубы для такой нежной натуры, но мне было ужасно интересно. Компания оказалась большой, человек тридцать, разношерстной и очень шумной. В основном парни, некоторые намного старше на-

шего возраста. Я испуганно и смущенно жалась к Принцу, не отпуская его руку.

– Новая девушка, Артур? – подошел к нам один из бородатых байкеров в черной косухе.

– Ага.

– Симпатная крошка. Представишь?

– Василина.

– Очень приятно, – роняю смущенно.

– Я – Серьга. Хочешь прокатиться? Твоему-то больше не светит. Раздолбал свою машинку.

– Нет, спасибо.

– Ну как знаешь, – Серьга откланивается с деланой любезностью. К нам подходили и подходили новые лица, кто-то спрашивал обо мне, кто-то игнорировал и болтал с Артуром. Особенно неприязненные взгляды ловила со стороны женского пола. А потом увидела подъезжающего Матвея. Позади сидела девушка, рыжие волосы развевались на ветру. Внутри все сжалось. Понимаю, что опоздала. Не успела рассказать, покаяться перед подругой, выложить как на духу то, что так долго скрывала. Причины были: отвлекали родители, за которых мы радовались, обсуждали дальнейшие планы, подготовку к свадьбе. Да и сама Лиса с вечными проблемами в отношениях, зачастую ей было не до меня. Но на днях я решила твердо – хватит юлить. Мы договорились на ночевку в нашем доме, в субботу. Сегодня пятница. Всего дня не хватило, чтобы спасти дружбу...

В тот момент в моей душе все еще теплилась надежда, что Лиза поймет. Но как только она увидела меня, стоящую за руку с Принцем, на лице отпечаталось такое презрение! Сделав шаг к подруге, я замерла на месте. Лиза повернулась ко мне спиной, словно мы незнакомы.

Так больно стало, так обидно!

Да, я жалкая врушка. Она всегда душу передо мной выворачивала, всем делилась. А я – не смогла! Что ж теперь, казнить меня за это? Глубоко вдохнув, подхожу вплотную к Лисе. Беру за запястье, тяну на себя, требуя повернуться. Но подружка вырвала руку и посмотрела с отвращением.

– Лиза! Пожалуйста, давай поговорим!

– О чем?

– Пожалуйста, не обижайся! Отойдем...

Но Лиза отворачивается и уходит. Мы привлекаем внимание. Несколько парней и девушек уставились на нас, словно ждут, когда вцепимся друг в друга в волосы. Наверное, решили, что парней не поделили или что-то в этом роде. Все это неприятно, неправильно... не представляю, как выбраться из этой ситуации.

– Эй, помочь, Мотылек? Хочешь, поговорю с твоей Лисой? – последнюю фразу Артур произносит едва слышно, на ухо.

Я и не заметила, как подошел, настолько сосредоточилась на подруге, ловила каждую эмоцию, в надежде как-то исправить то, что натворила.

– Эй, рыжая, – кричит Бурмистров, не дождавшись моего ответа. – Иди сюда, разговор есть.

– Сам подойди, если надо, – хмуро отвечает за Лизу Матвей, притягивая подругу рукой за шею – Че раскомандовался, Бурмистров?

Артур хватает меня за руку и тащит за собой к Лисе. Подходим вплотную.

– Давай, пошли, Мотя. Не будем мешать девочкам. Подружкам поговорить надо, не видишь?

Лиса пожимает плечами и выворачивается из навязанных объятий Матвея, тот направляется к Бурмистрову. А мы отходим от парней подальше.

– Прости, Лиз. Я должна была тебе рассказать... – переминаясь с ноги на ногу, начинаю свою покаянную речь.

– О чем? Что здесь будешь? Так и я не предупредила... Не думала, что тебе это интересно. И уж тем более не ожидала, что гонки любишь, – ехидно отвечает Лиса.

– Про Артура... про него не сказала.

– Что теперь *ты* его Барби?

– Нет! Ты что! Какая я Барби...

– Да такая, Василин. Даже если не хочешь – придется... соответствовать. Давно с ним мутишь?

– Нет...

– А поточнее? Что-то уж больно рожа у тебя, подружка, виноватая.

– На Новый год...

– Болели вместе? Знаешь, противно! Получается, ты мне долго и нагло врала. Столько скрывала. В то время как я, дуреха, все тебе вываливала, всем делилась, считая, что у нас взаимное доверие, дружба.

– Не специально же молчала! – почти кричу от отчаяния. – Не хотела, так получилось! Стеснялась я... Не верила Артуру.

– Ну так и правильно! И сейчас зря веришь.

– Ты его не знаешь!

– Это ты не знаешь, а я с Бурмистровым в школе с первого класса. Он бабник, всегда таким был. Ты оказалась крепким орешком, сопротивлялась, не стелилась. Понятное дело, ему стало интересно...

– Вот поэтому-то тебе и не сказала! Ты бы отговаривала, убеждала, что он плохой.

– Он хороший. Но тебе будет плохо.

– Пусть. Я готова.

– Ну-ну. Посмотрим. Только ко мне не приползай, ок? Не хочу это видеть. И дружить с той, кто меня ни во что не ставит... не могу.

– Мы скоро родственниками станем. Давай хоть ради родителей...

– Ой, я тебя умоляю. Мы взрослые люди, Василин. И я ни перед кем стелиться не буду. Скоро к Матвею перееду. Вместе жить будем. Так что ваш дом мне не интересен, как и сестренка названная – врушка.

– Да? Ну рада за тебя, – отвечаю, изо всех сил изображая равнодушие. Сердце сковал ледяной холод, голова трещит. Меня даже тошнит. Нет больше сил выносить упреки, обиды. Понимаю, что неправа. Но не ожидала, что приговор будет настолько суровым. Меня вычеркнули, сразу, без вариантов. Ощущение, что Лиса ждала повода, чтобы прекратить нашу дружбу. А если так, то смысл ее удерживать? И как? Что еще нужно сказать, как извиниться, чтобы она простила скрытность и трусость? Никогда не чувствовала себя более паршиво. Хочется разреветься, но это будет уж совсем позорно. Тем более у Лисы в глазах ни слезинки. Она выглядит равнодушной и немного злой.

– Пока, Василина. Смотри, получше скрывай ваши отношения. От Ведьмы, да и от остальных. Узнают – хорошего не будет. Я даже понимаю, почему ты держала это в тайне. Но от меня – не стоило. Я бы никогда не предала тебя.

– Как и я!

– Нет. Ты – предала.

От разрыва с Лизой я долго не могла прийти в себя. Если бы не Артур, вряд ли бы вообще оправилась. Принц очень поддерживал меня. Был рядом, заботился, утешал, пытался развеять. Постепенно я привыкла к тому, что Лисы больше нет в моей жизни. Мы встречались в школе и... даже не здоровались. Проходили мимо как чужие. Остальные друзья тоже отвернулись от меня. Ваня, понятное дело, обиделся из-за Артура. Теперь вообще меня стороной обходил. Я даже

пытала Бурмистрова – его ли это происки, но Принц хмурился и начинал допытываться: «Тебе мало меня, Мотылек? Больше поклонников захотелось?»

Подобные предположения расстраивали меня, и я старалась побыстрее замять разговор. Нет, мне не нужны поклонники. Но как же трудно после шумной компании снова становиться одиночкой!

Конечно, была еще Анжелика. Сестра Артура с третьей четверти перевелась в нашу школу, мы, разумеется, общались. Лика пришла в восторг узнав, что у меня отношения с ее братом. Я поначалу смущалась и отказывалась обсуждать с ней эту тему. Но потом привыкла, к тому же больше поговорить было не с кем. Но Лика на три года младше. У нее свои интересы, занятия. Она быстро нашла друзей, так что общались мы нечасто.

* * *

Незаметно пришла весна. Поглощенная отношениями с Принцем я даже не заметила ее приближение. Мне было все равно какая погода на улице, снег или дождь, или яркое солнце. Я думала лишь о новой встрече. Объятиях, в которых растворюсь, как только зайду в школу. Мы больше не скрывали наши отношения. Ходили, держась за руки, как настоящая пара. Многие шушукалась за моей спиной. Я догадывалась, о чем: «Как такая невзрачная пигалица умудрилась

отбить парня у Соболевой? Что нашел Принц в этой Дусманис? Это наверняка ненадолго...» – и тому подобное. Но мне было плевать абсолютно на все.

Бабушка, узнав о моей «излишне близкой дружбе», с Артуром, тоже не пришла в восторг. Всячески уговаривала меня держаться от «неподходящего парня» подальше, убеждала: «ничем хорошим это не закончится», и даже грозилась запереть дома. Но со мной происходило что-то невероятное. То ли весенний, одурманивающий свежестью воздух, то ли новые, оглушающие чувства будоражили кровь... Я стала безумной. Неуправляемой. От былой робости не осталось и следа. Даже сны были наполнены тревогой, и в то же время каким-то безудержным драйвом. Все ощущения обострились. Солнце было жарче, первые цветы в палисаднике, возле бабушкиного дома, пахли слаще. На меня то и дело накатывало странное состояние, которое я могла определить – мне то хотелось плакать, то хохотать, как сумасшедшей.

Сегодня все дошло до точки кипения. Бабушка даже заперла меня, запретив уходить из дома вечером, категорически. И тогда, торопясь на встречу с Принцем, я вылезла из окна! Не второго этажа, нет, на такое я вряд ли способна, да и зацепиться возле окна моей комнаты совершенно не за что... Но пока везло – меня еще не запирали, а только грозили этим... Впервые Анна Григорьевна прямо таки категорически запретила уходить из дома, а ведь Принц ждет меня неподалеку! Не думая о последствиях, лишь чувствуя от-

чаянную потребность увидеть любимого, пока бабушка закрывает на замок входную дверь, выпрыгиваю из окна кухни. Поцарапала коленку, больно хлестнула ветка по лицу – наплевать. Главное – свобода.

Принц за углом, на новехоньком Харлее. Уж не знаю, на какие деньги он его купил – вряд ли на родительские. Ему насторого запретили мотоциклы после аварии. Но Артур не может без скорости, я успела в этом убедиться. Кажется, тоже начинаю понимать этот кайф. С Принцем мне ничего не страшно. В выходные даже договорились записаться на прыжки с парашютом. Я согласна на любое безумство. Лишь бы вместе...

Надеваю протянутый шлем, прыгаю на байк позади Артура, крепко обнимаю любимого за талию. Он нажимает на сцепление и выруливает на полупустое шоссе. Порыв ветра подхватывает белокурые локоны, свисающие из-под шлема. Завороженно наблюдаю за этим. Обожаю волосы Принца. Могу часами их разглядывать, накручивать на палец прядь... Артур даже как-то пошутил: наверное, парикмахером стать хочу и что ощущает во мне нездоровый фетиш к его шевелюре.

Меня даже не пугали соревнования спор, бешеные гонки. Артур все равно продолжал ворчать, когда я просилась с ним в компанию стритрейсеров. Меня уже не смущали длинные волосы, бороды, кожаные косухи, пропахшие бензином, крепкие руки со ссадинами и разбитыми костяшками. Не

приводил в ужас визг тормозов, скрип покрышек. Я обожаю сцеплять руки под курткой моего парня, чувствовать, как жар его большого тела согревает мои холодные пальцы. Ощущать ветер, бьющий в лицо, развевающиеся волосы. Я отдавалась целиком этой свободе, драйву, рычащему под нами зверю.

* * *

А еще Артур учит меня водить машину. Находиться с ним в тесном пространстве автомобиля – почти пытка. Возбуждение бьет через край, руки потеют, дрожат, и единственное, что мешает бросить руль и зажмурить глаза – мягкие, терпеливые комментарии.

– Все хорошо, Мотылек. Очень хорошо. У тебя отлично получается.

Какое там отлично, когда только и жду, что съеду в кювет? Сердце колотится, адреналин зашкаливает... на скорости тридцать километров в час... на безлюдной проселочной дороге. Вокруг поля, ни одной живой души. Останавливаю машину и выскакиваю наружу.

– Это не мое! Никогда не научусь!

– Все хорошо, Василин. Никто не сумел бы сразу.

– Да ладно? И ты так же учился? Как и я? Ошибался, тупил?

– Нет... но я мужчина. Да не парься. Если не твое, буду

возить тебя. Всегда и везде... куда только пожелаешь.

Принц подходит вплотную, притягивает к себе. Ныряю в объятия. Наслаждаюсь близостью, растворяюсь в крепких руках. Он такой высокий, статный. Чувствую себя Дюймовочкой рядом с ним. Запрокидываю голову, чтобы поймать его взгляд, полный нежности и доброты.

Но когда садимся в машину, замерзнув на вечернем ветру, взгляд Артура становится другим. Жестким, цепким, сосредоточенным. Почему мне кажется, что причина в том, что его напрягает сидеть так близко, и в то же время держаться на расстоянии. Как и меня.

А еще – это заводит. Тесное пространство, интимная обстановка... слишком интимная. Мои волосы стали влажными и спутались – пока шел урок я вспотела от напряжения. Ветерок, дующий в окно автомобиля, взъерошил их, и теперь они упрямо лезут в лицо. Начинаю раздраженно приглаживать прическу.

– Я тебя нервирую Мотылек? – щурится Принц.

– Нет конечно!

– Точно? У тебя такой вид, как будто смущаю тебя. – Артур сжимает ключи, так и не вставленные в замок зажигания.

Молча отворачиваюсь к окну. «Конечно, ты меня смущаешь! До дрожи... Ни о чем другом думать не могу, кроме как о том, что касаешься меня. Стыдно осознавать, что хочу тебя сильнее, нежели ты меня...»

Артур как задал с самого начала дистанцию между нами,

так и придерживается ее. Не могу понять почему. Словно есть препятствие, о котором не знаю.

– А может я тебя смущаю? – выпаливаю неожиданный вопрос, хмелея от собственной смелости, даже развязности.

Мне действительно удалось удивить Бурмистрова. Аж ключи выронил, не ожидал таких слов, точно.

– Решила поиграть, Мотылек? Не боишься, что продуешь? Думаешь, прижала меня к каблуку и теперь в высшей лиге? Ты понятия не имеешь...

Тон его голоса, как и слова, полон злости. Но мне плевать. Не знаю, что Артур надумал... Может из-за того, что стала вхожа в их дом, а Таисия относилась ко мне как к дочери, и внимательно следила, чтобы брат «не обижал меня», но сейчас понимаю – меня душит эта забота. Свободы хочу, полностью отдаться чувствам, Артуру... Поэтому решаю прервать ненужный диалог, наклоняюсь к нему и легонько касаюсь губами его губ. Артур замирает на мгновение, а потом хватается за талию, перетаскивает к себе на колени и впивается в мои губы долгим, обжигающим поцелуем. Так мы еще не целовались... Глубоко... с языком, одуряюще интимно, когда кровь буквально ревет в ушах, а сердце долбитя о грудную клетку. Когда Артур останавливается, оба тяжело дышим. Я словно плыву в густом тумане. Все так призрачно, будто выпала из реальности и парю в другом измерении. Хочу Принца до покалывания в кончиках пальцев, до помутнения рассудка. Чувствую, он тоже на грани. Дурею от мысли, что к

этой грани подвела его я. Серая мышка. Невзрачный мотылек.

Артур тем временем берет меня за подбородок и вглядывается мне в лицо. Уж не знаю, что там ищет. Полное подчинение? Безумную влюбленность? Так разве надо искать? Я как на ладони. Ничего не скрываю. Все отдала...

Нет, не все. Осталось последнее. Я готова, Принц сам тянет. Боится девственниц? Хочется хихикнуть от подобного предположения, хотя совершенно не до смеха. Возможно, мысли отражаются на моем лице, потому что взгляд Артура вдруг меняется, темнеет, и он снова притягивает мое лицо к своему – властно, неумолимо. Но я и рада. Пальцами зарываюсь в любимые локоны на затылке. Жадно, горячо, Принц сминает мои губы, терзает настойчивыми, глубокими поцелуями. Рукой проникает мне под блузку, гладит поочередно мои маленькие груди, прикрытые лишь тонким кружевом бюстгалтера, чуть сжимая, изучая, провоцируя взрыв наслаждения. Я так часто грезила об этом, но оказалась все равно не готова к шквалу ощущений. Переходы от нежности к неумолимой, жесткой потребности, сводят с ума. Артур все время меняет тактику, то нежно лаская губы кончиком языка, прося, чтобы впустила внутрь, то прорывается с жестким напором, охваченный неистовой жадной. Его возбужденное дыхание учащается. Он расстегивает блузку, пуговицу за пуговицей, так аккуратно, что хочется взвыть от нарочитой медлительности. От прохладного воздуха соски

становятся твердыми как бусинки. Кружево лифчика раздражает, колет. Артур так долго разглядывает меня, что начинаю смущаться и поднимаю руки, прикрываясь.

– Не прячься от меня, – Артур обхватывает запястья и заводит за спину. Невольно выгибаюсь, словно предлагаю себя.

– Ты прекрасна! – шепчет Принц, согревая дыханием кожу.

Освобождаюсь от плена его рук, с отчаянным желанием тоже прикоснуться. Познать. Тянусь к Артуру, забираюсь ладонями под толстовку, касаясь гладкой горячей кожи. Но мне этого мало задираю ткань повыше. Губами прижимаюсь к гладкому торсу, чуть ниже сосков, вдыхаю мужской запах, который невероятно будоражит. С ума схожу от собственной смелости, невероятно безумия, в которое погружаюсь. Все глубже...

– Сними! – прошу дрожащим голосом.

Артур замирает.

– Ты уверена? Как далеко готова зайти, Мотылек? Не боишься, что назад пути не будет?

– Я не попрошу остановиться. Обещаю.

Принц вздрагивает, услышав мои слова. Смотрит так, будто оттолкнуть хочет... но не может этого сделать. Лишь говорит тихо:

– Тогда ты тоже сними...

Дрожащими руками помогаем друг другу избавиться от одежды. С трудом сдерживаю нервный смех, но когда вижу

полностью обнаженный торс Принца, уже ни капли не до веселья... Даже дышать тяжело...

Как можно быть настолько красивым? Безупречным. Золотистая кожа, твердые мускулы, кубики пресса. Артур снова привлекает к себе, жадно целует, проникая глубоко языком. Зарывается пятерней в мои волосы. Теряю контроль, хочется раствориться в этом парне без остатка, выгибаюсь, прижимаюсь, трусь о его тело, умоляя о большем.

У меня вырывается отчаянный стон, который Принц ловит губами. Затем отстраняется, нежно гладит мои волосы, словно успокаивая меня, хотя сам, чувствую – на грани. Подушечкой большого пальца касается моих губ.

– Тсс, малыш. Остановись, полегче... Мы не можем сейчас...

– Можем... хочу, – упрямо выдыхаю, снова тянусь к его рту. И с наслаждением отмечаю пронзившую его дрожь. Это лишает остатков самообладания, мотыльки в моем животе бьются как ненормальные, неистово требуя пойти до конца...

– Тогда держись, малышка, – голос низкий, почти неузнаваемый. Артур наклоняется, языком прочерчивает дорожку на моей груди, и я покрываюсь мурашками. Обхватывает губами сосок, меня пронзает возбуждением, желанием большего, хоть и не осозанным. Не понимаю, чего хочу. Больше прикосновений? Больше страсти? Больше Артура...

Чувства обострены до боли, стараюсь прижаться как мож-

но теснее. Мужские пальцы скользят по моему телу вниз и наконец касаются там, где сосредоточен жар. Не могу сдерживать громкий стон, закусываю губы от наслаждения. Ощущения невероятные, словно балансирую на тонком канате...

Мысль о том, как выгляжу со стороны, заставляет щеки заалеть. Юбка в мелкий цветочек, задрана к талии, трусики промокли от влаги. Меня это ужасно смущает. На Артуре – джинсы, но даже через них чувствую набухший бугор, и дрожу от предвкушения, от неумолимого желания увидеть... дотронуться... испытать. Мне уже плевать, пусть это произойдет в машине. Да где угодно. Во мне нет больше стыда, нет рамок... только безумная потребность в соединении с этим парнем, так беззаветно мной любимым. Слегка прикусываю нижнюю губу Артура, распаленная желанием, прижимаюсь все плотнее, ерзаю. Тянусь к молнии. Но Артур сам расстегивает джинсы. Берет мою ладонь и прикладывает к большому твердому органу. Задыхаюсь от смущения, голова кружится, дыхание рваное... Мне страшно, но в то же время – ни за что не остановлюсь. Хочу испытать все до конца... прямо сейчас.

Артур скользит рукой меж моих бедер. Лишь тонкая ткань трусиков отделяет его ладонь от чувствительной плоти.

– Ты влажная. Хочешь меня, Мотылек? Хочешь... чувствую... – Прижимает мои бедра плотнее к себе, рванув вниз. Несколько восхитительных движений, вверх-вниз, соприкосновение, трение о твердую горячую плоть, и вот внут-

ри все взрывается ослепительной вспышкой. Будто током прошибает. Дрожь еще долго сотрясает меня, нет сил совладать с эмоциями. Кажется, даже плачу. Щеки мокрые.

Смущенно отворачиваюсь, крепко зажмурив глаза, и Артур тихонько берет меня за подбородок, поворачивая к себе. Бархатно шепчет, с мягкой охрипlostью:

– Открой глаза, Мотылек.

Неуверенно повинуюсь, утонув в серебряном взгляде:

– Все хорошо, малышка. Тут нечего стесняться. Все хорошо...

– Но ты... но мы... – вот и все что могу выдать из себя. Мне неловко, и в то же время, безумно хорошо.

– Ты же не думала, что твой первый раз будет в машине?

Глава 18

Я была и благодарна Артуру, что волнуется обо мне, и в то же время, несколько разочарована. После того, что произошло между нами в машине, желание близости лишь разрасталось сильнее, начинало походить на одержимость. Я хотела испытать с Артуром все. Даже боль. И меня расстраивало, что он не настолько же охвачен пламенем, как я. Не теряет голову. Сохраняет контроль. Как же это бесило! Не знаю, откуда взялось безумное желание лишить Принца контроля. Я менялась, становилась женщиной, и Артур, похоже, разбудил во мне нечто тайное. Особенное. Некую черту, которая раньше совершенно не соответствовала моему характеру.

* * *

Прокрадываюсь к кухонному окну, надеясь, что его не заперли. Удача! Но влезть обратно не так легко, как вывалиться наружу, находясь под действием адреналина, влюбленности, плюс подростковое упрямство. С трудом, скрипя зубами, оказываюсь, наконец, в кухне. Слава богу, в доме тишина. Все спят. Может, и не заметили, что сбежала? Решили, что закрылась у себя в комнате. На цыпочках иду к себе и без сил падаю на постель. Но уснуть долго не получается, пя-

люсь в потолок, прислушиваясь к звукам, которые доносятся с улицы. Снова и снова проживаю мгновения в машине, дрожа от нахлынувших воспоминаний.

* * *

Дни бегут один за другим. Некогда остановиться и задуматься. Мы каждый день видимся с Артуром, растворяясь друг в друге, забывая обо всем на свете. Но вокруг нас увы, не все так безоблачно. Иногда меня охватывает ощущение, что тучи сгущаются и вот-вот грянет буря. Откуда эти глупые мысли? Солнце светит ярко, погода чудесная, все цветет, распускается, зеленеет и радуется глаз. Наверное, когда ты счастлив – страх, это нормальное явление. Ты боишься потерять то, что имеешь. Дорожишь минутами счастья. Но на деле, у тебя нет никакой власти. Ты беспомощен и можешь лишь плыть по течению... радоваться, тому что есть. Или барахтаться, вырывая счастье зубами.

Бабушка против моих свиданий с Артуром. Пытаюсь отпроситься у нее на выходные – на дачу к Бурмистровым, с ночевкой. Там будут родители Артура, Таисия. Это не поместье Аристарха, а обычный скромный дом – так, во всяком случае объяснил мне Принц. Уверил, что родители будут мне рады. И Лика тоже там будет. До смерти хочется поехать! Не говоря уже о том, что альтернатива – сидеть в четырех стенах, готовясь к экзаменам.

Но Анна Григорьевна меня осаживает:

– Слишком часто я стала видеть этого парня, – ворчит она. – А уж ты, так вообще, помешалась на нем. Какая дача, деточка? Ты соображаешь? Мне правнуков нянчить рано пока. Учись давай, до экзаменов всего ничего! А у нее любовь-морковь видите ли...

Нет сил терпеть эти бесконечные придирки, выхожу из себя и впервые отвечаю, повысив голос:

– Не тебе об этом рассуждать! Что ты знаешь о любви!

– Василина! – одергивает отец. – Не смей так разговаривать со старшими. Что за грубость?

Молча убегаю к себе, хлопнув дверью. Сажусь, обхватив себя руками на постели, размышляя с отчаянием, что никто меня не понимает, никому я не нужна по сути со своими проблемами... тревогами. Разрывающей душу любовью, с которой, похоже, справиться мне не по силам. Последнее время у меня портятся оценки, учителя начинают задавать вопросы. Все ли хорошо в семье, что со мной такое и почему задание снова не готово. Я как поезд, несущийся под откос на огромной скорости. Еще совсем недавно я бы ни за что не поверила, что любовь может настолько изменить тебя.

Хорошо, хоть с литературой все по-прежнему в порядке. Надеюсь, Таисия не подозревает о буре, которая происходит в моей душе, о разгорающемся между мной и Артуром пожаре, который, если не найдет выхода, скоро испепелит мое наивное сердце... Погасить его – мне не под силу. И как же

больно оттого, что не с кем поговорить, посоветоваться, признаться, что умираю от ожидания, когда Принц смилостивится и возьмет меня. Да и вряд ли у меня хватило бы смелости заговорить на эту тему... даже с Лисой. Но подружки нет, она знать меня не хочет, так к чему вспоминать, травить душу...

Никого больше нет, только Принц и навязанное им воздержание, которое убивало меня. Но Артур заявил, что это произойдет, когда он сам решит. Что сначала нас ждет серьезный разговор. Я недоумевала – что все это значит? Ну не о предохранении же он мне лекцию решил прочесть? А если и так – к чему тянуть? Купили презервативы и вперед. Но я стеснялась сказать ему об этом. А еще не давала покоя мысль – может он ждет окончания школы, чтобы сделать мне предложение? Глупейшие фантазии, но лишь они давали мне силы ждать... Я мечтала стать непорочной невестой. Это так возвышенно... Мой Принц романтик! Что может быть прекраснее?

* * *

На дачу я все-таки поехала, только благодаря Таисии, которая забрала меня из дома. Ей Анна Григорьевна не смогла отказать. Я обожала старшую сестру Принца! Наверное, она была единственной, кто не пытался лезть в душу и давать советы насчет Артура. Впрочем, родители Бурмистрова эту те-

му тоже не затрагивали. В эти чудесные пять дней – майские праздники – я, наконец, смогла узнать их ближе. Мама Артура оказалась удивительно доброй и мягкой женщиной. С ней было легко. Но я чувствовала все равно некое напряжение, словно она переживала за наши отношения с Артуром. Словно ее это беспокоило. Разумеется, приходилось поневоле задуматься – в чем причина. Папа Артура тоже был добрым, очень галантным. Поначалу я ужасно его стеснялась, не знала как вести себя, казалась себе неуклюжей. Но потом мы разговорились, и я поняла, что это милейший человек. Открытый, чуткий, внимательный.

Артур не обманул – дача его семьи действительно сильно отличалась от резиденции дедушки Аристарха. Двухэтажный, кирпичный дом, без особой роскоши. Все очень подомашнему. Никакой прислуги и изысканной сервировки. Ни антиквариата, или огромных спален. Но здесь было так чудесно! Дом утопал в зелени, вокруг раскинулись всевозможные кустарники, несколько клумб с цветами, забор полностью зарос диким виноградом, а еще на участке росли две огромные вековые сосны. Так что под ногами трещали шишки, а в воздухе разливался непередаваемый запах леса, смолы. В саду стояла большая круглая беседка, где мы засиживались допоздна, резались в лото и другие игры, слушали песни под гитару – которую приносил с собой сосед. Кстати, соседи тут все были дружные. На праздники приехало много молодежи, так что мы очень весело проводили дни, катаясь

по проселочным дорогам на мотоциклах, ездили на речку купаться, играли в волейбол и бадминтон. Ни секунды свободного времени! Даже о безумном притяжении забыли, а как иначе, когда рядом родители, Таисия.

Дядя Дима, и тот заглянул к брату на дачу. Оказалось, Аристарх отбыл за границу – решил с супругой отношения наладить. И прихватил с собой Веру – прабабушке захотелось пополнить в Париже свой гардероб... Поэтому младший сын Аристарха, дабы не грустить в одиночестве, пожаловал отмечать Первомай к брату. Мне все это рассказала, разумеется, неугомонная Анжелика, пребывающая эти выходные в довольно мрачном настроении. Потому что Якоб не приехал. Лике не были известны причины его отсутствия. Обычно Якоб праздники отмечал с Бурмистровыми... Но не всегда, разумеется. Могли быть другие компании, дела, девушки... Последнее наиболее беспокоило девочку.

* * *

Я буквально влюбилась в этот отдых, в неспешные часы, которые проводим в беседке. Единственное, что немного раздражает – дядя Дима, весь вечер внимательно наблюдающий за мной. Неприятно чувствовать себя объектом изучения, тем более зная, что этот человек терпеть не может Артура.

– Откуда я тебя помню? – довольно бесцеремонно спра-

шивает Дмитрий Аристархович, стоит нам оказаться одним в беседке. Сидим друг напротив друга, на плетеных диванчиках, расположенных по кругу.

– Я на Новый год у вашего отца в гостях была, – отвечаю, разглядывая узоры на подушке. На каждом диванчике не менее пяти таких, и все разномастные. Мама Артура объяснила, что покупает их в поездках, на память, что-то вроде коллекции. Вот и пялюсь на китайскую вышивку, надеясь, что Артур скоро вернется, и освободит меня от общества своего дяди.

– Вспомнил. Ты тогда заболела и в обморок упала. Ничего так спектакль был. А мне в аптеку ехать пришлось. За что даже благодарности не услышал...

– Извините, – отвечаю, не поднимая глаз. – Большое спасибо за доброту и отзывчивость.

Мне и стыдно, что оказалась в долгу у такого неприятного человека, и в то же время возмущает – почему он так разговаривает со мной? Будто виновата, что заболела. И что именно ему пришлось напрягаться, куда-то ехать. Какой же все-таки неприятный этот дядя Дима!

– Да ничего, пожалуйста. Дело прошлое. Только не ожидал, что такой умненькой окажешься. Хорошо племяша работала. С руки у тебя жрет.

– Я? Ничего подобного! – Хочется вскочить и убежать, с трудом заставляю себя остаться на месте. Нет сил больше терпеть общество этого невыносимого мужчины!

– Да ладно, у меня глаза есть. И я ж не против. Только хотел предложить кое-что... Заметь, будет выгодно нам обоим...

Подскакиваю с дивана, вместе со мной слетают несколько подушек:

– Меня не интересуют никакие предложения!

И не дожидаясь дальнейших гадостей, убегая в дом, в комнату, которую делим вместе с Ликой. Меня трясет от возмущения. Какой же омерзительный тип! Скользкий, как червяк. А я-то еще думала, что Анжелика преувеличивала, рассказывая о нем.

Но я не стала никому рассказывать об инциденте. Просто до конца нашего пребывания на даче, старалась избегать Дмитрия. Он теперь, наверное, навсегда останется в памяти как крайне неприятная личность. Паршивая овца в великолепном семействе Бурмистровых. Правда, я еще долго вспоминала этот странный разговор, размышляла, что возможно, стоит рассказать о нем Артуру. Что затевает против него дядя? Чем все это может грозить любимому? Но скоро произошли события, которые выветрили эти мысли напрочь из моей головы.

* * *

Школьные дела, подготовка в ЕГЭ закружили по полной, стоило только вернуться домой. Не до чувств в такую пору,

не до влюбленности. Полная сосредоточенность на цели – закончить школу с золотой медалью и поступить на бюджет в Финансовый университет, самый престижный в городе, как и планировала. Учителя в один голос уверяют, что для меня это реально – стоит лишь немного подтянуть оценки. Вот и стараюсь изо всех сил, временно отменив уроки вождения, несмотря на то, что это время наедине с Артуром необходимо мне как воздух... И все же приходится повесить перед собой красный знак «СТОП». «Никаких пока больше поцелуев в машине! Потерпи немножко... до выпускного совсем ничего осталось. Ты сможешь!» – уговариваю себя, хоть увещевания слабо помогают.

А тут еще и вальс, который мы должны танцевать на выпускном! Нас собирают после уроков в актовом зале и объявляют об этом. Репетиции трижды в неделю. Приглашенный учитель танцев распределяет пары. Артура ставят с Солевой, вызывая этим смешки и красноречивые взгляды в мою сторону. Всем интересна моя реакция. Стою, как оплеванная. Ну конечно, коротышка разве будет красиво смотреться с Принцем в танце? Но Артур о чем-то шепчется с учителем, и подходит ко мне.

– Ты же не думала, что я тебя отдам другому, Мотылек?

Краснею под его взглядом, ноги дрожат. Как же я счастлива в эту минуту, снова вырвав любимого из лап Ведьмы!

Репетиции даются нам нелегко. Еще больше близости, прикосновений... я уже не выдерживаю. Чувствую, Артур тоже на грани. Мы ходим с ума друг по другу. Любовь ли это? Или лишь следствие воздержания? Чего мы ждем? Я и сама не понимаю. Ничего уже не соображаю, кроме одного – я умру за него. Босиком по углям пройду, лишь бы за ним... Моя любовь переросла в какую-то безумную фобию, не представляю как справиться с этим.

Плевать на запреты бабушки и отца. Всё равно на хмурые взгляды бывшей подруги. Я больше не хочу наладить отношения с Лизой. Меня не волнует, даже если придется жить врагами в одном доме. И на Соболеву, которая буквально прожигает меня взглядом, полным ненависти, глубоко плевать! Сливаюсь с Артуром в танце. Сегодня последняя репетиция. Ощущения волшебные, крышесносные. Его объятия – самые уютные в мире. Жар – удушливо волнует и вгоняет в краску. Энергетика обволакивает, заставляя забыть обо всём. Мощный бой его сердца отдается эхом в моём теле. Глубокий, въедливый взгляд – будоражит кровь. Учащённое дыхание обжигает, едва не лишая сознания, ведь мысль, что я виновница возбуждения Артура, пьянит как ничто на свете. А мягкий изгиб губ гипнотизирует. Как же хочется поцелуя... Одного... но важного, как глоток кислорода.

Мы словно парим, укрывая друг друга крыльями ярких чувств. Настолько поглощены кипящими эмоциями друг друга, что накаляем вокруг себя воздух, и вот-вот вспыхнем от страсти.

Учитель танцев объявляет перерыв, и я сбегаю в туалет – мне просто необходима пауза.

Горю от объятий, но гораздо сильнее – от своих мыслей. Так хочу Артура, едва хватает сил смолчать и не умолять взять меня. Сегодня. В машине. По-настоящему. После того вечера в его автомобиле, постоянно об этом думаю.

Спускаю воду, собираюсь выйти из кабинки туалета, когда слышу голос Соболевой. Замираю. Так не хочется встретиться с ней лицом к лицу! Знаю, она не отошла еще от потери Принца. Понимаю ее и даже жалею. Уверена, что мне Ника ничего не сделает – боится гнева Бурмистрова. И все равно малодушно остаюсь в кабинке, ожидая, когда Барби покинет помещение.

Но она не торопится. Болтает с подружками. Одна из которых произносит имя Артура. Поначалу не удается понять что – я и не собиралась уши греть, лишь переждать. Но различив имя любимого, замираю и напряженно обращаюсь вслух.

– Ой, я тебя умоляю, – заливисто смеется Соболева. – Недолго осталось, и он вернется ко мне. Нам родители помолвку готовят, после выпускного.

– Тогда почему он не с тобой танцует, а с ней?

– Так надо. Да плевать, подумаешь. Ну хочет порезвиться с зарвавшейся пигалицей, пусть. Спор у него. Серьезный. На мотоцикл. Родители не покупают, видишь ли. Вот он таким способом и решил добиться. Якоб – змей искуситель...

– Я бы, знаешь ли, сама ему мотоцикл купила. Лишь бы не видеть, как с другой обжимается, – с сомнением произносит одна из подружек Ники.

– Ну а вот я не такая, – шипит в ответ Соболева. – Хочется ему – пусть! На веревке его не удержишь. Попробует сейчас дурочку, трахнет – и успокоится. Она решила, что если будет повторять за мной, строить из себя девственницу, то чего-то добьется? Привяжет Артура? Да никогда! Дура невзрачная!

Не могу поверить в то, что слышу. Это не может быть реальностью! Просто не может! Все подстроено, нужно было ожидать ловушки, подставы от Ведьмы. И вот, дождалась.

«Они, наверное, проследили за тобой. Знают, что ты здесь» – шепчет с отчаянной надеждой внутренний голос.

Да конечно же знают! Конечно, подстроено. Слова Ведьмы абсолютная ложь! Ни за что не поверю. Но семя сомнения уже брошено в почву. Внутри зарождается клубок отчаяния. Разрастается, душит, болит. Хочется кричать, рыдать. Выбежать из кабинки и вцепиться Соболевой в волосы. Разбить ей голову о кафельную плитку туалета. А потом упасть на колени и завывать от боли.

Спор... спор... на меня поспорили. В лучших традициях фильмов про дурнушку. Всегда спор... Любовь принца и

нищей не может быть правдой. Реальность слишком сурова. Сначала любовь-морковь, потом – лицом об землю, со всего размаха, вдребезги.

Меня прошибает ледяной озноб, руки дрожат. Наклоняюсь над унитазом, чувствую сильное головокружение... меня выворачивает наизнанку, снова и снова.

– Фу, там кто-то блюет в кабинке, – брезгливо заявляет Соболева. – Пошли отсюда. Мерзость какая.

– Может, залетела? – другой голос. Едкие, короткие смешки:

– Не повезло кому-то.

– Да плевать, что там и с кем, я уже терпеть не могу, описуюсь сейчас. Пошли скорее в другой туалет.

Хлопок двери. Троица закадычных подружек покидает помещение. Всего за пять минут они разрушили мою жизнь. Перевернули с ног на голову. И отправились дальше, бабочками порхать по жизни.

А Мотылек...

Прямо-таки чувствую, как острый нож по живому отсекает тонкие крылья. Нет больше Мотылька. На спине два кровоточащих шрама. Как же больно...

Как я могла ожидать, что Принц и правда влюблен? В меня!!!

«Ты очень сильно ошиблась, девочка! Нет никакой любви. Ничего нет... Неужели человек способен так притворяться?»

Могу думать что угодно, накручивать, убиваться догадками, но... пока все еще не верю до конца... в глаза его посмотреть хочу. Вопрос задать, как бы ни было больно. И как ни стыдно признаваться – все еще теплится слабая надежда... Вдруг ложь?

На ватных ногах покидаю уборную, и бреду обратно в зал, где проходит репетиция. Направляюсь к Артуру. Но уже понимаю, что не смогу заговорить с ним. Мне это не под силу, я лучше на месте умру, чем буду жалобно выспрашивать: Почему ты так поступил со мной. Это уже за гранью унижения.

Не знаю, насмешка это или удача, но рядом с ним стоит Якоб! Вот что значит, в нужное время в нужном месте... Меня разбирает истерический смех при виде этой парочки.

– Привет! – излишне бодро здороваюсь с Штаховским, даже не посмотрев на Принца, надеясь скрыть нервную дрожь и стучащие зубы. – Молодец, что заглянул! Я как раз поговорить с тобой хотела...

– Привет красавица, – кивает Якоб. – К твоим услугам. Чего желает принцесса?

– Можем отойти? Ты ведь не против, Артур?

Он явно против, нахмуренные брови красноречиво об этом говорят. Но мне как-то не до эго Принца. Пошло оно куда подальше, да и он вместе со своей показной ревностью! Выходим с Якобом из здания школы, в маленький палисадник, с двумя скамейками. Сейчас здесь ни души – то, что нужно.

– Так чего надо, детка? – нетерпеливо переминается с ноги на ногу Якоб. Ему, кажется, неуютно под моим горящим взглядом. – Ты что так смотришь? Влюбилась, что ли? Артур теперь побоку?

– Типа того.

– Серьезно? – опешил от моих слов Штаховский.

– Конечно нет! – рывкаю в ответ. – Прикалываюсь.

– Аааа. Ну ты это, не шути так. А то Артур с меня шкуру спустит.

– Зассал что ли?

– Чего?

– Боишься, говорю? Бурмистрова?

– А... да нет. Только я тебя, принцесса, не понимаю. Что за игру придумала? Скучно стало? Решила хвостом покрутить? То как голодная самка на дружба на моего смотришь. Теперь со мной тебе поболтать приспичило. Не стоит с нами играть... Говори, что хотела. Чем благоверный разозлил, что со мной пообщаться соизволила?

– Это правда, что Артур встречается со мной из-за спора?

– Чего? – Штаховский замирает на месте.

– Ты меня расслышал, Якоб. Давай без кривляний. Я все знаю. На кону – байк.

Штаховский бледнеет, а я, наоборот, чувствую, как горит мое лицо. По его реакции понимаю – все правда. Иначе Якоб просто рассмеялся в ответ.

– Это глупости, девочка, – бормочет. – Зря в голову бе-

решь.

– Был разговор или нет? – рывкаю зло. – Я ведь по роже твоей вижу. Ни к чему уже врать.

– Был... – неохотно соглашается Якоб. – Но слишком давно, чтобы все это выкапывать. Все быльем поросло. Откуда узнала?

– Это неважно.

– Да нет, это как раз самое важное. Потому что Артур этого так не оставит. Не хочу, чтобы на меня думал.

– Мне плевать, как ты будешь выкручиваться. И на дружбу вашу... уродскую... тем более! Я лишь правды хочу.

– Правда в том, что неважно как все началось. – Вздыхает Якоб. Заметно, что разговор со мной ему крайне неприятен. Понятное дело, тем более, я не церемонюсь с выражениями. Вряд ли Штаховский такой тон кому-либо спускает. Но мне сейчас наплевать. Едва сдерживаюсь, чтобы в лицо ему не вцепиться...

– Ни с кем бы Артур не стал гулять так долго из-за спора, или из-за байка. Ясно тебе? Поняла, пигалица мелкая? Не советую даже начинать с ним про это разговор. Тебе оно зачем? Танцуете вон вместе... гуляете. Вот и наслаждайся, как там тебя... Мотылек. – Выплевывает мне в лицо Якоб. Но меня уже не остановить.

– Правда, что на байк спорили? – продолжаю дрожащим голосом. Как у них все просто! Узнала правду? Забудь! И радуйся, что тебе перепали хоть какие-то крохи внимания...

Пусть даже не настоящие, фальшивые,

– Не нужен никакой байк Артуру, он купил уже себе, сама знаешь...

– А он его бы и не выиграл! Можешь быть абсолютно спокоен! Обломался твой Принц, не достанется ему ничего. Плохой актер потому что. И бабы у него трепливые слишком. Особенно невесты! – выпаливаю в сердцах, не могу больше терпеть, руки трясутся, так и хочется расцарапать наглую самодовольную рожу Якоба. Ненавижу его в этот момент, никогда не испытывала такой сильной неприязни, отворачивания. Разворачиваюсь, собираюсь уйти. Хочется побежать, изо всех сил рвануть подальше, но остатки гордости мешают.

– Ты о чем вообще? Василин?! Да стой же! – Штаховский хватает меня за руку.

– Отвали от меня! И Принцу передай наш разговор... Не хочу знать его больше.

– Сама со своим парнем разбирайся!

Эти слова летят мне в спину, когда, не выдержав, чувствуя, как слезы застилают взор, быстрым шагом удаляюсь от Якоба. От здания школы. Оставляя позади то, что разбило навсегда мое сердце.

Пока иду к остановке, отчаяние сменяется гневом, распирающим изнутри, разливающимся жгучей кислотой. Хочу, чтобы Принц раскаивался, молил о прощении на коленях, но знаю – этого не будет. Все силы уходят на то, чтобы сдержаться

рвущийся наружу вопль:

«За что?? За что ты так со мной Артур? С нами? Как ты мог убить нечто бесконечно прекрасное, что родилось у нас? Или только во мне?..» – гложет неумолимо сомнение, болезненным спазмом сжимая сердце.

«Не верю, что все до капли было ложью, ведь видела его глаза и плещущуюся в них нежность, проскальзывающую страсть» – шепчет робкая надежда. – «Так зачем ты все это растоптал и выбросил?»

С того дня в моем сердце надолго поселился ветер – ледяной, промозглый, отчаянный. Оно заиндевело, покрылось тонкой коркой острого, как бритва, льда. Артур разбудил в моей душе что-то дикое, холодное и жестокое. Горький урок, который никогда не забуду.

Не помню, как добралась до дома. Рюкзак с учебниками забыла в школе. Наплевать. Через пару дней первый пробный экзамен. К Черту. Сейчас не могу думать об уроках. Ни о чем не могу думать. Перед глазами красная пелена. Вваливаюсь в дом, избегаю по лестнице наверх, запираю дверь своей комнаты, падаю на постель. В голове шум. Тело сковала боль. Все словно зажато в тиски, потому что не понимаю, не представляю, как существовать дальше. Да и вообще, как выкарабкаться из омута разящих чувств, найти силы продолжать дышать? Я словно провалилась в черный бездонный колодец, откуда нет выхода, и не может быть. Час за часом лежу неподвижно, пялясь в потолок. Бесконечные слезы никак

не заканчиваются, душат. Безумная мысль: сбежать в родной город, всё отчётливей и назойливей жужжит в голове.

Не знаю, сколько времени пролежала так на кровати. Я не плакала – слезы просто тихо текли из глаз. Ни единого всхлипа. Даже такой звук выдать не под силу. Пока в дверь не постучали, и я не услышала негромкий вопрос Анны Григорьевны:

– Василина? Ты здесь?

Спешно вытираю лицо. Понимаю, что это вряд ли поможет. Но в комнате полумрак, возможно, если не зажигать свет...

– Да, я тут... Только проснулась, – отвечаю, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Зайти можно? – вопрошает бабушка. В голосе недовольство, наверное, опять будет за что-то отчитывать. Последнее время отношения у нас портятся, хоть и пытаюсь не перечить ей ни в чем.

– Конечно.

Анна Григорьевна появляется на пороге и сразу же принимается изучать меня цепким сканирующим взглядом.

– Все хорошо? Ты какая-то странная.

– Просто сонная. Все в порядке.

– Я чего пришла... Внизу тебя кавалер дожидается.

– Что? – подсакиваю на постели.

– Артур Бурмистров, говорю, возле дверей стоит. Войти отказался. Тебя на улицу вызывает, – бурчит бабушка. – Или

у тебя кавалеров много? Так вот, я вам не швейцар вообще-то. В век технологий живем. Можно номер набрать, попросить выйти. Вместо того, чтобы меня гонять. Кстати, выглядит он неважно. Тот еще наглец, прийти в дом девушки сразу после драки! Лицо в крови, одежда, губа разбита... Я конечно предложила помощь. Даже скорую вызвать, парень выглядит так, что честное слово, не помешало бы. Отказался. И продолжает требовать, чтобы ты спустилась. Что происходит, Василина? Разборки, драки... Это хорошим не кончится, так и знай.

– Я не хочу разговаривать с Артуром. Скажи, пожалуйста, что уроками занята... – прошу бабушку. Но она только сильнее злится:

– Я тебе что, девочка на побегушках?

– Пожалуйста! Умоляю! – вырывается у меня.

– Так, деточка, давай рассказывай, что там у вас произошло! – безапелляционно заявляет бабушка и садится рядом со мной на кровать.

– Мы поссорились, – вздыхаю. – Не хочу больше его видеть.

– Очень информативно. Я клещами слова из тебя должна тянуть?

– Не хочу говорить об этом!

– Что он сделал?

Отрицательно мотаю головой.

– Обидел тебя? Оскорбил? Послушай, я должна знать.

Или отца, хочешь приведу? Ему расскажешь?

Начинаю мотать головой с утроенной силой, из глаз текут слезы. С папой точно не смогу о таком говорить. Анна Григорьевна... В принципе, ей можно было бы открыться... но слишком больно слышать в ответ: «я же тебя предупреждала».

– Ладно. Ты была права, бабушка. Это хочешь услышать?

– Это я и так знаю. Василин, ну как ты думаешь? Жизненный опыт хоть что-то да значит! Расскажи подробнее. Если что-то серьезное этот охламон натворил – прям сейчас спущусь и веником отхожу. Даром что и так побитый. Прогною...

– Да, прогони, пожалуйста! – вырывается крик.

– Деточка... как мне жаль. Расскажи дорогая, я постараюсь помочь...

Анна Григорьевна никогда не была со мной такой милой. Как же мне это сейчас нужно! Ничто другое не прольется бальзамом на сердце... кроме доброты и сочувствия.

– Артур... обманул меня, – всхлипываю. – Мы дружили... не по-настоящему. Это был... спор.

– Хм, а ты уверена? Если все было игрой, зачем парень сюда притащился? И стоит внизу с виноватым видом. Я тебя не раз предупреждала о нем... Но в то же время, считаю, надо разобраться. Может, все не так как тебе кажется.

– Нет. Я не вынесу разборок и копаний в этой истории! Для меня все кончено, хочу отсюда уехать!

– Перед самыми экзаменами?! – ужасается бабушка. – Перед поступлением?

– Да! Шагу в эту уродскую школу не сделаю! И в институт, где он будет учиться не пойду! Ни за что!

– Это безумие, Василина! Бред сумасшедшего! – повышает голос бабушка. – О чем ты только думаешь! Да таких Артуров в твоей жизни еще сотня будет! Но твоя судьба – одна. Сломать ее хочешь? В угоду кому?

– Мне все равно!

– Успокойся!

– Нет!

Вскакиваю с постели и бегу вниз по ступенькам. Даже мысль о том, что Артур сейчас неподалеку, бесит меня. Заставляет сердце неистово колотиться в груди. Ощущаю непреодолимую потребность прогнать его. Вышвырнуть окончательно из своей жизни. Зачем он пришел? Неужели надеется оправдаться? Снова голову мне задурить?

Выбегаю на улицу, дверь за мной захлопывается с таким грохотом, что сама дергаюсь от испуга. Как и Бурмистров, который сидит на корточках перед моим домом, обхватив голову руками. Заметив меня, Артур поднимается и делает шаг вперед. Отступаю в сторону. Молча смотрю на него в ожидании. Хотя мне все равно, что он скажет. Даже его потрепанный в драке вид – не вызывает сочувствия. Мне просто все равно. Будто в один миг мне удалили все органы, отвечающие за чувства и эмоции. Даже боль пропала. Точно

ввели местный наркоз.

– Мотылек... – начинает Артур нерешительно, а меня вдруг разбирает истерический смех. Какой мотылек, если крылья отрезаны тупым ножом? Он что, шутит?

Мой смех заставляет Бурмистрова замолчать. Он снова приседает на корточки, обхватывает голову руками, словно чувствует головокружение. Возможно, заработал сотрясение. Интересно, когда и с кем успел подраться? С Якобом?

– Тебе наверняка не до разговоров сейчас. Не понимаю, зачем ты пришел! – выпаливаю тираду. – Лучше к врачу сходи! Или к невесте, пусть поухаживает! А от меня отстань! Надоело, правда! Игры ваши бессовестные, споры. Тошнит! Убирайся, и больше не подходи ко мне. Я уеду скоро... домой. Не хочу больше даже воздухом одним с тобой дышать.

– Мотылек...

– Не могу уже смеяться! – громко всхлипываю. У меня действительно от натужного смеха болит лицо. – Хватит цирка, пожалуйста.

– Василин, я не хотел, чтобы так получилось, – бормочет Артур. – Черт, я так жалею... Хотел бы все вернуть... Изменить. К сожалению, не могу. Но это не повод так расставаться.

– А как тебе надо? Как расстаться, чтобы ты понял? Что это действительно конец. Больше тебе не разыграть меня!

– Я не разыгрывал!

– Да, лишь поспорил!

– Это было давно! На дискотеке! – выпаливает Бурмистров, а я замираю. Мой первый поцелуй. Сладкое воспоминание, бережно хранимое в сердце. Даже тогда все было игрой, притворством. От накотившей боли трудно дышать. Перед глазами пелена слез. Отворачиваюсь и иду к входной двери.

– Подожди! Мотылек! Василина! Стой! – летят мне в спину сбивчивые слова. Но не могу обернуться. Вваливаюсь в дом, хлопаю дверью и сползаю вниз. Бабушка подхватывает меня в последний момент, не дав упасть.

– Ох уж эти подростковые страсти, – ворчит она. – С ума сойти можно. Ромео и Джульетта, чтоб их там... в школе, с Шекспиром этим! Так, держи, я тебе валерьянки накапала, – бабушка отводит меня на кухню и сует под нос жидкость с резким запахом. Давай, залпом. И спать. Утро вечера мудренее.

Но никакой мудрости ночь не принесла. Проснулась я разбитая, оглушенная, в состоянии апатии. Даже рюкзак, который забыла в школе, невесть как оказавшийся в моей комнате, не встряхнул меня. Даже если Артур был так мил, что принес его вчера... мне плевать. Этим он не вымолит мое прощение. Да ничем не вымолит! Пусть катится к Черту! Ненавижу Бурмистрова и его лживые поступки!

Спускаюсь вниз. Папа сидит за кухонным столом, пьет чай, погруженный в телефон. Наверняка опять переписывается с Настасьей Михайловной. Влюбленные голубки не могут дождаться момента, когда начнут жить вместе.

– Пап... – начинаю неуверенно. – Хочу поговорить о моей учебе.

– Конечно, дорогая, – поднимает на меня глаза отец. – Сам хотел об этом поговорить. Ты знаешь, я ни дня не пропускаю, мониторию твои оценки. В последнее время они упали... что начинает беспокоить.

– Папа! – вырывается у меня почти криком. – У меня здесь не получается... уехать хочу.

– Что? – вид у отца ошарашенный. – Ты меня пугаешь, Василина. Еще совсем недавно ты ни о чем таком даже не задумывалась. Все было прекрасно. Но я понимаю, в чем причина. Вы помиритесь, дочка. Такое бывает.

Меня начинает трясти. Отец уговаривает меня помириться с Артуром? Это какой-то страшный сон! Даже не думала, что отец в курсе наших отношений. Неужели Анна Григорьевна такая болтушка? Но следующая фраза расставляет все по своим местам:

– Лиза уже давно пожалела, что поссорилась с тобой. Она Настасье плакалась. Мы категорически не поддерживаем вашу ссору. Это неправильно, дочка. Ведь скоро мы станем семьей.

– Не хочу я с ней мириться!

– Василин, ну это уже совсем по-детски. Вы ведь взрослые уже девочки. Что за детский сад. Да и причин для ссоры нет... Если это ревность... Обещаю, никогда никто не будет для меня важнее, чем ты, доченька.

– Нет... Пап, я не хочу говорить о Лизе. Согласна, наша ссора глупая. Но это уже не имеет значения. И примирение мне не нужно – потому что я уеду. Все равно, даже если не разрешишь!

– Да что случилось то? – начинает сердиться отец. – Тогда объяснись! Что произошло?

– Какой ты глупый, Никон, – раздается голос Анны Григорьевны. Бабушка стоит на пороге. Конечно, подслушивала наш разговор. – А я тебя предупреждала! Знала, что этим закончится.

– О чем вы, Анна Григорьевна? – поворачивается к ней донельзя удивленный отец. – Вы знаете что с Василиной?

– Конечно знаю. Это только ты здесь – слеп как крот.

– Тогда поведайте нам свою мудрость, – нахмурившись предлагает Никон Дусманис. – Я действительно понятия не имею.

Но бабушка поворачивается ко мне и вопрошает гневно:

– И что теперь удумала? Бежать? Ты с ума сошла! Школа, экзамены. Включай мозги, деточка. Не тебя первую в мире бросили. Мужчины – они такие.

– Анна Григорьевна... – пробует вклиниться в гневную речь отец. – Я не понимаю, о чем вы...

– О том, что твоя дочь влюбилась по уши! А ты только о своей личной жизни думать способен.

От звенящего голоса бабушки у меня разболелась голова. Спорить с Анной Григорьевной всегда довольно сложно, а в

данный момент ситуация сложилась далеко не из легких.

– Это правда, Василина? – взволнованно спрашивает папа.

– Нет!

– Конечно правда, а ты думаешь, из-за чего она вечерами из дома рвалась? Воздухом дышать? – ехидничает бабушка.

– Хорошо, мы обязательно все это обсудим. Вы должны были поставить меня в известность, Анна Григорьевна.

– Ничего я тебе не должна! В няньки не нанималась! И так нервы последние вытрепала с твоей дочерью. С меня хватит, больше не собираюсь. Бежать она собралась! В институт не пойдет! – злится бабушка.

– Василина, мне пора на работу. Ты знаешь, я не могу опаздывать. Мы поговорим обо всем вечером, спокойно. Но пока – никто никуда не едет...

* * *

Отец уходит, оставив меня с разъяренной бабушкой наедине.

– В отца пошла, – задумчиво заявляет Анна Григорьевна. – Самое главное – гордость, о другом не думаете!

– Нет! – возражаю запальчиво. – Дело не в гордости. – Я просто...

– А знаешь, ты права! Гордостью тут и не пахнет! Если бы она у тебя была, последнее, о чем бы ты подумала – побег! Не

стала бы убежать и прятаться как трусливая мышка! Показала обидчикам, насколько они неважны и ничтожны! Назло всем получила бы диплом и поступила!

Я понимала, что бабушка права. Но увы, я действительно была трусливой серой мышкой. Не могла противиться желанию убежать. Впервые в жизни я не подчинилась уговорам, настояла на своем. Выслушала множество нотаций, даже истерик. Но что-то сломалось внутри, разрушилось. Душевная боль не покидала ни на секунду. Я могла думать лишь об одном – как заглушить ее. И видела спасение лишь в расстоянии. В конце концов, отец смирился, позвонил Дашиным родителям. Еще до переезда, когда мы рассматривали варианты, как жить дальше, одним был тот, в котором отец уезжал на север, на заработки. А меня оставлял жить с Дашей. Мы всегда были как сестры. Ее родители очень любили меня. Так что с местом жительства проблем не возникло. Договориться со школой тоже не составило труда. Настасья Михайловна поговорила с Таисией, чтобы та помола подготовить документы. Прежде я взяла с Лизиной мамы слово, что о нашем с Артуром разладе, разговор ни в коем случае не будет подниматься. Пусть Таисия думает что угодно. Что я сошла с ума. Или с отцом поссорилась. Но только не вмешивать Бурмистрова.

В результате с экзаменами все прошло гладко. Мне было разрешено сдать все в родном городе, в школе, где училась много лет. Как бы я хотела, чтобы никакого переезда вообще

не было! Стереть этот год, полностью... Но увы, могла об этом лишь мечтать.

Но что бы я ни делала, как ни пыталась стереть из памяти школу, учебу, спектакль, семейство Бурмистровых... ничего не выходило. А самое главное, Артур. Он преследовал меня. Приходил во сне. Преследовал мыслях. Я не могла запретить себе анализировать то, что произошло. Думать о том, сколько же он врал мне. Как играл со мной. Теперь ясно, почему не хотел близости. Хотя к Черту, ничего не понятно! Он мог завершить этот спор давным-давно! Еще зимой, в доме деда. Если бы хоть чуточку надавил, я бы не устояла... Но видимо, зимой на байке ездить некомфортно. А может, решил «закрепить» результат, влюбив в себя так, чтоб и вздохнуть без него не могла... И у него получилось. Я постоянно чувствовала удушье, в горле появлялся комок. Самое противное – я никак не могла избавиться ни от воспоминаний, ни от мыслей об Артуре. Что бы ни делала. Куда бы ни пошла. Даже шкатулку с балериной – злосчастный новогодний подарок, который, безусловно, тоже был холодным расчетом – не смогла выкинуть. Лишь однажды в сердцах бросила об пол... Шкатулка треснула... но я ее склеила. Но я не собиралась забирать с собой в дорогу, тащить в новую жизнь болезненные воспоминания. Поэтому, и атлас с рисунками, и подарок, и другие мелочи, фотографии, памятные безделушки, счастливые билетки, куча хлама, который есть у любого романтического подростка, собрала в большую картонную ко-

робку и оттащила на чердак. Закопала в самом углу, под ворохом старых бабушкиных платьев. И мысленно произнесла прощальную речь.

* * *

В последний раз оглядываю комнату, которая была мне домом чуть меньше года. Рассматриваю себя в зеркале, ищу изменения. Ничего. Ни морщин, появляющихся от горя, ни выражения скорби. Обычная. Невзрачная. А ведь столько дней кряду чувствовала себя почти умирающей... Неужели, эта боль останется со мной навсегда? Снова слезы подступают к глазам. Раздается робкий стук в дверь. Наверное, такси приехало. Вытираю влагу с лица, и натянув улыбку, подхожу к двери.

За ней стоит Лиса. Лицо бледное, в глазах слезы.

– Я такая дура, всхлипывает она и бросается мне на шею. – Прости меня, пожалуйста! Ненавижу себя за тот день! Я ужасно поступила! Все из-за меня!

Отстраняюсь. Смотрю в лицо Лизы, и по телу разливается тепло. Один ледяной камень растаял, и сразу стало легче дышать.

– Ты права, – всхлипывает Лиса, неверно поняв мое молчание. – Нет мне прощения...

– Да о чем ты, Лиз, – вздыхаю. – Я давно не сержусь. Сама во всем виновата.

– Нет! Виноват тот, кто дружбу разрушил, – запальчиво возражает Лиса. – Я не должна была так резко...

– Да уж...

– Я давно хотела подойти... Но ты была так занята... Так счастлива. Мне казалось, тебе не до меня. Было так обидно. Я ревновала... смешно конечно.

– Я рада, что ты пришла! Правда! Не хотелось уезжать, оставляя между нами непонимание. Спасибо. – Обнимаю подругу.

– Не уезжай, – умоляет Лиза. – Останься, мы все разрулим. Осталось только экзамены сдать. Город не такой уж маленький, ты можешь не пересекаться с Соболевой. А вот Бурмистров... тебе нужно поговорить с ним.

– О чем, Лиз? – всхлипываю. – Мы все сказали друг другу.

– Он неделю меня преследовал. Требовал встречи, разговора. Я не выдержала, выслушала его. В кафе встретились... Он мне все рассказал! О споре, о Нике. Не зря Ведьмой ее зовут, вот ведь сука! Наверняка специально все подстроила. Сдыхала от ревности и злобы. Ненавидела тебя. Только напрямую боялась пакостить.

– Да при чем тут Соболева? Артур сам признался, что был спор!

– Давно! Он говорит, что потом все изменилось. Стало серьезно.

– Замолчи! Даже слушать не хочу! – закрываю уши ладонями и мотаю головой. – Предполагать, гадать! Разбираться

где был искренен, а где насмеялся.

– Он говорит, собирался признаться. Боялся.

– Оказывается, он еще и трус, – горько усмехаюсь. – Нет, Лиз, как ты все это себе представляешь? Остаюсь, спокойно встречаю их в школе, как ни в чем не бывало. Может и на выпускной пойти?

– А почему нет? Ты не преступница, чтобы бежать, прятаться. Никто тебе ничего не скажет, не сделает! Артур так Соболеву припугнул, она теперь по школе тенью крадется. Не знаю, что там у них произошло... Знаю только, что был разговор. Да и Бурмистров сейчас – жалкое зрелище. Хочешь верь, хочешь нет – но парень страшно переживает. Хочет помириться, вернуть тебя. Не лезет и не приходит каждый день к твоему дому, только потому что боится спровоцировать на побег. Это он сам мне все рассказал! Он с ума сходит от мысли, что ты можешь уехать!

– Уже неважно. Прошу, пожалуйста, не говори мне о нем. Это слишком больно...

– Пройдет! Каждый рано или поздно спотыкается, ошибается в любви, теряет отношения. Я вот с Матвеем снова в ссоре. Между прочим, из-за тебя. Он, оказывается, тоже знал про спор... Этого я ему не прошу.

– Да ладно, – горько усмехаюсь. – Похоже, про спор не знали только глухие, да я... Дура набитая. А ведь ты меня предупреждала.

– Кто я такая, чтобы предупреждать! Тоже не большого

ума... Я конечно ужасно боялась, что так получится. Артур – ужасный бабник. Я знала, что Соболева его долго не удержит... Но ты... мне кажется, ты его по-настоящему зацепила!

– Все. Не могу больше! Лиз, пожалуйста...

– Хорошо, прости!

– Скажи, а это ты мой рюкзак в тот день домой принесла? – приходит мне неожиданно в голову.

– Ага. Я как увидела... Он в зале танцевальном валялся... Все шушукались, что ты сбежала с репетиции. А во дворе Артур с Якобом дрались. Страшно смотреть было! По серьезке друг другу мутузили...

– Спасибо, – стараюсь не заострять внимания на рассказе про драку. – Мы будем переписываться, Лиз. Мы ведь теперь сестры! И на свадьбу приеду. Только не уговаривай, пожалуйста, больше. Я все решила. Да и документы отправлены.

– Это ужасно. Получается, Артур разрушил тебе жизнь! У тебя были планы...

– Все у меня нормально будет. В моем городе тоже университеты есть. Не такие крутые... но и неважно! Главное, там не будет Бурмистрова.

Глава 19

«Бездна»

Ров Артур.

– И все-таки, дерзкая крошка, – голос Якоба вырывает меня из грез. – Кто такая?

Поцелуй, после которого я едва устоял на ногах, прерывается, Василина сбегает, а я стою как дурак, смотрю ей вслед, ожидая, чуть ли не мечтая, чтобы обронила туфельку. Борюсь с желанием броситься вслед за девушкой... Но фраза, брошенная другом детства, отвлекает меня. Заставляет снова нацепить маску эгоистичного убудка.

– Со мной в школе учится. Новенькая. Слишком много из себя строит... рога еще не обломаны.

– Не видел ее раньше с тобой. Красивая. Мне понравилась.

– Завали.

– Откуда столько страсти, чувак? А как же Никуля? – издевательски спрашивает Якоб.

– Да пошел ты.

– Говорил же, предупреждал, что проблемы с Никой будут. Так просто от тебя не отвяжется.

– Захочу – убежит вприпрыжку. И эта тоже, стоит захотеть – моей будет.

– Ох, сомневаюсь, дружбан. Видно, что слишком зажатая.

Наверняка девственница. Такие обычно дают только после замужества. Или ты готов даже на такой шаг?

– Что за бред. Отвали, Штаховский. И без того тошно.

– Ого, какие переживания!

– Абсолютно нет.

– Хочешь пари?

– Не хочу. Они у тебя всегда мерзкие.

– Ну и что? Зато веселые. – Усмехается Якоб.

Не помню, как Штаховский развел меня на проклятый спор о Василине. Поташил к бару, я не сопротивлялся, борясь с желанием послать его к черту и броситься вдогонку за странной девчонкой, поцелуй которой оказался так неожиданно сладок. Аж взорвал меня. Все тело горело жаждой.захотел ее сегодня, стоило только увидеть. Разительный контраст с повседневной школьной одеждой. Макияж сделал ее глаза удивительно выразительными, а пухлые губы – невероятно желанными. Стараясь заглушить возбуждение, опрокидываю в себя стопку за стопкой. Голова становится тяжелой, мозг затуманен алкоголем. Несу какую-то чушь, пытаюсь выглядеть крутым перед другом и сам не замечаю, как соглашаюсь на идиотское пари...

* * *

Три года прошло после окончания школы. А воспоминания до сих пор не дают покоя. Душат, изводят, особенно по

ночам. С того дня, как Василина разорвала нашу связь, моя жизнь с каждым днем все быстрее несется под откос. Впрочем, я даже не пытался остановить эту гонку. С тех пор как Мотылек уехала, я все сильнее увязал в болоте безысходности и тоски. Ненавидел себя за то, что потерял эту девочку. А за то, что не мог забыть и продолжать жить дальше, как ни в чем не бывало – ненавидел во сто крат сильнее.

Всего несколько фотографий, вот все, что осталось на память о той, которая украла мое сердце и сбежала, не оставив мне ни единого шанса. На что? Сам подумай, Бурмистров, увещаваю себя день за днем. Она не для такой сволочи как ты. Но смириться не получается.

Прости, Мотылек, что был уродом последним, обидел тебя жестоко, потому что разрывало меня от желания быть с тобой, быть в тебе, гормоны орала возьми ее, а сердце приказывало: заботься, оберегай, от себя в первую очередь... Запутался в чувствах, не смог вовремя разгрести собственное дерьмо...

Закрываю глаза и снова оказываюсь, в миллионный раз, в проклятой «Бездне». Передо мной красивая, как принцесса, девушка, танцующая в одиночестве. Легкая юбка, ажурный лиф платья подчеркивают каждое движение стройного тела. Облако темных, ниспадающих локонами волос. Скромно потупленный взор... Восхитительная, невинная, как маленькая фея. Не осознающая своей власти над мужчинами. Уже не ребенок, но еще не женщина. Мотылек относилась

к особенной категории женской красоты. Было что-то, присущее только ей. Что-то царственное и гордое, изящное. Ей плевать на всех. Она была настолько особенной, что иногда я чувствовал себя порочным уродом, истекающим слюной при мысли о ее невинном теле. И в то же время был готов на все, лишь бы сохранить ее наивность и чистоту. Или чтобы вызвать ее улыбку. Заглянуть в пронизательные глаза, цвета топаза. В середине каждого зрачка таилась золотистая искорка, от которой, казалось, исходило сияние, подобное лучам солнца. Доброта этих глаз могла согреть замерзшего путника в любой, самый лютый мороз.

Да, все началось как игра – из желания заставить маленького ангела обратить на себя внимание. Подкупила ее смелость, стойкость, и одновременно – хрупкость и уязвимость. Как же больно вспоминать начало нашего знакомства! Я, здоровенный детина, стою перед всем классом и запугиваю маленькую невинную девочку. Но мелкая пигалица стоит, выпрямив спину и вздернув подбородок, всем своим видом бросая вызов. Шарики с краской, кулон, который явно очень дорог ей – только подонок мог вести себя так жестоко. Василина разбудила во мне целый вулкан скрытых страстей. Мне одновременно хотелось и причинить боль, и в то же время умолять о прощении.

Но вскоре игра переросла в нечто более горячее и дикое. Я стал одержим ею. Хотелось видеть постоянно. Сходил с ума от мысли, что она может кем-то увлечься. Изводил себя,

думая, каким дураком был, что поверил идиотке Соболевой. Все в один момент к этой глупой блондинке отмерло. И в образовавшуюся пустоту влетел мотылек... Сначала щекотал крылышками, и от этой нежности по телу разливалось тепло. А потом ее крылья будто стальными стали. И каждый взмах болью отдавался. Но сладкой. Я приветствовал эту боль.

И вот я уже готов ради нее на все. Даже Ромео стать и выслушивать насмешки друзей. Куда б ни шел, на кого бы ни смотрел – везде она. О проклятом споре забыл даже. Не ассоциировал свою Василину с тем вечером в ночном клубе. Все в башке перемешалось. Наверное, это и есть любовь. Когда чувства постоянно меняются, когда ты – не ты. Не узнаешь себя и не понимаешь. Не до логики, не до амбиций. Растворяешься в человеке. И думаешь лишь о том, как стать ближе.

А я близости безумно хотел. Только об этом и думал. Пытка. Но тоже сладкая. Предвкушение, ожидание. Внутренний запрет. Дождаться момента. Рассказать правду. Признаться, вымолить прощение. И с каждым днем рос страх – а ну как не простит меня Мотылек? Отвергнет?

Поначалу мне было нужно, чтобы она меня захотела. Как бы не умирал от желания снять с нее трусики и возбуждать это восхитительное, сладкое девичье тело языком, пока она не начнет умолять лишить ее девственности... должен был дождаться. А когда это время пришло, и Мотылек буквально требовала меня... план с треском провалился, потому что я понял, что влюбился по уши. И в один момент все потерял...

Узнав, что я натворил, дед пришел в ярость. «Эта не девушка на одну ночь! – орал гневно. – Разве ты этого не понял? Ты заставил ее страдать!»

Дед, Таисия, родители – все оказались глубоко потрясены этой историей. Нет, они не демонстрировали мне свое презрение... Но я чувствовал, что сильно упал в их глазах. Я ощущал себя в собственной семье парией, изгоем. Вскоре дед уехал жить за границу – помирился с бабушкой. А она возвращаться в Россию не желала. Я же думал лишь о том, чтобы поехать вслед за Мотыльком, но не мог узнать адрес... Как ни бился. Пытал Лису, умолял Таисию... Но дамы были – камень. Даже в школе, зная кучу лазеек, учителей, возможностей для подкупа... Не смог добиться. Меня словно отсекли от Мотылька бетонной стеной. И я безуспешно бился об эту стену, разбивал руки в кровь, топтал свою гордость, самолюбие. Но так ничего и не добился...

Ни единого шанса. Меня оставили в одиночестве, наедине с разъедающей болью и разрушающим желанием. Моя самая большая потеря. Нереализованная фантазия.

Губы растягиваются в невеселой улыбке. Стягиваю майку и провожу пальцами по шраму на правом боку, на всю жизнь останется со мной напоминание. Моя глупость. Упрямство. Я дорого заплатил за них. Иногда думал – не выживу. Иногда даже молил об этом. Но сразу в голове всплывала она – девочка, которую жестоко обидел. И тогда я говорил себе – ты все это заслужил, парень. Как бы я хотел загладить вину

перед ней. Повернуть время вспять. Да кто не мечтал о таком хотя бы раз в жизни? Кто сумел родиться сразу с крепким умом и железной логикой? Прожить свой век без ссадин и шишек? Точно не я...

Встаю под ледяной душ – привычка, которую выработал за два года в аду. Теплая вода – редчайшая роскошь. Долго привыкал к ее отсутствию, корчился первое время под холодными струями. А сейчас – ничего не чувствую. Привык. Отлично освежает голову.

Провожу рукой по светлому ежику. Все что осталось от моих длинных когда-то волос, которые так нравились Василине... Ну все, хватит. Распустил нюни, аж самому противно. В лагере я себе такого не позволял. Но стоило вернуться домой, как воспоминания набросились, точно псы голодные.

Выхожу из душа продрогнув, но хоть немного удалось сбросить напряжение. В родном доме, спустя два года, чувствую себя странно. Не думал, что вернусь сюда. Не верил, что выживу...

Мать, конечно, с ума сходит от радости. Готовит семейное торжество... на которое меня просто воротит идти. Не хочу. Не до праздника. Вымотан настолько, что хочется лишь упасть на кровать и вырубиться. Денька так на три. А то и неделю.

Или нажраться вхлам. Хотя я забыл, каково это. Там, откуда я вернулся – спиртное – непозволительная роскошь. Чуть притупились рефлексы – значит ты слаб, уязвим. Сла-

бая мишень, равно мертвая. Да и как смогу появиться на семейном ужине и не вцепиться в глотку Димке? Ведь именно из-за своего уroda-дядьки я отпахал два года не просто в армии, а в самом пекле. «Элитные войска», которые Дмитрий пообещал моим родителям, на поверку оказались самым жестким и опасным подразделением. Там готовили не военных, а настоящих камикадзе. Полгода усиленного курса спецподготовки – и на передовую, в горячие точки, сражаться с террористами, бандитскими группировками в странах третьего мира. И не только сражаться, а работать под прикрытием, внедряться в бандитские группировки, изучать каналы поставки наркотиков. Именно в это я и вляпался. Проговорился сдуру о своем увлечении мотоциклами и спустя полгода спецкурса внедрили в банду байкеров, промышляющих наркотой. Поставки шли из Афганистана, куда мне и пришлось отправиться. Несколько раз моя жизнь оказывалась на волоске. Полгода в Талукане – самые дерьмовые воспоминания, которыми я вряд ли захочу поделиться с кем-либо. О таком маме точно не рассказывают... Она сошла бы с ума от ужаса, несмотря на то, что буквально заваливает меня вопросами. А я отделяюсь односложными фразами и словом «секретно».

О чем бы я мог рассказать? Про грязь, пыль, развалины, антисанитарию и вечно обдолбанных местных жителей? В Талукане каждый третий, даже женщины, принимают опиум, героин и марихуану. Дышат опиумом в лицо своим детям,

чтобы те засыпали. Дают марихуану самым маленьким. Сначала они покупают наркотики и только потом еду. А если не могут найти деньги на наркоту – пытаются продать собственных детей или заставляют заниматься попрошайничеством. Такая жизнь делает из этих людей камикадзе – им становится все просто до лампочки. Они начинают стрелять и стрелять много.

Я провел в этом аду чуть больше полугода. Банда, в которую я попал – самая опасная в Талукане. Моей задачей было узнать о том, кто курирует их с нашей стороны. Связи, пароли. Каналы сбыта. Но мне мало что удалось. Зато в полной мере познал грязь и голод, посмотрелся на смерть и кровищу... Когда мне казалось, что хреновей просто некуда – убили моего связного. Думал, и меня там же положат... Получил ножом в бок, но все-таки смог кончить ублюдка, который следил за нами, раскрыл нас...

Воспоминания выводят из себя, бесят, они подобны тянущей застарелой ране. Психую хватаю ключи от отцовского мерса – своей машины теперь у меня нет... Димка и тут постарался, прибрал к рукам БМВ, которую подарил мне на восемнадцатилетие дед. Что мне делать со всем этим? С Димкой, который хоть и сволочь, но родственник ведь. Руки так и чешутся навалить как следует, хоть пообещал отцу, что не буду этого делать. Да и чем это поможет. Что изменит? Но и за стол один с этим ублюдком не сяду!

Стыдно перед матерью, но с семейного торжества я все же

слинял...

Возвращаюсь домой уже в темноте. Бросаю куртку и ключи от машины на мраморную столешницу в кухне, достаю из холодильника бутылку пива.

– Не догадался позвонить матери и сообщить, что ты жив, а не лежишь мертвый в кювете?

Делаю большой глоток пива и смотрю на старшую сестру.

– Мобила села.

– Мы все с полудня пытаемся с тобой связаться. Ты забыл, что мама устаивала вечером семейный ужин?

– Нет, не забыл, просто решил воздухом подышать и... заблудился, так скажем.

– Заблудился ты давно, Артур... Слишком давно...

– Ага. Только давай без нотаций, сестренка! Я слишком пьян для них и слишком устал.

– Со дня твоего возвращения, все ищу и ищу подходящий момент... но он не находится. И знаешь что? Мне это надоело! – вспыхивает Таисия. – Сколько можно вести себя так по-свински, Артур? Я ведь помочь хочу... Понимаю, что ты пережил. Мне очень жаль, что с тобой столько всего ужасного произошло! Мы все это время с ума сходили... Мама на успокоительных... Отец не показывал, но переживал еще глубже. Едва удалось инфаркта избежать. А Дима... Он заплатит за все, обещаю. Я хотела, уговаривала отца в суд на него подать... уголовное дело завести... Но родители против. «Бурмистровы не выносят сор из избы» – горько усме-

хается сестра. – Но больше они боятся Веру расстроить. Она неважно себя чувствует. Ну и дедушку тоже. Он ведь совсем от дел отошел. Живет на Кубе с бабушкой в свое удовольствие, уже год там и сюда возвращаться не собирается.

– Вот как, – усмехаюсь.

– «Вот как»? Это все, что ты можешь мне сказать? Я так ждала тебя... И Лика... – Таисия запинается. – Нет, я понимаю, почему ты на ужин не пришел! Я бы тоже с Димкой не стала за одним столом сидеть... Я и не сидела – ушла... Но позвонить можно было, братик!! За тебя все так переживают! Почему не позвонил?

Господи, вот заладила, как попугай! Да потому что не хотел слышать разочарование в голосе матери или ощущать вину, которую она заставила бы почувствовать.

– Я хочу помочь, Артур, – Таисия мягко касается ладонью моего плеча. Но я отстраняюсь.

– Когда-то я много раз просил тебя помочь... Но ты не помогла.

Сестра вздыхает, отходит в сторону и садится за стол.

– Ты за старое? Три года прошло. Всю жизнь будешь припоминать мне, что однажды встала не на твою сторону?

– Нет, не надо было стоять на моей стороне. Ты могла просто сказать мне телефонный номер. Адрес. Я хотел все исправить...

– Ты бы только причин ей новую боль!

– Никогда!

– Но ведь сделал однажды!

– И больше не заслуживаю шанса?

Сажусь напротив, прячу руки под стол, изо всех сил стиснув кулаки, противясь желанию врезать по деревянной поверхности со всей дури.

– Для тебя это всего лишь шанс... Для нее – жизнь. Ты и так ее сломал. Нарушил планы. Вынудил уехать в другой город...

– Я понял. Урод конченный, нет мне прощения. Можешь не продолжать.

– Артур... пожалуйста, ты должен забыть ее! Она изменилась. У нее своя жизнь. Она счастлива. Столкнетесь – и равновесие снова будет нарушено...

– По себе судишь и мужу бывшему. Я – не такой.

– Знаю. Но все-таки Василине будет лучше без тебя...

Раньше, до армии, когда твердили, что Мотылек не для меня – впадал в ярость. Теперь же, после этих лет, всего, через что прошел – я был согласен с Таисией. Наконец примирился, оставил в прошлом юношеские грезы. Да и теперь уже я – не для нее. Я изменился. И то, что со мной стало... таким как Василина – точно не понравится. Даже если когда-нибудь встречу ее... а я не собирался встречать... надеялся, что этого никогда не произойдет... Но даже если вдруг случится такое – лучше нам держаться друг от друга подальше. Я планировал вернуться на службу, подписать еще один контракт. Ко всему привыкаешь. Сначала мне было там сложно, невы-

носимо... Но потом что-то изменилось. Теперь мне сложно здесь, в этой обычной жизни. Ощущение, что нет мне в ней места.

* * *

Странно чувствуешь себя, когда из пекла возвращаешься в размеренную беспечную жизнь. Вроде радоваться должен... а нет радости. Друзья... я слишком изменился, уже совсем не то общение, расспросы о том, где пропадал, чем занимался – лишь раздражают. Их рассказы – кажутся глупыми и неважными.

На днях позвонил Штаховский. С ним я не виделся с момента драки в школе. Крепко мы тогда друг друга отмутузили. Я вспоминал это событие с каким-то глупым удовлетворением. Хоть немного ярость выплеснуть удалось. Очень сильно нашу дружбу проклятый спор подкосил. После того, как понял, что исправить ничего не получится, долгое время не мог ни видеть, ни даже слышать о бывшем друге.

Но Якоб разговаривает как ни в чем не бывало. Словно только вчера расстались и все в норме. Да и прав он, кто старое помянет... столько лет дружили, с самого детства не разлей вода.

Незаметно для себя соглашаюсь прийти на его мероприятие. Штаховский теперь бизнесмен. Его фирма устраивает вечеринку по случаю завершения крайне выгодной сдел-

ки. Аукционный дом, которым занялся Штаховский – очень интересное и прибыльное направление. На вечеринку приглашены сливки общества со всего города. Якоб заявил, что смертельно обидится, если не приду. Плевать мне на его обиды, и все же, поддавшись уговорам матери – «Сколько можно сидеть затворником дома», тащусь туда, напялив смокинг, в котором чувствую себя по-идиотски. Отвык от подобной одежды.

Захожу в помещение, сразу пообещав себе, что просто пожму Якобу руку, поздравлю, закину в себя пару порций виски, и свалю по-тихому. Штаховский не поскупился, вечер оформлен роскошно – от вышколенных официантов, снующих туда-сюда между гостями, до живого мини оркестра в глубине зала. Играет легкий джаз. Нарядно, даже вычурно одетые дамы танцуют в объятиях кавалеров в изысканных смокингах. Вижу друга, стоящего возле барной стойки. Чтобы подойти к нему, надо пересечь танцпол. Начинаю обгибать танцующих, когда меня кто-то хватает за плечо. Ментально напрягаюсь, с трудом сдержавшись, чтобы не ответить специальным приемом, которым пользовался на заданиях. Нельзя так подкрадываться к военному. Но к счастью, я трезв и осознаю, где нахожусь. Так что держу инстинкты при себе, и лишь резко разворачиваюсь. Знакомое лицо. Слишком хорошо знакомое. Соболева. Ее я меньше всего хочу сейчас видеть. Хотя не был с женщиной давно... И сейчас так некстати вспоминаю об этом. Но если я и решу

сбросить напряжение – это точно будет не она...

– Привет! Боже мой, Артур! Как я рада тебя видеть! – восторженно верещит бывшая пассия. – Поверить не могу. Думала, показалось...

Опускаю глаза и упираюсь в огромный живот Ники. Вот так новость. Она беременна. Впрочем, никаких особых эмоций эта новость не вызывает. Кроме одного... я вспоминаю... другую девушку из прошлого. Ведь точно также могу встретить ее... на улице, или в магазине... а может и на таком же вот светском мероприятии. Хотя какая чушь, что ей делать в таком месте. Но самая болезненная мысль – она тоже может быть беременной. Замужней, счастливой. Но тогда мои эмоции будут другими. Я, скорее всего, жить не захочу после этого...

– Мне пора, – кидаю охрипшим, почему-то, голосом и отстраняюсь от Соболевой. Она надувает губы, совсем как раньше. А уголки глаз начинают блестеть слезами. Ну вот вам, сухарь. Обидел беременную. Но мне слишком тошно, чтобы искренне покаяться. Я и правда совсем очерствел, даже расстроенная беременная не вызывает сочувствия. Вместо этого думаю, что именно эта сука сломала мне жизнь. Разрушила все, что было у нас с мотыльком... Отворачиваюсь и протискиваюсь к бару. И про друга забыл уже. Срочно надо выпить.

– Дружище, спасибо что пришел, – Якоб подходит ко мне сам, когда я вливаю в себя уже третью порцию виски. Не

слишком налегаешь?

– В самый раз. Ща домой поеду, – отвечаю хмуро. – Поздравляю, кстати. Все супер, ты круто поднялся.

– Да, бизнес это мое, – лыбится Якоб.

– А я тут призрака из прошлого повстречал, – говорю безразлично. Но Штаховский отчего-то бледнеет.

– Да ты что? И как?

– Немного удивлен. Впрочем, рад за нее.

– Серьезно? Хм, хорошо... Хотя, постой, погоди. Ты о ком?

– О Соболевой. Беременная, все дела. Замуж что ли вышла?

– А, Никуля! – в голосе друга отчего-то слышится облегчение. – Да, она прикинь, за Стеблова вышла. Помнишь такого?

– Да.

– В прошлом году поженились. Он долго за ней ухаживал. Она, конечно, по тебе убивалась, кричала что ждать будет. Но так как ты на письма не отвечал...

– Правильно сделала, что не стала ждать.

– Согласен, – кивает Якоб. – Знаешь, дружище, я тебе сказать хотел... Одну вещь. Ты не злишь только...

Неожиданно Якоб замолкает. Смотрю на него, пытаюсь понять, на что он отвлекся. Поворачиваю голову в ту же сторону... И забываю как дышать.

К нам идет Мотылек. Только... Так назвать ее язык не по-

ворачивается. В ней трудно узнать ту девчонку, с которой я гонял на мотоцикле. Купался в бассейне. Которую на санках в загородном доме деда катал. Машину учил водить. Это Василина, без сомнения. Но она совершенно другая. Невероятно красивая, изысканная. Даже не бабочка. Редчайший экзотический цветок. Естественный, прекрасный, невероятный.

– Черт... – слышу будто через вату голос Якоба.

Но мне плевать, что там бормочет друг. Плевать, что я оглушен, даже если полностью лишусь слуха. Не могу оторвать взгляда. Не верю тому что вижу. Грудную клетку заполняет тепло, переходящее в жар. Пока Василина, до этого мило беседующая с какой-то незнакомой женщиной, которую держит под руку, не замечает, наконец, меня. Остолбневшего и вперившего свой взгляд подобно путнику в пустыне, наткнувшемуся на оазис. Мотылек вздрагивает, на секунду сбивается с шага... Но сразу берет себя в руки. Гордо скидывает голову и снова поворачивается к своей спутнице, что-то говорит той на ухо.

Бросаю взгляд по сторонам и неожиданно понимаю, что многие мужчины за стойкой бара, включая бармена, затаив дыхание, смотрят на нее. Точно увидели кинозвезду, знаменитость. Один из мужчин подходит к Василине и ее спутнице, протягивает записную книжку, и обе дамы расписываются в ней, как будто автограф дают. Трясу головой, кажется, я попал в некий сюрреалистичный мир. Может, так нажрался, что в реальности валяюсь сейчас под барной стойкой, на

полу? И мне снятся дикие сны?

Но я согласен даже не сон. Пусть этот фантом подольше будет со мной. Пусть Мотылек кружит вокруг меня, хотя бы в виденьях. Соблазняет. Дразнит. Длинные темно-каштановые волосы изящными локонами распадаются по жемчужно-белым плечам, прикрытым только тонкими тесемками изысканного платья. Что за удивительное превращение произошло с моей любимой девочкой? Из мотылька она стала бабочкой хамелеоном. Самой красивой в мире, и одновременно, такой же невинной, трогательной, чистой, какой запомнил ее.

– Дружище, ты прости меня, я собирался сказать... – вырывает меня из мыслей голос Якоба. – Черт, она сказала, что не придет. Вот прямо сто процентов. Категорически отказалась. Иначе... я бы предупредил, клянусь.

– Ты общаешься с ней? – вопрошаю потрясенно. Меньше всего мог ожидать такой поворот. После того, что было в прошлом. Якоб был виноват не меньше меня в проклятом споре. Да и не нравился он никогда Василине, она всячески избегала его. Но оказывается, все может измениться очень быстро. А тебе, кретину, остается только стоять да глазами хлопать.

Вижу, что Мотылек тоже потрясена. И ее никто не поставил в известность, что, придя к Якобу, на мою рожу наткнется... Штаховский устроил шок-встречу нам обоим. Только интересно, с какой целью. Но Василина изменилась не толь-

ко внешне. Она решительно делает шаг нам на встречу, позволяет Якобу чмокнуть ее в щеку, а мне небрежно кивает:

– Привет Артур. Сто лет, сто зим... Давно не виделись. Как ты?

Максимально равнодушное приветствие, а я как дурак радуюсь, что слышу ее голос, что она говорит со мной. Таким теплом обволакивает, черт, еще немного, и разрыдаюсь как ребенок. Кретин убогий. Вали скорее, пока совсем нюни не распустил.

– Привет, Василина, – удастся выдавить из себя еще более охрипшим голосом. – Как дела? И правда, давно не виделись.

Кошачьи глаза скользят по мне с неопределенным, закрытым выражением. Кровь оглушительно стучит в висках. Этот взгляд выводит меня из себя. Заставляет снова вспоминать, каким жалким уродом я был, как отчаянно проклинал себя, как тосковал по ней... Но все в прошлом. Я это переборол. И не влезу снова в дерьмо под названием «чувства».

– У меня все отлично, спасибо, – но в глаза Мотылек не смотрит. Не хочет видеть меня? Наверняка вернулась в город лишь убедившись, что меня здесь нет и не будет. Интересно, кто убедил ее? Якоб? Они теперь друзья? Мир перевернулся с ног на голову, а я и не заметил...

Еще один мужчина подходит к Василине. Просит автограф, Мотылек берет предложенный маркер и расписывается на флаере. Но пижону мало, он приглашает ее на танец. Стискаваю кулаки. Сдержаться и не захватить по роже нахалу

мне помогает лишь то, что смогу, когда она отойдет, допросить Якоба. А у меня к нему куча вопросов.

– Следующий танец мой, – вырывается у меня, когда Мотылек проходит мимо. Она останавливается на месте как вкопанная. Молчит, не зная, что сказать. И я молчу, потому что сам не ожидал от себя вырвавшихся слов. Кретин, ну реально. Решил ведь держаться подальше... Зачем?!

* * *

Несмотря на бравладу, не собираюсь танцевать с Мотыльком. Это слишком чревато. Да и пьян уже в стельку. Опрокидываю в себя еще несколько порций виски и поворачиваюсь к Штаховскому.

– Что все это значит? – впиваюсь бешеным взглядом, наблюдая как Мотылек изящно танцует с мужчиной, так нагло влезшим в нашу беседу. А потом еще с одним. О да, популярность налицо. Сложно поверить, что в школе считалась дурнушкой. Сейчас, наверное, это видится придуманной легендой. Она так красива, что смотреть больно.

– Да не бери в голову, жмет плечами Штаховский. Ну вышло так. Она вернулась в город где-то год назад. Перевелась в универ, в который изначально планировала поступать. До всего, что мы с тобой натворили. Да ты и сам наверняка помнишь. В тот же, что и ты, финансовый. Будете теперь в одном учиться. Она, наконец, пришла к выводу, что ей наплевать,

рядом ты или нет.

– Это она с тобой так откровенничала?

– Да не особо, знаешь ли, она душу любит открывать. И не так уж мы близки... Встретились где-то около полугода назад на вечеринке, на яхте. Я обалдел не меньше твоего, уж поверь. Оказывается, Мотылек стала моделью. И не какой-то, а ведущей, самой востребованной, в топовом агентстве города. Дама, с которой она пришла – его владелица. Подружки не разлей вода... А третья в их компашке, догадайся, кто? Нет вариантов? Сеструха твоя. Таисия. Мда, вот так-то, дружище. Кто б мог подумать... твоя серая мышка теперь самая желанная женщина в этом городе. Тусуется теперь с элитой города. Местная знаменитость, автографы раздает. На обложках мелькает... Несколько раз ее пытались большое столичное агентство переманить. Но Василина не хочет переезжать. Она счастлива, живет с семьей, учится, тоже, разумеется, на отлично. Хорошая девочка. По-прежнему. Ничего не изменилось...

– Ты так и не объяснил, тебе чего от нее надо? – хмуро прерываю Штаховского. Еле сдерживаюсь, чтобы не наброситься на него. Нестерпимое желание начистить ему рожу. Потому что рассказ его меня бесит. И потому что чувствую – не просто так Якоб ошивается возле Мотылька.

– Да ничего мне не надо, ой, я тя умоляю. Баб у меня, думаешь, мало? Она конечно хороша, не скрою. Нравится мне. Только она даже разговаривать со мной поначалу не хотела.

Когда на яхте встретились. Повинился перед ней. Прощения просил. Мерзко ведь тогда вышло, да? Но она говорит – ни при чем ты, Якоб. И к Соболевой – нет претензий. А вот тебя не простит. Потому что в душу влез... И так... в общем, нагадил. Попадос, мне очень жаль, братан. Но что поделать, ничего уже не изменишь. Ты вернулся, живой, этому радуйся. По-прежнему красавчик, даже лучше стал. Брутальный такой, угрюмый, серьезный. Бабы это любят. Я тебе моделек вагон подгоню. У меня с агентством Василины контракт. Реклама, съемки, вечеринки. Все на год вперед расписано...

– И она? Тоже расписана?

– Да не, ты че. Она топ. Мне не по карману, – усмехается Штаховский. – Ее для дорогих реклам снимают. Яхты, мерседесы. Только высший уровень. Но она не кичится, кстати. И сейчас мало работает – сессия на носу. Она только как подработку временную модельный бизнес рассматривает. Никакой карьеры в этом направлении. Ей это не интересно.

– Хорошо ее узнал.

– Да не особо, не напрягайся ты так! Братан, да столько времени прошло. Не может быть, чтоб ты еще злился... Ладно, остынь. Пару раз мы с ней всего лишь на вечеринках сталкивались. Это все, клянусь. Ну ты меня знаешь, врать мне незачем. Если б было че серьезное – сразу сказал бы. Думаешь не хочу потусить с ней? Да ладно, это уж совсем тупо, правда? Мужская солидарность и все такое. Не будем вешать лапшу. Я хочу ее. И если представится возможность...

поухаживать – не упущу. И не надо так смотреть свирепо! На этот раз, все честно! Никаких споров. Победит сильнейший...

Хватаю Якоба за грудки. Толкаю со всей дури, так что пролетает всю барную стойку, сшибая стул за стулом. Поднимаю его, притягиваю к себе и изо всех сил бью в наглуую рожу, не слушая ни криков, ни увещаний. Пока три охранника не скручивают меня и не оттаскивают от Штаховского. Ярости и дури во мне много, но алкоголь, которым я планомерно накачивался весь вечер, притупил реакции. Я еще какое-то время машу кулаками, куда попало, но вырваться из захвата не удастся. Меня выволакивают на улицу, подъезжает полицейская машина, куда меня заталкивают уже в наручниках.

Глава 20

Ров Василина

Увидеть Артура этим вечером, было все равно что получить удар в солнечное сплетение. Не так давно я записалась на занятия по вольной борьбе. Ходила раз в неделю чтобы держать тело в тонусе. Мне это нравилось больше аэробики. Помогало тренировать выдержку, а иногда и ярость выплеснуть. Но однажды я не успела сделать блок и получила удар как раз в область солнечного сплетения от партнерши. Ужасная боль, невозможность вдохнуть, головокружение... Все это я испытала и сейчас, увидев высокого, гибкого мужчину, нервно переминающегося с ноги на ногу, словно не в силах хоть минуту постоять на одном месте. Красивое лицо, правильные черты, в которых читалась надменность и уверенность в себе. Вот только белокурых локонов больше нет – вместо них – короткий ежик. И еще что-то изменилось в нем... может затаенная боль в серых глазах, впившихся сейчас в меня, сканирующих, колючих, пугающих своей пронзительностью.

Последняя наша встреча была около трех лет назад, но я всегда знала, что рано или поздно жизнь снова столкнет нас. Знала, что вернусь в город, где живет моя семья. Что мой побег – лишь временное решение, способ не сойти с ума от боли, разочарования и обиды. Через год я вспоминала об

Артуре лишь с грустной улыбкой. Время притупляет любые раны. Все еще болело, было обидно, тоска грызла... Но я хотя бы больше не взвивалась, слыша его имя... Спокойно и рационально рассуждала о произошедшем. Готова была вернуться к семье. Соскучилась ужасно. С Лизой была постоянно на связи. Мы просыпались утром и сразу списывались в социальной сети. Сообщали друг другу обо всем, о каждой мелочи, или просто болтали ни о чем. Но все равно скучали друг по другу.

Я с самого начала узнала, что университет, куда поступила в моем родном городе, дает возможность перевода в другие учебные заведения. И вот, наконец, пришло для этого время. Я подала документы на перевод и занялась сборами. Знала, что Артур тоже учится в Финансовом. Как, впрочем, и Якоб, но уже заканчивает. Финансовый институт, если честно – скука смертная. Но выбрать педагогический побоялась. Победил страх нищеты, висевший над отцом сколько себя помню. А творчество, книги... можно и для души оставить, для хобби. Главное для меня – перспективная профессия.

Мне было страшно, при мысли, что снова столкнусь с Артуром, снова в учебном заведении, где он, разумеется, снова Король, не меньше. Ну а я так и оставалась невзрачной простушкой. Но повзрослела. Стала по-другому смотреть на вещи. Больше ценить честность. Даже Лизу и ее обиду на меня, которая привела к долгой ссоре – я теперь лучше понимала. Ложь – всегда причиняет боль. А полуправда – та же ложь...

Но иногда без нее никак, если во спасение.

Вот и теперь я лгала самой себе, что позабыла Артура, переболела. Мне так было легче. Я хотела вернуться, жить с отцом, с Лизой, Настасья Михайловна к моменту моего возвращения готовилась стать мамой. Отец очень сильно волновался в ожидании этого события. Как, впрочем, и мы с Лизой. Больше терпеть разлуку мы не могли.

Вернулась я за месяц до начала учебного года. Первое время редко куда-то выбиралась. Погрузилась в подготовку к учебе, институт был серьезным, требования – высокими, и я не хотела ударить в грязь лицом. Ну и конечно с наслаждением проводила время с отцом, беременной мачехой и Лисой. Сестренка, кстати, тоже изменилась. Остепенилась, стала спокойнее, взрослее. Лиза так и не помирилась с Матвеем. Зато с Романом у нее сложились чудесные отношения. И теперь влюбленная парочка готовилась к свадьбе. В общем, море событий, и сплошь семейных. Мы ждали прибавления в семействе, скорую свадьбу Лисы, Анна Григорьевна тоже нашла себе жениха – итальянца, весьма состоятельного. И сейчас он тоже обитал в ее доме. Любовь изменила бабушку, сделала добрее, приветливее. Удивительно, она даже не ворчала, что семейство Дусманис заполонило ее дом. А ведь и правда, некогда практически пустое, это жилище стало шумным и многолюдным. Нам с Лизой пришлось делить комнату одну на двоих, что, впрочем, нисколько не расстраивало. Папа был занят ремонтом моей старой комнаты переделывал

под детскую. Ну а внизу, помимо Анны Григорьевны теперь обитал ее итальянец. Разумеется, в небольшой комнате «для гостей». Большой «вольности» моя аристократичная бабуля допустить не могла. В общем, скучать было некогда.

Я, как мне казалось, стала увереннее и спокойнее. Уже не было мучительно больно от воспоминаний, я почти не думала о событиях, которые вынудили меня уехать. Но внутренняя дрожь все равно присутствовала, когда я переступала порог нашего общего учебного заведения. Артур опередил меня на два года. После переезда, и сдачи выпускных экзаменов (буквально на автопилоте), я долго пребывала в прострации. Мне было так больно... не знаю, как вообще смогла аттестат получить. Отец приехал ко мне – проконтролировать поступление – но слишком поздно. Я пропустила вступительные экзамены в нескольких универах. Ничего не хотела, просто не жила... Застывшая, ледяная, бесчувственная. Вот какой меня сделал Артур. Он растоптал мое сердце. Вырвал из груди и растоптал. Я жила как робот – на автопилоте. Похудела, стала на анорексичку похожей. Даже моя любимая сестренка – с момента свадьбы (церемония прошла перед самым моим отъездом, в скромном семейном кругу), мы с Лизой начали звать друг друга сестрами, так вот, даже приехавшая ко мне на пару недель Лиза, не смогла привести меня в чувство.

Лисе универ не светил, она и не рвалась – довольная пошла по стопам матери – в техникум на повара. Кажется, на

тот момент Лиза все еще с Матвеем встречалась. Но я всегда путалась в любовных перепетиях сестры, а уж в тот момент мне и вовсе не до того было... Все силы уходили на то, чтобы окончательно не разнытаться, представ перед Лисой совсем уж в жалком виде. Но как же это было трудно.

Чтобы я не потеряла год, отец в последний момент записал меня в колледж, тоже финансовый. Отличная платформа для института. Через год я перевелась оттуда в институт... но училась поначалу из рук вон плохо. Прежняя ботаничка стала отъявленной двоечницей и прогульщицей. Во мне все еще кипела обида, боль, образующая гремучую смесь, трансформировавшуюся в жажду разрушения. Даже стиль одежды я поменяла. Рваные джинсы, кожаные косухи, распущенные, висящие лохмами волосы... Я и сама не знала, против чего протестую. Наверное, против прежней себя. Наивной, доверчивой заумной дурочке, которую так легко «развести»...

Но любовь к учебе со временем взяла свое. А я взялась за ум, наверстывая упущенное. Наконец, я признала, что виновата во всем сама. Главное – безумно тосковала по семье. И когда Таисия, с которой я продолжала поддерживать отношения (может это громко сказано, мы всего лишь изредка обменивались письмами по электронной почте), написала о возможности перевестись в Финансовый Университет, который я выбрала с самого начала... вдруг поняла, что отчаянно хочу этого.

Да и чувства к Артуру вроде как притупились. Меня за это время и на свидания приглашали, и даже что-то вроде отношений даже возникло. Правда, платонических. До близости не дошло. Каждый день я просыпалась с надеждой, что Артур окончательно покинул мое сердце...

Забавно, я так тщательно готовилась к встрече с Артуром. Растила броню, прятала сердце за семью замками... ожидала то, что будет что-то вроде школы... Травля, игнор, подставы. Но университет оказался совершенной противоположностью. Тут всем было наплевать, как ты выглядишь. Нет, красотки конечно тоже были, а-ля Барби... Но ум, талант и знания ценились гораздо выше. Всем было плевать откуда ты. И какие на тебе шмотки. Я сразу нашла интересную компанию и влилась в нее. А самое удивительное – Артура в универе так ни разу и не встретила!

Я могла спросить у Таисии, почему. Что произошло, почему ее брат бросил учебу. Но гордость... Она не позволила. Вдруг сестра проговорится, признается любимому брату, что я спрашивала о нем? Такого позора мне уж точно не нужно! Вот и мучилась от предположений в угоду гордости. А потом произошел случай, полностью изменивший мою жизнь.

Ливень застал меня врасплох, когда бежала на занятия. Несмотря на зонтик, все равно довольно сильно промокла. Как назло, остановка возле бабушкиного дома осталась в тот момент без козырька, благодаря особо нервным хулиганам, покореженная крыша валялась неподалеку. Помимо меня,

у остановки стоит очень стильно и дорого одетая женщина, под проливным нескончаемым потоком воды, и без зонта. Дождь, и правда, даже не передавали, специально вчера погоду слушала. Мне стало ужасно жаль эту женщину. Она металась, не зная, что делать. Подхожу к ней и молча поднимаю свой зонт над нами обеими. Но толку от этого мало. Понимаю, что в институт в таком виде не стоит ехать. Лучше вернуться. И вот, повинувшись порыву, приглашаю абсолютно незнакомую женщину к себе домой. Поначалу она отнекивается, говорит, что вызвала машину. Но у нее уже зуб на зуб не попадает, а никакой машины и близко не видно. Незнакомка перестает сопротивляться и покорно идет вслед за мной.

В доме никого нет, Лиза на учебе, отец на работе, бабушка с итальянцем тоже по делам, Настасья Михайловна – в роддоме, ее положили на сохранение. Ставлю чайник, а потом иду в комнату бабушки на поиски одежды. Мой сороковой размер худющей воблы вряд ли налезет на новую знакомую – высокую даму минимум сорок восьмого. Приношу два полотенца, теплый халат, на что гостья рассыпается в благодарностях, и отправляюсь переодеваться.

Позже мы пьем чай с вареньем, и наконец, представляемся друг другу.

– У меня ощущение, что я тебя где-то видела, Василина. Имя у тебя, редкое, красивое. Но оно мне незнакомо. А вот лицо...

– Лицо совсем не редкое, а наоборот, самое заурядное, –

смеюсь в ответ.

Наталья, так представилась гостя, отрицательно качает головой.

– Нет, у тебя далеко не заурядная внешность. Тут ты ошибаешься, и не спорь, ведь это моя профессия.

– Лица?

– Все вместе. Человеческие типажи. Я – хозяйка модельного агентства. В прошлом сама модель. В этом бизнесе почти тридцать лет.

– Ни фиги себе! Это очень много! – искренне удивляюсь.

– Да, и агентство у меня самое крупное в городе. Мы всегда и повсюду ищем лица. Для различных показов, рекламных роликов, компаний, сериалов. Работы очень много. Красавиц, впрочем, тоже. Но редких жемчужин – эту категорию удается найти увы, совсем нечасто.

– Надеюсь, мое гостеприимство не заставляет вас утверждать, что я – жемчужина? – хмыкаю недоверчиво. – Уж я-то знаю на что могу претендовать, а на что – не стоит.

– Поверь, ты ничего о себе не знаешь, Василина!

Тут у гостя звонит телефон, и она начинает грозно кричать в трубку:

– Зеленцова уволить! Чтобы духу его больше не было, когда на работу приеду. Когда буду? Сегодня – точно нет! По вине этого кретина я промокла до нитки!

Закончив разговор Наталья снова переключается на мою персону.

– Давай попробуем, Василина. Пара фотосессий. Больше ничего от тебя не прошу. Сможешь неплохо заработать, если подойдешь, если твои фото понравятся клиентам. Ты никогда не занималась рекламой? Есть опыт, хоть какой-нибудь? Самодеятельность, например? Может, в школе где-то участвовала? В кружке специализированном, не занималась?

Почему так колет сердце? Сто лет уже не вспоминала о школе... Мой единственный опыт – постановка «Ромео и Джульетты», в школе... но как же больно произнести вслух эти слова.

– Нет, – качаю головой.

– Слушай, я же тебя вспомнила! – восклицает Наталья.

Снова интенсивно мотаю головой. Но похоже, у моей новой знакомой бульдожья хватка, она и не думает отступить:

– Нет, это точно ты! Сто семидесятая школа! Постановка Ромео и Джульетта, три года назад. Таисия, моя подруга, ставила эту пьесу. Я была на премьере, и теперь точно уверена, Джульетту играла именно ты! Я потом Таисию все пыталась, что за девочка. Но после школы о тебе никаких известий не смогла получить. Тайка как раз на год в Индию укатила, экзотики мадам захотелось. Но клянусь, я собиралась расспросить ее о тебе, при удобном случае.

– Вам так запала в душу Джульетта? – спрашиваю равнодушно, а саму аж током бьет по коже.

– Ты потрясающе сыграла. Из тебя буквально струилась любовь.

– Сейчас это в далеком прошлом.

Струилась любовь? Вот уж точно, это не то, о чем я хочу разговаривать с первой встречной! Почему, ну почему везде, куда бы я не пошла в этом городе, каждая деталь напоминает мне о тебе, Артур! О том, что я так хочу забыть!

– Мальчик, да? Первые чувства, обмануты надежды? – бьет в точку Наталья. Умная, хваткая. В этом ей не откажешь. Проницательная. Почему я не могу быть такой? В душе я все еще маленькая испуганная мышка, которая не смогла уберечь свое сердце от боли.

– Знаешь, Василина, редко какая женщина не проходила через разбитое сердце, – словно читает мои мысли Наталья. – А бывало и гораздо хуже. Хочешь скажу лучший рецепт от разбитого сердца? Работа. Пахать, становиться востребованной, успешной. Сильной.

– Но вы правда уверены, что я подойду? Во мне мало роста, я не модель...

– Не топ, на подиум тебе никак. Но мне и не нужно, хотя показами мы тоже занимаемся. У меня огромная база моделей. А дальше уже с клиентами выбираем типажи в зависимости от того, какая предстоит работа. Тебе только пару месяцев на курсы походить. Уж поверь, на рекламу зубной пасты тебя с руками оторвут. Но это я так, для грубого примера. Мы тебе интересные проекты найдем, крутые!

Вот так, одно погодное явление в виде ливня, изменил мою жизнь. Я поверила Наталье не сразу, но решила попро-

бовать, и не прогадала. Работа действительно захватила меня. Всегда суета, спешка, вспышки, крики, споры – мир, который раньше был чужд мне. Я не просто вошла в него, а стала действительно востребованной. Примеряла образы, увидела наконец себя – другую. Красивую, успешную. Клиенты наперебой приглашали на свидания, вечеринки, модные тусовки. Мне признавались в любви, за мной ухаживали. Вечеринки, коктейли, правда я ходила на них с опаской – боялась встретить Артура. Но похоже, мы вращались в разных кругах. Ни разу не встретила. Бурмистров словно испарился. Может, и правда уехал из города. Но я уже почти не вспоминала свою школьную любовь. Восхищение и поклонение очень помогает с любовными ранами. Я училась, работала, тусовалась, флиртовала. Времени на воспоминания у меня просто не было.

Учеба все равно оставалась в приоритете, меня привлекал в работе модели, прежде всего, заработок. Скоро родится малыш, а значит нужно будет покупать кучу всего. И я радовалась, что могу помочь в этом родителям. Да и Лисе на свадьбу деньги пригодятся, хоть Роман и взял почти все расходы на себя. А еще я мечтала о собственной квартире. Хоть мне нравилось жить в шумном семействе, но иногда и тишины хотелось. Поэтому, бралась за все проекты что предлагала мне Наталья. Разве что от рекламы белья отказывалась – настолько обнажаться не по мне, лучше пылесосы и стиральные порошки. Но не буду лукавить – бытовые пред-

меты мне пока не доставались. Больше съемки для каталогов модной одежды, где мне примеряли самые разные образы. Я многое узнала о себе. Косметика меняла мое лицо полностью. Делало выразительным, ярким. Стало ясно, что я могу стать любой. И роковой красоткой, и нежной русалкой. И в обилии этих образов можно легко спрятать себя настоящую. Или потерять безвозвратно... Только теперь я поняла, насколько ценна индивидуальность, и насколько неважна мишура, яркая обертка. В нее легко себя завернуть. Но если начинки нет, то рано или поздно это откроется.

* * *

Однажды, на одной из модных светских вечеринок, я встретила Якоба. Я тогда была после фотосессии в космическом стиле. Сильно подведенные глаза, наряд из полиэстера и элементов пластика – ужасно неудобный, но переодеться не успела. На вечеринку меня затащила подружка из агентства, тоже модель. Договорились выпить по коктейлю, сделать пару фото для любителей светской жизни, чтобы выложить на свою страничку в инстаграм, которая обязана быть в наличии у любой модели, хочешь ты того или нет. Клиенты сейчас смотрят на это. Мечтая в душе лишь о горячей ванне и мягкой постели.

– О, привет малышка! Помнишь меня?

Вздрагиваю, услышав этот голос из прошлого. Замираю

на месте. Но беру в себя в руки и холодным равнодушным взглядом скольжу по надменному красивому лицу Штаховского. Помню ли я его? Вопрос, конечно, риторический. Как могу забыть этого человека? Который по сути был одним из тех, кто разбил мне сердце. Отрицательно мотаю головой. Не знаю, и знать тебя не хочу, Якоб.

– Ой, да ладно тебе, Василина, – ухмыляется мне в ответ парень. – Неужели, все еще дуешься? Или правду говорят, память девичья короткая? Может, и Бурмистрова не помнишь? Ну, его то ты вряд ли смогла забыть... Хотя, с такой бурной жизнью. Мне тут полчаса хозяин яхты втирал что влюблен в некую модель, которую называл Скорос, псевдоним такой странный... И знаешь, на тебя указал. Я так, прифигел, конечно... поверить сначала не мог, думал глюки накрыли...

– Это мой псевдоним, да. – Не хочу прослыть лгуньей, поэтому признаюсь. Да и какая разница.

– Странное имя для красивой девушки.

– Греческое. Мой отец грек.

– Да ты че! Интересно, не знал. Значит, ты иностранка?

– Немного, наверное... Но я ни разу не была в Греции. Только собираюсь, увы раньше зимних праздников не получится.

– Почему не бывала на родине?

– Так вышло. Долгая и скучная история, которая тебе вряд будет интересна.

– А ты не слишком разговорчива.

– Я устала. Даже не переоделась с фотосессии.

– Хочешь, домой отвезу?

Мне безумно хочется отделаться от Якоба, но в то же время гордость не позволяет показать, что мне не безразлична эта встреча. Что я взволнована. Если с Якобом столкнулась, значит и Артур неподалеку может быть. И если быть честной до конца – я хотела, чтобы меня увидели эти двое именно такой. Успешной. Красивой. Неприступной и холодной. Поэтому, обращаюсь к самовлюбленному пижону на «вы». Разговариваю непринужденно, как с любым другим гостем на этом судне.

– Яхта еще как минимум час будет дрейфовать на Волге. Или у вас возле бортика пришвартован катер?

– Ага. Как ты догадалась? – посмеивается в ответ Якоб.

– Если вы серьезно, то извините. Я пошутила. Слишком плохо знаю вас, чтобы куда-то вместе ехать. Уж лучше тут поспать. Запрусь в каюте.

– Слушай, детка, ну не надо мне выкаты-то, смешно звучит. Мы с тобой не сильно по возрасту отличаемся. Неужто так осталась той же недотрогой? Помню-помню, всегда такой была. Когда Бурмистров тебя обхаживал.

Запретное имя произнесено – и все волоски на моем теле встают дыбом. Прислушиваюсь к ощущениям – насколько больно? Да нет, как ни странно, не особо. Почти ничего.

– Это было слишком давно. Не помню. Простите, я пойду.

Подремлю.

– Не-а, не пушу, Скорос. Сначала пообещай.

– Что?

– На «ты» перейдем.

– Вы и так перешли. – Пожимаю плечами.

– Ага. А теперь и ты давай.

– Даже не помню, как вас зовут. – Опять ложь.

– Якоб.

– Ну хорошо, Якоб. Если тебе это важно. А теперь – пока.

– Увидимся?

– Вряд ли.

– Ты не скорпион ли, в переводе с греческого, Скорос? Уж больно кусачая!

– Не-а. Если интересно – гугл в помощь!

Ров Артур

Из обезьянника меня приехала вытаскивать хмурая Таисия.

– Спасибо, сестренка, – не знаю, что еще сказать. Едем в машине, отворачиваюсь и смотрю в окно.

– Не за что, братец. – Устало отвечает.

Понимаю, снова разочарование. Подвел в очередной раз. Чувствую себя паршиво. Даже погода не радуется – солнце светит вовсю, зелень распустилась, буйство весны во всей ее красе. А на душе – зима да вьюга. Хм, ты прямо поэт, Бурмистров.

– Расскажешь что произошло?

– Не-а. Неохота разговаривать.

– Что дальше, Артур? Может пора остановить это саморазрушение? Понимаю, ты не виноват... Так вышло. Но все можно вернуть.

– Ты это о чем?

Сразу о Мотыльке мысль. Ее вернуть хочу, больше ничего мне в этой жизни не надо.

– Я о жизни твоей. Об институте. Когда поедешь восстанавливаться?

– А-а. Не, я туда ни ногой больше. Новый контракт хочу.

– С ума сошел? Тебя и так еле вытащили! Родители не переживут!

– Переживут. Я взрослый мальчик. У меня отличная военная карьера. И денег платят много. Дедовы не нужны. Димка может не переживать.

– Дед скоро вернется. Расставит все по местам. Димке навалает. Пока тот окончательно не погубил его бизнес.

– Мне плевать. Не нужны ни деньги семейные, ни разборки. Правда, Тай. Не хочу. Не грузи меня этим.

– Артур, пожалуйста...

– Хватит. Отвези меня лучше на дачу. Не хочу домой. Вопросов, упреков. Пожалуйста!

Таисия замолкает, поняв, что с мной сейчас бесполезно спорить. А может сестра согласна со мной – не стоит мне сейчас появляться перед родителями, с рассеченной губой,

в порванной рубашке. Зачем матери лишний раз нервы трепать. Поживу на даче. Сто лет там не был.

Даже за вещами не стали заезжать, хотя Тайка предложила. Но мне сейчас не до мыслей о шмотках и бритве. Все можно купить. А может и какие старые вещи найду, главное, переодеться и душ после обезьянника принять, остальное меня не волновало.

– Я с тобой останусь, – заявляет сестра, паркуя машину перед воротами дома.

– По-твоему я маленький и не могу один тут пожить?

– Нет, просто хочу побыть с тобой.

– А я – остаться в одиночестве.

– Не дожدهшься, – бросает Таисия и выходит первой из машины.

Открывает багажник, достает пакеты с продуктами – по дороге мы заехали в большой супермаркет. Неохотно вылезаю и подхожу к сестре. Молча забираю покупки и направляюсь к дому. Похоже, в одиночестве я смогу остаться только если запрусь в комнате. Так и делаю. Принимаю душ, сначала горячий – чтобы смыть с себя всю грязь этого вечера, потом ледяной – потому что мысли снова вернулись к Мотыльку и у меня встал... Видения, фантазии нахлынули со всей остротой, руки помимо воли потянулись к члену. Какая же она красивая стала, просто невероятно. Но красавиц полно, и ни одна так сильно в сердце не впечатывалась... Только Василина, незаметно прокралась в душу и все в ней пе-

ревернула с ног на голову. Сотни раз убеждал себя, что это ошибка, может чувство вины, может – соперничество, или неудовлетворенное желание, ведь она так и не стала моей. Только вот забыть ее, выкинуть из головы не получалось.

Но это уже ни в какие ворота... заниматься онанизмом в душе, думая о девушке из прошлого. Никогда себя настолько жалким и убогим не ощущал. Нужно срочно бабу найти. Любую. С этим никогда проблем не было, вот только после мясорубки, через которую прошел позабыл, кажется, даже как разговаривать с женщиной. Да и желания болтать никакого нет. Разве что с Мотыльком... Интересно, выслушает она меня теперь? Или все еще ненавидит и будет отгораживаться стеной? Черт, я ведь ничего даже понять не успел, так неожиданно все произошло. Штаховский, сука, заплатит мне за сегодняшний взрыв из прошлого. Если бы я мог подготовиться. Обдумать... Нет, я все-таки жалкий тип – что толку заниматься сожалениями и поиском виноватого. Я все еще не переболел, хочу Мотылька, до одури, до рези в легких. Значит, нужно вернуть ее. Заставить выслушать меня. Хотя бы узнать, что чувствует. Может уже встречается с кем-то. Не могла же такая красавица сидеть и ждать меня, все эти годы. Своего принца... Когда-то она меня так называла... Только ей позволял. Мне нравилось быть для нее принцем. Я хотел подарить ей сказку. Весь мир к ногам бросить. Наверное, это и есть любовь. Только вот такой диагноз никто не ставит, ты сам должен распознать, почувствовать. А если

не понял вовремя – тебя ждет такое вот разочарование, падение в грязь, откуда уже не выбраться. Не успел признать-ся в ошибках, вымолить прощение. Не успел сказать люблю. Приговорен и отправлен пожизненно нести этот крест. Потому что был слишком самонадеян. Не ожидал, что Мотылек настолько суровый приговор вынесет. Думал, простит и все забудется.

Холодный душ не помог, я все еще горю. Вытираюсь на-скоро полотенцем, выхожу в комнату. В шкафу полно шмот-ток, но почти все мне впритык. Вроде не растолстел за эти годы, но похоже подрос. Рукава рубашки тесны, штаны по-дошли только спортивные, те что раньше велики мне были на два размера. Брожу по дому, вспоминая как любил рань-ше это место, сколько классных летних каникул провел здесь с родителями, друзьями. И с Василиной, однажды... Почему везде мне мерещится? Через каждую мысль в голову приходит как наваждение? Почему с ней не так? Холодная, равно-душная, она меня хоть иногда вспоминала за эти годы? Ви-димо, нет. Раз даже с Якобом подружилась. Значит прошлое для нее не имеет значения. Все стерто. Я – стерт.

Захожу в комнату старшей сестры и не могу поверить сво-им глазам... На стене висит фотография Мотылька. Ни за что бы не узнал, если бы не встретил ее на злосчастном при-еме у Якоба. Это она и в то же время нет. Изумительно кра-сивая. И такая чужая, далекая. Неприступная богиня.

Надолго зависаю в комнате сестры пялясь на фото Васи-

лины, пытаясь понять, как же все смогло так перевернуться, буквально с ног на голову. Теперь я нищий, а она – принцесса. Снова погружаюсь в воспоминания, пока меня не выдергивает из них голос Таисии.

Спускаюсь на кухню узнать, что ей нужно от меня. И когда все-таки оставит в покое. Сестра суетится возле плиты, запахи – обалденные. Рот наполняется слюной.

– М-м-м, сестренка, как вкусно пахнет, – сажусь за стол возле окна. – Решила меня побаловать?

– Ага, а то худющий, на лице вон одни глазюки остались.

– Да я еле влез в старую одежду, и то в ту, которая раньше велика была.

– Ты подрос, это да. Стал крупнее, мускулы вон сплошные. Но щеки впалые, синяки под глазами... Откормить тебя не помешает.

– Прости, что я уже не тот пухлощекый малыш, каким меня запомнила, сестренка, – улыбаюсь.

– Очень жаль, – вздыхает Таисия. – Ладно, мой руки, сейчас борщ налью.

Покорно иду в ванную, возвращаюсь, сажусь за стол. Передо мной уже стоит ароматная тарелка борща. Но что-то заставляет меня спросить, прежде чем взять ложку.

– Я видел фото в твоей комнате. Значит, вы с Василиной общались все это время? Почему ты не сказала?

– А что бы это изменило, Артур?

– Не знаю. Возможно, мне было бы интересно, хоть иногда

получать весточку о ней.

– Скажу тебе честно, – вздыхает Тая и садится за стол напротив меня. – Я очень винила себя, и до сих пор виню... За ту постановку. «Ромео и Джульетта». Мне кажется именно я спровоцировала то, что между вами произошло. Вы перенесли чувства из спектакля в реальную жизнь. Но были слишком юны для таких серьезных отношений. По сути, на моих глазах разыгралась та же драма, что и в пьесе. Только вы, слава богу, оба живы.

– Ты слишком драматизируешь, – говорю ворчливо, зачерпывая из тарелки борщ. – Очень вкусно, ты волшебница, сестренка. Соскучился по твоим блюдам. Еще бы и пирожков напекла... Помнишь, как раньше? Лето, вечер и твои пироги с капустой.

– Напеку, обещаю. Я до понедельника свободна, с тобой проживу. Но позволь все же мысль закончу. Тогда, в школе, вам было очень рано начинать историю любви. Но к сожалению, удержать подростка нереально. А мы и не пытались. Все думали, что это игры, ничего серьезного... Сейчас, понимаю, что даже у тебя глубокая травма осталась. А что тогда о Василине говорить?

– Я ведь только спросил, почему скрывала что общаетесь. А ты целую демагогию развела. Не переживай, я давно переболел Василиной и больше не потревожу.

– Уверен? Обещаешь? – с надеждой спрашивает сестра.

– Ух, да ты меня прямо монстром выставляешь. Так за нее

трясешься.

– Нет... Лишь хочу покоя, вам обоим.

Глава 21

Ров Василина

Первое время, после побега в родной город, мне было настолько одиноко и горько, несмотря на вполне достойно сданные экзамены – хотя от меня ожидали большего, и на заботу Даши, ее семьи, что я сделала глупость... Точнее – татуировку. Никогда не думала о таком, а тут, тоска, жизнь вдалеке от семьи, смена имиджа – я стала, пусть хотя бы внешне – плохой девочкой. А у таких обязательно есть тату. Место на теле выбрала такое, чтобы никому не видна была. Мне не нужно было смотреть на нее, достаточно знать, что она есть, иногда касаться ее.

Молодая женщина, хозяйка тату салона, куда я обратилась, сама вся была сплошь покрыта рисунками. Я потрясенно уставилась на нее и не сразу расслышав вопрос.

– Где колоть будем, детка?

– Что? – переспрашиваю потрясенно. – Я пришла татуировку сделать...

– Так и я об этом, девочка. Ты хоть знаешь, как это делается?

– Нет...

– Смешная. Готова к боли?

– Нет... Да... мне все равно.

– Ну залезай давай, на кресло. Решила где?

– Ну... я думаю... – мне неловко произнести, даже не знаю, как толком называется это место, возле линии бикини, где выступают тазовые кости. Просто показываю пальцем. Но видимо, мастер стольких чудиков повидала... Никак не реагирует ни на мое смущение, ни на тупость. Только кивает.

– Угу, поняла. Справа, значит. Хорошо, рисунок выбрала?

– Вот эскиз. Я сама нарисовала...

– Отлично. Снова бабочка. Оригинально, – ухмыляется.

– Это мотылек... – возражаю слабо. Наверняка в глазах этой женщины выгляжу глупой наивной малолеткой, которая выбрала пошлое тату. Плевать. Какое мне дело, что думает обо мне женщина, сама сплошь изрисованная рисунками да иероглифами? И все равно неловко. Я приоткрыла этому случайному человеку частичку души, только произнеся слово «крылья». С недавних пор оно имеет особое значение в моей жизни. То, чего я навсегда лишена. Это слово всегда будет означать для меня боль...

Вот так я стала обладательницей татуировки в виде маленького крылышка со слегка неровными, точно обожженными, краями, а рядом, заходящие на него греческие буквы – σκόρος в переводе с греческого – мотылек. Сама не знаю, зачем это сделала. Означало ли это память, чтобы никто и никогда не ранил меня так же сильно. А может табу – чтобы никогда и никому не позволять так называть себя. Может мне так сильно не хватало отрезанных крыльев... А может быть... я запрещала себе даже думать об этом, но предатель-

ские мысли все равно лезли в голову – это маленькое крыло означало, что где-то очень глубоко внутри, прежний мотылек еще жив. То глупое наивное существо, которое навеки подарило свое сердце Принцу.

* * *

После той первой случайной встречи на яхте, Якоб стал часто появляться на моем горизонте. Нет, не могу сказать, что Штаховский преследовал меня. Но через несколько «случайных» столкновений я заподозрила, что они не так уж случайны. И прямо спросила об этом. Якоб не стал отрицать:

– Что тут сказать, ты поймала меня, Скорос. Сразила наповал в нашу первую встречу на яхте и с тех пор не могу перестать думать о тебе.

Любопытный Штаховский, разумеется, погуглил греческое слово. Понял, что оно означает – в этом я не сомневалась. Но он ни разу, с момента нашей встречи на яхте, не назвал меня Мотыльком. Василиной звал, Скорос. Но только не словом, которым называл меня Артур. Это беспокоило. Заставляло только чаще задумываться на эту тему... а значит и вспоминать того, кого поклялась забыть.

– Ты же не можешь надеяться, что у нас что-то может быть? – прямо спрашиваю незваного приятеля из прошлого.

– Я считал в то время, и сейчас так же думаю – ты слишком все усложнила тогда.

– На тебя когда-нибудь спорили, Якоб?

– О, поверь, со мной чего только не было. Но я никогда не позволял себе убежать.

– Ты мужчина.

– Согласен. Женщинам побег простителен. Золушка должна убежать, ей так предначертано. И знаешь, я даже рад, что ты сбежала. Ну что ждало вас дальше с Артуром? Не свадьба же. В таком-то возрасте. Вы бы все равно расстались. Но могли бы сначала хорошо провести вместе время. Ты понимаешь, о чем я?

– Разумеется. Но у меня другое мнение на этот счет. Я не провожу время.

– Ой, ну вот только не говори мне что ты девственница... – заметив краску на моем лице, Якоб осекается.

– Черт, я болван. Прости, Василин. Я не ожидал. Черт, черт. Ты такая красивая, популярная. От тебя все парни с ума сходят. Как ты можешь быть... э-э, девственницей.

– Тебя это не касается!

– Ждешь того самого, единственного? Только не говори, что Бурмистрова ждешь!

– Это тема табу, ты обещал! – взвиваюсь.

– Да, да прости. Никакого Бурмистрова, чтоб ему неладно гаду было. И сам не взял и другим...

Вскакиваю, намереваясь уйти. И зачем я только позволила этому наглому типу заговорить со мной! Якоб тоже встает из-за столика и хватает меня за руку.

– Прости, я придурок! Ну правда, у тебя что ни тема, то минное поле, Скорос.

– Счастливо, Штаховский! Больше не ходи за мной!

* * *

Но снова и снова Якоб появлялся на моем пути. На вечеринках, съемках. Никуда было от него не деться. Надо отдать должное – он очень старался загладить вину, и про Артура больше ни словечка не произносил. Постепенно я привыкла к его присутствию, к слегка экстравагантной манере общаться, Штаховский был обходителен и услужлив. Несколько раз подвозил домой после тяжелых и поздних съемок, когда я была едва живой от усталости и могла думать лишь о том, чтобы поскорее добраться до дома. Он не приставал, не делал намеков на более близкое общение, которых в моей жизни внезапно стало предостаточно. Уставала отбиваться, то грубо, то ласково от потенциальных ухажеров, поклонников, любвеобильных бабников... перечислять можно долго. Тяжела доля модели. Особенно, если для тебя это не призвание, а лишь заработок и ты еще и учиться пытаешься, а по ночам дома не дает выспаться малыш – к тому времени Настасья Михайловна родила прелестного Тимошку. Отец был на седьмом небе от счастья, мы с Лизой обожали маленького братика... Но Тима плохо спал ночами, часто просыпался и плакал, будя весь дом... Мы с Лизой старались помогать

Настасье Михайловне, поэтому по очереди вставали на ночное кормление. Потом Лиза уехала с Романом на неделю в Грецию – маленькое путешествие, тем более оказалось, что папина тетка, родная сестра отца, завещала ему дом. Почему именно ему – папа не понимал, ведь семья давно считала его отщепенцем, изгоем. Но тетка видимо тоже была белой вороной. Возможно, она написала свое завещание из чувства противоречия. Так что теперь у нас появилась недвижимость за границей. Чудесный домик неподалеку от Салоников, на берегу Эгейского моря. Я уже тоже бывала там пару раз, поначалу пришлось приводить дом в порядок, вкладывать средства. Первый раз я была с отцом, когда он вступал в права наследования. А второй – останавливалась там во время съемок по контракту для греческого журнала. Переезжать в Грецию окончательно никто из нас не планировал – мы лишь рассматривали этот дом как вариант «дачи».

И вот, Лиза с Ромой отбыли отдохнуть на «дачу», а я вставала к Тимошке каждую ночь – у него резались зубки и капризным стал невероятно. А я стала похожа на зомби. Jakob, увидев меня в полусонном состоянии, предложил снять квартиру. Точнее, нашел мне замечательную квартиру-студию неподалеку от университета. Платила я за нее сама. Жила в ней одна. Даже не жила – иногда отсыпалась. Я любила свою семью и не могла долго находиться вне нашего шумного дома. Но и побыть наедине с собой хотя бы изредка, мне было необходимо. Не говоря уже о том, что можно

было не тратить время на пробки – университет был прямо за углом. Так, постепенно, я привыкла делиться своими проблемами, а иногда даже переживаниями, с Якобом. Как бы ни странно это выглядело. Лизе было все чаще не до меня. Она работала и училась, и с Ромой все было бурно... Я же больше тяготела к тишине и покою.

Итак, сначала Якоб. Как бы не сопротивлялась – вернулся в мою жизнь, втерся в доверие, стал, можно сказать, если не другом, то хорошим приятелем... И вот, когда я немного обвыклась с его появлением и постоянным присутствием в моей жизни – новый ошеломляющий взрыв из прошлого. Артур.

Я так долго готовила себя к встрече с ним. А когда перестала ждать – вот он, передо мной. Встреча получилась неожиданной, и если внешне я смогла сохранить самообладание, выглядеть хладнокровной и равнодушной, то это лишь благодаря занятиям актерским мастерством – обязательный курс для всех моделей в агентстве Натальи. Раньше я ворчала, что это бесполезная трата времени, что актерство мне точно не понадобится, этим я уж точно не собиралась заниматься... Но увидев Артура, мысленно порадовалась навязанным курсам. Ибо в тот момент, когда мои глаза поймали так хорошо знакомый серебряный взгляд, внутри меня произошел ядерный взрыв. Нервы будто оголились, стали предельно восприимчивыми, к каждому звуку, слову. Мир замер.

Я не встречала его три года.

Три года, бесконечное число минут, часов, проведенных в попытках забыть его, а по сути – в мыслях о нем, в беспросветной тоске... Я смогла выдержать его взгляд всего лишь мгновение, а затем опустила глаза, почувствовав, как бешено заколотилось сердце и все тело покрылось испариной.

Я понимала – необходимо хоть что-то сказать, но мозг был удручающе пуст, а язык словно прилип к гортани. И хотя сердце стало биться ровнее, пронзительный взгляд заставлял трепетать.

Он сильно изменился. Нет, не то, что говорят – «его не узнать». Артур по-прежнему был невероятно красив, обаятелен. Но он стал в тысячу раз круче. Крупнее, накаченнее. Возможно даже выше, хотя он всегда был высок... Он стал мужчиной. Производил впечатление мощи и силы. Самообладания. Для описания можно было использовать огромное количество прилагательных. И все равно их не могло хватить.

Он смотрел так, словно напряженно ждал чего-то от меня. Какого-то действия, поступка.

«Может, что на шею ему брошусь?», – ехидничает язва внутри меня.

«Может, он действительно скучал?», – робко подает голос романтичная дура, которую я без устали пыталась изжить из себя.

После драки Артура утащили полицейские. Я лишь мель-

ком взглянула на Якоба – он все еще сидел на полу, под глазом расплывался фингал, а из разбитой губы стекала кровь. Но мне не было его жаль. Сам виноват. Снова его штучки, игры, психологический прессинг. Он мог сказать Артуру, что общается со мной. Мог предупредить меня, какая может ожидать встреча. Но ничего не сказал. Сволочь.

Сажусь в машину Натальи и поглубже кутаюсь в тонкое белое пальто. Конец апреля, но по ночам еще очень холодно. Весна выдалась суровая. Никак не хочет приносить тепло, которого все с таким нетерпением ждут. Как хорошо, что я захватила с собой сменную обувь. Так что теперь мой наряд перестает быть соблазнительным, благодаря теплым ботинкам на толстой резиновой подошве.

– Интересный вечер, – тихо замечает Наталья.

– Я бы так не сказала, – отвечаю сонным голосом. Хотя это напускное. Сна ни в одном глазу, в организме зашкаливает адреналин, вызванный встречей с Артуром и дракой. Наталья тихонько смеется, глядя в окно. Вглядываюсь в ее профиль, освещаемый огоньками приборной панели. Восхищаюсь пронизательностью этой женщины, да и многими другими качествами. За время нашего сотрудничества мы стали подругами, несмотря на разницу в возрасте. Возможно, я была в каком-то роде дочерью, как для нее, так и для Таисии – у обеих женщин не сложилось с материнством. Иногда мне казалось, что они отдавали этот нереализованный потенциал мне, тем более зная, как рано я потеряла мать. Впрочем, как

бы то ни было, мы замечательно общались, дружили, ладили. И я была счастлива иметь таких подруг.

– Не хочешь рассказать поподробнее, как ты умудрилась за пять минут своего пребывания вызвать драку? Мне ужасно любопытно.

– Не хочется об этом говорить, – морщусь.

– Кажется, я догадываюсь. Прости, но не в моих привычках молчать. Я знала, что у вас с братом Таисии была какая-то история. Со времен «Ромео и Джульетты». Он недавно появился в городе... Ты никогда не говорила о нем при мне... Понимаю. Но не лучше ли сейчас это урегулировать? Забыть прошлые обиды?

– Я только за. Никаких детских обид.

– Хорошо. Знаю, что Таисия переживает по этому поводу...

– Ей совершенно не о чем переживать.

– Я рада. Ладно, закроем эту тему, вижу, она все еще неприятна тебе. Поговорим о моем дне рождения. Решила отмечать его на даче. Обещают чудесную погоду. Будут только самые близкие... Отметим на работе фуршетом, захватим несколько коллег и более тесной компанией поедем на дачу.

– Хорошо. У меня, правда, зачет в этот день, но сразу после него – приеду. На фуршет вряд ли успею. Думаю, сразу на дачу. Якоба попрошу... – осекаюсь. Или кого-нибудь еще.

– Приезжай с Якобом, буду очень рада ему.

– Я вообще-то злюсь немного за сегодняшнее.

– На него? Это ведь ему по лицу дали, – улыбается Наталья.

– Все равно... Уверена, если так произошло – он заслужил.

– Да, неугомонный, – смеется Наталья. – Но ведь хорош, чертяка. И ты зря с ним так холодна. Он тобой искренне очарован.

– Они все искренние, – фыркаю.

– Это тоже правда, – вздыхает моя собеседница. – Но без мужчин ведь тоже тоска, Василин. Без любви...

Тихонечко вхожу домой, уже почти полночь, дом тих. Но Лиса не спит – хитрюга ждет меня, сидя на своей постели, вся в предвкушении новостей. Хотя, возможно, мне так только кажется. Откуда Лизе знать о том, что Артур вернулся?

– Пришла, наконец-то! – ерзает от нетерпения рыжая. – Я умираю от любопытства, Васюш! Как тебе встреча с Артуром? Сильно изменился? Гад ползучий! Я так рада, что он увидел тебя такой! Красивой, успешной! Пусть локти кусает!

– Господи, ну и город у нас, – восклицаю возмущенно. – Ну вот откуда ты так быстро узнала о том, что мы встретились? У меня даже предположений никаких нет!

– Ха, это и правда удивительная история! Представляешь, мне позвонила поболтать Ника Соболева!

– Ведьма? Что ей от тебя надо?

– Ох, и не говори. Я так надеялась, что после окончания школы мы с ней больше никогда не увидимся. Сколько эта стерва нам крови попила. Я тебе не сказала... где-то месяц

назад я случайно столкнулась с ней в магазине. Она очень просила меня устроить встречу с тобой. Типа переживает сильно и хочет покаяться, прощения попросить. Я сказала что подумаю. Мы обменялись телефонами. Представляешь, она вышла замуж за Стеблова! Может только поэтому я и остановилась поговорить с ней, будь Ведьма одна, мимо бы прошла, точно. Но Ванька отличный парень, и оказывается очень любит эту стерву. Это видно невооруженным глазом. Они женаты, Ника беременна. И вот теперь одумалась и за-переживала, что аукнется ей прошлая стервозность. Ну а потом я закрутилась как обычно, сама знаешь – учеба, в доме дым коромыслом, все с Тимошкой носятся. И вот сегодня, где-то час назад звонит Соболева, и говорит, что столкнулась с тобой и Артуром. Интересуется, видите ли, что у вас сейчас. Снова отношения или как. Нет, ну ты представляешь до чего неугомонная?

От последних слов Лисы краснею как рак. Возмущение просто зашкаливает. Как я могла не заметить Соболеву на вечере? Впрочем, даже рада этому. Но почему там, где Артур, снова она появляется? А уж ее покаяние мне сто лет в обед не нужно! Пусть засунет его себе куда подальше!

– Ты чего молчишь, Василин? О чем задумалась? Может, снова заговор эти сволочи готовят? Якоб вокруг тебя оши-вается, Артур вот нарисовался... Ох, спокойно мне.

– Понятия не имею, – вздыхаю. – Ты права, надо было сразу Штаховского послать подальше. Но он умеет втираться

в доверие. Больше я его не подпущу.

– А про Артура что скажешь?

– Что тут говорить? Все в прошлом.

– А вдруг для него нет?

– Надеюсь, он оставит тогда свои желания при себе. Никогда не смогу снова ему поверить. И уж точно не позволю снова разрушить мне жизнь.

– Ох, и строгая ты... А я, наверное, хотя бы его выслушала.

– Да, помню, ты меня уговаривала, – слабо улыбаюсь сестре. – Ладно, я в душ.

– А я отрубаясь. Завтра моя очередь с утра возиться с Тимофеем. Нужно набраться сил.

– Спокойной ночи, сестренка, – улыбаюсь я. Обожаю проносить это слово. «Сестра». Меня поймет только тот, кто сам рос одним ребенком. Мне всегда отчаянно не хватало родного человечка рядом, несмотря на отца, который старался заменить всех...

В душе, помимо воли, растревоженные воспоминания возвращаются на три года назад. Права ли Лиза в том, что следовало выслушать Артура? Сегодня он выглядел таким остолбеневшим и несчастным, когда смотрел на меня. И таким безумно красивым, родным. Сердце, будь оно неладно, дрогнуло...

Зачем, ну зачем он был таким говнюком три года назад? Неужели обязательно было спорить на меня? Не понимаю...

Я ведь видела его глаза, его отношение ко мне... Разве можно так играть? Тогда, в школе, я не могла этого осознать и проанализировать. Едва услышав правду о споре – превратилась в маленького колючего ежа, который изо всех сил защищался от жизненных невзгод. Воспоминания о том, как Артур меня встретил в школе, как доводил, обижал, хватал за волосы, лишая возможности пошевелиться, жрали меня как дикие вороны. Клевали, вырывали куски плоти. Вот такая вот боль. Иссущающая, ни на секунду не прекращающаяся.

Сейчас я многое видела по-другому. Мы были детьми. Глупыми, наивными. Каждый играл в свою игру и думал лишь о себе. Но ведь Артур не сделал последний шаг, не сделал меня своей, хотя я умирала от желания чтобы это произошло между нами. И он хотел, я же чувствовала. Но сдержался. Теперь ясно, что сдерживала его эта постыдная тайна. Потому что подонком он не был. Чувства могут быть ненастоящими, но не близость.

А потом все разрушила Соболева... Или открыла мне глаза – это смотря с какой стороны посмотреть. Помолвка была, конечно же, враньем. Ее фантазиями. Может существовала в смутных планах... самой Ники, не больше. Но это лишь маленький камешек. Булыжником был спор. Именно он оборвал крылья Мотыльку, вернул на момент, когда в нее кидали капитошками. И спор выглядел в этой ситуации продолжением травли, только более жестоким и хитрым продолже-

нием... А чувства, в которые и так боялась поверить – фальшью от и до.

Глава 22

Как и решила, теперь я избегала Якоба. Поэтому, на день рождения к Наталье меня вез коллега-модель Олег. Красивый, накачанный бабник, который не уставал делать попыток залезть мне под юбку – как в прямом, так и в переносном смысле слова. Я бы и рада была упасть на хвост другому из приглашенных – пока моя машина в ремонте, или вызвать такси... Но была слишком занята чтобы озадачиться этим, в результате, когда Олег заехал за мной, сказав, что его попросила Наталья, без раздумий прыгнула к нему в машину. Но быстро поставила на место при первых попытках флирта. Я была слишком уставшей, чтобы разбираться еще и с этим.

Больше всего меня беспокоил другой момент. Я никому не озвучила свои тревоги: ни Наталье, ни Таисии (впрочем, с ней мы не созванивались вот уже неделю, я сознательно избегала сестру Артура). Держала свои мысли при себе и тонула в тревогах. Потому что отлично знала – дача Натальи расположена в том же поселке, что и дом Бурмистровых, в который однажды, привез меня Принц. Эти воспоминания были сладкими и горькими одновременно. У Натальи я бывала не один раз, ее дом располагался через несколько участков от Бурмистровых – так они и познакомились с Таисией. Сердце конечно замирало при мысли, что могу на Артура натолкнуться. Но сейчас, после нашей встречи такая вероятность

усилилась. И меня не могло это не беспокоить. Я тонула в чувствах, которые, кажется, возвращались. Принц стал другим. Я тоже. А проклятая химическая реакция на него лишь усилилась. И я не знала, как защитить себя от этого.

Гостей собралось довольно много. У Натальи был роскошный двухэтажный дом со множеством комнат, а у меня – даже своя личная – начальница на этом настояла. Туда я и отправилась переодеваться – стояла жара, многие гости купались в довольно большом бассейне, другие загорали на шезлонгах. Празднование было неофициальным, больше походило на шашлыки на природе. Абсолютно товарищеская обстановка. Возле огромного мангала хлопотал нанятый повар, в белом колпаке, белой футболке, черном галстуке и такого же цвета шортах, официанты в похожей униформе сновали между гостями. Но я была слишком уставшая, чтобы веселиться, дорога, своими вечными пробками, окончательно утомила меня. Мне хотелось немного вздремнуть. Главное, Артура среди приглашенных я не разглядела, значит можно быть спокойной. Зря я тревожилась, что Наталья может позвать его на день рождения. Наверняка он в городе, занят делами. Может восстанавливается в университет... Нужно копить защитные силы для встречи с ним именно там. Зато здесь могу сегодня вздохнуть спокойно – так наивно я успокаивала себя.

В комнату заходит Наталья. Обнимаю начальницу и поздравляю с днем рождения. Мой подарок довольно скром-

ный – французские духи, ее любимый аромат, который я привезла из Парижа, с последней фотосессии. Подруга выглядит растроганной.

– Яacob все-таки приехал, извини, малышка, – смущенно признается Наталья.

Иногда у меня закрадывается подозрение, что она неравнодушна к этому хитрецу.

– Меня это не интересует, абсолютно. – И это действительно так, ничуть не лукавлю.

– Если будет доставать – только скажи.

– Я уже большая девочка, спасибо, – улыбаюсь такой материнской заботе.

Я не сомневалась, что смогу справиться с Яacobом, он мало волновал меня. Да, немного разочаровал как друг, которому доверяла. Но не больше.

Наталья уходит, а я быстро переодеваюсь: платье в мелкий цветочек – васильки, собираю волосы в высокий хвост, и спускаюсь вниз. Огромный стол накрыт на веранде перед домом. Мне изо всех сил машет Олег – он уже занял мне место. Оглядываю собравшихся и замираю. Если сяду к Олегу – напротив меня окажется Артур Бурмистров! Поза вальяжная, рассматривает меня равнодушным взглядом. Мои переживания были не напрасны. Интересно, как занесло его в нашу компанию? Впрочем, глупый вопрос. Рядом с братом сидит Таисия. Она могла бы предупредить меня! Или Наталья! Киплю от негодования. Но если проигнорирую ра-

душное приглашение моего сегодняшнего спутника... Артур, Наталья, Таисия – все они поймут, что я испугалась. Еще раз оглядываю собравшихся и встречаюсь с лукавым блеском зеленых глаз Якоба. Он не машет, хотя место рядом с ним тоже свободно. Он лишь выразительно смотрит с едва заметной усмешкой. Змей! Во всей красе, не иначе. Вздергиваю подбородок повыше, посылаю извиняющуюся улыбку Олегу, и прохожу к Якобу.

– Подвинься, злой серый волк, – цежу сквозь зубы.

– Вижу, все еще дуешься на меня. – Тихо говорит мне на ухо. – Но я польщен, что меня выбрала. Только не приставай слишком нагло. Не хочу снова по морде от Бурмистрова получить.

– Не забывайся, – ставлю нахала на место. – А то и от меня огрести можешь.

– Повинуюсь, Принцесса. Могу я поухаживать? Что вам положить?

* * *

У всякого притворства есть границы, и кажется сегодня я достигла своего предела. На протяжении всего застолья старалась выглядеть беззаботной, непринужденной, смеялась над каждой шуткой Якоба (а он и правда умел пошутить, и в этот день был особенно остроумен). Короче, делала все на показ и ненавидела себя за это. Но не могла иначе. Артур не

сводил с меня взгляда несколько часов подряд. Ничего не ел, и, кажется, медленно напивался. Таисия озабоченно поглядывала на брата, что-то шептала ему на ухо... Каюсь, я наблюдала украдкой, бросала мимолетные взгляды. Этот мужчина по-прежнему манил меня, как огонь притягивает мотылька. И я ничего не могла с этим поделать. Точнее, пока – могла. Я тоже налегала на шампанское, и вскоре мне было на самом деле весело, и чем тяжелее становился взгляд Артура, направленный на меня, тем сильнее я хихикала. Впрочем, на спиртное налегали все. Компания оказалась шумной, веселой и креативной – после еды пошли какие-то игры, соревнования, фанты. Мы с Якобом участвовали почти везде. Вот кто почти не пил, так это Штаховский. Он словно нянька не отходил от меня ни на шаг, следил за каждым движением. Был ужасно мил и предупредителен.

Потом было вечернее чаепитие. От подвижных игр на свежем воздухе почти весь алкоголь из меня выветрился, немного болела голова. Я спросила у Натальи про аптечку и отправилась на кухню. Начальница, в свою очередь, попросила меня захватить оттуда клубничный штрудель. Обслуживающий персонал к этому времени уже уехал.

Выпив таблетку, достаю еще теплый штрудель из духовки, выкладываю на блюдо, отыскиваю на полке сахарную пудру, щедро посыпаю пирог. Подумав немного, добавляю несколько ягод свежей клубники, и веточки лайма. Не знаю, почему именно в этот момент во мне проснулась тяга к дизай-

ну. Возможно, просто хотелось побыть одной. Машинально замачиваю в раковине противень. Начинаю мыть его, не отдавая себе в этом отчет. Хлопоты на кухне всегда помогают мне отвлечься. Встаю на табуретку, чтобы вернуть на место сахарную пудру, и в этот момент за спиной раздается голос Артура.

– Не помешал?

Мне стоит огромных усилий не свалиться с табуретки. С ужасом думаю, что платье достаточно короткое, и Бог знает, какой вид открывается сейчас перед Бурмистровым. Я сквозь землю готова провалиться!

Оборачиваюсь, холодно оглядывая непрошенного гостя.

– Что тебе здесь нужно?

– Ты не слишком гостеприимна. – Артур протягивает мне руку. Тоже мне, рыцарь нашелся. Игнорируя этот галантный жест, неуклюже слезаю сама.

– Что ты здесь делаешь? Пирог испечь решила? Помочь?

– Мне не нужна твоя помощь. Ни в чем. И я не пеку. Всего-лишь выложила пирог на тарелку.

– У тебя кончик носа в муке, – не обращая внимания на мою холодность, Артур протягивает руку к моему лицу, но я уворачиваюсь.

– Наверное это пудра... пирог посыпала... – бормочу смущенно, делая шаг назад. Беру салфетку и вытираю лицо. От мысли что Артур едва не прикоснулся ко мне, все тело покрывается мурашками. Он нестерпимо волнует меня. Едва

вошел, кухня словно уменьшилась в размерах.

Артур бросает на меня внимательный пристальный взгляд, точно сканером проходится. Затем делает несколько шагов и подходит вплотную.

– Я тебя смущаю? Пугаю? – спрашивает мягко. Его теплое дыхание ласкает мне щеку. – Почему? Неужели ты до сих пор зла на меня? Я думал ты все позабыла... И больше не болит.

– Нет, не смущаешь, не пугаешь, не болит, – тараторю низким приглушенным голосом. Но это ложь. У меня все болит от этой неожиданной близости к нему. Нет сил отвечать на его вопросы. Правду все равно не смогу сказать, а ложь – противна. – Мне нужно отнести пирог, пропусти, пожалуйста. Поворачиваюсь к столешнице, чтобы взять блюдо, но сильные руки сжимают мои предплечья. Чувствую дыхание Принца на своем затылке. Глубокое, тяжелое. Он подошел вплотную, грудной клеткой прижался ко мне... кажется, он возбужден. Паника накрывает меня с головой.

– Убери руки! – напрягаю плечи, пытаюсь оттолкнуть его, но грудь Артура неподатлива, как ствол дуба.

– Мы должны поговорить, Мотылек, должны... – Он резко замолкает и убирает руки. Его капитуляция настолько неожиданна, что я чуть не падаю. Разворачиваюсь к нему, собираясь потребовать объяснений. Что это за внезапная игра, прилив ностальгии, или что там еще? Как он смеет снова играть с моими чувствами? Но слова застревают в горле, когда вижу взгляд Бурмистрова – полный глубокой тоски. Мы

стоим неподвижно и тишину разрывает только наше отрывистое дыхание.

Артур стоит, не произнося ни слова, склонив голову и пытливо вглядываясь мне в лицо. Застыв, вслушиваюсь в звук его дыхания, разглядываю его лицо, впервые с момента встречи не таясь, не скрывая интереса. Темный загар покрывает его лицо, словно он только вернулся из какой-нибудь жаркой страны, типа Египта. Мелкие морщинки в уголках глаз – словно за три года Принц повидал полжизни. Или так тосковал без меня? Как бы мне хотелось в это поверить, но разве смогу? Бурмистров, в свою очередь не сводит взгляда с моего лица. Так и стоим, дыша в унисон, словно слившиеся в единое целое. Облизываю пересохшие от напряжения губы – Артур следует взглядом за этим движением. Мы стоим слишком близко друг к другу. Я почти слышу, как бьется его сильное сердце. Почти ощущаю теплый мужской запах его кожи. Меня начинает колотить – настолько потрясена тем, что все это так меня волнует. Как огромно желание наклониться к нему еще ближе. Вдохнуть его запах полной грудью. На глаза набегают слезы. В безотчетном порыве остановить их, поднимаю руку, и совершенно случайно задеваю пальцами ладонь Артура. Едва заметное прикосновение, но в тот же миг, где-то в животе, словно светлячки, начинают пульсировать горячие искорки.

Миг заряженной электричеством тишины.

– Ты ничего не забыла. Теперь я это знаю.

В эту минуту у меня нет сил на отрицание, хотя в душе кричу, что он не прав. Ему хочется так думать. Хочется навсегда остаться принцем для меня, понимаю. Но все это в прошлом. Он должен уяснить. Вот только как? Как убедить его в этом? Если он до меня и пальцем не дотронулся, а я уже с ума схожу, мучительно ощущая его тело, его жар и твердость. Собрав последние остатки самообладания, притворяюсь спокойной, равнодушно произношу:

– Наверное, ты заблудился? Как забрел на кухню? Уж точно не твоя территория.

– Почему ты так решила? Может, я следил за тобой? Не кажется, что у меня есть на это причины? Хоть ты явно другим женщиной заинтересована... я ничего не забыл. Все еще помню, что было между нами. Есть то, о чем мы не договорили...

От его глубокого вкрадчивого голоса мое тело пронзают тысячи игл.

– А я не помню, уж прости. Все забылось, столько времени прошло. Если хочешь, можем друзьями быть...

– Очень хочу.

– Только друзьями, не больше, – вырывается у меня, и тут же краснею, понимая, как глупо звучит это уточнение. Чувствую себя идиоткой. Тем более что Бурмистров стоит и тихонько посмеивается надо мной. А я могу лишь стоять, как воды в рот набрала, ненавидеть себя за порывистость, за глупость, и в то же время осознавать, как же соскучилась по его

смеху, его улыбке. Теперь он совершенно неотразим. Интересно, мне показалось, или в его смехе чувствуется изрядная доля горечи? Можно ли даже на секунду предположить, что он сожалеет, страдает по мне? Эти вопросы невольно проносятся в голове. Но тут же отбрасываю опасные мысли, и пытаюсь прошмыгнуть мимо.

– Мы еще не закончили разговор, – хмурит брови Артур. – Не отпущу, не надейся.

– Я не хочу больше разговаривать, – отвечаю тихо, но твердо. – Можешь попробовать силой удержать, но ничего хорошего из этого не выйдет.

– Хорошо... Силой держать не буду, – вздыхает Артур. – Но ты забыла пирог... давай я помогу тебе? Хоть это мне можешь позволить.

– Да, сам его принеси, гости заждались наверняка. – И я проскальзываю мимо. Артур отталкивается и отступает в сторону, выпуская меня из кухни. Я не останавливаясь ни на минуту, бегу на второй этаж, и прихожу в себя лишь в своей комнате. Сердце бешено колотится. Я понимаю, что снова проиграла.

Интересно получается – за столом мне казалось, что Артур напивался, сколько не кидала взгляд – всякий раз он был с бокалом в руке. Но когда разговаривали, когда чувствовала его дыхание – в нем едва угадывался алкоголь. Бурмистров показался мне абсолютно трезвым. Зато, когда выбежала из кухни и вернулась к гостям – моему взору предстал пья-

ный, буквально в стельку, Штаховский. И когда успел только? Весь вечер почти ничего не пил!

– О-о, детка, ты верну-улась, – пропел пьяным голосом Якоб, как только увидел меня.

– Я и не пропадала. Всего лишь ходила на кухню.

– И там тебя ждал...

– Пирог.

– Врушка, – зло выплевывает Якоб. – Значит, снова-здáрова, да, Скорос? Крылышки по огню соскучились? Понимаю... Бывает, сам немного к садо-мазо склонен. Но такого как Артур «садо» я тебе не дам, конечно. Слишком люблю...

Произнеся последнее слово, Якоб роняет голову в ладони, и засыпает в такой позе за столом. А я стою ошарашенная. Это что сейчас такое было? Штаховский мне в любви признался? С чего это вдруг? Мир, похоже, сошел с ума. А я не успела к этому подготовиться...

Отыскав Наталью, говорю ей, что, наверное, домой поеду. Пускай почти полночь. Мне не по себе находиться в такой опасной близости к Артуру... да и Якоб тревожит. Его «люблю» не выходит у меня из головы. Но начальница отговаривает меня.

– Зачем эти глупости, Василин? У тебя здесь своя комната. Экзамены ты сдала, работа, съемки – только на следующей неделе. Я думала, погостишь у меня подольше. Недельку... Ну или хотя бы несколько дней. Отдохнешь, выспишь-

ся. Воздухом свежим подышишь. Жару обещают, зачем тебе в город-то рваться? Тем более, отдых ты как никто заслужила.

– Даже не знаю... Что мне делать здесь?

– Отдыхать, я же сказала. Понимаю, ты не привыкла к такому... вечно чем-то занята, учишься, работаешь, дома помогаешь. Но надо иногда и о себе подумать, детка. Поплаваешь завтра в бассейне. Потом погуляем по округе, в лес сходим, воздухом подышим. Да в конце концов, просто в шезлонгах поваляемся, позагораем. Отоспишься на неделю вперед. У тебя ведь сложные съемки на следующей неделе.

Но я все еще сомневаюсь. Наталья нарисовала прекрасную перспективу отдыха. Меня смущало одно – Бурмистров и близость дачи его родителей.

– Ты про Артура думаешь? – ошеломляет своей пронизательностью подруга. – И это тоже повод остаться! Решить раз и навсегда эту проблему.

– У нас нет с ним никакой проблемы.

– Для себя решить, Василин. Примириться с прошлым.

Я понимала, что Наталья права. Глупо прятаться от Артура – это лишь показывало, что я не отпустила прошлое. Но я ведь отпустила. Смирилась. Простила Принца. Не осталось ни обиды, ни злости. Вот только как показать это – я не знала. Как вести себя с ним? Потому что каждое мое слово, продиктованное смущением, понималось как обида. Наверное, нам нужно сесть и спокойно поговорить. Я объясню Артуру,

что прошлое осталось далеко позади. Вот только как убедить его в этом... если все ощущения, от взглядов, прикосновений, вернулись? Оказались прежними? Все та же безумная химическая реакция...

После разговора с Натальей я признала ее мудрость и с благодарностью приняла приглашение погостить на даче несколько дней. Остаток праздника я не расставалась с именинницей. Помогала вызывать такси подвыпившим гостям, некоторых размещала в свободных спальнях. Увидев, как Артур вместе с сестрой покидает территорию, все равно вздохнула с облегчением. Я поговорю с ним. Но только не сейчас...

Когда двор опустел, спать мне почему-то расхотелось. Почти час ночи, никогда не позволяю себе ложиться так поздно – утренние лекции, или ранние съемки не дают возможности разрешить себе такую роскошь. И вот сегодня вдруг нестерпимо захотелось насладиться ночной тишиной, звездным небом, бархатным теплом весны.

Но чьи-то шаги нарушают тишину. Оборачиваюсь и вижу Якоба. Он все еще пьян, это видно по походке.

– Скорос? – удивленно спрашивает, увидев меня. – Что тут делаешь так поздно?

– Гуляю.

– Ждешь кого-то? Знаю, что ждешь.

– Не начинай, Штаховский! Не беси меня, никого я не жду!

Мое сердце бешено колотится. Вроде и не боюсь, но чувствую, что не стоит сейчас оставаться с Якобом наедине. В отчаянии бросаю взгляд на дверь.

– Нет, мышка, на этот раз не отпущу.

Якоб резко хватает меня за запястье и дергает на себя. Наклоняется ко мне так близко, что чувствую на губах его дыхание.

– Сейчас же отпусти, – цежу сквозь зубы. Страх нет. Только бешеная ярость. – Убирайся, Штаховский!

– Нет. Ни за что. Тут интереснее. – Якоб кладет руки мне на плечи. Медленно передвигает их ближе к шее. Дотрагивается до нее. От прикосновения его горячих пальцев, ласкающих мою шею с какой-то бесконечной нежностью, столбенею. Дыхание прерывается. Нет сил даже слово произнести. А руки Якоба все скользят по чувствительной коже, вызывая дрожь во всем теле.

Всхлипываю с отчаянием. Не знаю, что делать. Он не груб, его прикосновения приятны, но в то же время, это насилие. Закричать? Разбужу весь дом, перепугаю гостей... Штаховскому конечно от Натальи достанется, хоть и любимчик ее. Но отчего-то закричать не получается. Поэтому снова всхлипываю. И кажется это останавливает Якоба. Он убирает руки.

– Прости, Скорос, я настоящий грубиян, – произносит он с раскаянием.

– Ты п-пьян. Тебе нужно пойти спать. А мне лучше вер-

нуться к себе в комнату.

– Конечно лучше. Но я не могу отпустить тебя. И нечего смотреть так, словно я сатана, заточивший тебя в своем аду. Не бойся, ангел. Я постараюсь сдержать свои темные инстинкты.

– Ты не уверен, что сможешь? Тогда будь готов и к тому, что мне придется закричать...

– Кричи, малышка. Как можно громче. – Якоб наклоняет лицо ко мне, собираясь меня поцеловать. От него пахнет спиртным и туалетной водой. Совсем другой, отличный от Артура запах... О Боже, неужели я обречена всех сравнивать с Принцем, всю жизнь? Не хочу этого... не должна допустить... И я отвечаю губам Якоба, вопреки всему. Здравому смыслу. Собственным убеждениям. В невольном порыве обнимаю его за шею, это безрассудство, безумие, но мне всё равно. Якоб на миг замирает, отодвигается от меня на полшага, ошеломленный, не верящий в происходящее. А потом с тихим стоном прижимается к моим губам. Его поцелуй горяч и настойчив. Я так давно не чувствовала прикосновения мужских губ... Голова кружится, я одурманена. Язык Якоба прикасается к моему, его руки гладят мой затылок. Мне так хорошо, так нестерпимо приятно, что это пугает. Уж точно не хочу иметь ничего подобного с Якобом. Тогда что вытворяю? Ненавижу свой поступок, но как же трудно прервать поцелуй. Настоящая ломка. Наконец мне это удастся. Отрываюсь от возбужденного Якоба. Кажется, я завела его не на

шутку. Даже говорить не может. Это Якоб-то, у которого всегда и на все готов ответ, шутка, или язвительный подкол. Но сейчас он просто стоит, тяжело дышит, сжимает и разжимает кулаки. Опускаю взгляд на его ширинку. Наверное, я стала ужасно испорченной, раз смотрю туда... Но явное свидетельство того, что возбудила парня... Якоб ловит мой взгляд.

– Я хочу тебя, Скорос. Ты это хотела узнать? Могла бы спросить...

Ничего не отвечая, убегаю в дом. Запираю дверь в комнату. И с ужасом думаю, как буду разгребать то, что сейчас натворила.

* * *

Спала я ужасно, всю ночь как веретено ворочалась в кровати и вспоминала поцелуи с Якобом. Что теперь делать? Как вести себя с ним? Это единственный мужчина на земле, которого мне стоит избегать, даже больше чем Артура. А я целовалась с ним! И самое ужасное – мне понравилось. Это странно, невероятно. Как можно улететь в небеса от поцелуя с парнем, который тебе даже не нравится? О котором ты ни разу в жизни не думала в романтическом плане. И была уверена, что и он тоже воспринимает лишь как подругу. Ведь с Артуром его связывает давняя и крепкая дружба. Оказаться причиной их ссоры я хотела меньше всего на свете.

Задремав под утро, в результате проспала почти до обеда.

Спускаюсь вниз. На кухне Наталья, Якоб и еще пара человек. Здороваюсь, делаю себе кофе и сажусь возле окна.

– Я тебя подвезу, Василин, – обращается ко мне Якоб. – Когда собираешься ехать в город?

– Спасибо, не надо.

– Послушай...

Взглядом показываю Штаховскому, что сейчас не время и не место обсуждать наши отношения.

– Спасибо, но я сама доберусь.

– Якоб, не настаивай, – вмешивается в наш спор Наталья. – Девочка устала, она немного позже приедет. Сама ее отвезу.

– Ну хорошо, – смиряется Штаховский. – Может тогда проводишь меня до машины? Мне правда очень нужно тебе пару слов сказать, Василин.

– Хорошо.

Мне совершенно не хочется слушать Якоба. Но так он быстрее уедет.

Стоим возле его автомобиля, но разговор все никак не начинается.

– У меня вообще-то планы... – начинаю нерешительно.

– Да, конечно, прости. Слушай, я вчера такой дурак был...

– Ага. Видимо ты после бухла всегда такой, – улыбаюсь, но Якоб серьезен.

– Я прощения хочу попросить. Обидел тебя вчера. Напугал...

– Я не из пугливых, забудь. Все нормально.

– Значит, могу надеяться, что из-за моей глупости мы не поссоримся?

– Нет конечно. Все давно забыто.

– Я очень рад, Скорос. Ты ведь ненадолго здесь? Вечером приедешь в город?

– Не знаю, а что?

– Не, тут Бурмистровых дача неподалеку.

– И что?

– Сама знаешь.

– Это глупо, Якоб. Я не собираюсь встречаться ни с тобой, ни с Артуром. И давай навсегда закроем эту тему.

– Ложь. Сама себя обманываешь. Ты будешь с одним из нас. И он, и я – глотки друг другу будем рвать...

– Перестань! Не смей так говорить! Значит, выберу третьего.

– Зачем? Почему ты такая упрямая. Никто не будет любить тебя сильнее.

– Что за чушь! Ты этого не знаешь. Что за внезапное чувство тебя посетило, Якоб? Любовь к соревнованиям? Конкуренции? Ты мне омерзителен!

Якоб бледнеет.

– Это не так. Я... просто не успел сказать тебе, признаться... до того как вернулся Артур. Может я сука последняя, но иногда надеялся, что он вообще оттуда не вернется...

– Откуда? Якоб!! Откуда не вернется?

– Из Афгана, – нехотя признается Штаховский. – Бурми-
стров как кур в ошип попал, досталось крепко. Но живучий,
как видишь, вернулся. Сейчас возможно снова на задание
поедет. Только не верь ему, Скорос, умоляю. Он же обманул
тебя однажды.

Ничего не отвечая, разворачиваюсь и бреду к дому. Мне
вдруг так страшно стало... как никогда в жизни не было. Я
столько копила в себе обиду, носилась с ней, лелеяла. В то
время как Артур рисковал жизнью. Он мог погибнуть, а я бы
ничего не знала.

* * *

После обеда один из парней, так же оставшихся на даче,
пригласил меня прокатиться по окрестностям на его мото-
цикле. Я немного удивлена – мы едва знакомы. Егор не из на-
шей компании, не модель, оказался здесь случайно. Объяс-
нил – его сюда привез старший брат Артем. Стало ясно: Ар-
тем Соколов – парень, с которым на данный момент встреча-
лась Наталья. Любила она молоденьких мальчиков, что греха
таить. Егор оказался очень интересным собеседником, лю-
бил кино, литературу. Мы болтали несколько часов лежа в
шезлонгах возле бассейна.

– Поехали, Василин, – уговаривает меня Наталья. – Разве-
мся, прокатимся. Думаешь, я не боюсь? Старая кошелка на

мотоцикле – так соседи скажут. Только мне плевать на них, знаешь! Я обожаю этих железных коняшек с юношества. У нас была совершенно чудовая компания в этом поселке. Гоняли на байках с утра и до вечера.

– Значит эта дача у тебя с самой юности?

– Да я можно сказать родилась здесь и выросла. Только все уже не то... и я не та безбашенная девчонка. Но помечтать-то можно, правда? Поехали, Василек. Артем и Егор отлично ездят, ничего не бойся.

Так я позволила себя уговорить. Егор останавливает мотоцикл рядом со мной.

– Едем, Василин? – улыбается мне.

Киваю, он заводит байк и я забрасываю ногу на седло позади, обхватываю широкие плечи. Тут вижу еще один мотоцикл, приближающийся к нам и холодею. Артур!

Егор выжимает сцепление, прыжком стартуем, набираем скорость, и я крепче вцепляюсь в спину сидящего передо мной парня. Зачем приехал Бурмистров? Чего добивается? Вчера ночью я приняла решение откровенно поговорить с ним. Но не ожидала, что наша встреча произойдет так скоро и так неожиданно.

Егор выезжает на центральную дорогу поселка, увеличивает скорость. Бурмистров не отстает, следует за нами по пятам, это уже похоже на погоню. Мои ладони влажные от напряжения. Не понимаю, зачем он это делает? Чего хочет добиться? Сердце колотится как сумасшедшее. Чувствую, что

Егор тоже сильно напряжен – видимо понял, что за нами погоня. Кажется, Наталья и Артем отстали от нас. А может и вовсе потеряли. Лучше остановиться – мелькает мысль. Кричу изо всех сил, чтобы мой знакомый притормозил, дергаю одной рукой за куртку, холодея от мысли что могу сейчас свалиться.

К счастью, Егор понимает, чего хочу от него. Останавливает мотоцикл. Соскакиваю и поворачиваюсь к преследователю, тоже затормозившему неподалеку.

– Ты ненормальный! Чего добивался? Чтобы мы разбились? Придурок! – ору в истерике. Бросаюсь с разбегу на Бурмистрова, колочу по его груди, рукам. Пережитый страх выбросил в кровь столько адреналина, что от моего натиска Артур чуть не падает. Он выглядит бледным и очень расстроенным. Если не сказать испуганным. Словно только в эту минуту понял, что натворил. Видимо поняв, что останавливаться и прекращать свои нападки я не собираюсь, Бурмистров хватает меня за руки, сгребает в кучу и прижимает к груди.

– Прости Мотылек. Я и правда придурок конченный. Даже не подумал о том, что напугать могу. Не думал ни о чем, просто следовал за тобой.

– Мы м-могли разбиться, – всхлипываю ему в грудь.

– Что это за парень? – резко спрашивает Артур.

Отлично. Минута раскаяния и снова включаем привычный режим пещерного человека.

– Знакомый! Это важно? Я могу кататься с кем хочу.

– Можешь. Но мне это не нравится, – вздыхает Артур. –

Пожалуйста, разреши мне отвезти тебя обратно.

Когда он говорит вот таким вот просящим тоном, ничего не могу с собой поделать. Таю...

Глава 23

Ров Артур

Не нужно было ходить на чертов день рождения, но Таисии сложно сопротивляться. Я не понимал, зачем сестра тащит меня туда. Сама ведь все твердила что от Мотылька я должен держаться подальше. Так что, получается, в одно мгновение передумала?

Мы оба понимали, что Василина будет там. Не знаю на что рассчитывала Таисия. Я же просто знал, что не смогу устоять и не подойти к девушке, которую так и не смог забыть за эти годы. И что это разозлит ее. В Василине не осталось ничего от прежнего Мотылька. Почти ничего. Холодная, уверенная в себе красавица, которая разбила уже не одно мужское сердце. Штаховский лебезил перед ней, аж смотреть было тошно. Никогда не видел, чтобы Якоб настолько стелился перед девчонкой. Я бы посмеялся. Если б сам не мечтал быть на его месте. Сидеть рядом с ней за столом, весело болтать о чем-то, смеяться, спорить. Каждая деталь – нож в сердце. Черт, да что ж так больно то, а? Словно я сам девицей стал, мечтательницей, влюбленной по уши. Надо срочно отвлечься. Бабу какую-нибудь себе найти. Ты же умеешь, Бурмистров. Разбитое сердце вылечить нельзя, но обезболить – запросто. Алкоголем и доступными телками. Покажи ей, что тебя тоже хотят, что тебя тоже могут обожать

и вожделеть. Конечно, не так как Мотылька. Она собрала вокруг себя целую команду. Мужики наперебой старались поухаживать, угостить, рассмешить. Привлечь внимание любым способом. А она царственно непринужденно принимала все эти знаки внимания... и оставалась недоступной королевой. Недостигаемой мечтой. И как у нее это получалось? Кто научил? Кто настолько сильно изменил мою простушку? Или она никогда не была простой и лишь притворялась?

Как же мне хотелось подойти к ней. Но Таисия, как цербер следила за каждым моим шагом. Наконец мне повезло – у сестренки разболелась голова и она отправилась восвояси. Я проводил как послушный ребенок старшую сестру, уверил, что тоже ложусь спать... и отправился обратно. Мотылек манила меня.

Я нашел ее там, где меньше всего ожидал. На кухне. Она мыла посуду. С ума сойти... Больше занятия не нашла себе. Наблюдаю, стараясь не дышать, как она хлопчет у плиты, настоящая домохозяйка. Или хорошая актриса. Ведь модели посещают курсы актерского мастерства? А Мотылек всегда была прилежной ученицей, во всем...

Василина достает противень из духовки, с наслаждением вдыхает аромат свежее выпеченного пирога... Потом буквально птицей вспархивает на стул, что-то ищет на верхней полке. Застываю статуей. Заворожен ее изящными движениями. Охвачен безумной тоской по всему, что воплощает в себе эта девушка. Воспоминаниями. Сладкими. Горькими. На-

шими...

А потом она замечает меня и мне сносит крышу. Вроде протрезвел давно, а теперь снова пьян. Окутан ее запахом, таким знакомым, родным, и в то же время новым, неведомым. Она злится, старается избежать разговора со мной. Но чувствую – все еще волную ее. Между нами все еще есть притяжение, то самое, невероятное, сумасшедшее, что снесло мне крышу напрочь в последнем классе школы. Я хочу ее поцеловать. Эта мысль бьется в голове молотом, вышибает последние мозги напрочь.

Но Мотылек снова закрывается от меня, от нашего прошлого, которое, я чувствую, уверен в этом, еще не похоронено в ее сердечке. Но она зачем-то запечатала его за семью замками. Запретила себе... мне... надеяться на счастье.

Провожая взглядом, когда выбегает из кухни. Возможно, это все мое воображение, но на минуту Василина оглядывается на меня, и я успеваю заметить сожаление в ее глазах. Словно уходит против воли. Или это лишь моя буйная фантазия?

Которая не дает мне покоя всю ночь. С ума схожу от мысли что она ночует в одном доме со Штаховским. Внутри все горит, ворочаюсь на кровати веретеном, встаю еще затемно – нормально уснуть так и не удалось. Я должен поговорить с ней, не успокоюсь пока не увижу, не услышу голос ее. Брожу все утро по окрестностям, как привидение, понимая, что не могу прийти в чужой дом в такую рань. Потом как назло от-

влекает Таисия – должны приехать родители, просит отвезти ее за продуктами в ближайший супермаркет. В результате к Мотыльку отправляюсь уже после обеда. Чтобы увидеть, как садится на байк к незнакомому парню. Меня накрывает волной ярости. Ревность раздирает нутро, гоню за ними, не думая ни о чем. Хорошо, что парень оказывается умнее, и останавливается, иначе неизвестно чем могла закончиться эта гонка. Мотылек права, я придурок. Полностью это осознаю, когда разъяренной тигрицей набрасывается на меня.

Но даже эти прикосновения, ее кулачки, бьющие по груди – безмерно приятны. Прошу прощения, и кажется, Василина немного успокаивается. Привлекаю ее к себе, и она затихает.

Отвожу Мотылька домой – чувствую, что она вымоталась, устала. Не готова к разговору. Но и прогонять меня больше не пытается. Значит, я приду завтра.

Ров Василина

Третий день пребывания на даче был еще жарче. Солнце палило нещадно, как будто сейчас разгар июля, а не май. Из гостей остались лишь несколько человек, самые близкие друзья Натальи, Артем. Кажется, снова затеяли шашлыки.

Егор уехал сразу после нашей неудачной прогулки. Вернувшись на дачу, возле которой Артур высадил меня, и тут же ударил по газам, скрывшись из виду, я заперлась в своей комнате. Наталья пыталась вытянуть меня на разговор о произошедшем, но я не хотела говорить об этом. Весь остаток дня я пыталась сосредоточиться на учебе – впереди было

еще несколько экзаменов. Но мысли все равно возвращались к Артуру.

Хорошо, что возле бассейна сейчас ни души. Мне отлично видно в окно. Поэтому, решаю воспользоваться случаем и окунуться перед обедом. Сбрасываю одежду и надеваю бикини. Не терпится оказаться в воде, так странно, ведь еще несколько лет назад я не умела плавать. Но с тех пор многое изменилось.

Спускаюсь вниз, и, поздоровавшись со знакомыми, ныряю в бассейн. Вода прохладная, но такую и люблю – просто чудесная. Проплываю несколько раз туда и обратно, и наконец, чувствуя себя совершенно опустошенной, опускаюсь в шезлонг у бассейна.

Я и не заметила, как задремала, не смотря на доносящуюся из-за дома музыку и шум голосов. Неделя выдалась очень утомительной, я катастрофически не высыпалась, думала на даче отдохну и буду спать по 10 часов, но увы... Якоб, Артур, запутанная ситуация с обоими лишила меня сна.

Просыпаюсь, неожиданно почувствовав, как кто-то опустился на соседний шезлонг. Почти бесшумное, едва уловимое движение, но меня как подбросило. Чуть приподнимаю веки, чтобы увидеть кто нарушил мой покой, ожидая отчего-то увидеть Якоба. Это в его стиле – подкрасться с кошачьей грациозностью. Но вижу перед собой лицо Артура, не в силах понять, грежу ли наяву или просто сплю...

Кроме старых джинсов, низко спущенных на бедрах, на

нем ничего нет... И осознание этого почти лишает меня возможности сделать вдох. Артур все еще не заметил, что я проснулась. Он очень внимательно, пристально, с какой-то дикой жадностью разглядывает меня. Внутри все переворачивается от этого взгляда. И тут Артур понимает, что тоже наблюдаю за ним. Воздух между нами становится вязким, плотным. Кажется, протяни руку, и она застрянет в этом вакууме напряжения. Тишина буквально звенящая, все голоса, звуки, доносящиеся с противоположной стороны дома – исчезают. Мы совершенно одни. Артур подается вперед, к моему шезлонгу и нависает надо мной.

Его широкая грудь почти касается моей кожи. Как же трудно дышать. Жар, исходящий от Артура, неповторимый запах его кожи, такой знакомый, из прошлого, и в то же время такой далекий. Это уже далеко не тот Принц, к которому я столько времени копила обиды. Рельефные накачанные мышцы рук, выпирающие, точно канаты, вены, крепкие крупные ладони по бокам от моей талии – все свидетельствует об огромной силе, невероятной выносливости и агрессивной мощи.

– Зачем... – все, что успеваю пролепетать, прежде чем настойчивые губы закрывают мой рот поцелуем. И я улетаю... Растворяюсь в восхитительном ощущении полной невесомости. Я словно вернулась на несколько лет назад. Нахожусь в машине любимого, он учит меня, отчитывает за непослушание и невнимательность, а я заглушаю его претензии поце-

луем.

Безотчетным движением запускаю руки в его волосы, по привычке, забыв о том, что Принц уже носит другую прическу. Короткий ежик немного отрос с момента, как я видела Артура на приеме. Но ни в какие сравнения не идет с прежними локонами.

Но мой призрак из прошлого слегка отстраняется, прерывая поцелуй. Внимательно смотрит на меня. Затем отрывает ладонь от шезлонга и осторожно касается указательным пальцем моей щеки. Это трепетное касание, и предательская вспышка нежности в ответ, ужасают меня. Делаю попытку оттолкнуть его руку, но Артур хватает за запястье и подносит мою ладонь к губам. Застываю от неожиданности. Столько нежности в этом жесте, столько покаяния. Рука Артура скользит по шее, указательный палец касается моей щеки. Бесконечно трепетное прикосновение, его палец проходится по линии губ, потом проскальзывает в рот, ласково пробегается по зубам. Не могу пошевелиться, даже если бы захотела, но я не хочу. Снова закрываю глаза, отдаваясь этим нежным прикосновениям, принимая их, впитывая.

Рука Артура спускается ниже – накрывает мою левую грудь. Вздрагиваю от этого прикосновения. Понимаю, что нужно оттолкнуть, дать пощечину, закричать, но я как застывшая статуя. Только внутри клокочет вулкан. Из груди вырывается стон, когда, отогнув край купальника, Артур начинает ласкать мою грудь. Желание, которому невозможно

сопротивляться, накрывает горячей волной. Только бы он не останавливался, только бы его пальцы продолжали ласкать, исследовать, пробираясь в самые сокровенные уголки, обла-
дать...

Мой судорожный вздох вызывает у Принца улыбку. Ласково посмотрев на меня сверху вниз, он шепчет:

– Опыта у тебя не больше чем в шестнадцать лет.

Сухо смеюсь в ответ, ничего не отвечая. Ведь он прав. Никакого опыта. Позорище! В девятнадцать лет все еще девственница и все еще грежу о Принце! Можно ли быть более жалкой неудачницей?

Рука Артура скользит еще ниже, в трусики-бикини. Задыхаюсь от волны возбуждения, накрывшей меня с головой, в которой еще немного – и рискую захлебнуться. Ощущение, что не могу дышать, воздуха не хватает, немного отрезвляет. Стискиваю его руку, отталкиваю.

Что же я позволяю с собой делать? Это какое-то безумие! Упираюсь руками в грудь Артура, пытаюсь оттолкнуть его, разорвать сковавшее нас объятие.

– Пусти!

– Но почему, Мотылек? – тяжело дышит мне в лицо. – Ты же хочешь меня. Всегда хотела. Помнишь, как умоляла когда-то? Почему мы должны ненавидеть, сопротивляться, если чувствуем совершенно противоположное? Мы должны поговорить. Здесь не самое удобное место, но мы могли бы подняться к тебе в комнату... или пойти ко мне.

– Никуда мы не будем подниматься! – тщетно пытаюсь вырваться.

От яростного взгляда пронзительно серых глаз, можно превратиться в пепел.

– В какие игры ты опять пытаешься играть? – Принц больно сжимает мои руки. – Сначала принимаешь, отвечаешь, а теперь... Я по-твоему мальчишка для игр? Отомстить хочешь? За прошлое?

– Нет. Никакой мести... О чем ты говоришь, – я искренне возмущена. – Ты первый подошел.

– Но ты меня хотела... приманила.

– Нет!!!

– Но не предпринимала попыток остановить меня, – резко перебивает Артур.

– Это было слишком неожиданно. Прости, что невольно ввела тебя в заблуждение, но я не собираюсь с тобой спать.

Последняя фраза вырывается прежде, чем успеваю остановить себя. Лицо горит от смущения. Зато Принцу, кажется, весело, успеваю заметить промелькнувшую на его лице улыбку:

– Ты возможно удивишься, но похоже неправильно поняла меня. Я и сам не планировал сейчас спать с тобой. Только поговорить.

Какое-то время Артур молча изучает мое лицо, словно прикидывая, как поступить.

– Что на самом деле означает твое поведение? Еще одна

игра? Мечь?

Мне удается натянуто рассмеяться.

– Мечь? За что? Что ты сделал такого, чтобы тебе мстить?

– Василина, я... Мне очень жаль, что тогда, три года назад все так получилось. Ты неправильно все поняла, а я... Ты не дала мне объяснить.

– Возможно. Только теперь этих объяснений мне не надо. И запомни, то что однажды я позволила тебе залезть мне в душу – не значит, что ты можешь повторять свои попытки и впредь.

– Это из-за Якоба? Вы теперь вместе?

– Это не твое дело. С тобой у меня нет ничего общего. И если ты хочешь вспомнить молодость, школьные победы, юношескую любовь... Поищи все это где-нибудь в другом месте.

Крепко сжав кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони, смотрю в лицо Артура. Похоже, у меня есть только один способ отделаться от него – сделать вид, что все произошедшее сейчас между нами, для меня ровным счетом ничего не значит.

– Тебя не касается, есть ли у меня парень.

– Ошибаешься. Не нужно играть со мной, Василин. Не выиграешь.

– Угрожаешь?

– Нет... Не хочу быть врагами. Пожалуйста...

– Может тогда не с этого надо было начинать?

– А с чего? С покаяния? Что тебе еще надо? Чтобы на колени встал? Давай уже по-взрослому, а? Пора вырасти, Мотылек.

Мне становится неловко. Ведь Артур прав. Веду себя как маленькая капризная девочка.

– Давай прогуляемся? Подожду пока оденешься.

Мы гуляем по округе. Просто бродим, говорим мало. Но в этой тишине отчего-то так уютно.

– Пойдем на обед к нам, – предлагает Артур. – Родители страшно хотят тебя увидеть.

– Не знаю...

– Там и Таисия твоя любимая. Не бойся.

– Я не боюсь. Просто все слишком быстро...

– Знаю. Сам не ожидал. Думал еще долго меня мучить будешь.

– Может и буду... Это все слишком неожиданно, ты же понимаешь?

– Все понимаю, не переживай. Буду ждать сколько потребуется.

* * *

Обед проходит в чудесной обстановке. Родители и правда так обрадовались мне, мама Артура ужасно мила и разговорчива, все время старается поухаживать за мной, положить побольше вкусовностей на тарелку. Мне неловко от этого

внимания.

Не успел закончиться обед, как меня начинают уговаривать остаться на ужин. Должны прийти гости, снова гитара. А еще – видеочат с дедушкой Аристархом.

– Он не простит, если узнает, что ты была и мы тебя отпустили. Страшно скучает, – говорит Артур с улыбкой. Оставайся, Мотылек. Тем более тебе сегодня нечего опасаться – меня не будет. Нужно в город по делам съездить. Жуть как не хочется, но ничего не поделаешь... надо.

– Это насчет нового контракта? – спрашиваю, затаив дыхание. – Бурмистров, я хочу, чтобы ты знал – никуда не отпущу. Не позволю.

– Мой дорогой Мотылек, – улыбается Артур. – Нет, это по другой работе. Предложили халтуру, а я на мели. Не в моем положении отказываться.

– Ничего опасного, надеюсь?

– Мне приятно, что ты так волнуешься. Нет, я большой мальчик, и крепкий. Все будет отлично.

– Когда ты вернешься?

– Лучше ты скажи, когда будешь в городе? Ты же не все лето здесь проведешь?

– Нет, завтра уже вернусь.

– Я приеду и отвезу тебя. Дождись.

– Не на байке, надеюсь?

– Как пожелаешь.

– Предпочитаю автомобиль.

– Договорились.

* * *

Уговариваю себя держаться спокойно, не нырять снова в омут, но как тут устоишь? Принц снова манит меня, притяжение настолько сильное, словно в этом человеке зашит огромный магнит.

– Проводишь? – мягко спрашивает Артур, и берет меня за руку. Подходим к калитке, перед которой стоит его байк. – Завтра вернусь за тобой и отвезу на машине.

– Хорошо, – киваю. Продолжаю стоять и смотреть на него. Так неожиданно все обиды испарились и словно не было прошлого. Но как же теперь трудно отпустить даже на день. Повинуясь порыву, подхожу к нему и обнимаю. Бурмистров в ответ крепко стискивает меня в объятиях. Как же мне нравится его высокое, крупное тело, мускулистые руки, мощная широкая грудь! Стоя вот так, в его объятиях, мне кажется, что нахожусь в сказочной крепости, надежной, теплой.

Когда Артур скрывается на мотоцикле за поворотом, мне вдруг неожиданно становится холодно и неудобно. Иду обратно в дом. Мне хочется остаться одной, вернуться в свою комнату в доме Натальи. Но меня окружают Бурмистровы, семейство Артура настолько доброжелательно, что об уходе не может быть и речи. А разговор с Аристархом по скайпу и вовсе довел нас всех до слез... Меня представили и жене

Аристарха Бурмистрова. Она произвела на меня огромное впечатление – очень стильная, умная, глубокая женщина. Таисия очень на нее похожа. В общем вечер ностальгии глубоко тронул наши сердца. Вот только... Совсем полночь появился Дмитрий Аристархович. Казалось бы, столько времени прошло. Но неприятное, сосущее под ложечкой ощущение которое я испытала, было прежним. Дмитрий очень внимательно разглядывал меня. И, выбрав момент, когда осталась одна, подошел.

– Ну надо же, птичка. Не думал, что снова залетишь в этот дом.

– Я никуда не залетала.

– Да уж. Ты оказалась хитрее, чем я думал. Не только юного Ромео окрутила, но и всю семью очаровала.

– Я вам чем-то мешаю, Дмитрий? Не понимаю ваших намеков, но они мне неприятны.

– Нет никаких намеков, красавица. – Дмитрий внезапно меняет тон голоса. – Я лишь за племянника волнуюсь. Ты ведь уже разбила ему сердце однажды... А ну как снова страдать парень будет. Но из-за такой красоты не грех и помучиться. Знаешь что, а давай пересечемся как-нибудь в городе? Поужинаем. Развеемся.

– Извините, не могу. У меня работа, экзамены.

– А где работаешь?

– В Макдональдсе.

– Каким именно?

– В центре, возле драмтеатра.

Не знаю, зачем я наврала Дмитрию, вышло спонтанно. Наверняка выяснив правду, он взбесится... Ну и пусть.

Таисия настояла на том, что отвезет меня к Наталье на машине, хоть и пешком было минут десять, но время позднее. Дмитрий тоже порывался, но все родственники дружно выступили против этой идеи. И вообще у меня сложилось впечатление что дядю Диму не очень-то жалуют в этом доме. С его появлением воцарилось какое-то напряжение.

– Спасибо огромное за вечер, – благодарю Таисию. – Столько воспоминаний.

– У нас не меньше, милая. Все просто счастливы, что ты помирилась с моим братом. Что бы это не означало.

– А что это может означать?

– Ну, что угодно. Дружбу. Любовь. Свадьбу.

Смеюсь натянуто.

– Мне казалось, что ты всегда выступала против наших отношений.

– Ни в коем случае, я лишь выступала за то, чтобы дать тебе свободу выбора. Ну и возраст у вас был конечно слишком юный. Но в остальном – считаю вас идеальной парой. Жаль, что вам пришлось три года страдать в разлуке...

– Я не страдала, – вздыхаю. – Но вот Артур... Ему сильно досталось и это ужасно... если бы я знала...

– Тогда что?

– Хотя бы не встретила так холодно. Как вышло что Артур

оказался в Афганистане? Не из-за меня, надеюсь? Я бы себе не простила...

– Нет, дорогая, ты совершенно ни при чем, даже в голову не бери. Семейные недопонимания.

– Он ведь не вернется туда?

– А это уже от тебя зависит...

– От меня?!

– Я шучу. Но определенно ты та, кто может удержать его здесь. Но только если тебе это по-настоящему нужно.

* * *

Перед сном я долго прокручивала в голове разговор с Тасией, и утром тоже, пока ждала Артура, и одновременно тщетно пыталась вникнуть в список литературы для университета. Но думать могла только о грядущей встрече с Бурмистровым. Я так отчаянно хотела его увидеть, что в голову даже пришло отправиться к нему на дачу и подождать там, но подумала, что это будет слишком навязчиво.

Наконец Артур приехал и забрал меня. Мы вернулись в город, расставаться даже на несколько минут было невыносимо. Мой мозг был одурманен происходящим.

Я не могла отвести взгляд от скульптурно вылепленного, красивого лица. В машине, на протяжении всего пути в город, ощущала себя как в тесной клетке. Между нами было столь малое расстояние. Слишком близко и одновременно

слишком далеко. Я ощущала жар сильного мужского тела, прикрыв глаза, вдыхала неповторимый запах его туалетной воды – аромат цитруса с оттенком терпких специй, так похожий на тот, из прошлого. Не могла не вспоминать наши поцелуи, жадные и одновременно нежные. Заметил ли Артур, что мое дыхание участилось, хоть я и старалась контролировать его? Догадывается ли, о чем думаю, мечтаю, жажду? Почему смотрит на меня с насмешливой полуулыбкой, разгорающейся в глубине серебристых глаз?

Я едва выдержала эту поездку.

Самое главное, что мучило меня – непонимание насколько близко могу подпустить Бурмистрова. Все развивалось слишком бурно и стремительно. Примирение, общение, родственники, которые, казалось бы, жаждут нашего воссоединения. Мне требовалась передышка, хотя бы минимальная пауза. И в то же время чувства рвались наружу бурным потоком. Я хотела близости, прикосновений, хотела дышать Артуром, ни на секунду не расставаться. Но не была уверена, чего хочет он.

Вечером – очередное испытание – Артур пригласил меня на ужин в дорогой ресторан.

Он невероятно обаятелен и галантен. Вот только я от напряжения, смешанного с возбуждением, ни кусочка не могу проглотить.

– Ты ничего не ешь, Мотылек. – Голос Принца звучит хрипло.

– Ты тоже. – Отодвигаю тарелку и качаю головой. Наверное, со стороны выгядим смешно. Не едим, а только пялимся друг на друга. Разговариваем... Артур выспрашивает буквально мельчайшие подробности моей жизни за эти три года.

– Не нужно нервничать. Для этого нет никакого повода, – мягко убеждает Принц.

«С тобой всегда как на вулкане, так что повод найдется» – отвечаю мысленно, но в ответ лишь улыбаюсь.

– Ты сегодня невероятно красива. Это очень мучительно, – признается Принц, а я краснею. Я действительно потратила кучу времени на сборы. Очень долго раздумывала как одеться. Расчесывалась, размышляя как уложить волосы. Но в результате оставила их распущенными, свободно струящимися по плечам. Платье простое, но изысканное. Мятного цвета, из воздушной органзы, очень приятное к телу, отлично оттеняющее загар, освежающее, как морской бриз. Любимый кулон мотылька на шее. Больше никаких украшений.

Во время десерта Артур опускается на колени и раскрывает передо мной коробочку...

Ощущаю сильнейшее головокружение, комната вертится перед глазами. Предложение? Он делает мне предложение?

Наверное, я заметно побледнела, потому что Артур поднялся с колена, приблизился ко мне.

– Мотылек! Я не хотел напугать тебя. Понимаю, что все слишком быстро. Я не должен так торопить события. Да и я сейчас не готов к семье, даже жилья своего нет... Но я быст-

ро все решу. А пока – это просто сувенир на память. Но я в него вложил не меньше эмоций и надежды, нежели в обручальное кольцо... Пожалуйста, примерь, малыш.

Передо мной в бархатной коробочке лежит кольцо в виде крыльев мотылька...

Комната снова плывет перед глазами, чтобы вновь возникнуть в четком фокусе, от которого щиплет глаза. Приказываю себе оставаться собранной и хладнокровной, запрещаю воспоминания о прошлом, другой жизни, другом времени. Когда любила безумно. И так жестоко была обманута. Но сейчас все должно быть по-другому! Мы не дети, а взрослые люди, самостоятельные, отвечающие за свои поступки... Я не та что прежде, и уже не настолько зависима от чувств к Принцу. Или это лишь самообман, напрасная надежда? И я все та же неуклюжая, немодная девочка, для которой Принц школы, все равно что божество?

– Пожалуйста, примерь. Умоляю тебя. – Взволнованно просит Артур.

Послушно надеваю кольцо на палец. Оно восхитительно. Слезы душат меня. Безделушка, но она разбивает мне сердце. Мои крылья возрождаются к жизни. Кажется, еще немного и снова смогу взлететь. Мотыльки бьются под сердцем, живые, новые, неистово жаждущие любви.

Жду, пока Артур оплачивает счет. Вероятно, официант счел нас странной парой: оставили на тарелках нетронутой изысканную еду, не допили дорогое вино. Сидели в напря-

женной позе, будто увлеченные дискуссией или спором. Нас многие провожали глазами, когда мы шли между столиков к выходу. Когда наконец оказались на улице, глубоко вдыхаю свежий воздух и собираю всю волю, чтобы достойно попрощаться. Близость – вот что волнует меня больше всего на данный момент. Я безумно хочу Артура, но в то же время знаю, что не готова. Не могу так скоро открыться, отдаться без остатка. Но что если он не желает ждать?

– Спасибо за чудесный ужин. И за подарок, еще раз... – произношу натянуто, переминаясь с ноги на ногу. Мы приехали на такси, и сейчас думаю о том, что вернуться домой нам лучше на разных машинах. Но не знаю, как об этом сказать. Стесняюсь... Если Артур пожелает соблазнить меня сегодня – вряд ли смогу устоять. Но мне не хочется быть для него столь простой добычей. Потом это будет мучить меня. Терзать. А если снова что-то пойдет не так? Горю от этих мыслей, задыхаюсь.

– Не за что. Ты так официальна, Мотылек? Что случилось?

– Ничего. Просто устала.

– Мне кажется недоговариваешь. Что тебя тревожит? Я? «Ты всегда тревожишь меня»

– Я, наверное, сама доберусь...

– Нет, я отвезу тебя, – резко обрывает Бурмистров.

В такси сидим в полном молчании. Он – впереди рядом с водителем, я – на заднем сидении. Кусаю губы, нервничаю от

мысли, что Артур, возможно, рассчитывает на продолжение вечера... А я – не готова.

Выхожу из машины, разворачиваюсь чтобы попрощаться, но Принц выходит за мной... Снова начинаю паниковать. Жалею, что не выпила ни грамма вина в ресторане, может тогда мне удалось бы хоть немного расслабиться. Заходим вместе в подъезд, вызываю лифт.

– Ты решил меня до двери проводить?

– Ты не слишком гостеприимна, Мотылек. Я так сильно тебя нервирую?

– Нисколько.

– Почему-то не верится.

– Пожалуй, пешком пойду. Всего-то третий этаж, – и я направляюсь к лестнице. Артур следует за мной. Догоняет уже перед дверью.

– Мне не нравятся эти игры. Не нужно убегать от меня. Мы ведь уже не дети, Василин. Давай по-взрослому? Поговорим...

– Я очень устала.

Артур наклоняется и берет в ладони мой подбородок, нежно проводя большим пальцем по моим задрожавшим губам. Одно только прикосновение действует как электрический разряд, вздрагиваю. Сердце начинает колотиться бешено, когда Артур надавливает пальцем на мои полуоткрытые губы. Внутри растет паника. Но нет сил протестовать и сопротивляться. Я лишь закрываю глаза.

– Посмотри на меня, Мотылек.

Неохотно подняв ресницы встречаю твердый, пронзительный взгляд.

– Хочешь, чтобы я поцеловал тебя? – спрашивает тихим хриловатым голосом, убирая палец с моих губ. – Почему боишься меня?

Прочитал мои мысли или я неосторожно произнесла что-то вслух? Неуверенно киваю в знак согласия. И то и другое. Умираю от желания. И в то же время – от страха.

И тут Артур целует меня, с тихим стоном прижимая к своему твердому, мускулистому телу, отчего теряю всякую способность сопротивляться. Думаю лишь о том, какой он сильный и как хорошо снова оказаться в кольце его рук, в тепле, в безопасности... Но о какой безопасности можно мечтать, если с трудом сдерживаю стон наслаждения, когда его ладони скользят ниже, касаются моей груди.

И тут Артур резко останавливается, отрывается от моих губ, и я едва сдерживаю стон разочарования.

– Здесь не место... Ты права. Прости Мотылек, это неправильно, ты не готова, но я на пределе. Знаешь, как сильно хочу тебя? – буквально сверлит меня взглядом серебряных глаз. – Так что? Продолжим игру, или закончим?

– О чем ты? – спрашиваю, чтобы выиграть время.

– Пригласишь меня к себе?

Каждая клеточка тела умоляет ответить «да». Если впущу его, случится то, о чем мечтаю больше всего на свете. Весь

вечер, да что там, еще со вчерашней ночи, фантазии одолевают меня. Как это будет. Он нетерпеливо сорвет с меня платье и влажные трусики. Звук разъезжающейся молнии на его брюках. Кровь бурлит от воспоминаний прошлого, о его прикосновениях ко мне, о жарких поцелуях. Сила желания сводит с ума. Как и в прошлом, Артур будит во мне неодолимое вожделение, заставляя забыть обо всем на свете.

– Я не могу, прости, – едва хватает сил выдать эти слова. Ненавижу себя за этот отказ. Тело бунтует, кричит – «Идиотка! Так и останешься навсегда девственницей при таком глупом поведении. Ничего нет страшного в том, чтобы отдаться любимому мужчине после ужина в дорогом ресторане. Так делают все!».

Но я не так воспитана. Проклятое целомудрие вбито в меня множеством книг, героев, героинь, которые много лет были моими лучшими друзьями, примерами для меня. Непорочность засела во мне занозой, и если сейчас уступлю сиюминутному желанию... боюсь что потеряю себя. Или, того хуже, начну презирать.

– Я понял, Мотылек. Только после свадьбы, – усмехается Артур. А я вспыхиваю.

Глава 24

Как известно, судьба имеет обыкновение разрушать наши планы в самый неожиданный момент. Мы встречались с Артуром около двух недель, когда произошло одно неприятное событие. Совершенно неожиданное.

Я была поглощена экзаменами. Оставалось уже совсем немного до начала сессии, но и про работу я себе не могла позволить забыть. Артур тоже изо всех сил пытался влиться в жизнь, устроиться куда-то, но при этом не желал прибегать к помощи родственников. Я не понимала почему, но чувствовала – причина серьезная. Объяснений в чем дело пока не удалось получить – Бурмистров сразу замыкался в себе.

Утром во вторник мне позвонила Наталья, попросила приехать в агентство – сказала, что есть работа для меня.

– Заказчик хочет фотосессию для рекламы дорогих часов. Очень крутое предложение, Василин. Но у него условие – выбранная им модель должна приехать для собеседования. Не слишком приятный момент, знаю. Обычно мы встречаемся либо у нас, либо на нейтральной территории. Но это очень занятой человек. Я навела справки – солидный и уважаемый. С тобой поедет Артем, поработает твоим телохранителем на всякий случай.

– Я даже не знаю...

– Послушай, он выбрал еще двоих. Одна уже съездила,

причем без всякой охраны. Все прошло спокойно, идеально. Сугубо деловое общение, беспокоиться не о чем. Заказчик обещал, что после встречи со всеми wybranными моделями определится. Деньги отличные.

– Кого он выбрал?

– А как ты думаешь? Леа, разумеется. А еще тебя и Наташу. У вас с Леа похожие типажи, но сама знаешь, с контрактами ей везет куда больше.

– Мы несколько не похожи! – вспыхиваю. – Хорошо, я попробую. Поеду.

Наталья знала, чем меня зацепить. Леа была на редкость неприятной девицей. Из очень богатой семьи, она пошла в модели то ли назло папочке, то ли еще по каким странным причинам. Вела себя всегда нагло и высокомерно. Кичилась дорогими шмотками и своей идеальной красотой. Ледяная королева. Сама надменность. Но от поклонников отбоя не было. Лицо у нее и правда интересное. Не ослепительно красивое, но удивительно притягательное. А уж фотографы и стилисты могли сотворить с Леа все что угодно. Любой типаж. От невинности до роковой красотки. Поэтому Леа всегда побеждала в соревнованиях за контракты. В девяноста процентах из ста заказчики выбирали ее. Ей не нужны были деньги. Но нравилось именно чувство победы. Она разбивала сердца. Ломала судьбы, играла... И делала все это с жадностью. Об этом мне рассказали девочки, все модели в агентстве ненавидели Леа. Одна из девочек рассказала мне,

что на самом деле эту выскочку зовут Лиза, и что папочка у нее – самый богатый бизнесмен в нашем городе. Владелец заводов... и так далее. Меня не особенно интересовали подробности.

Поначалу, придя в агентство и столкнувшись с враждебно настроенной «примой» я надеялась, что смогу найти общий язык с этим вариантом Барби. Но Леа сразу приняла меня в штыки. Впрочем, она ни с кем не была мила. Даже с Натальей общалась высокомерно. И та терпела! Что безмерно удивляло меня. Подруг у Лизы не было совсем. Иногда мне даже пожалеть ее хотелось – такую красивую, но ненавидящую всех и вся и бесконечно одинокую. Но жалеть Леа было сложно. Чем больше я работала, тем сильнее складывалось ощущение, что эта Принцесса ненавидит меня как-то по-особенному. А уж услышав однажды от какого-то стилиста о наших с ней «схожих типажах», Лиза так и вовсе впадала в бешенство. Со временем я научилась просто избегать эту девушку. Наталья ее тоже недолюбливала, точнее терпела, сцепив зубы. Для бизнеса Леа была невероятно полезна. А я не всегда могла выполнять заказы из-за учебы.

Была еще одна странная причина конфликта между мной и ведущей моделью Елизаветой Брейкер, или просто Леа, как она предпочитала называть себя. Якоб. Когда Лиза увидела нас вместе, то буквально рассвирепела. Ее лицо покрылось красными пятнами, а я подумала, что не одна страдаю от того, что могу в любой момент вот так предательски покрас-

неть.

– Мы не приводим трахалей на съемки, Дусманис! – хлесткая фраза бьет точно плеть. Вздрагиваю от этой грубости и теряюсь, не зная как отвечать на подобное.

В тот день у нас проходила совместная фотосессия в вечерних платьях, для журнала. Максимально закрытые фасоны, сковывающие движения корсажи и нарочито гротескный макияж – ощущаешь себя какой-то древней старушкой-графиней. Шел второй день съемок, почти закончили, Леа уже смыла с себя макияж и появилась в студии в белом халате и тюрбане. Тут и вошел Якоб, заехавший за мной после съемки.

– Привет, Морковка. – Удивленно кивнул, уставившись на Леа. Смотрю на соперницу – а у нее и правда лицо буквально на глазах покрывается красными пятнами, и даже нос, отчего «морковка» кажется крайне удачным сравнением.

– Здорова Очкарик, – не теряется в ответ Леа. А я с интересом наблюдаю эту картину. Получается, эти двое знакомы? Причем похоже с детства, ибо Якоб носил очки еще до старших классов школы – он как-то рассказывал мне об этом. А вот о знакомстве с Брейкер – никогда. Интересный поворот!

Леа направляется к стулу, на котором валяется ее дорогуший эксклюзивный Apple, с корпусом из алмазной крошки, небрежно берет телефон и что-то в нем читает.

– Не ожидал тебя тут увидеть, – обращается к ней Якоб. – Папочка денег на мороженое не дает? Самой пахать прихо-

дится?

- Тебе то что, Штаховский? О себе волнуйся.
- Спросить нельзя? Колючая, как всегда.
- С тобой иначе никак. Не заслуживаешь.

* * *

– Что это было? – спрашиваю Якоба, когда выходим на улицу. Бывшая?

– Эта дикая кошка? Да ты чего, Скорос. Нафиг она мне нужна. Подруга детства. Точнее, врагиня. Мы жили рядом, родители часто общались, и нас чуть ли не поженить планировали. Но мы делали все, чтобы объяснить им – это плохая идея. Лизка сложный человек. Комплексов немерено. И пафоса. Она такая с рождения. Испорченная и избалованная.

– А ты не такой?

– Ну я тоже не ангел. Признаюсь, Лизок крепко получала от меня.

– Сейчас мне кажется никто не рискнет дразнить ее или морковкой обзывать...

– Согласен. Но мне пофиг. Не хочу говорить о ней. Ты мне скажи, если Лизка зарываться будет. Мигом на место поставлю.

Подъезжаем с Артемом в центр города, самое большое здание в округе, величественная высотка.

Заходим внутрь, нас уже ждут на ресепшене. Провожают на лифте на самый верхний этаж. Повсюду царит атмосфера огромного богатства. Вот наконец и заказчик. Мужчина сидит спиной к нам в высоком кресле, наблюдая за панорамой города – окно во всю стену. Разворачивается и я вижу перед собой Дмитрия Бурмистрова. Трудно сказать, что испытываю в этот момент – удивление или шок. Сейчас дядя Дима напоминает короля, восседающего в центре своих владений: мощный, загадочный, величественный. Полунасмешливая улыбка кривит его губы. Поза с вытянутыми вперед длинными ногами и раскинутыми на полированной поверхности стола руками говорит о том, что все здесь принадлежит ему.

Почему он здесь?

Нет, не так, почему *я* здесь? Это шутка? Или ловушка? Что все это значит?

Артем остался за дверьми, ошеломленные богатством и солидностью места мы с ним и не подумали спорить, когда сопровождающий нас мужчина предложил Артему пройти с ним.

Сейчас я очень пожалела об этом. От Дмитрия исходила

угроза.

Его холодная надменная полуулыбка пугала меня.

Обвожу глазами комнату с притворным любопытством и стараюсь произнести как можно беспечно:

– Здравствуйте, Дмитрий Аристархович. Не ожидала здесь встретить вас.

– Ну а я не буду скрывать, ждал этой встречи, – вкрадчиво начинает свою речь дядя Дима. – Правда сначала я ждал тебя в Макдональдсе у драмтеатра, деточка. Но безуспешно. Чем был огорчен и обижен.

– Да... простите. Глупая была шутка. Детская.

– Я не из тех с кем можно безнаказанно шутить, дорогуша.

Эта грубоватая самоуверенность, дорогой дизайнерский костюм, нервируют меня все сильнее.

– И что же? Вы меня позвали чтобы угрожать?

– Нет милочка. Чтобы поговорить. Сделать очень хорошее деловое предложение. Куда лучше рекламы часов. Прошу, садись. Не нужно стоять передо мной, нам предстоит долгий разговор.

Послушно делаю несколько шагов вперед и сажусь на краешек кресла, напротив большого стола.

– То есть это ловушка? – спрашиваю прямо.

– Это шанс. – Дмитрий берет со стола позолоченную перьевую ручку, Монблан, не иначе, и направляет на меня:

– Сколько ты зарабатываешь в агентстве?

– Мне кажется это не слишком корректный вопрос.

– Я дам втрое больше того, что получаешь за год.

– За что?

– За то что бросишь Артура. Прямо сегодня.

– Что?! Как вы смеете! – вспыхиваю и повышаю голос.

– Смею, дорогуша. Поверь, я оказываю тебе услугу. Потом оценишь. Мой племянник – кутила и бабник. Он не способен на верность. Он ведь уже обидел тебя однажды. И еще раз обидит. И снова. Не будь тряпкой. Поимей с этого денег. Передо мной лежит твой контракт. – Дмитрий кивает на бумаги, лежащие на столе. – Очень выгодный контракт.

У меня нет сил выдать из себя даже слово, я охвачена вихрем самых неприятных чувств.

– Расскажи, как ты получила работу. Признаться, я навел справки и все довольно удивительно, ведь у тебя никакого опыта в модельном бизнесе. Переспала с боссом?

– Не говорите глупостей, – огрызаюсь не сдержавшись. – Мой босс женщина

Заставляю себя проигнорировать откровенный выпад, хотя это сложно. Дмитрий делает все чтобы вывести меня на эмоции и у него это получается.

Хочется надеяться, что Дмитрий не заметил как сильно я взволнована. Он отлично натренирован играть на слабостях своих жертв, это я уже поняла.

– Как я могу что-то понять, если вы говорите загадками? – произношу как можно хладнокровнее.

– Тогда мне придется внести больше ясности. – Бурмист-

ров постучал пальцами по контракту. – Если хочешь сохранить работу, придется изменить свое отношение ко мне. Для начала будь немного любезнее с клиентом.

Этот мужчина подавляет меня, а разговор вызывает тошноту. Меня охватывает очень плохое предчувствие. Поднимаюсь из кресла:

– Ничего не получится. Наше сотрудничество невозможно. Мне жаль.

– Мне тоже, – бархатным голосом произнес Дмитрий. – Останешься с пустыми руками. Так и будет, обещаю. Потом не прибегай и не плачься. А могла бы выйти на международный уровень.

Замираю и закусываю губу. Мне плевать на все эти угрозы. Я никогда не относилась серьезно к модельной работе. Хотя конечно чувство здорового соперничества во мне было.

Но слушать завуалированные издевки, угрозы, предупреждения – нестерпимо. Я едва сдерживаюсь чтобы не послать грубо этого ужасного мужчину. Паршивая овца в замечательном семействе, иначе и не скажешь! Но понимаю, что ради Артура должна потерпеть еще немного. Узнать что замышляет его дядя и как хочет навредить.

– А если я откажусь от вашего предложения?

– Хочу дать тебе маленький совет. Не стоит начинать наши отношения со ссоры. Твое нежелание сотрудничать уже рассердило меня, но твои игры в непонимашку раздражают еще больше. Не переоценивай свою значимость, милочка. Не

испытывай моего терпения.

– Вы мне угрожаете?

– Всего лишь предлагаю знать свое место. – Голос моего собеседника вдруг становится ласковым и бархатистым. – Ты ведь все понимаешь, деточка?

Понимаю, что он играет со мной, как кот с пойманной стрекозой, прежде чем придавить лапой трепещущие крылышки. Но не вижу выхода, кроме как поддержать игру. Больше всего мне хочется демонстративно хлопнуть дверью и уйти. Но я еще раз напоминаю себе, что в данный момент не могу так поступить по многим причинам. И не последняя то, что моя семья нуждается в этом заработке.

– Держи. – Дмитрий протягивает мне какой-то листок. Цифра, написанная на нем внушает мне ужас. Неужели он готов отдать такие огромные деньги лишь за то, что уйду от Артура? Но это же безумие! Чем так неуютен ему племянник? Нанять киллера, и то мне кажется дешевле. Понимаю, что с меня хватит. Еще немного и меня просто стошнит прямо перед этим ужасным снобом.

– Вы действительно ждете ответа или просто получаете удовольствие от того, что оскорбляете меня? – спрашиваю тихо. – Но выслушивать все это я не собираюсь.

Подхожу к двери но она заперта. По спине пробегает холодная дрожь.

– Откройте дверь.

– Мы не закончили.

– Я закончила! Вы затащили меня сюда обманом! Я буду кричать!

– И только опозоришься.

– Это насилие!

– Это лишь деловой разговор за закрытой дверью. Чего ты боишься, крошка? Что я захочу тебя? Ты не в моем вкусе. Люблю пышногрудых блондинок, а не плоских брюнеток невысокого роста.

– Рада слышать!

– Не сомневаюсь. У меня отличный вкус, ты права. И как я уже сказал, я не настолько шаблонен, не сплю с моделями, какими бы неотразимыми они ни были. Хотя Леа конечно несказанно хороша. Не только внешне. Она восхитительно стервозна...

– Так и зовите ее. Мне ваши дурацкие игры не интересны. Стыдно так обманывать, между прочим. Врать про контракт...

– С чего ты взяла. Вот, смотри, контракт на рекламу. – Дмитрий встает из-за стола и подходит ко мне вплотную, протягивая какие-то бумаги, а потом успокаивающим жестом приобнимает за плечи. – Сделай как я говорю. И деньги будут твои. И контракт – твой. Артур – лишь дополнительный бонус. Я оказываю тебе услугу. Долго между вами все равно отношения не продлятся. Я слишком хорошо знаю своего племянника. – Дмитрий внимательно вглядывается в мое лицо. – Не хочешь, как знаешь. Он все равно бросит те-

бя.

Меня шокируют слова Дмитрия, а прикосновение к руке вызывает неуправляемый вихрь эмоций. Меня знобит и одновременно раздирает желание ударить по надменному холеному лицу.

– Что вам за дело до наших отношений?

– Никакого. Хотел помочь из человеколюбия. Ты ведь потом очень расстроишься. А ты еще так юна...

– Да пошли вы!

– Фу! А вот это уже очень грубо.

– В профессорской семье так не выражаются? Верно? Там лишь покупают и продают любовь...

– Вот, умница. Ты сейчас все правильно сказала. Так ставишь подпись?

Отрицательно мотаю головой.

– Мне не нужен ваш контракт.

– Ну как знаешь. Значит, будет Леа. Она невероятно хороша. Очаровала меня в первой встрече, а уж какое портфолио! Весь вечер любовался ее фотографиями. И в то же время хотел помочь тебе по-доброму... по-родственному... Но ты не желаешь понимать...

– Не желаю! Нам с вами точно не по пути!

Снова дергаю за ручку двери, собираясь колотить в нее кулаками, но чудо – она распаивается. Оглядываюсь – в коридоре Артема нет, но я не желаю оставаться тут ни минуты. Пешком бегу на этаж ниже и уже оттуда вызываю лифт. Вы-

скакиваю на первом этаже, и растрепанная, с катящимися из глаз слезами, несусь по вестибюлю на улицу.

Подбегая к круглым стеклянным дверям, выходу из здания, нос к носу сталкиваюсь с Якобом.

– Что ты здесь делаешь, Скорос? – удивленно восклицает он. – Почему летишь так, будто черти за тобой гонятся?

– По работе была. Тороплюсь, – запыхавшись отвечаю односторонне.

– Я подвезу тебя.

– У меня водитель... Где-то здесь должен быть, меня Артем привез.

– Ничего, давай я отвезу. Что-то ты меня беспокоишь, выглядишь странно. Точно все нормально?

– Да, я в порядке. Хорошо, подбрось если не сложно... – Искать Артема сил не было. – Отвези меня в агентство.

По дороге Якоб уговаривает меня заехать в небольшой ресторанчик, выпить по чашке чая. Успокоительного – шутит он. Но мне на самом деле не помешает успокоиться, руки до сих пор дрожат. Пару раз мы с ним уже обедали в этом месте – демократичная обстановка, да и цены невысокие. Мне действительно нужна передышка. Понимаю, что в таком состоянии на работу нельзя, вывалю Наталье все... а зачем ей это? Только работу испортит, отношения с богатым заказчиком. Пусть Леа получает свой контракт. Я же получила совсем за другое... За чувства. Всегда знала, что дядя Дима ненавидит Артура. И надо было ожидать, что попытается навредить че-

рез меня. Но если расскажу Артуру – он же психанет и вытрясет из дяди душу. И наверняка сам пострадает так или иначе... А я снова буду виновата. Кругом засады и ни единого выхода, в душе полный кавардак... И только Якоб сейчас казался мне тихой гаванью. Единственный, кому могла рассказать все.

– Димка всегда был мудаком, – произносит Якоб, когда заканчиваю свою историю. – Но такого даже я не ожидал. Странно, что через тебя действовать решил. Чем ему ваши отношения не понравились? Думаю, скорее всего дело в наследстве. Оно покоя не дает. Хотя дед жив еще и здоров как бык, тьфу-тьфу.

– Я не знаю, как рассказать об этом Артуру. Боюсь навредить ему, – признаюсь почти шепотом.

– Значит ты все-таки выбираешь его, Скорос? – в голосе Якоба беспредельная грусть. Рассказ про мой визит к дяде Диме, похоже, его вообще никак не тронул. А вот мое волнение и переживания за Артура – заставили помрачнеть.

– Я никогда не давала тебе никаких обещаний.

– Представляешь, они мне были не нужны. Я все равно надеялся.

– Это безумие, Якоб. Я тебе не верю.

– А если бы я доказал?

– Ты же знаешь, я люблю его со школы. Безумно люблю. Мы встречались... мы... Я не могу себя представить без него!

– Только умоляю, избавь меня от своих признаний другому. Это больно, Скорос.

– Зачем ты придумал себе эту любовь, Якоб? Мы могли бы стать отличными друзьями... И Артур... Ты нужен ему.

– Я не придумывал. Черт, думаешь я не хочу выбросить тебя из головы? Думаешь, не пытаюсь? Каждый день кого-то трахаю и молюсь чтобы у нее не было твоего лица.

Морщусь от таких откровений.

– Прости, Скорос. Я урод. Нельзя делать такие грубые признания девственнице.

– Откуда ты знаешь? – вспыхиваю.

– На лице у тебя написано. Но ненадолго уже, да?

– Я не буду обсуждать с тобой это! Отвези меня домой.

* * *

Возле дома машина Артура. Недавно я дала ему дубликат ключей от моей квартиры. Спешно прощаюсь с Якобом и залетаю в подъезд.

Принц дома, стоит возле окна. Похоже он видел, как мы подъехали. Лицо мрачнее тучи.

– Что все это значит? Продолжаешь видеться с ним? – хмуро спрашивает меня Артур.

– Я не говорила, что не буду общаться с Якобом.

– Думал, это само собой разумеется.

– Почему ты так решил?

– Потому что ты со мной.

Неслыханное самомнение! Закипаю.

– Или тебе нравится сталкивать мужчин лбами? Раньше я не замечал в тебе тщеславия, Мотылек, – язвительно продолжает Артур.

– Перестань! Ты не прав, и знаешь это. Я не могу послать человека, избегать его только потому что общаюсь с тобой.

– Общаешься? Мы общаемся, Мотылек? Я думал, мы пара. Это не так? С кем еще ты общаешься? Как со мной? С Якобом?

– Ты невыносим!

– Я лишь хочу расставить приоритеты.

– Ты в приоритете, и прекрасно это знаешь!

– Нет, не знаю. Ты... все еще не моя.

– Хочешь разденусь прямо сейчас? – выпаливаю горько. Безумно обидный разговор грозит перерасти в ссору. А я и так на пределе. Что если Принц скажет сейчас: «Да, хочу»? Что тогда делать? Я тоже отчаянно желаю принадлежать ему... Только ему. Но не так. Не после грязного разговора и обидных упреков. Может я жалкая трусиха, или наивная, выросшая на романах Джейн Остин дура, а может все вместе... Но я мечтаю о свечах и романтике.

– Сейчас я хочу одного, – выдержав паузу, отвечает Артур. – Пообещай, что больше не увижу с тобой Якоба.

Замираю от этих слов. Настоящий ультиматум. Жестокий и обидный.

– Я... не могу этого пообещать. Мы дружим. Он добр ко мне, не раз выручал... Я просто не смогу сказать ему: «Пошел вон, мне Артур запретил с тобой общаться». Это глупо и некрасиво. И не имеет никакого смысла!

– Он хочет тебя. Охмурыл, пока меня не было. Хотя прекрасно знал, что ты для меня значишь. Он с самого начала влез и нагадил... И ты теперь другом его считаешь?

– Я простила всех! Соболеву, Якоба, тебя! Школьные обиды в прошлом, можно все начать с чистого листа. Пойми, ты напрасно волнуешься. Я никогда... не буду с Якобом.

– Рад слышать. Но этого мало. Мне неприятно видеть тебя рядом с ним. Подвозит, услужничает. Он – сука последняя. Ударит исподтишка, как не понимаешь?

– Не хочу верить в плохое... Если ударит, тогда и поговорим.

– Нет, это я его ударю, – вскипает Артур. Его бесит моя несговорчивость. Меня – его упертость и подозрения, абсолютно беспочвенные и обидные.

Мы проспорили весь вечер, то успокаиваясь, мирясь... А потом все вспыхивало снова. Артур не желал принимать никакого компромисса. И в конце совсем распахнулся, ушел хлопнув дверью. Первым желанием было побежать за ним, вернуть... Но его условия ясны. Я же, не могла пойти на них. Дело было даже не в Штаховском. Я могла прожить без общения с ним, легко. Но подобный ультиматум противоречил всем моим принципам. Это несправедливо, судить человека

по его прошлым поступкам. Не давать шанса. Я ведь это поняла! И как бы ни было страшно, дала нам с Артуром еще одну возможность попробовать. Снова поверила безоговорочно. Впустила в душу. И за спиной выросли новые крылья. Все было так чудесно, в душе и в окружающем мире. Казалось радужным и безмятежным, даже сторонние проблемы вроде дяди Димы не особенно напрягали. Мне казалось нас ничто не может разлучить. И ничто не может больше ранить. Я летала. И не могла взять и оттолкнуть человека, ничего не сделавшего мне, только потому что так захотел Артур. Я готова была минимизировать общение...

В идеале мне хотелось, чтобы Артур и Якоб помирились. Они же друзья детства, а это дорогого стоит. Это должно быть на всю жизнь. Я уж точно не стоила того, чтобы ругаться и соперничать. Потому что выбор свой сделала давно. И никогда не поменяю. Мотылек принадлежит Принцу, на веки вечные.

Но я решила дать нам с Артуром несколько дней чтобы остыть и обдумать ситуацию. Первая ссора, довольно бурная и изматывающая, но никуда не деться от притирки характеров. Поэтому я решила не унывать. Пока Принц дуется на меня – занялась учебой (оставалось сдать пару экзаменов) и работой.

На следующий день после ссоры с Артуром я отправилась в агентство. Наталья подробно расспрашивала меня о визите к заказчику, но я молчала как партизан. Не подошла, не

договорились, бывает, что такого? Но подруга словно чуяла подвох. Чтобы отвлечь ее от этой ситуации, я поделилась наболевшим – рассказала о размолвке с Артуром.

– А, так вот в чем дело, – усмехается Наталья. – Я все гадала, почему ты не приехала в агентство после встречи. Переживала, вдруг что-то не так пошло... Артем один вернулся, и ничегошеньки объяснить не мог. И я тоже с ним вчера поругалась, из-за этого, – смеется она. – Нет, ну как таким тупым в двадцать пять лет можно быть? Поражаюсь. Хотя, наверное, мужчины до старости как дети. Но старые дети мне совершенно не нравятся.

– Да, – улыбаюсь в ответ. – Это точно. Но Артем не виноват. Это я виновата. Совершенно про него забыла, Якоб заболтал. Предложил подвезти – я безо всякой мысли, согласилась. Заехали домой на минутку – а там Артур... – вру вдохновенно.

– Хорошо хоть не подрались, – вздыхает Наталья.

– Это они могут, – соглашаюсь. – Дрались уже...

– Да, помню, на приеме у Штаховского. Твой Бурмистров был фееричен.

Ощущаю, как сладко сжимается все внутри от ее слов. Да, мой Принц невероятен. Буйный, неукротимый и сексуальный. Все через край. Боже, и дня не прошло, а я уже умираю от тоски по нему...

– Ты покраснела. Это ужасно мило, – улыбается Наталья. Но я тебя заболтала. Пора работать, думаю, свет уже устано-

вили. Пошли.

Мне предстояла фотосессия с Леа – то еще по приятности занятие. Но надо просто потерпеть несколько часов, мысленно уговариваю сама себя. Не так страшна эта Ведьма. И похуже видали.

Но вскоре стало ясно, что я ошиблась. Съёмки затянулись до позднего вечера. Практически все сотрудники уже покинули агентство, в том числе и Наталья. Остались лишь мы с Леа и Стас – фотограф. Очень дотошный тип, буквально загонял нас. Ноги гудят от каблуков, сбрасываю их на пару минут и в мягких тапочках отправляюсь к кулеру в коридоре, в горле пересохло.

– Привет малышка, – в помещение заходит Якоб. Он звонил полчаса назад, просто поболтать. Я рассказала о фактически уже ночной фотосессии, он сразу предложил забрать меня и домой отвезти... Но я категорически отказывалась. Вот только он все равно здесь. Приехал вопреки моим просьбам...

– Зачем ты приехал? Я же сказала, что вызову такси.

– А еще ты сказала, что практически одна осталась, с Брейкер. Не хочу, чтобы ты была наедине с этой ехидной.

– Я большая девочка и могу постоять за себя, будь уверен.

– Ладно... Лизка ни при чем. Хотел увидеть тебя. В последнюю встречу ты переживала, была расстроена...

– Все уже хорошо. Забудь. Спасибо за заботу.

– Скажи прямо: «Отвали Якоб, ты мне не нужен».

– Не хочу грубить... Но мы ведь это обсуждали...

– Да, помню. Ты любишь Принца, я в пролете. Но друзья-ми мы можем остаться?

– Конечно. Если тебе интересно со мной дружить...

Но Якоб не успевает ответить, потому что нас оглушает крик Леа:

– Дусманис! Сколько можно ждать тебя? Я тут ночевать не собираюсь!

– Милая Морковка, как я скучал по ней, – кривит лицо Якоб, а я улыбаюсь:

– Она права. Если не поторопимся, провозимся до утра. Я сама дико домой хочу. – Шагаю по коридору обратно. Забегаю в гримерную, сую ноги в туфли, делаю пару шагов по направлению к студии, и едва не падаю от острой боли в ноге. Вскрикиваю. Тут же подлетает Якоб.

– Скорос? Что произошло?

Не могу ответить, от острой боли из глаз льются слезы. Кое как доковыляв до дивана, опускаюсь на него. Якоб встает на колени передо мной. Где болит, малышка? Показываю на правую ногу.

Штаховский осторожно снимает туфлю. Она в крови, как и моя ступня.

– Здесь есть аптечка? – спрашивает взволнованно.

– Понятия не имею. – всхлипываю.

– Сиди, не двигайся. Сейчас принесу из машины.

Боль немного отступила, когда Якоб разул меня. Послуш-

но жду его на диване, рассматривая ногу. Поднимаю голову и вижу – в дверной проем заглядывает Леа. Она не спрашивает, что со мной. Не орет поторопиться. Она словно знает причину, по которой я не могу сейчас встать и продолжить работу. Ну конечно. Наверняка эта деваха участвовала в конкурсах красоты и это абсолютно в ее духе. Что она подбросила мне в обувь? Битое стекло? Меня передергивает от отвращения. Какой стервой надо быть, чтобы опуститься до такого? Ладно, конкурс. Еще можно понять – тяга некоторых к победе неумолима. Но сейчас зачем? Чем я ей насолила? Зачем срывать фотосессию?

– Зачем? – спрашиваю тихо.

На что Леа лишь пожимает плечами. Беру окровавленную туфлю и осматриваю. Переворачиваю, и оттуда выпадает гвоздь... В этот момент входит Якоб с аптечкой. Немая сцена. Он моментально понимает в чем дело. Поворачивается к Леа и отвешивает ей звонкую пощечину. Такой силы, что она отлетает в коридор и ударяется об стену. Мне с дивана хорошо видно ее изумленное лицо и струйку крови из носа.

– Но кажется, Якоб не считает, что этого достаточно. Он направляется к Леа, выглядя при этом угрожающе.

– Ты, злобная сука... – шипит он ей в лицо.

– Якоб! – кричу. – Не надо! Она не стоит...

– Таких учить надо, – его голос наполнен бешенством. –

И ее давно пора.

– Пожалуйста! – продолжаю умолять его, я бы и подбежала, но страшно наступать на раненую ногу. На какое-то мгновение мне становится страшно за Леа. Она такая маленькая, хрупкая. Якоб выше больше чем на голову. Одно движение – и запросто покалечить может.

– Мой отец тебя пришлепнет, урод! – с этими словами Леа плюет в лицо Якобу, и отталкивает его. А я сразу ощущаю себя душой конченной, нашла за кого волноваться. Штаховский хватает девушку за волосы и снова притягивает ее к себе. Наклоняется и что-то шепчет ей в лицо.

– Якоб! Умоляю, отпусти ее! – кричу снова, переживая теперь уже за парня. Кто знает, что за отец у этой бешеной дуры. Вдруг и правда какой-нибудь криминальный авторитет.

Штаховский снова отшвыривает блондинку от себя. Поднимает с пола аптечку – в пылу ссоры видимо уронил и направляется ко мне. Крови уже натекло на ковер целое пятно. Мне становится нехорошо от ее вида... Наверное, все мои чувства написаны на лице, потому что Якоб очень нежно гладит меня по щеке и шепчет успокаивающе:

– Тсс, малыш, все будет хорошо. Я сейчас забинтую и в больничку тебя отвезу.

Мотаю головой:

– Нет, не хочу.

– Мы же не знаем, что за гвоздь был. От этой суки запросто можно бешенство подхватить...

– Не пугай меня!

– Я уверен, что все хорошо будет. Мне... позвонить Артуру?

– Нет... Я сама.

Мне отчаянно нужен сейчас мой Принц. Когда все так плохо. Хочется, чтобы прижал к груди, успокоил. Но он не отвечает. Абонент недоступен.

В комнату вбегают Стас:

– Я задолбался вас ждать... Что вы тут устроили? Подрались что ли? Нет, это ни в какие ворота! Нам материал завтра сдавать, а вы... – Ошеломленно крутит головой, то на меня, то на Леа, сидящую на полу в коридоре.

– Приятель, – обращается к нему Якоб. – Ты это, погоди кудахтать. Сколько можно девочек мучить? Ну неужели до сих пор не смог нормальные снимки сделать? Ты подумай хорошо... Тебе ведь тоже достанется. Посмотри до какого состояния девочек довел...

Фотограф продолжает ошеломленно крутить головой.

– Я довел?

– Ну а кто? Разве можно заставлять эти хрупкие создания работать? Ты знаешь, какие сверхурочные придется заплатить им? Натали будет в бешенстве.

– Я по ее приказу...

– Ты перестарался, брат. Хочешь совет? Пойди и как следует прошерсти все, что успел нащелкать. Я уверен, достойные кадры есть. А девочек в покое оставь. Да, такси Брейкер вызови.

– Но... – это было последним что вырвалось изо рта Стаса. Он развернулся и быстрым шагом направился к студии.

На протяжении этого разговора, который у меня вызвал нервное хихиканье, набираю номер Бурмистрова. Но он по-прежнему недоступен.

– Не дозвонилась? – спрашивает Якоб. Отрицательно мотаю головой.

Тогда больше не говоря ни слова, он подхватывает меня на руки. Леа все еще в коридоре, сидит на полу, притянув к себе колени и обхватив их руками. Волосы растрепаны, лицо в крови. Ловлю ее взгляд полный жгучей ненависти. И понимаю – именно ко мне. Не к Якобу. Потому что потом она переводит глаза на Штаховского и в них вспыхивает совсем другое чувство – глубочайшая тоска. Она влюблена в него. Понимание этого оглушает меня. Трудно представить более неподходящих друг другу людей. Оба с непростыми характерами и взрывным темпераментом. Сегодня Леа это доказала. Мне не по себе. Кто знает, на какие еще гадости она способна из ревности? Даже подумалось – может прав Артур... не стоит нам с Якобом в дружбу играть. Ни к чему хорошему это не приведет. Я уже пострадала. Оно того не стоит. Надо только как-то объяснить это Якобу. Чтобы он понял и не обиделся.

«До всего тебе дело есть, Мотылек, только не до любимого. О его чувствах в последнюю очередь думаешь», – корю себя мысленно. А потом снова возвращаюсь к размышлени-

ям о Леа. Что за странный способ привлечь к себе внимание парня? Вон, чего добилась, по лицу огребла. Это ужасно. Мне неловко, что я присутствовала при этой сцене, кипящей страстью и ненавистью одновременно. Якобу лучше не появляться больше в агентстве. Такое не прощается. А у девицы еще и папа-зверь имеется.

Отчего-то мне вдруг вспомнился фильм «Влюбись в меня, если осмелишься». Чтобы решиться на любовь к такому, как Якоб, и правда смелость нужна... То же самое можно сказать и о Леа. Совершенно безбашенная девчонка. Так поперла на здорового взрослого парня... Мне не по себе до сих пор от их схватки. Но дело не в названии фильма. А в его смысле, который я, если честно, не поняла. Двое влюбленных друг в друга людей на протяжении долгого времени строили друг другу козни. Страшные подставы. Испытывали друг друга на прочность. Ради чего? Рисковали жизнью... чтобы осознать, что любят. Зачем такие сложности?

Да, конечно, и у нас с Артуром непростой путь, в котором по большей части виноваты мы сами. Но на этом пути не было ненависти или агрессии. Только комплексы и недопонимания. Что не делает нас более умными, или примером для подражания. И все же я считала, что вести себя как Леа – нельзя.

А может я все придумала, и нет никаких чувств между Якобом и Леа? Они даже не смотрелись как пара – он блондин с пухлыми губами, таинственными темно-зелеными гла-

зами, высокий и харизматичный. Ему бы больше подошла жгучая высокая брюнетка... А Леа отлично бы смотрелась со взрослым, опытным мужчиной. Брутальным брюнетом лет так сорока. Богатым папиком – так это называют...

Боже, какой бред я несу. Видимо, результат обезболивающего укола. Мы находимся в больнице. Артур по-прежнему не отвечает на звонки, и я начинаю злиться. Кровью тут истекаю, и вынуждена принимать помощь Якоба. То, чего бы Бурмистров хотел меньше всего! Но где он сам? Когда мне так нужна его поддержка и помощь!

– Я отвезу тебя домой, малышка, – Якоб подходит и снова берет меня на руки.

– Нет... пожалуйста, не надо. Поставь меня.

– Но твоя нога...

– Я могу ходить. То есть – попробую. Это же не перелом, рана небольшая. Мне кажется Леа после тебя больше в медицинской помощи нуждалась.

– Не хочу говорить об этой суке, – морщится Якоб. Но послушно ставит меня на ноги, только продолжает обнимать за талию, поддерживая. Помогает осторожно ковылять к выходу.

– Если ее отец хоть немного на дочу похож, тебе лучше уехать на время из города.

– Разберусь. Идем, Скорос. Не заговаривай мне зубы.

– Я вызвала такси.

– Зачем?

– Нам не стоит так часто видеться, Якоб. Извини. Сегодняшняя сцена заставила меня задуматься...

– О чем? Что за бред ты несешь?

– О нас... Мы провоцируем людей на поступки...

– Что?

– Леа сделала это из-за тебя, я почти уверена.

Мы останавливаемся в холле, где я с облегчением присаживаюсь на банкетку – от ходьбы нога начала нестерпимо саднить. Якоб садится рядом.

– Это самая большая глупость, которую я мог от тебя услышать!

– А я думаю, что права, в той или иной степени. Леа влюблена в тебя... и ревнует. Так же как Артур ревнует меня. Ему неприятно что мы общаемся.

– И ты собираешься послать меня, как какой-то кусок дерьма, только потому что ему неприятно? Кто он такой, чтобы решать, с кем тебе видеться? С кем дружить? Разве я делаю что-то неправильное, Скорос? Пытаюсь вас поссорить? Пристаю к тебе? Клеюсь? Ты сделала выбор и я... не принял его, все еще работаю над этим, но надеюсь, что смогу смириться... Но выбрасывать меня как шваль – жестоко.

– Я не выбрасываю! Не надо так... Я лишь хочу, чтобы всем хорошо было... Леа...

– Да забудь ты об этой глупой избалованной дуре. Да, она была влюблена в меня. Давно, совсем девчонкой. Мне же она никогда не нравилась, ни капли. Всегда была невыносимо ка-

призной, заносчивой. Вечно подлянки делала. Меня от нее тошнит. Выросла и не поумнела, превратилась в суку...

– Мне все равно ее жаль.

– Ты излишне великодушна. Не стоит она, даже пары слов.

– Но ее отец может навредить тебе. Если она расскажет, что ты ее ударил!

– Лучший мой поступок за неделю. Прямо полегчало.

У меня звонит мобильный – приехало такси.

– Поможешь дойти до машины?

– Ты ужасно упрямая, Скорос.

Он помогает мне доковылять до машины, хотя сначала пытается снова взять меня на руки, но не позволяю. Маленькая победа. Якоб злится.

– Прости меня, – говорю, усаживаясь на заднее сиденье такси.

– Но кто тебе поможет выйти из машины?

– Я не в квартиру поеду. К бабушке.

– Хочешь сказать, мы больше не увидимся?

– Так будет лучше всего...

Глава 25

Дома при моем появлении начинается настоящий переполох. Я позвонила Ромке и попросила выйти к такси, чтобы он помог мне дойти до дома. Нога не болела – видимо действовали обезболивающие, но я боялась на нее наступать.

– Рассказывай, – налетает на меня Лиса, когда остаемся с ней наедине. – Чую, история интересная.

– Ошибаешься, – вздыхаю. – История ужасно противная. Очередная Барби на мою голову.

– Ого! У тебя милая, похоже на роду написаны столкновения с такими... Соболева-подобными, – хихикает Лиса. – Ну расскажи, не видела тебя неделю уже, ты совсем в своем Принце растворилась. И даже не делишься, между прочим, это обидно, я тебе про Ромку все рассказываю!

– Еще и с Артуром поругалась, – вздыхаю.

– Да уж, жизнь кипит, что сказать, – сочувствующе произносит сестренка. – Серьезная ссора?

– Для меня – нет. Но он похоже другого мнения... Теперь вот трубку не берет.

– Что произошло? Не похоже на Артура. Он же надыхаться на тебя не мог...

Мы действительно на днях, незадолго до ссоры, заезжали к родителям с Принцем, и я сообщила своей семье, что теперь мы снова вместе. Артур вел себя безупречно, так что и

папа, и бабушка прониклись к нему и, можно сказать, одобрили наше примирение. Или смирились, я не особенно спрашивала их мнение – просто поставила перед фактом.

– Ему Якоб помешал... Не нравится наше общение.

– Ну так кому понравится?

– Но это же просто дружба.

– Все равно.

– Якоб признался мне в любви, – произношу тихо.

– Вот это да! Ты настоящая роковая красотка! Всех с ума свела! Горжусь тобой, детка! – восклицает Лиса. Вот только мне совсем не весело.

– Я не против даже избегать Якоба... Хотя это ужасно несправедливо. Но сама постановка вопроса – ее довольно трудно принять. Этаким диктатор. Что же будет дальше?

– Дальше ты будешь невероятна счастливой и очень красивой невестой! Бурмистров с тебя пылинки сдувать будет! Знаешь поговорку – ревнует, значит любит. Это как раз из вашей оперы. Да тебе самой бы понравилось, будь у него «подруга»?

– Нет... Но я не знаю, как сделать, чтобы до Якоба дошло, что нужно не общаться. Да еще постоянно выручает меня! Вот и сегодня... Не представляю что бы я без него делала...

Рассказываю Лизе ситуацию на работе. Она конечно негодует.

– Вот сука! Ну попадись мне! Ведьма номер два! Обязательно заеду к вам в агентство и обдеру дуру перья, да в них

же и вываливаю.

Мне становится смешно – представляю Брейкер вываленную в перьях.

– Нет сестренка, эту бабу лучше не трогать. Она как мгновенный яд... Ужасная особа, уж поверь. Еще и папа крутой имеется. Но Якоб ей так взрезал... Мне аж нехорошо стало. Было очень жестоко.

– Мне он начинает нравиться, – хмыкает Лиза.

– Мне тоже, – шепотом признаюсь и сама пугаюсь этого признания.

Набираю номер Артура. И о чудо, слышу длинные гудки, а потом его голос:

– Привет, Мотылек.

– Где ты? – спрашиваю тихо. – Я тебе звонила много раз. Почему не отвечал? Я так сильно обидела тебя?

– Нет... Это я вел себя как идиот. Прости меня. Я не в городе сейчас. Подвернулась халтура, пришлось уехать. Я безумно соскучился. Вернусь, наверное, через пару дней. Умираю как хочу тебя увидеть.

– И я тоже. Очень соскучилась.

– Рад это слышать. Как вернусь, буду на даче. Там тоже дела у меня. Ты приедешь ко мне, Мотылек? Я умираю от желания тебя увидеть...

– Конечно приеду.

– Я позвоню.

Довольно короткий разговор, чувствуется, что Принц

очень занят. Что за работу он нашел? Это отчего-то беспокоит меня. Но с другой стороны – даже просто услышав его голос, чувствую, как тепло разливается по телу. И это его «Ты приедешь ко мне?» произнесенное бархатно-интимной интонацией.

* * *

Через несколько дней нога почти зажила. После обеда я поехала в агентство – попросила Наталья. Я переживала, что Стас мог рассказать ей подробности фотосессии. Но Наталья была довольной и безмятежной, мы просматривали наши с Леа напечатанные фото и заказчик, присутствующий тоже, был очень доволен. Когда я уже начала собираться домой, запищал мобильный – пришло сообщение от Артура, короткое и лаконичное: «Я на даче. Приезжай». Я разволновалась. Отчаянно хотелось прямо отсюда сорваться к нему. Наталья, видя мое состояние, предложила:

– Артем отвезет тебя. Ехать час, на такси не хочу тебя отпускать. С Артемом будет спокойнее...

– Хорошо, соглашаюсь я. Но не доезжая где-то четверти пути у парня заглохла машина. Видя мою нервозность и нетерпение, он вызвал мне такси.

Выхожу возле дачи Артура. Захожу в калитку, поднимаюсь по ступенькам на крыльцо. Почему-то я ожидала, что он встретит меня. Но когда звонила в дороге – мобильный

Артура был недоступен. В доме тихо, на кухне горит приглушенным светом торшер. Поднимаюсь наверх, в спальню Принца. Там темно, лишь слабо горит торшер возле постели. Я не произношу ни слова, нет сил крикнуть, горло отчего-то стискивает спазмом. Как будто все происходит не в реальности, а в кино. Ужастик, который смотрю, закутавшись в плед сидя у камина в доме бабушки. Если бы это было так...

Застываю на пороге комнаты, сердце начинает колоть, пульс зашкаливает. Почему мне потом будет казаться, что я заранее, раньше собственных глаз поняла, что произошло непоправимое?

В едва освещенной комнате разобранная постель. Смятые простыни. Обнаженный Принц лежит на спине. А верхом на нем сидит Вероника Соболева. Ее руки обнимают шею Принца. Она поворачивает свое лицо ко мне и на нем явно читается триумф. А я...

Не знаю, как на ногах устояла. Пячусь назад. Больше всего боюсь, что Артур заметил меня. Этого унижения мне не вынести. Неужели для этого он звал меня? Не могу поверить в подобную жестокость. На ватных ногах вываливаюсь за порог дома, едва не спотыкаюсь обо что-то на крыльце – в последний момент удается ухватиться за каменную кладку, и не шмякнуться носом вниз. Больно царапаю о кирпичную стену руку. Хочется бежать, но ноги не слушают, мне кажется двигаюсь как в замедленной съемке. Такси конечно, уже уехало. Не знаю, что делать. Разве что к дому Натальи до-

браться, и оттуда позвонить. Хочется как мыши залезть в самую темную нору и никого не видеть, не слышать. За что, как, почему – я подумаю позже. Сейчас надо заново научиться дышать. Потому что мне реально страшно. Сердце колотится так что вот-вот грудину пробьет. Трудно сообразить, как дойти до дачи Наташи. Бреду сама не зная куда. Надо проверить, где мой телефон. Без него мне точно отсюда не выбраться. Но тут он сам звонит и мне становится уже не так страшно. Хотя бы связь есть. На экране имя – Якоб. О Боже, меньше всего мне хочется сейчас разговаривать с мужчиной. Мне кажется я разом возненавидела весь их род... Лживых ублюдков. Но звонок настойчив, и я отвечаю.

– Да?

– Скорос? У тебя все хорошо?

– Отлично, – закусываю губу, чтобы не зарыдать, или не завывать во весь голос от удушающего отчаяния. – Чего тебе, Якоб?

– Я неподалеку. Встретил Артема. У него машину эвакуируют. Он сказал, что тебя подвозил. Чтож он недотепа-то такой... ни разу не довез тебя по-человечески.

– И?

– Ты в порядке, Скорос? Я лишь узнать хотел. Извини, если помешал.

– Ты можешь отвезти меня обратно в город? – вырывается у меня.

– Что случилось? Где ты? Не добралась до дачи Артура?

– Я... возле дома Натальи. Ты можешь...

– Через пять минут буду. Никуда не уходи.

Он приехал через три. Видимо на такой скорости гнал, что при торможении жалобно засвистели покрышки. Выскочил из машины и бросился ко мне. Калитка дачи моей начальницы естественно заперта. Я не смогла попасть внутрь. Впрочем, была мысль перелезть через забор, так хоть смогу остаться в относительной безопасности. Но звонок Якоба избавил меня от этой необходимости.

– Что случилось, малыш? – подлетает ко мне взволнованный Штаховский. – Ты бледная как полотно.

– Отвези меня в город.

– Он как-то обидел тебя?

– Я не хочу... не могу сейчас говорить. Пожалуйста.

– Хорошо.

Мы садимся в машину. Якоб больше не произносит ни слова. Но едва отъезжаем от поселка меня начинает тошнить. Сильнейшие спазмы, Якоб тормозит на обочине, вылетаю, падаю на колени на влажную траву и меня выворачивает на изнанку.

Якоб помогает мне сесть в машину. Но проехав совсем немного все повторяется. Снова выбегаю из машины. Рвать уже нечем, но спазмы все равно сотрясают меня.

– Черт, так нельзя... Даже воды нет, и магазинов поблизости... Василин, наверное, тебя в больницу отвести надо. Может скорую вызвать? – растерянно спрашивает Якоб.

– Нет. Не хочу.

– Но тебе ужасно плохо.

– Все нормально...

– Какое там нормально.

Забираюсь на заднее сиденье, меня трясет от озноба. Якоб снимает куртку и протягивает мне.

– Никакой больницы, понял?

– Что тогда? Слушай... Тут неподалеку дом моих друзей. Там никого, у меня ключи есть. Поедешь? Полежишь, попьешь... Тебе сейчас больше воды надо. Но если не полегчает, вызову скорую.

Киваю головой. Мне по сути все равно куда. Лишь бы не видеть никого. Ни друзей, ни родственников. Якоб прав, до города мне в таком состоянии не добраться.

Что такое предательство? Всего лишь неоправданные надежды, которые ты возлагаешь на близкого человека, будь то друг, родственник или возлюбленный. Но ведь ты не можешь знать на сто процентов, что у него на душе. Может, у него на определенные поступки своя точка зрения. Он не обязан делать так, как ты считаешь правильным. Поэтому зачастую в предательстве виноваты мы сами. Не сумев понять за время, проведенное с человеком, что он чувствует. Разобраться, что не дорога ему.

Словно в тон моей плачущей кровавыми слезами душе, заморосил противный промозглый дождь. Спорить с Якобом выше моих сил. Да я вообще в этот момент мало что со-

ображаю, растерянная и оглушенная. Перед глазами до сих пор Соболева. И все горит внутри. Разъедающая сердце боль. Миллион вопросов: что, как, зачем... Почему я не осталась и не задала их? Потому что трусиха. И потому что остаться там даже на минуту означало запачкаться так сильно, что уже никогда не отмыть себя, не выбелить. Убежала, потому что сердце бы не выдержало и секунды рядом с ними... Потому что побег – действие, выход из любого тупика. Конечно, это отличается от благородного понятия «сражаться». Лицом к лицу, с врагом. Но за что будет битва в моем случае? Разве что глаза себе выколоть...

Когда машина останавливается, выходим у какого-то большого дома, темнеющего за высоким забором. Дождь припускает сильнее. Якоб хочет взять меня на руки, но резко обрываю его. Отрицательно мотаю головой. Одежда за пару минут промокает насквозь. Делаю пару шагов и камень впиивается в ногу, только сейчас понимаю, что я босиком и понятия не имею, где потеряла туфли... Зажмуриваюсь от боли. Но молча, не издав ни звука, следую за Якобом. Не знаю, куда он привез меня. Впрочем, ехали недолго. И то я едва вытерпела. Постоянно начинались спазмы в желудке. Не знаю, почему автомобиль вдруг так стал действовать на меня.

В горле пересохло, ужасно хочется пить. Железная калитка, которую отпирает Якоб, встречает нас таким пронзительным скрипом, что на глаза наворачиваются слезы. Нервы, и так натянутые до предела, не выдерживают. Меня начинает

трясти, понимаю, что лицо мокрое – плакала, даже не заметив этого. Но продолжаю молча следовать за Якобом, хоть и мало что вижу перед собой.

На пороге спотыкаюсь, едва не упав на скользком мраморном полу.

– Осторожнее, малышка, – взволнованный шепот.

Зря мы приехали сюда... Только сейчас понимаю, что оказалась в незнакомом месте, в чужом доме наедине с Якобом. Мне не по себе. Почти ничего не видно... Темно, хоть глаз выколи. Но понимаю, что едва держусь на ногах, голова кружится, дышать тяжело. Обратно до машины мне не дойти.

– Сейчас включу пробки, осторожнее, – голос Якоба.

Стараясь больше не споткнуться, следую за ним. Понимаю, что осталась одна – он куда-то ушел. И тут зажигается свет. Безразлично оглядываюсь по сторонам. Большая гостиная, светло-кремовые стены, пол из красного дерева, мягкие кресла, диван, камин. Делаю несколько шагов и оседаю на пол. Обхватываю лицо руками.

– Что с тобой, Василий? Тебе плохо? – Взволнованный голос Якоба вырывает меня из полуобморочного состояния.

– Нет. Можешь воды принести?

– Конечно. Сейчас.

Жадно пью принесенную в высоком стакане воду. Снова начинает мутить.

– Мне нужно в ванную.

Якоб отводит меня на второй этаж. Видимо, гостевая ком-

ната. Лаконичная, в холодных тонах. Проскальзываю в при-
мыкающую к ней дверь, запираюсь изнутри. Долго рассмат-
риваю сверкающую черно-белую мозаику кафеля, золотые
краны, прежде чем повернуть их. Сбросив мокрое платье,
бюстгальтер и трусики, наполняю ванну. Мне плевать, что
дом чужой, что не знаю этих людей и что за дверью Якоб.
Мне просто необходимо забраться в горячую воду, иначе так
и не смогу избавиться от лихорадочной дрожи во всем теле,
вызванной то ли мокрой одеждой, то ли картиной, которая
до сих пор стоит перед глазами. Артур и Соболева. Самый
страшный мой кошмар. Почему она? Почему снова именно
она? Чтобы ударить побольнее? Другого варианта просто не
нахожу. Как же Стеблов? Как ее беременность? Это что, на-
перед задуманный фарс? Или, не успев стать счастливой ма-
машей, едва освободившись от живота, она к Артуру побе-
жала? Так не бывает. Разве что в кино. Хотя нет... Даже в
кино я такого не видела ни разу.

Взяв в дрожащие руки флакон с душистым жидким мы-
лом, выливаю приличную порцию на ладонь, намыливаю се-
бя как можно тщательнее, до красноты растирая кожу. После
холодного дождя это почти блаженство. Вот только ледяной
кусочек внутри не поддается, а лишь растет с каждой минутой.
На какой-то момент понимаю, что потеряла счет времени, в
реальность меня возвращает нетерпеливый стук в дверь.

– Эй, ты там не заснула? Я волнуюсь, Скорос. Ты уже три
часа там сидишь...

Не отвечаю на тихие слова Якоба, пока он не начинает грозить, что выбьет дверь.

Приходится крикнуть, что все в порядке, быстренько смыть последние следы душистой пены и наскоро вытереться махровым полотенцем.

Надев на еще немного влажное тело огромный белый халат, висящий на крючке, собравшись с духом, выхожу из ванной комнаты.

Якоб ждет меня у дверей спальни. Он даже не переоделся, только скинул куртку. Мокрая футболка облепила тело. В руке стакан с янтарной жидкостью, в глазах непривычное выражение – переживание и тревога. Неужели и впрямь волнуется за меня?

– Это бренди. Попробуй глоток сделать. Как лекарство. Чтобы не заболеть...

Беру бокал и покорно делаю глоток. Ужасно противная штука обжигает горло и заставляет закашляться. Но через минуту внутри разливается приятное тепло. Делаю еще глоток. Уже не так противно. И еще.

– Тсс, хватит, малышка. Больше нельзя. – Забирает у меня бокал, ставит на маленький журнальный столик рядом с кроватью и вновь поворачивается ко мне. Подходит почти вплотную, шумно вздыхает, словно обнюхивая меня, потом берет мою руку и подносит к губам.

– Расскажешь, что произошло? Или поспишь?

– Налей мне еще, – прошу в ответ.

Как бы хорошо было сейчас уснуть. Но вряд ли получится, даже если напьюсь до беспамятства. Едва закрою глаза – и мысли, воспоминания начнут жрать меня. Где я ошиблась? Зачем снова поверила? За что он так со мной? Как же я устала от вопросов, звучащих в голове все громче. Хотела избавиться от них. Возможно, тогда мне удастся собрать себя из осколков и спокойно посмотреть на ситуацию со стороны. Решить, что делать дальше.

– Хорошо. Только совсем чуточку. Это поможет тебе уснуть.

– Чей это дом?

– Друзей. Не волнуйся, они за границей. Семейная пара. Я могу поискать что-то из одежды Марины. Вы приблизительно одной комплекции...

Ничего не отвечаю на эту заботу. Не спускаю глаз с бокала с янтарным напитком в руках Якоба. Хоть какое-то обезболивающее, только об этом сейчас могу думать.

– Ты можешь остаться тут насколько захочешь. Но, наверное, надо позвонить... Хотя бы твоим. Отцу. – С этими словами Якоб протягивает мне бокал.

Беру напиток и отрицательно мотаю головой.

– Они не будут искать меня.

– А если Бурмистров позвонит им?

Эта фамилия острой болью отдается в сердце. Я напрягаюсь, бокал, который передал мне Якоб, начинает дрожать в руке.

– Т-ты прав. Дай телефон.

Свой телефон я выключила еще у дома Натальи, как только подъехал Штаховский. Не хотела ни с кем говорить. Боялась звонков. Но, скорее всего, их и не было... Будет ли искать меня Принц? Зачем? Зачем ему искать меня, если он сейчас в постели со своей принцессой?

Набираю номер Лисы. Пытаюсь сообщить – со мной все в порядке, но сестренка моментально просекает, что все ровно наоборот.

– Что случилось, Василин? Где ты? Ты ведь к Артуру поехала. Так почему просишь не отвечать на его звонки? Вы поругались?

– Да...

Пауза.

– Он обидел тебя?

– Пожалуйста, Лиз. Все слишком сложно...

– Я приеду! Заберу тебя!

– Нет... Мне нужно побыть одной.

– Но ты не одна! С чьего телефона ты звонишь?

– Якоб... Мы в доме его друзей.

– Мне это не нравится! Срочно диктуй адрес.

Чтобы успокоить Лису, пришлось просить Штаховского продиктовать данные моего местонахождения. Потом я еще какое-то время убеждала Лизу, что так будет лучше и не нужно приезжать за мной. Пообещала, что вернусь домой завтра. Сегодня мое тело отказывалось двигаться. Меня точ-

но в кокон замотали, как куколку. Вот только никогда мне больше не быть бабочкой.

– Возможно, тебе следовало попросить сестру, чтобы приехала сюда. Я не знаю, как помочь тебе, Скорос, – вздыхает Якоб. – Что сделать или сказать...

– Мне так лучше, – отвечаю тихим шепотом. Хотя понимаю, что лучше мне уже не будет и не станет никогда...

– Я готов выслушать, помочь чем смогу. Может, все не так страшно? Ты можешь рассказать, что произошло?

В этот момент мне кажется, что он прав. Если высказаться, может, станет легче. Но как суметь выдать из себя столь грязную правду?

Якоб подходит и обнимает меня. А мне вдруг так хорошо становится от этих крепких уютных объятий. Но через мгновение становится не по себе. Тело Якоба кажется мне невероятно напряженным, буквально каменным. Он не расслаблен, наоборот. И мне инстинктивно хочется вырваться...

– Не надо меня бояться, Скорос, – шепчет Якоб. – Я, конечно, не монах... И ты волнуешь меня, особенно в халате, черт... Но я не ем маленьких девочек на ужин. Ты в полной безопасности.

– Нисколько не боюсь, – отвечаю горько. – И тебе тоже нечего бояться.

Убеждаю себя, что мне почудилось и нет никакого влечения, возбуждения, искры, казалось, вспыхнувшей на секунду между нами... И что воздух в комнате словно завибри-

ровал от напряжения. Это все нервы. Ничего не было в его глазах... лишь мое воображение. В следующий момент напряжение исчезло, на лице Якоба появилась привычная лукавая усмешка.

– Сейчас вернусь, – бросает хрипло и скрывается за дверь. А я подхожу к окну и смотрю, как погода оплакивает мои разбитые мечты. Я благодарна за это. За дождь, перешедший почти в ливень. За грусть в унисон. За этот теплый дом, приютивший меня. И твердое плечо Якоба...

Он снова заходит в комнату – в его руках стопка одежды. Заботлив, услужлив и добр... Мечта, а не друг. Желаящий большего. Интересно, будет ли он все так же влюблен, если узнает, что с Артуром покончено? Или тоже разочаруется, поймет, что без конкуренции Мотылек не интересен?

Меня вдруг колет эта мысль.

Молча принимаю одежду и закрываюсь в ванной. Переодеваюсь – простая черная футболка, серые спортивные брюки, мне действительно точно по размеру.

Выхожу из ванной и сажусь на постель. Удивительно, Якоб даже стол накрыть успел. Чай, печенье, мед...

– Поешь, Скорос. Все, что смог найти. И ложись баиньки, – мягко говорит он.

– А ты?

– А я твой сон покараулю.

– Ты просто невероятно мил. Почему, Якоб? Чем я так зацепила тебя?

– А чем зацепил тебя Артур? – раздается в ответ.

Жестокий вопрос. Но Якоб прав. Я сама виновата, зачем начала разговор про чувства?

– Артур изменил мне сегодня, – признаюсь будничным тоном.

– Что? Это какой-то бред...

– Который я увидела своими глазами.

– Ты уверена?

– Хочешь сказать, я страдаю галлюцинациями? Или это был спектакль?

– Расскажешь по порядку?

Сбивчиво вываливаю события, иногда делая перерывы, чтобы сделать глоток чая. Ромашковый. Есть ли предел заботы у этого мужчины? Или это лишь случайный выбор?

Якоб сидит в кресле возле окна. Я – напротив, между нами маленький стеклянный столик. Незначительное расстояние. Частые паузы между предложениями... Длинные. Но нет неловкости. Есть ощущение уюта и покоя. И в воздухе словно установилась некая магическая связь.

– Не верю, что он мог так поступить. Мне, конечно, так лучше, – морщится Якоб. – Но врать тебе не буду. Это бред, Скорос. Зачем ему Соболева?

– Не знаю... Первой мыслью было... – осекаюсь, не в силах произнести.

– Что? О чем ты подумала?

– Что это из-за тебя. Мы поссорились из-за тебя. Артур

хотел, чтобы я прекратила общение. Ушел, хлопнув дверью. И потом это...

– Хочешь сказать – месть? Нет, малышка. Ты ошибаешься. Хотел бы я, чтобы это было правдой. Чтобы Бурмистров оказался таким сукиным сыном. Но я в это не верю. Он бы не стал из-за злости вытворять такое. Ты ошиблась. Что-то поняла не так.

– Как можно по-другому понять? Она на нем... сверху... почти голая... Может, у нее пистолет в руке был, а я не заметила? – всхлипываю.

– И ты сразу убежала? – тихо спрашивает Якоб.

– А что я должна была делать? Кошкой разъяренной на них броситься? Претензии предъявить?

– Да, понимаю. Это не в твоём духе. Ты убегаешь.

– Не всегда!

– В прошлый раз уехала из-за глупого спора. Надо учиться бороться за себя, Скорос. В мире полно хищников. Мне жаль, что так вышло. Но не думаю, что ты все правильно поняла. Вам надо поговорить с твоим Принцем.

– Ни за что!

– Потом пожалеешь.

– Нет... Ты не понимаешь... Слишком больно.

Этот разговор доконал меня. Снова душат слезы и предательская боль внутри. Все тело ноет, точно меня избивали. Ощущение огромной бетонной плиты, придавившей меня целиком. Не только крылья.

А еще – пустота. С каждой минутой все страшнее от ощущения огромной, разъедающей душу пустоты внутри. Точно все, из чего состояла моя личность, в момент исчезло, и осталась лишь оболочка. Мне нужно согреться. Почувствовать человеческое тепло. Объятия. Иначе в ледышку превращусь. Мне не перенести все это в одиночку.

– Ты можешь поддержать меня за руку? – нерешительно спрашиваю Якоба. Стыдно, что прошу его об этом. Чувствую себя жалкой и слабой.

– Я готов на все, лишь бы облегчить твою боль, малышка, – отвечает Якоб. Подходит ко мне и заключает в объятия.

– Давай съезжу сейчас на дачу. Поговорю с Бурмистровым. Привезу его сюда. Ты не должна мучиться неизвестностью.

Но я не могу. Веры больше нет, она порвалась внутри, ведь и без того тонка была, едва только возродиться начала из пепла.

Якоб целует меня в макушку, пытаюсь отстраниться, но, запустив свободную руку в распущенные волосы, он крепко держит мою голову. Наши губы соприкасаются. Поцелуй очень нежен, ему трудно противостоять. Но я отклоняюсь, прерываю это робкое прикосновение.

И внезапно понимаю, что нет больше сил бороться. Все чувства обострились до предела, а мысли разбежались так далеко, что и не найти ни одной. Лицо Якоба так близко... Чувствую жар его тела, судорожное дыхание. Он напряжен,

точно натянутая тетива. Наверное, ему нелегко говорить со мной о моей любви к другому. Но он говорит. И даже защищает соперника. Это подкупает. Притягивает. Он хочет еще раз поцеловать меня... Я это чувствую.

Но Якоб отстраняется и отступает на шаг. Берет стакан и делает несколько глотков бренди.

– Да уж, ситуация непростая. – Его голос одновременно нежный и напряженный. – Кто бы мог подумать, что буду тебя уговаривать Артура простить... Идиотом себя чувствую.

На секунду задумываюсь, каково и правда Якобу. Слушать мои стоны по другому парню. Еще и помирить нас пытается... Сглатываю комок... Даже предположить не могла, что Штаховский таким благородным окажется... Но в то же время даже сейчас чувствую в его интонации острый краешек насмешки.

Подхожу к Якобу вплотную. Не знаю, почему он так манит меня. Забираю бокал из его руки, он полон на четверть. Несколько больших глотков, и я опустошаю его, закашливаюсь, на глаза наворачиваются слезы.

– Что ты творишь? – восклицает Якоб.

Тянусь к нему, обнимаю за шею. Не понимаю, что творю. Знаю только, что мне необходимо его тепло, его сила. Утыкаюсь лицом в его шею. Как приятно. Не страшно. Спокойно. Впервые с момента, когда увидела Соболеву, боль хоть немного отступила.

– Что ты делаешь, Скорос? – со стоном произносит

Якоб. – Хочешь окончательно сердце мне разбить? Поругалась с Принцем своим и меня, как таблетку, принять хочешь? Это жестоко. Я ведь не смогу устоять.

В невольном порыве обнимаю за шею и тянусь к нему губами. Это безрассудство, безумие, но мне всё равно. Якобу потребовалось всего полсекунды, чтобы ответить – с тихим стоном прижаться к моим губам.

Он целовал меня однажды, но сейчас всё по-другому. Тогда был напористый, наглый поцелуй самца, пробующего территорию. Завоевателя, предъявляющего свои права. Сейчас это робкое, безумно трогательное, очень нежное касание. Точно я – хрустальная статуэтка невиданной цены и красоты. Мои глаза закрываются, руки Якоба поддерживают меня под спину, а губы ловят мои губы с разных углов и поглощают тихие звуки, вырывающиеся из моего горла. Я расслабилась и распласталась на широкой мужской груди, но этой близости мало. Огромная оглушающая потребность ощутить рядом сильное тело, его мощь, защиту. Точно в попытке удержаться на краю пропасти, цепляюсь за плечи Якоба, зарываюсь пальцами в его шевелюру. В голове все перемешалось от безумных мыслей. Сейчас Артур и Якоб слились для меня в единое целое. Это один человек. И он рядом со мной. Не в постели с другой. То был кошмар, а сейчас я проснулась. И мой любимый рядом. Прогоняет мои страхи.

– Остановись прямо сейчас, – шепчет страстно Штаховский. – Он же друг мой... Другом был.

Продолжаю слепо искать желанный рот, проводя раскрытыми губами по чисто выбритому подбородку, пока Якоб не начинает дрожать и снова не впивается в мои губы жадным поцелуем. Настойчивее, грубее, глубже, но мне нравится. Все сильнее стискиваю его плечи, впиваюсь ногтями. Чувствую, как его ладонь пробирается мне под футболку. Груды налились и болят, вершинки сжались в предвкушении мужского прикосновения. Беру его руку, подталкиваю вперед и вверх.

– Пожалуйста...

– Нет. Боже, Скорос...

Он отодвигается с тихим проклятием и возвращает футболку на место. Проводит по своему лицу обеими руками, будто пытается справиться с собой. Снова тянусь к нему, но он хватает меня за запястья и удерживает, как в оковах.

Отворачивает лицо от меня и тяжело дыша, цедит сквозь зубы:

– Я же не смогу отпустить тебя после этого, Скорос. Ты понимаешь? Не смогу...

Смотрю молча на него. В его глазах столько безумного огня, который так мне нужен, чтобы согреться.

– Если дотронусь еще раз – не смогу остановиться. Понимаешь? – голос звучит хрипло, обрывисто.

– Не останавливайся... – вырывается у меня.

С тихим возгласом Якоб оказывается рядом. Подхватывает меня на руки, несет к постели. Целует снова и снова. Жад-

но, просто бешено, сминая губы, погружая язык в мой рот. Опускает на кровать и нависает сверху. Задыхаясь, отрывается от моих губ и прокладывает языком дорожку поцелуев по шее к плечу. Его дыхание буквально обжигает кожу, вызывая покалывание от затылка, вдоль позвоночника, до самого копчика. Маленькие электрические разряды и гулкое биение сердца... И снова замирает, напряженно вглядываясь в мое лицо. Завороженно смотрим друг на друга. В зеленых глубинах его глаз отражаются мучительная нерешительность и жадная мужская страсть. Читаю в них любовь и мольбу, и безграничную нежность. Меня словно волной накрывает, заставляет захлебнуться.

Дыхание неровное, прерывистое. Долгое, трепетное мгновение, когда взгляды говорят яснее слов. Якоб осторожно тянет мою футболку вверх. Помогает снять и штаны. На мне нет белья – оно сушится на батарее в ванной. Чувствую неловкость, прикрываю себя руками. Якоб отстраняется и срывает с себя одежду так быстро, что не успеваю опомниться. Его высокое мускулистое тело очень красиво. Хочется смотреть, изучать, но я смущаюсь этого порыва.

– Иди ко мне, – нежный шепот.

В ушах звенит, неистово колотится сердце. Тело охватывает сладкая дрожь. Все теснее лгну к сильному телу, наслаждаясь каждым мгновением, каждым прикосновением. Реакция, не имеющая ничего общего со здравым смыслом. Якоб бесконечно деликатен, нетороплив, хоть чувствую

дрожь, все разрастающуюся в его сильном теле. Он ласкает меня, покрывает поцелуями мою шею, спускаясь ниже, к груди, лижет мои соски, посасывает, безмерно смущая меня этой откровенной, жадной лаской. Мне не по себе, мне страшно. Но в то же время голова кружится, словно плыву в чувственном тумане, каждая клеточка тела откликается на эти ласки.

– Я боюсь сделать тебе больно, – шепчет мне в плечо Якоб. Мотаю головой. Никто не сможет сделать мне больно. Физическая боль ничто по сравнению с моральным уничтожением, которое я пережила сегодня.

Вцепляюсь в мужские запястья и тяну на себя. Якоб рычит, стискивает мои бедра и поднимает себе на встречу. Задыхаюсь от новых ощущений. Цепляюсь за его плечи, не понимая, оттолкнуть хочу или приблизить. Ощущаю крепкие мышцы под своими ладонями, сильные ноги, втискивающиеся меж моих бедер, вдыхаю его запах. Пульсирующая боль наполняет меня, когда Якоб касается самой интимной части моего тела. Мне становится страшно, начинаю вырываться.

– Ты такая маленькая, – стонет он мне в шею. – Прости, малыш...

Замирает и снова начинает ласкать меня, целовать. Шептать, как любит. Этот голос – самое сладкое лекарство. И в то же время яд. Он наполняет меня горечью. Но оттолкнуть Якоба я не могу. Нет больше сил. Он начинает осторожно двигаться во мне. Вижу, с каким трудом дается ему этот кон-

троль. Зубы стиснуты, кожа покрылась испариной.

– Подожди! – у меня вырывается панический стон, стоит только Якобу войти чуть глубже.

– Все, малыш, – выдыхает он едва слышно. – Сейчас будет легче. Я с ума по тебе схожу... – хрипит, накрывая своей рукой мои руки, цепляющиеся за кованную спинку кровати. – Не заставляй меня останавливаться.

Отчего-то эта мольба трогает меня.

– Хорошо, – шепчу в ответ и снова закрываю глаза.

Якоб начинает очень осторожно погружаться в меня, вынуждая снова вскрикнуть. Замирает, обхватив руками мое лицо и нежно целует, спускается ниже, покрывает поцелуями мое дрожащее тело.

И замирает, увидев татуировку. Понимая, кому она посвящена. Кто изначально сделал меня мотыльком. И кто раз за разом безжалостно обжигал мои крылья.

Знала ли я, что первым, кто увидит татуировку сожженного крыла, будет Якоб?

Это самое болезненное.

Внутри все сжимается в комок. Не знаю, чего ждать от Якоба. Понимаю, что он шокирован. И все еще сильно возбужден. Слезы снова начинают катиться из глаз. Меня охватывает ощущение, что плаваю в каком-то беспросветном кошмаре. Хотела тепла... А в результате получила незаконченный половой акт с нелюбимым мужчиной, к которому меня влек минутный порыв... Но сейчас все разом остыло.

И холод стал просто невыносимым.

Якоб, подхватив с пола свою одежду, скрывается в ванной. Пока его нет, тоже наскоро натягиваю на себя скомканные вещи. Когда он возвращается, лежу свернувшись комочком на постели и рыдаю. Якоб ложится рядом со мной, утыкаюсь лицом в его грудь. Когда он вот так обнимает меня, страх, пусть и ненадолго, но отступает. Не знаю, почему Штаховский так действует на меня. Произошедшее между нами вызывает во мне ужас. Но даже отстраниться сейчас нет сил.

Якоб еще долго обнимает меня, гладит по вздрагивающей спине, перебирает мои волосы. Так и засыпаю, убаюканная его добротой и нежностью. Проваливаюсь в глубокий сон без сновидений. Но ненадолго.

Глава 26

Просыпаюсь как от резкого толчка, весь ужас и неправильность произошедшего навалились разом. Сейчас мне еще хуже, чем вечером, когда застала Артура в постели с другой. Ощущение огромной, непоправимой ошибки, даже трагедии. Хоть и не понимаю, откуда оно взялось, находиться рядом с Якобом – не могу. Безмерно стыдно за произошедшее, и не менее – за то, что сейчас невыносимо видеть его, ведь он ни в чем не виноват. Меня охватывает отвращение, к нему, к себе... Не знаю, не верю, что смогу избавиться от всего что произошло, отмыться. Потихонечку выскальзываю из мужских объятий. Якоб крепко спит. Стараюсь двигаться бесшумно, собираю свои вещи и выскальзываю из комнаты.

Раннее утро, пять часов. Достаю мобильный и вызываю такси – хорошо, что запомнила вчера адрес, когда диктовала его Лисе со слов Якоба. Машина приезжает быстро. Но с каждым километром мне становится все хуже. Все кажется совершенно беспросветным. Предательство Артура, любовь Якоба. И то и другое – как трясина, засасывающая с головой. Корю себя за то, что снова сошлась с одним, и за то, что начала дружить с другим. Ничем хорошим это не закончилось. Опять моя жизнь в руинах. Снова бежать? Но на этот раз я не собираюсь этого делать. Как бы больно ни было, останусь в

городе, буду держать удар. Понимаю, что будет крайне сложно. Артур восстановился в институте и следующий год нам предстоит учиться вместе. Не на одном курсе... хотя даже в этом я не уверена.

На деле все обстояло гораздо хуже. Стоило мне вернуться домой – где-то с обеда Артур начинает названивать мне, точно ничего и не произошло. Чувствую себя идиоткой. Не могу поверить, что он даже ни в чем себя не винит! Ну положим, он не видел моего появления в доме... Но ведь сам позвал меня! Значит, хотел, чтобы застала его с другой. Или, посмотрим с другой стороны – Соболева меня точно видела. Она ничего не сказала Артуру? Может и СМС с приглашением он не посылал и это дело рук Ведьмы? Но как? Как можно быть настолько ужасным человеком? Она же только родила... Даже если предположить такое, как она справилась с двухметровым накачанным парнем, прошедшим Афган? Опоила наркотиком? Да нет, это уже совсем мыльная опера, которые любит смотреть Анна Григорьевна, а я так просто ненавижу.

Все эти мысли душили меня, на звонки Бурмистрова я не отвечала, обстановка в доме накалялась. Домашние не могли понять, что со мной происходит, волновались и засыпали вопросами. Я отказывалась объяснять в чем дело даже Лисе. В конце концов сестренка обиделась на меня...

На следующий день мне предстоял экзамен. Я была преисполнена решимости сдать его во что бы то ни стало. Как бы

ни было паршиво на душе, плюнуть на свое будущее снова, в угоду чувствам к тому, кто их же и растоптал – ни за что! Но стоит выйти из аудитории с пятеркой, натыкаюсь на Артура. Пячусь назад, но понимаю, что это не выход. Не буду же за профессора по экономике прятаться.

– Нам нужно поговорить, Мотылек, – взволнованно говорит Артур. А мне так противно, что дара речи лишаюсь. Но киваю... Пусть скажет что хочет. Я смогу. Выслушаю с гордо поднятой головой.

– Я знаю, что произошло, – начинает Артур.

И тут мне по-настоящему становится страшно. До обморока. Он знает? О нас с Якобом? Нет, только не это! Пусть он первый изменил, но я не в силах вынести то, что запачканной видит. И только в эту минуту понимаю насколько грязна... Никогда не отмыться. Глупый наивный Мотылек, хранящий верность Принцу в одну минуту превратился в червя...

Но после следующих слов Артура мне становится совсем плохо.

– Я знаю про Соболеву. Что она сделала. Поймал ее в своем доме и душу из суки вытряс. Пока не рассказала мне все... Я даже нашел откуда ветер дует. Димка, сволочь... следовало ожидать. Дед возвращается. Димка трясется, понимает урод, что недолго ему кайфовать. И решил сделать ход конем. Но до того грязно...

Артур осекается и трясет головой, а я не могу понять о чем он говорит.

Начал с Ведьмы, теперь почему-то переключился на своего дядю. Одно точно – он нисколько не выглядит виноватым. Уверенно объясняет мне какие-то ходы и хитрости, что-то вроде заговора... против нас... Соболева, которую бросил муж, потому что не от него ребенок... Эта фраза меня вытягивает из водоворота собственных мыслей. Кажется, я поймала нить, за которую могу потянуть и все наконец разъяснится.

– Это твой ребенок? – спрашиваю хрипло, зажмуриваясь в ожидании ответа.

– Что? Нет! Ты что, совсем меня не слушаешь? Ее Димка подослал. Чтобы нас с тобой рассорить. Прямо сейчас поедем к этой твари, она тебе все расскажет.

– Она скажет все что ты попросишь, я уверена, – закусываю губу, чтобы не разрыдаться.

– Мотылек, послушай, она мне не нужна. Никогда бы не стал снова с ней связываться. Да и в школе больше она за мной бегала, сама знаешь.

– Ага, за тобой в школе все бегали, – подтверждаю с горечью. – А ты и рад был.

– Давай только не о школе сейчас. Подумай сама. Мне она зачем? Но даже если нужна, зачем я бы стал вызывать тебя, подумай! Я только из поездки вернулся. Усталый и злой как черт. Приезжаю, на даче Димка. Начал зубы заговаривать, мол помиримся давай племянник, а то как не родные, Аристарху не понравится... Выпить предложил. Я, чтобы отде-

латься залпом выпил и начал его выпроваживать. Хотел тебе позвонить, не мог дождаться... Димка еще спросил: Ждешь кого? Я ответил коротко – Да.

И все. Ничего больше не помню! Что-то явно подмешал мне, подлюка. Очнулся я, когда Соболева как раз уходит собиралась. Сразу подставу почувствовал. Не отпустил.

У меня в подсознании засело что ты приехать должна была. Но никаких СМС я тебе не писал. Не успел просто. Все ждал, когда Димка свалит. Это он написал с моего телефона. А Соболева уже в его машине ждала. Вот ведь тварь! Родила только, две недели прошло! Оказалось, муж ушел от нее, так ей и ребенок не нужен. Родителям оставила нянчиться... И решила прошлое вспомнить. Снова ко мне вспылала. А тут Димка позвонил. Предложил помочь. Вернуть меня. Сговорились они, Мотылек, чтобы навредить нам. А ты... неужели поверила? Видимо так? Если бы ты не убежала... Присмотрелась... Я в отключке был. А этой дуре после родов так и вовсе нельзя ничем таким заниматься. Сама мне сообщила, когда я рвал и метал. Представляешь в каком я бешенстве был? Чуть не убил ее.

В конце концов, она призналась, что ты здесь была. Меня как ледяной водой окатили. Искать тебя бросился, всю ночь по округе ездил... Потом твоим позвонил, хоть и боялся тревожить, Лиса успокоила – дома спишь. Я понять не мог... Ты сбежала, конечно, тебе от той картины больно должно было быть. Но спать легла? Не поверил... Понял, что плакала, на-

верное, пока успокоительным не накачали. Решил ночь тебе дать. Как же трудно было дожидаться, не звонить тебе всю ночь, не приехать...

Ты веришь мне, Мотылек?

Скажи, умоляю.

Сейчас к Соболевой поедем. Потом, если хочешь – к дядьке моему. Едва не грохнул сучару, пока говорил с ним, но не хочу в тюрьму... Не хочу быть вдали от тебя...

Я люблю тебя, малыш! Безумно люблю.

И Артур притягивает меня к себе. Ищет губами мои губы. А я – ледяная. Мертвая. Его слова не возродили меня. Под землю загнали.

Что толку теперь спрашивать себя, зачем так поступила? Почему убежала, не разобралась?

Разве это поможет? Что-нибудь изменит?

Нет...

Что же мне делать теперь?

Вырываюсь из объятий Артура. Изо всех сил отталкиваю его.

– Я не хочу ехать к Соболевой.

– Хорошо. Только скажи, что мне веришь.

О, я верила. И эта вера разъедала теперь мою душу подобно серной кислоте.

Артур был невиновен. А я – нет.

Я должна признаться. Рассказать обо всем. Мне страшно за Якоба, да и за себя жутко. Но я должна принять то, что на-

творила. В моей жизни больше никогда не будет Принца. Даже несмотря на его великодушие. Даже если простит... Сама никогда не смогу простить себя. И запачкать его собой. Своим телом, отданным другому в порыве обиды и разочарования.

Я отделалась от Артура под предлогом что завтра снова экзамен. Уверила, что все хорошо между нами. Он все еще тревожился, но гораздо меньше. Мы договорились поужинать вечером в том же ресторане, где он подарил мне кольцо мотылька. Я не хотела. Но не смогла отказать ему.

В ресторан приехала на час раньше. Случайно... Перепутала время. Я стала ужасно рассеянной все время проваливалась настолько глубоко в мысли, что иногда теряла себя в реальности, в пространстве.

Внезапно я почувствовала, что меня душит спазм, нет возможности сделать глубокий вдох. И решила выйти на воздух. Где нос к носу столкнулась с Якобом. Он схватил меня за руку и затащил за угол здания.

– Я звоню тебе по сто раз в день. Не думаю, что есть нервы так долго игнорировать навязчивый звонок. Значит, ты меня в «черный список» внесла, Скорос? Чем заслужил, могу узнать?

– Ничем, – низко опускаю голову. У меня нет сил смотреть в глаза Якоба. Видеть в них отражение моего позора...

Понимаю, что в любую минуту нас может увидеть Артур. Но нет сил чтобы прятаться, умолять Якоба исчезнуть... Он

исчезнет, если попрошу... вот только мой позор со мной останется. Все равно не смогу быть с Артуром как ни в чем не бывало. Врать ему. Пусть я не смогла отказаться от ресторана. Но это лишь маленькая отсрочка, чтобы собраться с силами. Я расскажу ему. Должна. Пусть бежит от меня как от чумы, спасается. Как от самого грязного и позорного пятна в своей жизни. Я знаю, что не простит меня. Не питаю никаких иллюзий. Мне очень больно и страшно. Но несколько не жаль себя. Меня оглушают ненависть и презрение к той, кем я стала.

Но видимо Якоб и без слов понимает, в чем дело. Меня всегда поражало, насколько он чувствует меня.

– Ты его здесь ждешь? Простила? Поговорить решилась?

Киваю, не в силах произнести это вслух. Боже, какой ничтожной себя сейчас чувствую!

Якоб не говоря ни слова уходит. А я убегаю домой – видеть сейчас Артура выше моих сил.

Как в тумане добираюсь до дома. Голова кружится, внутри растет паника, мне кажется еще немного и закричу во все горло... Прямо на улице... Или в такси...

Оказавшись дома, запираюсь в своей комнате и отказываюсь с кем-либо разговаривать. Как я Артуру правду расскажу, если даже Лисе не могу? Мне стыдно перед сестрой и страшно. Вдруг она снова не простит мне моего трусливого молчания. Кажется, все моя жизнь – это бег по кругу. Все это уже было. Обиды, ссоры, тайны. И все начинается заново.

во. Чувствую себя изгоем даже в собственной семье. И это ни в коем случае не их вина. Только моя.

Но и скрывать выше моих сил. Поэтому, некоторое время избегаю Принца. Оттягиваю неизбежное, и тем глубже лечу в пропасть презрения к себе. Трудно объяснить, что происходило со мной в те дни. Были даже мысли о суициде. Но я слишком труслива для этого...

Правильно говорит Анна Григорьевна – шила в мешке не утаишь. В моем случае так и вышло. Оно вылезло само, в самый неподходящий момент и проткнуло сердце насквозь. Два сердца... Мое и Принца. Мне хотелось верить, что Якоб все же уцелел. Трудно было принять то, что Штаховский на самом деле, по-настоящему влюбился в меня. Наверное, гадкий утенок, даже превратившись в лебедя оставляет при себе свои страхи и комплексы. Со мной, во всяком случае, именно так.

Я была на работе в агентстве, когда там появился Якоб. Меня словно током прошибло, как только его увидела. Как я надеялась, что после разговора возле ресторана мы больше не увидимся, что Штаховский понял, насколько мне тяжело! – Мы можем поговорить? – хрипло спрашивает Якоб.

Покорно киваю. Как можно отказать? Мы теперь связаны. Нас объединяет грязная тайна, придавившая обоих неподъемной плитой вины... Не убежать, не скрыться.

Проходим в гримерную – тут никого. Подхожу к окну, цепляюсь за подоконник. Смотрю как солнце заливает ком-

нату. Ослепительно яркое, горячее. Тогда почему мне так холодно?

– Понимаю, что ты не хочешь меня видеть, Скорос. Прости, что пришел...

– Зачем? – вырывается у меня.

– Не смог удержаться. Я тоскую, понимаешь. Слежу за тобой, как больной маньяк стал... Знаю, что не видишься с ним. Избегаешь... Вот и появилась надежда.

– Как я могу встречаться с ним, после того что было между нами? – спрашиваю горько.

– Не вини меня.

– Не виню! Я сама всему причиной.

– Не можешь быть с ним, будь со мной.

– Это невозможно... ты не понимаешь. Я люблю его.

– А я? Все-таки таблетка?

– Прости меня... Это ошибка была. Страшная... самая болезненная и ужасная. Ты не виноват. Ты меня останавливал... А я – мало что соображала в тот момент. Мне так страшно от того что натворила!

– Тогда убеги, – горько усмехается Якоб. – Ты это умеешь.

– А ты умеешь подкалывать людей! Больше ничего! Ты можешь понять, что мы наделали? Как жить после этого?

– Люди и не такое переживают Скорос, ты всего лишь невинность потеряла. Но не теряй себя. – Якоб делает несколько шагов мне на встречу. Хочет взять за руку, но уворачиваюсь и выбегаю из комнаты. В дверях сталкиваюсь с

Леа. Меня охватывает паника – вдруг Брейкер слышала наш разговор? Вглядываюсь в ее лицо – но оно холодно и непроницаемо.

– Что ты здесь делаешь? – резко спрашивает она у Якоба. Сюда нельзя посторонним.

– Ухожу, не переживай. Я и не собирался оставаться.

– Все собачонкой бегаешь за Скорос? – усмехается Леа. А меня отпускает – раз она спокойна и язвительна в своей обычной манере, значит ничего не слышала...

Моя наивность, возможно, следствие любви к чтению. Столько романтических историй прочитано и пережито... Мой маленький замкнутый мирок, где нет места лжи и обману... Как бы хотелось сейчас спрятаться в нем, укрыться от всех ошибок и невзгод. Как я могла быть такой глупой?

Леа прекрасно слышала весь наш разговор. И не стала медлить – быстро передала все Артуру. Вот так мою судьбу решили за меня... Легко и просто. Даже если бы я знала, что Брейкер нас подслушала... и даже записала на телефон! Что смогла бы изменить? Остановить ее? Нет конечно. Не было у меня никаких рычагов давления на эту бешеную. Ни морально, ни физически – я бы не справилась. Разве что, у меня был шанс рассказать все первой. Наперегонки... Вот только пора учиться трезво оценивать ситуацию. Я невероятно труслива. Все проблемы, начиная со школы, со мной происходили из-за этого. Поэтому, я бы никогда не решилась, да просто не нашла бы сил произнести грязную правду глядя в

любимые глаза. Так и сгорала бы, страдая, поджариваясь на медленном огне своей трусости. Леа, если разобраться, мне услугу оказала.

Меня предупредил Якоб. Все события шли точно стороной, удивительно, когда главная виновница – я. От этого было еще паршивей. Так как номер Штаховского у меня продолжал оставаться в черном списке, он позвонил на мобильный Лисы. Та, удивленная, пришла в мою комнату, вопросительно глядя и протягивая мне телефон.

– Тебя... Не понимаю, почему Якоб на мой номер звонит. И откуда узнал его... – больше ничего не говоря, Лиза покидает комнату. Все еще злится на меня за молчание.

– Скорос? – голос Якоба странно хриплый, точно ему больно. – Прости меня. Надо было раньше... рассказать все Бурмистрову.

– Что? – подпрыгиваю от этих слов. – О чем ты?

– Брейкер... С ним пообщалась. Доберусь до суки – убью. Но сейчас ты – главное. Брейкер наш с тобой разговор записала. И показала Бурмистрову. Я должен был предупредить тебя, малышка... – И связь обрывается.

Но я бы все равно и слова не смогла выдавить в ответ. Телефон падает из рук. Внутри растет безумная паника. Бежать... Но куда? Прямо сейчас? Но как же экзамены...

Приступ малодушия, впрочем, скоро проходит. Первые минуты я едва сдерживаю себя от того, чтобы не побежать за чемоданом. Но раз приняла решение встретить позор ли-

цом к лицу – буду ему следовать. Так и просидела весь вечер, бездумно пялясь в окно. Ожидая последний визит Принца. Снова и снова прокручивая картину, как он бьет меня по лицу, таскает за волосы, кричит что я шлюха и другие обидные вещи...

Но он не приехал. И на следующий день тоже...

Набравшись смелости, я позвонила Таиси.

– Как ты смеешь звонить и спрашивать про брата? – с горечью закричала она на мой робкий вопрос. – Как же я ошиблась в тебе! Ты растоптала Артура! Всю нашу семью! Из-за тебя брат едва не стал убийцей, а Якоб оказался в больнице! Не смей больше появляться на нашем пути!

Я и слова вставить не успела...

* * *

Как бы мне не было стыдно, тошно и вообще тяжело даже на улицу выходить, я не могла не выяснить состояние Якоба. Не хотела видеться с ним – нам обоим это не принесет ничего кроме боли. Но добилась встречи с его лечащим врачом и передала через него короткую записку. Написала, что мне жаль, что только я во всем виновата и попросила прощения... Легче мне не стало, да я и не ждала этого. Штаховский получил серьезное сотрясение и перелом нескольких ребер. Мне было страшно представить, что это была за драка. И я умирала от беспокойства за Артура – он ведь тоже мог по-

страдать.

Прошла неделя. Постепенно до меня дошло, что я недооценила Артура. Он не из тех, кто будет бегать, кричать, что-то выяснять и бить по лицу. Ему это не нужно. Он просто вычеркнул меня из своей жизни. Артур сделал лишь одно в ответ – избил Якоба. Я же, по всей видимости, разом перестала для него существовать, и он не видел смысла со мной возиться, выплескивать горечь и ненависть. Легче ли мне было от этого? Нет. Отвращение к себе сжирало меня изнутри. Я пыталась держать удар. Делать перед родными вид, что все в порядке. Ходить на учебу, на работу. Но внутри была мертвой, пустой.

Иногда хотелось спросить у Леа, удовлетворена ли она результатом. Не за себя мне было обидно. Больше всего – за Артура. Уверена, это очень больно, когда посторонний сообщает тебе подобную новость. Это способно нанести серьезный удар по самолюбию. Уязвить гордость... Всего этого в моем, то есть, уже далеко не моем, Принце, было предостаточно.

А еще было стыдно за свои наивные предположения, что эта девушка любит Якоба. Я ведь даже сочувствовать ей пыталась. Неужели настолько глубоко ошиблась? Поступок Брейкер отправил Якоба в больницу – мне хотелось посмотреть в лицо этой девушке и спросить – довольна ли она тем, что сделала?

Но Леа не было. Она просто исчезла... Не появлялась в

агентстве. Спрашивать о ней у сотрудников, моделей, или Натальи, я не хотела. Гораздо позже я узнала, что «грозный» папочка, который был в разговорах среди моделей чем-то вроде страшилки, забрал дочуру и переехал в Москву. Чему все только порадовались. Никто в агентстве не любил Брейкер. Совпадение ли это, или Леа боялась гнева Якоба... Мне было уже совершенно не до этих проблем. Для меня имя этой девицы навсегда останется в памяти связанным с ужасными воспоминаниями.

Все события сплелись в настолько тугой клубок – только отчего-то я, будучи изначальной причиной, чувствовала себя сторонним наблюдателем. И от этого было лишь больнее. Точнее, в тот момент мне так казалось. Я не знала, что расплата где-то впереди поджидает меня. И что Артур может быть очень даже хладнокровным и терпеливым в этом плане.

А пока я существовала в постоянном страхе, боясь встречи, и в то же время тоскуя от того что не вижу Бурмистрова. Я захлебывалась этой тоской, иногда мне хотелось поехать к нему, плюнуть на все и упасть перед ним на колени. Меня разрывало от желания сделать именно это. Но я понимала, что этим лишь еще сильнее причиню ему боль. Я ставила себя на место Артура постоянно, залезала в его голову и окуналась в океан ненависти, плещущийся там. Горела в огне презрения к себе. Травила себя этой ненавистью. Наказывала. И не знала, как искупить... Не могла смотреть в зеркало. Не могла есть, только воду пила. Стала похожей на привидение.

В конце концов я рассказала обо всем Лисе. Та пришла в ужас. Но не оттолкнула – то, чего я больше всего боялась. Что будет как в прошлый раз, когда я скрывала что встречаюсь с Артуром – по малодушию и трусости. Если бы сейчас Лиза отреагировала так же, или хуже... я бы поняла. Но это меня бы окончательно уничтожило. Семья – все что у меня осталось. То, что давало силы жить дальше. Хотя бы попытаться... Но Лиса не стала обижаться, что с ней не поделилась сразу. Лишь обняла и крепко сжала в объятиях. Я разрыдалась у нее на груди.

– Какая же ты дуручка, Василин, – пробормотала она мне в волосы. – Что натворила... Хоть понимаешь? Почему? Разве так разбитое сердце лечат?

Что я могла ответить? Как объяснить? Артур, и даже Якоб, и возможно даже Лиса, сочли мой поступок мстью... Как объяснить, что я ни за что не пошла бы на такое из подобных побуждений? Я не думала в тот момент ни о чем таком. Не собиралась мстить, даже будучи уверенной в измене Артура... Если бы Якоб произнес в тот вечер слово мечь – возможно, оно бы отрезвило меня. Остановило.

Тогда чего же я хотела? Любви? Тепла?

Не было ответа. Помутнение разума, наваждение. Желание быть любимой, столь долго сдерживаемое и вот в один миг хлынувшее лавиной. Но не на того, кого я по-настоящему хотела. Всего одна ошибка и мне суждено всю жизнь провести в сожалениях, самобичевании и тоске.

– Все еще будет хорошо, Васюш, – подбадривает меня Лиса. – Вспомни как я убивалась по Матвею! И ничего! Теперь и не вспоминаю даже! Ты еще встретишь новую любовь!

Но я не верила в это. Даже думать не хотела. Принц был для меня всем. Смыслом существования. Как бы не пыталась вытравить, или хотя бы приглушить неистовое чувство к нему... все попытки проваливались с треском. Я была бессильна перед этим чувством.

Возможно именно из-за попыток не так сильно любить, не отдаться бездумно и полностью, все и произошло. Может быть следовало отпустить все тормоза, еще давно... Простить спор, не быть гордой. Сейчас я жалела о каждом своем шаге, поступке, готова была винить себя даже в том, что противостояла Артуру в школе. Не сдалась, когда капитошками забросали. А приняла вызов. Не забыла про мамин кулон, пробовала вернуть... в спектакле участвовала вопреки угрозам и зависти. Мне казалось неправильным буквально все, что я делала.

Но самым страшным стала новость, которую мне передала Наталья. Хотя бы она не отвернулась от меня. Впрочем, ее, похоже, никто не просветил о произошедшем между мной и Принцем. Таисия – ее лучшая подруга, молчала. Не обсуждала брата. Это было благородно – еще и в глазах Натальи презрения я бы не вынесла. Единственное, чем поделилась с моей начальницей Таисия:

Артур подписал контракт и уехал в горячую точку.

Всего одно предложение. Но меня оно лишило последних сил. Морально я погибла, услышав эту новость...

Наталья знала, что между нами что-то не так пошло. Но далеко не всю историю. Наверное, она считала наше общение чем-то несерьезным, или только зарождающимся флиртом. Я на эту тему не откровенничала. Мы не настолько были близки, в силу разницы в возрасте и других причин. Наталья была поглощена бизнесом и своей личной жизнью. К друг другу в душу мы не лезли. Я не хочу сказать хорошо это или плохо. Лишь объяснить, почему она спокойно передала мне новости от Таисии. Для которой теперь я врагом стала. Но и об этом начальнице не было известно.

Это пережить труднее всего. Умирать от страха за любимого и от чувства вины – если бы не я, он бы туда не поехал. Дядя Дима добился своего во всем. И даже сделал это моими руками – как и хотел изначально. Если бы я могла остановить Артура! Но даже в этом я оказалась ничтожной, несостоятельной. Он бы не стал слушать меня после всего, что произошло. Но если бы я знала, что произошедшее спровоцирует его на отъезд... В ноги бы к нему упала. Так и нужно было сделать, но я снова не успела. И теперь чувствовала себя трусливым ничтожеством.

Месяцы сменяли один другой, полгода, почти год, в беспросветной тоске и страхе. Попытках поговорить с Таисией, которая меня видеть не желала. Учебе. Работе на автомате. Не жизнь – существование пустой куклы. Снова лето, поезд-

ка в Грецию, где мы приводили наш домик в порядок и только физический труд, занятия ремонтом отвлекали меня. И еще один год универа, предпоследний, из всех сил отдаюсь учебе, буквально не поднимая головы от учебников.

Да, я учусь. Главная зубрила на курсе. Но и моделью продолжаю подрабатывать. Совмещать все тяжелее. Но Наталья – единственный источник информации о Бурмистрове. Таисия иногда делится с ней. Не часто. Ну а начальница рассказывает мне... хоть я и стараюсь из всех сил скрывать свою отчаянную тоску и болезненную заинтересованность. Но даже за эту возможность узнать о Принце, или поговорить о нем, я безмерно благодарна. Ведь сестра Артура наверняка знает, ну во всяком случае догадывается, что Наташа передает мне новости... Иногда я даже мечтаю, что Таисия смягчится ко мне. Мне ужасно ее не хватает. И в то же время понимаю, что никогда не смогу посмотреть ей в глаза. Ничего уже не будет как прежде.

Наступает весна. Скоро конец учебы и мы снова уедем в Грецию. Жду этого момента с нетерпением. Море манит меня. Оно приносит успокоение и дает силы жить дальше. Мы собираемся строить второй этаж. Но папа нашел хорошую работу. Скорее всего, поедет без него. Чтобы отправиться на каникулы побыстрее договариваюсь о сдаче экзаменов экстерном. И берусь за все заказы в агентстве. Почти не сплю, но на ремонт нужно много денег. Поэтому, стараюсь. Да и сны мои – слишком мрачны, часто в слезах просыпаюсь. Жалкое

зрелище. Надо учиться не быть размазней. Брать пример с Брейкер, которая, слаба Богу, канула в лету. Без нее в агентстве воцарилась благодать.

И вот в один майский день в институте, сдав последний экзамен и замечтавшись об отъезде, выходя из дверей главного корпуса, нос к носу сталкиваюсь с Артуром! Моргаю, не в силах понять, галлюцинация это или правда. Рука сама тянется вперед, в отчаянном желании дотронуться до замшевой куртки бежевого цвета, которая так идет ему... Лишь кончики пальцев касаются материала – и Артур небрежно отбрасывает мою руку. Его взгляд пуст, ничего не выражает. Словно не узнал меня. Словно все, что было между нами – противостояние, обиды, встречи, нежность, поцелуи... годы, чувства, переживания – все было лишь моим длинным сном.

– Привет... – срывается с моих губ, несмотря на очевидное нежелание Бурмистрова «узнавать» меня. – Я так рада, что ты вернулся!

Глупый Мотылек. Нельзя же так сдавать себя, – шепчет разум. А сердцу все равно. Оно впервые, с тех пор как увидела Соболеву и Артура в одной постели, бьется в полную силу. И дышать могу нормально. Глубоко.

– Зря радуешься, – бросает Артур. – Скоро жалеть будешь об этом.

И уходит не обернувшись.

В тот момент мне это показалось пустой угрозой. Думала, хуже чем равнодушием наказать ему меня больше нечем. Но я жестоко ошиблась.

Все началось с агентства Натальи. Перестали в один момент поступать контракты, заказчики пачками отказывались от услуг, не реагируя даже на скидки. И никто не желал работать со Скорос. Начальница была не глупа. Позвала меня к себе в кабинет и прямо спросила:

– Василин, расскажешь, кому ты дорогу перешла? Почему за месяц все клиенты разом от тебя отказались?

Я не стала юлить и рассказала все, всю нашу с Артуром историю, с самого начала, со школы. Что-то нашло на меня, слова лились нескончаемым потоком. Наталья умела слушать. Ни разу не прервала меня, даже взглядом не осудила. Лишь произнесла, когда я закончила:

– Это невероятно, Василин. Невозможно поверить...

– И тем не менее, все так. Хотя мне тоже до сих пор сложно поверить, что Артур выбрал в качестве мести фирму подруги его сестры! Ты же ни при чем! Но видимо, он настолько сильно хочет, чтобы я стала изгоем...

– Как можно было так ошибиться! Только не ты. Настоящая драма! – все не может успокоиться Наталья. – Если он за год в горячей точке, рискуя жизнью, не остыл... Наверное,

это была очень сильная любовь...

– Я тоже так думала... Но если любишь – разве не прощаешь в конце концов?

– По-разному бывает. От человека зависит. Но равнодушия в вашем случае точно нет...

– Не знаю, во что большее верить. В то, что по-настоящему любил, и я это потеряла, или наоборот... что это лишь его прихоть.

– Понимаю, милая. Как трудно тебе сейчас! – Обнимает меня подруга. – В любом случае любовь не исчезает бесследно. Все еще может измениться.

– Нет... Она и не исчезла. Трансформировалась в ненависть. Мгновенно. И я не знаю, чем в итоге все закончится. Даже Таисия ненавидит меня, – признаюсь тихо.

– А я все думаю – какая кошка между вами пробежала! – Воскликает Наталья. Но ты молодец. Держишься, не сбежала, а ведь могла и в Греции обосноваться. Заказов много у тебя там, и дом есть. Но институт надо закончить. Сколько осталось?

– Полтора года. Можно быстрее... экстерном. Но заниматься в таком темпе сейчас вряд ли смогу...

– Понимаю. Ничего. Ты справишься.

Но вопреки нашим надеждам, проблемы у агентства не заканчивались. Артур, по всей видимости, подключил все связи. Интересно, откуда такие знакомства у парня, недавно вернувшегося со службы по контракту? Я не знала. Понима-

ла лишь одно. В тот момент, когда Леа открыла Бурмистрову правду, этот человек изменился до неузнаваемости. И я никак не могла это исправить.

Прошло еще несколько недель, и Наталья позвала меня в кабинет:

– Я это с тяжелым сердцем говорю, Василин. Но либо ты – либо все сотрудники без работы останутся. Прости... Мне нелегко говорить это. Получается и я предаю тебя. Но мне жаль своих людей. Сейчас и так нелегкие времена, конкуренция... Я боролась изо всех сил. Но мое агентство словно между молотом и наковальней. Даже Таисия не может помочь, хоть и старается вразумить брата. Но он как с катушек съехал. Со всеми воюет. Отдалился от семьи, с родителями почти не общается, с дядькой все своим воюет. Даже горе его не остановило...

– Какое горе? – сжавшись в комок спрашиваю я.

– Дед Таи умер. Во Франции. Очень трагичная история – в аварию попал. Вместе с супругой... Мгновенная смерть. Все очень переживают.

– Какой ужас!

Мигом забываю о своих проблемах. Слезы текут из глаз. Дедушка Аристарх – мой первый ангел хранитель. Тот, кто отнесся с добротой с самого начала и помог поверить в себя. Конечно, он, наверное, потом сильно об этом пожалел. Когда узнал, что я натворила. Но как же невыносимо понимать, что его больше нет. Какая потеря для Артура!

– Да уж, времена нелегкие. Я как могу поддерживаю Тайку. Но с Артуром не совладать. Дед состояние ему оставил... Большую половину. Живи и радуйся. Ну так нет – Бурмистров в игорный бизнес полез. В криминал ему захотелось... Все ужасно переживают. Аристарх тоже не ангелом был, но он человек старой закалки. А вот во что может Артур влезть... Еще и с дядькой финансовую войну затеял.

– Я во всем виновата. Лучше бы он меня сразу убил.

– Не говори глупостей. Он остынет.

– Сама говоришь – куча времени прошла. А он только силы накопил. И теперь будет рушить мою жизнь...

– Прости, Васюш. И я тебя предаю...

– Нет! Ты правильно поступаешь. Я теперь чумная... заразная.

– Прекрати, пожалуйста. Я не хочу фирму терять, но и дружить с тобой не перестану.

– Пока он не попросит, – добавляю горько. Но понимаю, что Наталье и без моей горечи паршиво. – Все хорошо. Правда. Мне совсем немного доучиться, может даже неполный год. Я в Грецию уеду. Ты права. Там дом. Море. Мне там лучше будет.

– Может быть со временем все уляжется, милая. Но сейчас... это просто какой-то кошмар! Твой Бурмистров совсем охренел. На меня, моих клиентов такая давка идет... Мне нелегко это признавать, но нет никаких способов борьбы с ним. Я ведь ходила к нему.

– И что? – спрашиваю с замиранием сердца.

– Да ничего. Он точно каменный. Парой фраз всего удостоил. Сказал либо лишусь бизнеса, либо тебя уволю. У него такой вид был... ледяной, опасный. Я хотела, как с сыном поговорить... убедить, пристыдить. Но с тем человеком, каким он стал... говорить бесполезно.

Глава 27

Потерей работы мои неприятности не закончились. Вскоре, без объяснения причин уволили отца. Настасья Михайловна тоже, едва устроившись на прежнее место – в один момент попала под непонятное «сокращение». Ромка едва держался в частной автомастерской, но там разом стали уходить клиенты и было ясно, что это не случайное совпадение. Лиса тоже потеряла место помощника повара в кафе – но там была сложная ситуация изначально, и возможно сыграл роль взрывной характер сестры... Наша семья в один момент оказалась в сложнейшей полосе неприятностей. Мне пришлось отказаться от квартиры. Пока моих сбережений, отложенных на покупку собственного жилья, хватало... Но что если Артур не остановится? Неужели он твердо решил выгнать нас из города?

– Не могу поверить, что все это Бурмистров творит, – ошеломленно бормочет Лиза, сидя на моей постели. Она очень расстроена – Ромка третий день нервный, ругается, жалуется на тупых клиентов и твердолобое начальство. – В голове не укладывается. Как такое вообще возможно? Что за сука-любовь такая. Только вчера умирали друг по другу. А теперь ненависть смертельная. Он прямо выживает нас из города. Мы то что ему сделали!

Но хуже всего, какой омерзительно грязной я себя ощу-

щала. С момента встречи с Артуром, как увидела его глаза пустые... снова и снова переживала свое позорное падение.

И как последняя капля для бесконечного самобичевания – звонок Якоба. Он обещал не преследовать меня. Не звонить. Лишь раз приходил, когда вышел из больницы. И я умоляла его забыть обо мне, а потом у меня началась истерика. Но стоило вернуться Артуру, Якоб начал обрывать телефон! Хотя я поменяла номер и не понимала, как он смог узнать его. В конце концов, я разбила аппарат об стену. Тогда Штаховский приехал к дому. Я не могла просить отца или бабушку выйти к нему. И Лизе не позволила. Это мой позор, моя рана.

– Скорос... Я узнал, что тебя выгнали с работы, – Якоб выглядит осунувшимся и похудевшим. Но хитрый острый взгляд все тот же. Осматривает меня жадно с ног до головы. Мне не по себе от этого взгляда. Ну сколько можно? Как объяснить ему, что вместе нам никогда не быть?

– Ну что ты, я сама ушла, – не в силах скрыть отчаяние, прикрываю его иронией.

– Это же он... мстит.

– Имеет право.

– Плевать на него, Василин! Я люблю тебя. Хочешь, на край света увезу? Где никогда тебя не достанет.

Мотаю головой.

– Это не поможет.

– Я должен что-то сделать...

– Держись подальше. Он и тебя достанет.

– Уже... Но я крепкий.

– Прощай, Якоб. – После этих слов поворачиваюсь к нему спиной и иду к дому.

– Это не было ошибкой, слышишь? – кричит он мне вслед, и я съеживаюсь, почувствовав отчаяние в его интонации. – Не смей думать так! Переболей им... переживи. Я буду ждать. Сколько понадобится. Всегда буду рядом...

Замираю на месте и снова оборачиваюсь к нему:

– Не приходи, только об этом прошу. – И убегаю в дом, слезы подступают к горлу, душат. Никогда не принимала «чувства» Якоба всерьез. Думала об этом как о его прихоти. Игре. Такой взрослый, красивый, обожаемый многими девушками парень. Как можно поверить, что он влюбился в маленькую серую мышку? Пусть даже в красивой модной обертке, когда уже моделью стала. Но в душе никогда не ощущала смелости, женской силы... Так что же он во мне нашел?

Не могла я поверить до конца Якобу... А если бы и поверила, это изменило бы лишь одно – еще ужаснее бы себя почувствовала, ведь это означало бы что я разбила еще одно сердце, причинила еще одному человеку ужасную боль. Мое неверие было защитой, я задавала себе вполне резонный вопрос: почему, стоит Артуру вернуться в город, Штаховский снова оказывается рядом со мной?

Мне не было важно почему. Но помогало верить, что чув-

ства Якоба были лишь его прихотью. Главной сути же это не меняло: я ненавидима первым и не способна ответить на чувства второго.

Но наша семья не собиралась сдаваться. Рано или поздно Артур выплеснет весь свой гнев... Надо только это пережить. Я понемногу приходила в себя, посещала психолога. Он помог мне понять главное – жизнь не заканчивается, несмотря на то, каким бы ужасным ни было разочарование в любви, несмотря на страшную потерю. Я как-то научилась жить с мыслью что Артур ненавидит меня. Но я нужна своим родным, хоть больше проблем от меня, чем пользы. Сосредоточилась на учебе, но в то же время старалась посещать университет как можно реже. Меня начинало трясти при мысли, что встречу в коридоре Артура и он снова пройдет мимо, точно я невидимая. Или оболъет презрением.

Пока было лето я старалась собраться с силами перед последним рывком – учебным годом вместе с Артуром. Я не знала, как часто нам придется сталкиваться. Сколько выдержи... Но не отрывала головы от учебников даже на отдыхе, надеясь сократить срок учебы хоть на полгода.

Следующая наша встреча произошла в начале последнего курса. Посвежевшие и отдохнувшие студенты собрались в спортзале на ежегодное приветствие декана и преподавателей.

Меня окружили сокурсники, за три года учебы я со многими подружилась, у меня были поклонники, даже воздыха-

тели. Но эта группка была ничто по сравнению с толпой, которая собралась вокруг Артура.

Я сидела с друзьями на последней трибуне. Артур – на первой – прямо передо мной, внизу. И рядом с ним была девушка. Красивая блондинка, волосы блестели и переливались на солнце, красивая, уверенная в себе, излучающая сексуальность. Конечно, как иначе? Могла ли я рассчитывать, что Принц будет одиноко коротать время, оплакивая нашу несчастную любовь?

Конечно же нет. Я прекрасно знала, что утешение он найдет быстро. Но боль ледяным обручем сковала сердце, стоило мне бросить на них взгляд. Беспечные. Флиртующие. Он – обаятелен и заботлив. Она – свежа и раскована. Они перешептывались о чем-то, смеялись. А мне хотелось умереть на месте. Но я не смела показывать свою боль.

«Пусть он забыл тебя, это только к лучшему», – твержу мысленно, но боль не утихает. Меня точно ножом острым режут, кусочек за кусочком. Медленная нестерпимая пытка.

Ни взгляда в мою сторону.

«Ты должна радоваться этому», – шепчет разум.

А мне вопить хочется в ответ. Понимаю, что не мой больше. Но как же больно...

Как начался год, так и продолжалось. Нас еще и объединили в один общий поток. Бесконечная череда девушек. Артур то с одной, то с другой... Каждую неделю разная. Одна другой красивее. Таят от одного лишь его взгляда. Готовы на

все, лишь бы с ним. А я – тень, привидение. Какой же омерзительно жалкой кажусь себе, когда притворяюсь, улыбаюсь, смеюсь, захлебываясь при этом кровавыми слезами глубоко внутри. Медленно умираю, видя его с другими. Его ласку, флирт, цепкий жадный взгляд, подаренный кому угодно, но только не мне. Как назло, теперь мы пересекаемся довольно часто. Общие лекции. Семинары, поездки. И везде табун поклонниц, обжимания, прикосновения. Мне орать хочется от боли и ревности. Не выдерживаю этой пытки. Это хуже ненависти. Хуже всего на свете – видеть любимого с другими. А самой не иметь возможности даже приблизиться и поговорить.

Хотя я тоже не считалась в универе изгоем. Пусть с модельной карьерой покончено благодаря Артуру, но поклонников у меня было предостаточно. Правда никого я к себе не подпускала. Не ради Бурмистрова. Я понимала, что между нами все кончено и объединяет нас теперь лишь общий университет, что тоже скоро закончится. Но я не представляла, как можно начать новые отношения. Это было для меня полным абсурдом. Лиса уверяла, что только так я смогу начать жить заново. Уговаривала, убеждала, обратить внимание хоть на кого-нибудь. Отвлечься. Начать общение. Но я продолжала держать дистанцию. Пусть хоть десять, двадцать лет пройдет. Пусть мне никто никогда не поверит, что люблю Артура и любила всегда. Наплевать. Живу как чувствую, иначе не умею.

Но даже тут меня ждали подводные камни. Я могла сколько угодно загонять себя в монашеское существование, сторониться мужчин, лелеять свою боль... Закрыться от мира, как бы ни хотела – не могла. Повседневная жизнь, заботы – все равно продолжались.

В один прекрасный день, совершенно неожиданно, на пороге нашего дома объявился давний заказчик из модельного агентства. Он проживал в Европе и редко бывал в нашем городе. Но заказывал мне несколько дорогих фотосессий и остался очень доволен результатом. Молодой мужчина, не больше тридцати, отлично говорящий на русском языке, бизнесмен из Италии по имени Марио. Пока шла работа общались мы немного. По окончании был ужин в дорогом ресторане – куда были приглашена и Наталья, и фотограф, работавший над проектом. С тех пор я Марио не видела... И вот он передо мной! Шокированная, приглашаю его в дом. Оказалось, вернувшись в город, Марио сразу поехал в Наташино агентство – у него был новый заказ и именно на меня... Но меня не было.

– Все верно, я ушла, – пожимаю плечами. – Больше не работаю там.

– Но почему? – недоумевает Марио.

– Были причины. Не смогла совмещать с учебой.

– Но ведь ты согласишься на один небольшой проект со мной?

Голос итальянца умоляющий, как и взгляд. А мне как всегда позарез деньги нужны, даже больше чем обычно... Папа так и не смог пока найти работу, мы едва сводим концы с концами. Я соглашаюсь.

* * *

Марио не обманул – работа оказалась несложной, я была рада вспомнить прошлое.

Оказалось, хоть и не считала я модельный бизнес чем-то важным и серьезным для себя, но очень по нему соскучилась. Как и по Наташе, девочкам, фотографам и прочему персоналу. Но не смотря на ностальгию я решила не рисковать и отказалась ехать в прежнюю студию. Мы выбрали место для съемок на природе, в живописном саду. Только фотографа Наташиного пригласили. Стас рассказал мне последние новости в агентстве. Дела там постепенно наладились, заказов было много. Про меня клиенты вроде как некоторые спрашивали... Все обсуждали возможность моего возвращения, девочки скучали, что было приятно, хоть я и не собиралась – слишком болезненным был уход.

Хотя, Артур похоже и правда успокоился, все его поведение с начала учебного года говорило об этом. Нет ему уже дела до меня, никак больше себя не проявляет... но я все

еще переживала. Никому не хотела навредить. Даже Марио честно предупредила, что теперь я изгой. Не хотела поначалу говорить, боялась, что это будет выглядеть как жалоба... Но потом все же решила предупредить итальянца, что связываться со мной опасно для бизнеса. На что Марио заявил – он не из пугливых. А потом долго возмущался, как может мужчина хрупкой девушке мстить.

– Ты мне покажи этого урода, я ему рога пообломаю, – бушевал итальянец.

– Нет, пожалуйста! Я уже жалею, что поделилась с тобой, – восклицаю в ответ. И правда, как я могла не учесть взрывной темперамент и брутальность Марио?

В день когда закончились съемки я ужасно устала. От всего – шикарных платьев, изысканной прически, каблуков, натянутой улыбки. Я должна была изображать безмятежность. А на душе скребли кошки. Еще месяц и смогу уехать. Все сдам, получу диплом... Я планировала несколько лет провести в Греции. Там был дом, связи в модельном бизнесе. Я могла работать пока в этой сфере и параллельно искать что-то по специальности. Мне очень нравилась эта страна. Видимо корни притягивали все сильнее.

В университете в этот день проходила вечеринка, посвященная концу сессии. Я не посещала никогда подобные мероприятия, но друзья по группе буквально умоляли меня хоть ненадолго появиться, сфотографироваться на память, ведь знали, что скоро уеду. Не смогла отказать, несмотря на

то что знала как устану после съемки.

Марио, услышав мой разговор по телефону, предложил подвезти.

– Оставайся в этом платье, сага, – уговаривает он меня. – ты божественна, поразишь всех.

– Но это же ужасно дорого, – протестую, распуская сложную прическу и оставляя волосы в беспорядке.

– Это мой подарок на прощание. За то что не отказала мне в просьбе.

– Ты и так был очень щедр!

– Не спорь, прошу. Мне будет приятно.

– Вряд ли это подходит для студенческой вечеринки, – говорю с сомнением. Но лукавлю – платье не такое уж вычурное: черное, простой прямой силуэт, изюминка лишь в серебристом поясе и рваных неровных краях подола – спереди он до колен, по бокам и сзади – более длинный. Дополняли образ серебряные туфли и кольцо на шее. И все это щедрый итальянец подарил мне, грозя обидой если откажусь.

– Главное, что ТЫ в этом будешь гармонична где угодно. Даже в булочной.

Я не стала говорить, что в булочную бы поехала так запросто. А вот в универ... Я знала, что на вечеринке будет Артур. Слышала об этом. Он ее спонсировал – народ еще за месяц это начал обсуждать и все ждали событие с нетерпением. Будет ли наглостью с моей стороны прийти туда? Тем более, в сопровождении Марио, который, остановив свой БМВ возле

здания университета, предложил проводить меня внутрь. И я не смогла отказаться...

Мое появление в сопровождении красивого итальянца не прошло незамеченным. Можно даже сказать – привлекло излишнее внимание. Несмотря на то что Марио почти сразу уехал – ему кто-то позвонил. Без его дружеского плеча я сразу почувствовала себя неуютно, хотелось развернуться и убежать.

– Ну ты даешь, Дусманис, – прошептала одна из подруг с курса. – Кто этот мужчина? И зачем ты свою красоту все это время прятала? Встряхнула всех! Столько лет ходила скромной невзрачной зубрилкой в джинсах да свитерах безразмерных. А сегодня... это платье... итальянец роскошный. Это жених твой?

– Нет, по работе клиент.

– Какой работе?

– Фотосессия. Старый заказчик.

– Ты ж говорила бросила давно. Не получается совмещать, – не успокаивается Машка, словно на лжи меня поймать хочет.

– Марио умеет уговаривать, – все что получается выдавить из себя в качестве объяснения. Потому что в этот момент встречаю тяжелый, буквально каменный взгляд Артура. Он давит на меня, хочется сжаться в комок, а лучше убежать и спрятаться.

– Ух, даже Бурмистров с тебя глаз не сводит, – продолжа-

ет восхищаться Мария. – Молодец, Василин, всех зацепила. Может одолжишь мне это платье на новый год? Если конечно сама в нем не планируешь...

– Подарю, если хочешь, – отвечаю глухо. – Хоть завтра заезжай, отдам. Что-то мне не хорошо, на свежий воздух надо.

– Ты что, уходишь? – изумляется Машка. – Вечер только начался и ты на волне успеха! Или итальянца своего догонять собираешься? Чего это он убежал так быстро?

– Говорю же он не мой – просто подвез. Я устала смертельно, голова болит. Вроде всех, кому обещала, увидела, сфоткались группой на память. Мне правда домой нужно.

– Но скоро совсем уедешь от нас, останься хоть ненадолго, Васю-юш.

Но я не могу. К горлу тошнота подкатывает. Что ж за напасть – не обращает на меня Артур внимания – умираю, обращает – с ума схожу, задыхаюсь. Это невыносимо. Сколько можно страдать. Наверное, только разлука, разные города помогут хоть немного избавиться от этой бесконечной боли.

Пробираюсь к выходу. Вот уже почти... длинный коридор, огромный холл, раздевалка, и наконец, дверь на улицу. Здесь тихо, ни души – все на вечеринке, даже охраны не видно. Но чувствую движение за спиной и это тревожит меня. Оборачиваюсь и вижу Артура. Меня охватывает панический ужас. Ничего хорошего его вид не предвещает. Возможно, злитесь, что я посмела на его вечеринку прийти. Еще и с мужчиной. И привлекла к себе столько внимания. Меня начина-

ет трясти мелкой дрожью.

Отворачиваюсь и начинаю неуклюже толкать тяжелую дверь. Но Артур уже рядом, его рука опережает мою и ложится на дверную ручку.

– Помочь?

Киваю и жду с паническим нетерпением, готовая бежать. Но Принц не спешит открывать дверь. Наоборот, держит ее, не давая мне выйти.

– Куда так рано сбегашь? Только пришла.

– Домой хочу.

– Кавалера потеряла?

– Тебе то что?

Меня колотит, сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Я столько времени не разговаривала с ним. Была прокаженной, невидимкой, и вот снова он говорит со мной, почти касается меня... Это нестерпимо, приносит столько самых разных эмоций, что чувствую – скоро взорвусь. Либо у меня начнется истерика, либо упаду в обморок.

– Я хозяин вечеринки. И не отпускал тебя. Хочу...

– Чего? Ну что еще ты можешь от меня хотеть? – вырывается у меня отчаянный крик. В этот момент понимаю, что Бурмистров пьян, и довольно сильно.

Не отвечая он сжимает пальцы вокруг моего запястья и тащит за собой.

Вверх по лестнице, пролет за пролетом мы поднимаемся на пятый этаж. Дальше только чердак, похоже, он тащит ме-

ня именно туда. Мне безумно страшно. Самые ужасные мысли приходят в голову – что задушит меня сейчас. Ведь он полон гнева, я чувствую это. Он не простил, не пережил. Ему не все равно, что бы он там не демонстрировал все это время. Артур втаскивает меня в какую-то дверь, и я понимаю, что мы действительно на чердаке, под крышей. Между нами расстояние чуть больше метра.

Пячусь назад, но Бурмистров все приближается, пока вплотную к дальней стене не подхожу. Бежать некуда... Меня тошнит от страха, сердце колотится неистово. Меня пугает это место, запах бетона и застарелой влажности чердака. И оглушающая тишина, нарушаемая лишь нашим тяжелым дыханием. Практически все помещение темно – хоть глаз выколи, и только там, где я остановилась, освещен небольшой кусочек – окном напротив, в котором горит свет.

Артур подходит почти вплотную, протягивает руку... но не касается... отдергивает.

Его взгляд прожигает насквозь, рвет на мне одежду, обжигает кожу, разом обнажая всю мою слабость, незащищенность. Мне до одури хочется сбежать, немедленно спрятаться, но продолжаю стоять, пригвожденная к месту силой его презрения.

Дикое чувство пульсирует во мне, смесь страха и гнева, и... возбуждения. Едва дыша от внутренней паники, жду, что же он скажет. С жадностью, какой-то отчаянной потребностью жду его слов, хоть и понимаю – ни единого доброго

не услышу.

– Значит, крольчишка высунула свою мордочку из норы? – глухо спрашивает Артур. – Ты так старательно избегала меня все эти месяцы. И вдруг почтила мою вечеринку своим присутствием. Что случилось? Осмелела? Хахаля завела?

Вздрагиваю от обидных слов. От обжигающей ненависти во взгляде хочется бежать как можно быстрее и дальше. Но заставляю себя остаться на месте и прямо смотреть в некогда любимые глаза.

– Почему ты никак не отпустишь мои крылья? – спрашиваю едва слышно. – Столько времени прошло... Почему сейчас? Что поменялось? Ты лишил меня работы, моим родным навредил. Что дальше? Сколько еще? Почему ты не успокоишься?

– Потому что все еще задыхаюсь от ненависти к тебе. Знаешь, почему раньше не подходил? Потому что своими руками бы задушил. Как вспомню каким был идиотом... Думал во мне проблема, как дурак извинялся. Переживал за твои нежные чувства, раненые Соболевой. Но дело было в другом, да, Мотылек? – мое прозвище он словно выплевывает. – Я не спал с Соболевой, не изменял тебе... Зато ты – да. Ну и дурак же я. Жениться хотел, денег поскорей достать. Хватался за любую работу. Как наивная барышня мечтал... А вы, тем временем... Всего одна тупая подставка моего дядьки, которому теперь точно конец... И все, жизнь кувырком. Да, *Ско-*

рос? Так он тебя называл? Даже имя тебе, суке придумал. Только что же ты не с ним? Раз его выбрала?

– Не выбирала...

– Ой, только не надо жертву из себя ломать. Тебе не идет больше маска невинности. Поменять пора.

– Что тебе до моих масок? До меня? Почему сейчас ты решил все это высказать?

– Это важно? Мои мотивы тебя волнуют?

Мотаю головой.

– Нет... Уже ничего не осталось важного между нами...

– А вот и ошибаешься, – голос Артура становится еще более низким. Он резко хватает меня за руку и дергает на себя. – Кое-что осталось. Я все еще хочу тебя...

Меня охватывает шок и смущение от его слов. Но прежде чем у меня получается придумать хоть какой-то вразумительный ответ, Артур обрушивается на мои губы. Я отталкиваю его, вырываюсь, он шепчет что-то грубое, и держит так крепко, что понимаю – мне не справиться. Расслышать его слова не получается за рёвом крови в ушах.

Артур берет мою голову обеими руками, распластав пальцы по моему затылку и его губы снова накрывают мой рот, погружая туда язык. Внутри меня растет паника и в то же время жадно впитываю каждое его касание. Грубое или нет – наплевать. Я ощущаю безумный голод по нему.

Раскрываюсь ему, дрожа так сильно, что едва могу держаться на ногах. Его руки обнимают, защищая мою спину от

шершавой стены. Целую в ответ, вкладывая в это всю свою тоску по нему, все отчаяние и боль прожитых без него дней. Чувства переполняют меня, теряю контроль. Трение колючего подбородка только усиливает нервные искры возбуждения, разносящиеся по всему телу.

– Хочу тебя. Ты сегодня со мной, – хрипло шепчет Артур, сжимая моё тело, и я чувствую его горячее дыхание на своей коже. – Пора все это закончить. – Он берется за бретельку моего платья, сдвигает его в сторону. Наклоняет голову и через тонкое кружево бюстгалтера ласкает поочередно мои груди. Впиваюсь ногтями в его плечи, задыхаюсь, не понимая что делаю – отталкиваю его или притягиваю к себе. Слезы жгут уголки глаз, то ли от желания, сводящего с ума, то ли от осознания что Артур унижает меня, демонстрируя нарочитую похоть, показывая, как изменилось его отношение ко мне, и кто я теперь для него. Лишь тело...

Он поднимает голову и снова впивается в губы пьянящим поцелуем.

– Не бойся, я не настолько жесток чтобы взять тебя здесь, – шепчет успокаивающе, слизывая мои слезы с подбородка, покусывая его. – Здесь неподалеку гостиница.

Каменею от этих слов. Понимаю, что не смею ждать ничего другого, но как же больно!

– Тебе не кажется, что твоя месть уже переходит любые границы? – отвечаю резко, сотрясаясь от обиды и гнева. И в то же время меня всю колотит от неудовлетворённого жела-

ния. – Я понимаю, кем ты меня считаешь. Наверное, у тебя есть на это право. Но я так не могу.

– Снова смеешь отказывать мне? – рычит в ответ. – Сколько можно этих игр? Любого готова в свою постель затащить, но только не меня? Почему?

Что мне ответить?

«Потому что люблю»

«Потому что ты важнее всех на свете, и никто кроме тебя мне не нужен, но я все это обесценила. Предала, в одну ужасную ночь. Все разбила на мельчайшие осколки. Но понимая истину – нам не быть вместе, все еще не могу перестать мечтать. Снять розовые очки и окунуться в правду жизни. Где нет тебя...»

– В чем проблема? – продолжает грубо вопрошать Артур. – Я же чувствую, ты хочешь. Всегда меня хотела.

– Это ничего не изменит... Сделает только хуже, – отвечаю тихо. – Ты никогда не простишь меня.

– А ты посмеешь просить прощения?

– Нет. – Отвечаю едва слышно. Мои руки теребят складки платья, цепляясь отчаянно за тонкую ткань.

– Скажи, что не хочешь меня. Скажи мне, и я отпущу. Или признай хоть раз в жизни правду. Скажи, что чувствуешь.

– Я не могу этого сделать, – закрываю лицо руками. – Разве ты не понимаешь? Нам лучше держаться подальше друг от друга. Слишком многие пострадали.

– Серьезно? Ты еще смеешь кого-то приплетать сюда?

Волнуешься за него? Переживаешь? – взрывается Артур. Его ладони сжимаются в кулаки. Чувствую, что он на грани, в бешенстве от моих слов. Мне снова очень страшно. Видимо он счел что я говорю о Якобе.

– Я о родных своих, – кричу ему в лицо.

Никогда не думала, что наш разговор будет таким. Безумным, на грани, разрывающим сердце. Почему-то я представляла себе совсем другое – что проходит много лет. Десять, а то и больше. И мы спокойно разбираем ситуацию, признаем ошибки и прощаем друг друга.

Но даже в самой дикой фантазии Артур не тащил меня в ближайшую гостиницу для секса.

Наивная романтичная дура, сейчас я сама себе противна. Беспомощная, сломленная.

Желание, боль и страх – всё смешалось в моей голове.

Артур внезапно замирает. Вынуждает меня поднять лицо вверх, обхватив рукой мой затылок. Его глаза горят серебристым светом даже в темноте, когда смотрит на меня.

Он выглядит потрясенным. Не верящим в то, что услышал.

– Твои родные? Я навредил твоим родным?

Почему в его голосе удивление? Неужели можно быть настолько циничным?

Отстраняюсь от него резко, чуть не упав, и Артур машинально протягивает руку, чтобы удержать меня. Но отпрянув от него, увернувшись от протянутой руки, убегаю, почти не

видя ничего перед собой – такой туман стоит у меня перед глазами.

Как же я ненавидела себя за то, что снова отступила, убежала. У меня хватило смелости бросить Артуру в лицо обвинения в том, что он преследовал не только меня, но и моих родных. Вот только ответ выслушать оказалось слишком больно. Я не хотела реветь перед ним. Выглядеть настолько жалкой, показать, как сильно он разрушил меня – ничего не осталось. Но я хотя бы смогла устоять и не отдаться ему. Возможно, я не права. Но мне казалось, если и это переступлю и стану для него очередной подстилкой... это убьет последнюю каплю света, самое бесценное: бережно хранимые воспоминания о прошлом. О некогда красивой любви. Ведь что бы там ни было, спор, неискренность – я точно знаю, чувства были настоящими. Артур любил меня. Пусть поспорил, пусть не планировал влюбляться. Но это случилось. Я всегда это знала. И все равно позволила обиде и страху взять верх.

Хотя что толку вспоминать былое...

Билеты куплены, я вот-вот уеду. Кто знает, когда вернусь. И вернусь ли.

Но в оставшиеся дни я пыталась сделать все возможное, чтобы показать Артуру, что забыла его. Я устала быть забитой жертвой, о которую вытирают ноги. Пусть лучше считает меня вертихвосткой. Которая строит глазки всем, но только не ему.

Я флиртвала с каждым парнем в университете. Прини-

мала приглашения на свидания. Я улыбалась даже тем, кто был мне неприятен, хохотала даже над несмешными шутками. Шутила в ответ. Провоцировала. Пусть все это выглядело нарочитым, напоказ, глупым. Мне так было легче. Я ловила мрачный взгляд Артура, когда он проходил мимо меня, а я стояла в окружении пятерых парней, которые ловили каждое мое слово. Едкий, обжигающий, горький взгляд... Но терпеть его было куда лучше, чем мертвую пустоту внутри себя. Пока есть силы для бравады, можно притвориться, что пустоты нет... Она вернется потом, в этом нет сомнений. Но пока могу – буду смеяться в лицо своей боли. Пусть Бурмистров запомнит меня такой. Глупой кокеткой. Готовой пойти на свидание с первым встречным. Пусть разочаруется во мне. Пусть продолжает ненавидеть. Только не тоскует. Тоска, увиденная в тот вечер на чердаке в его взгляде, когда он на секунду приоткрыл завесу, чуть не заставила меня завывать от боли. Он никогда не простит меня. Поэтому, я должна ему помочь забыть и выкинуть меня из сердца. Больше никому...

Вот и Марио звонит, как нельзя кстати. Он до сих пор не уехал. Заказал еще несколько фотосессий со мной. Мы очень сблизились, он часто приглашает меня куда-нибудь, в ресторан или на дискотеку. С ним весело и легко. Он обаятелен, не назойлив.

– Привет, cara! Ты сегодня свободна вечером? Мои друзья приезжают из Рима, и я планирую устроить им экскурсию...

У меня осталась всего неделя до отъезда, самое время вещи собирать, но отказать Марио неудобно:

– Да, конечно. Мы устроим твоим друзьям отличную прогулку.

Глава 28

Греция, Эгейское море, два года спустя

Сегодня очень ветреный день. У меня выходной, но на улицу выйти нет никакого желания. Обычно я езжу в ближайший город, закупаю продукты, или просто гуляю по побережью. Но сейчас даже шум моря, доносящийся в раскрытое окно, не умиротворяет, а только усиливает тревогу, тоску и тяжелые предчувствия. Тишина дома оглушает. Кажется, я одна в целом мире.

Откинувшись на спинку кресла-качалки, размышляю о своей жизни, поступках, о том, куда привела меня моя глупость и неосторожность. Я, конечно, заслужила все что произошло со мной. Но как же трудно это принять. Особенно тяжело мне дается вынужденное одиночество.

Нет, я очень люблю наш маленький домик в Греции. Мне всегда здесь спокойно и уютно. Но не сейчас.

Смотрю в окно на вспененные волны, с шумом обрушивающиеся на каменистый пляж. И погружаюсь в воспоминания. Прислушиваюсь к своему сердцу. Готово ли оно окончательно умереть? Потому что это единственный на данный момент выход.

Как много всего произошло за два года, что я здесь. Первое время было так суматошно, я привыкала жить в одиночестве, в новой стране. Мне даже тосковать поначалу было

некогда.

Но все равно я конечно скучала по дому, по тем дням, когда мы все жили одной большой семьей, совместным ужинам, когда папа приходил с работы и мы собирались все вместе за столом. Решали сообща проблемы. Нянчились с Тимошкой. Сплетничали с Лисой обо всем на свете. Настасья Михайловна пекла свои фирменные пироги по воскресеньям, а бабушка ворчала по поводу диеты. Как же не хватало этой теплоты, домашней суеты и смеха!

Мне безумно недоставало любви. Любви, которой все вокруг было пропитано в доме бабушки, который давно стал родным.

Но главная боль – с каждым новым месяцем, проведенным вдали от родины, меня охватывало чувство ужасной потери. Я умирала от желания увидеть Артура. Бесконечно тосковала по нему. Наш разговор на чердаке был последним. И уверил меня в том, что достучаться до Бурмистрова невозможно. Он думает лишь о мести. И о сексе... Попытки наладить с ним отношения принесли бы лишь новые страдания. Он слишком зол. Никогда не простит меня.

Я тоже злилась. На всех. Прежде всего на себя, но и на него конечно. Перед отъездом вела себя так, что стыдно вспоминать. О чем я думала, бросая Артура вызов? Флиртуя на его глазах с другими? Что он накажет меня? Или заревнует и снова захочет вернуть? Трудно понять. Я действовала на эмоциях. Выла внутри от боли и не знала как ее усмирить.

Как же страшно, когда понимаешь, что и примирение невозможно, и жить без человека не можешь.

Возможно ли простить измену? Иногда мне хотелось думать, что простить можно все, если любишь. А я? Смогла бы я простить Артуру нанесенный моей семье вред?

Мы словно нарочно возводили перед собой непреодолимые преграды.

Как же больно было узнать, находясь здесь, что Артур, спустя время, снова мстит мне через родных! Хочет отнять у нас дом Анны Григорьевны. А папе грозит тюрьма. Слезы текут по щекам, я даже не смахиваю их. Еще никогда в жизни мне не было настолько одиноко и страшно.

Два года тишины... Оглушающей тоски, бессонных ночей. Я так надеялась, что пройдет время, может еще несколько лет, и я вернусь в родной город. Смогу снова жить со своей семьей. Но уж точно не такое возвращение я планировала...

* * *

Дом бабушки встречает меня шумом и нависшим предчувствием беды. Все настолько испуганы и расстроены, что даже мой приезд почти не заметен.

Весь дом на ушах, Анна Григорьевна в истерике... Отец рвет на себе волосы и готовится идти в тюрьму.

– Что же это такое, Василин? – тихо всхлипывает Лиса,

когда закрываемся с ней вдвоем в комнате. Неужели Бурми-
стров и на это пойдет? Ведь больше трех лет прошло, что ж
не успокоится никак?

– Ты уверена, в нем причина?

– Я ни в чем не уверена, кроме одного – это очень жесткая
подстава. Сначала думали что отцу твоему нереально повез-
ло – шикарная должность – помощник финансового дирек-
тора, зарплата отличная. Радовались что скоро сможем сами
на ноги встать, а то без твоей помощи концы никак не мог-
ли свести с концами... И вот, через полгода такой удар. Или
твой отец талантливый, но в то же время глупый махинатор
– либо это подстава.

– Мой отец не вор, это я точно знаю.

– Я думаю надо к Бурмистрову идти, – вздыхает Лиса.

– Хорошо. Я пойду. Только надо узнать где он... В городе
ли.

– О, конечно он тут. Никуда не уезжал, не волнуйся. Го-
рячие точки его больше не волнуют. Теперь он самый крутой
бизнесмен в городе.

– Даже так?

– Ну крутость его я не взвешивала, но он владеет огром-
ным казино и несколькими торговыми центрами.

– А в остальном... Как он? – вырывается у меня.

– Ты о чем? Как здоровье его? – горько хмыкает Лиса. –
Думаю, как у быка. Или, ты волнуешься женат ли он? Вроде
нет.

– Я сама не знаю зачем это спросила, – иду на попятный. А в душе конечно трясет при мысли что сестренка могла сказать: Ага, женат и счастлив. Умерла б на месте.

– Не надо тебе к нему, Василий. Может он и ни при чем. Только заново войну развяжешь, не дай бог... Я сама схожу. С детства говнюка знаю.

Но у Лисы не вышло ничего. Бурмистров – видимо важная шишка теперь, отказался принять и ничего не сделаешь. Разве что на улице целыми днями караулить. Тогда я обратилась к Наталье. Мы не виделись с того дня как она уволила меня. Но встретила меня очень душевно. Агентство еще больше расширилось, сменился адрес. Но я все-таки смогла найти бывшую начальницу, которая встретила меня очень радушно.

– Скорос! – громкое восклицание и объятия, а у меня внутри сжимается все от прозвища, которое забыть хочу. Столько знакомых я потеряла за эти годы, контактов. Вот только Штаховский не забывал меня. Два раза в год, на день рождения и на Рождество от него приходили шикарные букеты. Мне было горько смотреть на эти красивые цветы и осознавать что Якоба даже огромное расстояние, другая страна не способна остановить. А вот Артур наверняка и думать про меня забыл...

Цветы я раздаривала соседям. Держать их в доме было бы слишком мучительно.

Наталью очень огорчает мой рассказ о ситуации с домом:

– Я поверить не могу. Ты знаешь, я ее тогда, сразу после твоего увольнения поговорила с Таисией. Высказала все что думаю по ее больного на голову братца. А она удивилась очень. Сказала что быть такого не может и Артур никогда бы так не поступил. По крайней мере со мной – точно. То есть невинных людей не стал бы трогать. Мы тогда сильно поспорили и какое-то время не общались. Потом ты уехала и разговор про вас с Артуром не один раз всплывал. И каждый раз Тая утверждала, что к проблемам моей фирмы Артур непричастен. Что никогда бы так не поступил. Понимаешь? Никогда! Ну или не знаю, иначе Тайка ни сном ни духом про его делишки, а ведь тогда Артур в то время жил у нее. А сейчас... даже не знаю... тем более. Сейчас он сильно поднялся, казино новое открыл. Деловой человек, очень серьезного уровня бизнесмен в городе. Не к лицу ему девочке мстить.

– Ну так я больше никому дорогу не переходила, если ты об этом, – говорю с горечью. – А папа – тем более.

– Понимаю, да. У тебя есть основания для подозрений.

– Он сам предупредил меня. И сразу в твоём агентстве начались проблемы. Таких совпадений не бывает!

– Верно... но в то же время – так трудно поверить. Хорошо, поговорить вам нужно обязательно. Я узнаю сейчас у Таи где её брат. И ты туда отправишься.

Так мне сообщили ресторан, в котором на следующий день будет ужинать Бурмистров. Я радовалась, что это не

его офис где он давил бы на меня. Общественное место. Так проще.

Все так же красив. Неотразим. Ужасно нервничаю, буквально трясусь, поэтому застываю в дверях ресторана, стараясь глубоко дышать и прийти в себя, чтобы не предстать перед Бурмистровым полной психичкой. Потому что пока ехала сюда – воображение захватила картина, как вцепляюсь ногтями в красивое лицо, в белокурые волосы... За то что с моей семьей сделал, заставлял сейчас пережить настоящий ад... Но знала, что это не выход. Моя задача смягчить Артура. Примириться. Если ему нужно покаяние – он его получит. Если хочет мести – то пусть все коснется лишь меня...

– Вам предложить столик? – обращается ко мне официант.

– Нет, спасибо, меня ждут. – И нарочито уверенной походкой направляюсь в сторону Бурмистрова, сидящего за столом возле окна. Замираю напротив, в шаге от него. Жадно разглядываю. Он все еще не заметил меня, сосредоточенно изучает какие то бумаги, в ожидании заказа. Сглатываю комочек в горле и приказываю себе начать разговор, ради которого пришла.

– Здравствуй, Артур, – все что удастся выдать из себя, в ответ на его удивленный взгляд. Одно радует – он ужинает в одиночестве. Наверное, мне ужасно повезло. Даже удивительно. Я безумно боялась, что с ним будет женщина. И мне при ней придется произносить свою унижительную речь-

мольбу. Конечно, я бы предпочла кричать, наорать на Артура. Обвинять, обзывать. Во мне кипели ярость и ненависть к нему, за то, что сделал моим родным, что сделал с нами. Мы оба сделали... Себя я презирала не меньше. Но это не выход. А я обязана найти вариант спасения своей семьи.

– Прости что помешала. Мне очень нужно поговорить с тобой.

Как же тяжело. Он кажется совершенно посторонним, недостижимым, очень властным. С холодным равнодушием разглядывает меня. Пытаюсь разглядеть в его лице хоть какие-то проблески эмоций. Воспоминаний. Но их нет.

– Привет, Василина, – голос точно удар хлыста. – Сколько лет, сколько зим. Ты умеешь удивлять. Не ожидал увидеть тебя.

– Правда не ожидал? То есть, думал, находясь в Греции наплюю на неприятности, угрожающие моим родителям? – вырывается у меня. Все попытки сохранять хладнокровие летят к черту. Меня трясет и нет сил это скрывать. – Чего ты добиваешься, Артур? Все между нами давно быльем поросло. Разве не так? Тогда почему продолжаешь вредить мне?

Бурмистров по-прежнему спокоен и кажется даже удивленным. Молча выслушивает мои обвинения.

– Может присядешь? Закажешь что-нибудь. Так будет удобнее поливать меня грязью, – предлагает ледяным тоном. И я буквально падаю на стул, потому что ноги не держат. Артур долго молчит. Подходит официант и Бурмистров что-

то тихо говорит ему. Вскоре передо мной ставят бокал вина. Залпом выпиваю, готовясь к новой перепалке. К новым уни- зительным словам.

– Значит, тебя интересуют мои причины, цели. – Задум- чиво произносит Бурмистров.

– Больше всего на свете я хочу это прекратить! Это же безумие!

– Почему ты решила, что я настолько одержим тобой? Ду- маешь, настолько дорога мне, что я годами живу лишь ради того, чтобы портить жизнь тебе и твоему окружению?

– Я не знаю почему! Ты сам мне угрожал! И сразу после этого меня уволили с работы... и другие вещи стали проис- ходить...

– Верно. Было такое, – вздыхает Артур. – Значит, моим заверениям, что я ни при чем – ты не поверишь?

– Если только не скажешь – кто кроме тебя настолько мо- жет меня ненавидеть. Мне такие люди в голову не приходят.

– Ясно. Чудовищем меня считаешь бездушным.

– Я очень виновата перед тобой... И понимаю твои мо- тивы, правда! Но наш дом! Это уже слишком! И папа... он буквально раздавлен.

– Хочешь все это изменить?

– Конечно! Я на коленях готова ползать!

– В последнюю нашу встречу не заметил, чтобы ты готова была. Скорее, ты была на войну настроена. На вызов.

– И за это тоже мстишь? Если я настолько ужасна, почему

бы тебе не выкинуть меня из головы. Найти другую!

– Их полно... Сойдет любая.

– Тогда что?

– Тебя я все еще не получил.

Холодею от этих слов. Не может быть. Богатый, успешный, любимый сотнями женщин. Все еще переживает по поводу того, что не было у нас секса?

– Ты побледнела. Тебя так пугает перспектива ночи со мной?

– Не пугает, но унижает, да. Ты правда хочешь свести все это к сексу?

– Все на свете в конечном итоге к нему сводится.

– Ты не повзрослел!

– То же самое я могу сказать о тебе.

– Я не хочу торговать своим телом!

– Тебе решать. Я не тороплю. И бегать за тобой не буду, если ты вдруг что-то такое возомнила... Это в глубоком прошлом.

– Ты вернешь дом? И уголовное дело против папы? С ним что будет? Это можно исправить?

– Я помогу тебе.

– Наверное, это непросто.

– Я решу. Тебе нужно только раздвинуть ноги.

Закусываю губу до крови. Почему он настолько жесток? Просто нестерпимо слышать бьющий точно плеть голос. Неужели его ненависть так сильна и не остыла за два года?

– У меня только одно условие. – Холодно продолжает Артур.

– Тебе мало, еще и условия ставишь?

– Да. Ты никогда больше не увидишься со Штаховским.

– Да я и так не вижусь с ним! – вырывается у меня.

– Пообещай, что он больше никогда не приблизится к тебе. Одна ночь со мной. Где я – твой хозяин, выполнишь все что пожелаю. В ответ твой папочка избавится от головной боли.

– А дом?

– Верну.

– Я должна подумать...

– Конечно, другого я и не ждал. У тебя всегда были проблемы с принятием решений.

* * *

Из ресторана выхожу с чувством, будто меня избили. Артур наконец завершил свою месть. Уничтожил меня морально. Растоптал последнее светлое что было между нами. Сделал меня проституткой. Смогу ли я отказаться? Конечно же нет. Это отвратительная ситуация, но зато спасу родных. Пусть сама погибну. Уже никогда не смогу почувствовать себя полноценной личностью. Но это не важно. Я и так лишь тень от прежней Василины. Половинка Мотылька, который уже никогда не полетит.

Конечно, у меня был и другой выход. Выставить на продажу дом в Греции. Точнее – я уже это сделала еще перед отъездом. Это помогло бы купить что-то недорогое в прежнем городе. И нанять адвоката для папы. Но я уже согласилась на предложение Артура... Это действеннее, я свято верила, что Бурмистров не обманет. Решит все вопросы и не оставит нас на улице. Я сохраню дом, полный воспоминаний. В нем росла моя мама. Бабушка провела всю жизнь. Родился Тимошка. Если для этого я должна стать проституткой – так тому и быть.

Как же это больно – оказаться беспомощной, в полной зависимости от человека, который когда-то был для тебя целым миром. Любовь к которому так долго жила во мне, и наконец умерла, из-за гадкого шантажа. Сменилась чувством злости и отчаяния. Вот только равнодушия все равно не было. Артур все также глубоко волновал меня.

Глава 29

Ров Артур

Маленькая испуганная мышка, спасающаяся от серого волка. Вот кем стал Мотылек. Красивая как мечта девочка, лишившая меня покоя и разума еще в школе. Вывернувшая наизнанку мое сердце. Сделавшая меня больным недалеким уродом, мстящим всем вокруг.

Я пытался держаться. Не поддаваться ярости, мести. Но не мог. Стоило только вспомнить, как мне позвонила Лиза Брейкер. Я знал ее не слишком хорошо – родители общались в одних кругах. Можно сказать, видел всего несколько раз. Но это не остановило ее от того чтобы хладнокровно сесть напротив меня в кафе, где назначила мне встречу, да еще и опоздала почти на сорок минут – я уже собирался уйти. И спокойно, без предисловий включить диктофон на мобильном:

– Не можешь быть с ним, будь со мной.

– Это невозможно... ты не понимаешь. Я люблю его.

– А я? Все-таки таблетка?

– Прости меня... Это ошибка была. Страшная... самая болезненная и ужасная. Ты не виноват. Ты меня останавливал... А я – мало что соображала в тот момент. Мне так страшно от того что натворила!

– Тогда убеги. Ты это умеешь.

– А ты умеешь подкалывать людей! Больше ничего! Ты можешь понять, что мы наделали? Как жить после этого?

– Люди и не такое переживают Скорос, ты всего лишь невинность потеряла. Но не теряй себя.

Василина Дусманис. Маленькая девочка-мотылек. Разрушила меня, испепелила сердце. В один момент я словно в ад провалился. Ничто не могло мне помочь, заглушить боль, хоть немного прижечь нанесенную рану... Думал, уеду по контракту, и там: в пыли, грязи, войне остыну хоть немного. Не вышло. Всегда стояла перед глазами. Манила меня. Притягивала. И глупое сердце требовало – прости ее. Верни. Забудь прошлое...

Никогда не мог предположить себя в подобной ситуации. Разве что ради шутки, болтая с пацанами, братьями по Афгану. Разные случаи бывали. Многих зачастую не дожидались бездушные барышни. Кто-то ловил на измене вторые половинки, неожиданно вернувшись домой на нечаянно свалившуюся побывку. Я как-то бросил невзначай – Убил бы сразу. И верил в это. И если уж совсем начистоту – в первый момент действительно хотел убить. Обоих. Руки чесались. В груди такой огонь полыхал – ничем не затушить. Никогда не думал, что баба способна выжечь дотла...

Но мстить? Отцу? Родным? Работы лишать? Неужели Мотылек меня настолько уродом считала? Когда первый раз в лицо это обвинение бросила – даже значения не придал. Это случилось на вечеринке, когда все табу в момент к чертям

снесло. Когда на тусовку студенческую в роскошном платье явилась, еще и с мужиком. Когда понял, что нет сил держаться подальше, что плевать мне на прошлое, ничего не забыл и не пережил. Все еще люблю до одури. Пока наказывал, на ее глазах с другими бабами тусил – еще мог держаться. Но ее с другим видеть – это рвало меня на части.

Разговор на чердаке не клеился. Хотел сказать, что люблю, а вместо этого нес чушь какую-то. Потому что дурел от близости, от ее вида, запаха, от того как отвечала на мои поцелуи. Но вырвалась, убежала... Отпустил. И снова молчание, точно между нами стена – толстая, но прозрачная. Смотреть можно, подойти – никак. Гордость все еще играла. Самолюбие, обида. Да и на другом сосредоточен был. Бизнес начал. Первое время трудно было выплыть. Тем более, барахтаясь среди акул, был поглощен не собственным самосохранением, а желанием потопить Штаховского. Это были трудные времена. Мы долго боролись и в конце я уничтожил бизнес бывшего друга.

Вот и подумал тогда, на чердаке, услышав обвинение от Мотылька, что за любовника своего первого печется. И снова огонь в груди, отпустил, чтобы боль не причинить, ревность меня буквально на части раздирала...

А потом Мотылек далеко улетела. Для меня – как снег на голову. Не готов был. Не подумал, что отличница, что раньше закончить может, получит свой красный диплом и упорхнет. На этот раз еще дальше – в страну другую. Первым по-

рывом было – за ней мчаться. Вот только у меня сессию никто не отменял. И Штаховский все еще бизнес свой спасти пытался. Не смог я за Василиной броситься. А потом подумал – может и надо еще подождать. Она всегда возвращалась сама. Ей всегда нужно было время. Сосредоточился на бизнесе, чтобы уже никто не смог подножку подставить. И с Димкой война в разгаре. К лучшему что нет Мотылька – знает дядька мое самое уязвимое место.

Но меньше всего я такой новой встречи ожидал. Что подойдет вот так, неожиданно, к столику в ресторане. И новыми обвинениями сыпать начнет. Каким же козлом она меня считает! Наверное, у нее есть причины. Но все равно больно. В какой-то момент ярость и отчаяние берут верх. И я начинаю играть роль сволочи, которую она так тщательно мне навязывает. Слышу себя словно со стороны и ужасаюсь – неужели и правда так могу? Низводить любимую до проститутки? Но в один момент тормоза отказывают. Понимаю только, что хочу ее. И если уж ей не любимой роль мила, а девушки на одну ночь... Я и на это согласен. Пусть будет одна ночь.

Тот день в казино никогда не забуду. Как комнату шагами мерил. Извелся весь, как барышня на выданье. Придет, или обманет? Сбежит, или впервые в жизни попробует противостоять трудностям? Если пойдет на попятный – судить не буду. Такая уж она есть, хрупкая, невесомая, словно не от мира сего. Мотылек ведь... не зря так назвал когда-то.

Стараюсь выглядеть спокойным и хладнокровным, когда в кабинет мой входит, маленький ангел, приносящий себя в жертву чудовищу. Именно так себя Мотылек сейчас чувствует, я уверен. И первый порыв – отпустить... или даже прогнать. Понимаю, что не должен идти на чертову сделку. Неправильно это. Оба себя проклинать потом будем... Но не могу оторвать даже взгляда от любимой. Такая покорная. Больше не убегает. Вся передо мной. Понимаю, что ночь лишь одна обещана. Но в этот момент вся моя жизнь сужается до этого вечера. Этой комнаты. В которой я прошу Василину раздеться.

Каждое ужасное слово донельзя возбуждает меня.

«Положи платье на кресло»

«Подойди к дивану»

Стояк просто каменный. Несмотря на панику в глазах Василины, когда пятится от меня как испуганный кролик. Которого преследует жестокий хищник. Неумолимо, потому что остановиться уже не может. Обхватываю рукой тонкую белую шею. Второй освобождаю ее грудь от бюстгальтера, наслаждаюсь шелковистостью ее кожи. Едва сдерживаю себя. Желание рвет на части. Пульс ревет в ушах. Не понимаю, о чем мы говорим. Я и правда превратился в животное, разучился в момент понимать человеческую речь. Вот что она со мной сделала. Поработила полностью... и поэтому вызвала ответное горячее желание поработить в ответ. В крови закипает ярость.

«Дай отдышаться. Я не готова. Мне нужно в туалет»

Она все еще играет со мной в игры. Наверное, это неизбежно. Поэтому, разозлившись, груюлю:

«Боишься обмочиться со страха? Я так на тебя действую? Или тянешь время? Его не осталось...»

Словно со стороны свои безумные фразы воспринимаю. Обижаю девушку своей мечты. Низвожу до проститутки. Хлещу словами. Мне все мало. И от этого лишь сильнее внутри жжет, как рана открытая.

Ласкаю ее, целую, хочу поглотить, вобрать в себя целиком, никогда не отпускать от себя. Как же тяжело любить без взаимности. Без надежды.

«Я так долго этого ждал»

Неожиданно вырывается у меня и замираю в страхе, что так сильно открылся перед ней. Дал в руки оружие.

«Не жалеешь о том, что Яшка был первым?»

Грубостью пытаюсь замаскировать распахнутую настежь душу. Притягиваю Василину к себе, впиваюсь в губы голодным поцелуем. И она принимает, не смотря на мои ужасные слова, на то, что ее целует сосредоточие зла – ведь таким меня считает. Стоит нам коснуться друг друга и начинает искрить.

Отпускаю руку, откидываюсь назад, дышать трудно. Нет больше сил что-то изображать из себя. Поэтому делаю то, что хочу больше всего на свете: притягиваю Мотылька к себе и впиваюсь в губы поцелуем, в который вкладываю все свое

отчаяние. Но мне бесконечно мало поцелуев. Опускаю руку и касаюсь обнаженного лона, влажного от желания. Это срывает последние клеммы, тем более мой Мотылек возбуждающе стонет, окончательно сводя меня с ума. И все-таки оста-навливаюсь. Проверяю – могу ли. Боюсь что совсем крышу сорвет. Не хочу навредить ей. Она такая маленькая, хрупкая.

«Почему?»

Вопрос-мольба, окончательно срывает плотину моего самообладания, потому что открывает истину – она действительно хочет меня. Не платит – нуждается. Отдается искренне, не только телом. Ее душа тоже здесь. Она целиком и полностью моя. Как никогда не была и не могла быть ничьей больше.

Нет ничего прекраснее чем быть внутри женщины, которую боготворишь. Обожаешь. Она судорожно цепляется за мои плечи. Встаю с дивана вместе с ней и несу на руках к кровати. Самая драгоценная ноша. Наконец я в ней, полностью, без остатка отдаюсь нашей общей потребности. Мечтая навсегда стать единым целым с ней. Понимая, что одна ночь ничего не решит. Мне всегда недостаточно Мотылька. Больше хочу. И ночь в казино лишь еще одной раной становится. Их и так немало за нашу непростую историю скопилось.

Наутро просыпаюсь один. Мотылек упорхнула, этого следовало ожидать. Обожает сбегать, все время из рук ускользает. Но сейчас меня мало волнует ее побег. Этой ночью я понял одно – она меня любит. Что бы ни говорила, как бы

ни притворялась... раскрылась передо мной, возможно, вопреки своему желанию. Показала все, что я так жаждал увидеть. И затаенную боль, и отчаянное желание, и страсть. Теперь сколько б ни улетала – верну. Но сначала с обвинениями разберусь. Выполню что обещал, заодно узнаю, кто моей девочке вредит. Первая мысль – Димка. Хотя сложно поверить, что настолько дядьке нейдет. Просто одуреть можно – годы идут, неужто в кайф вредить девчонке, лично к нему никакого отношения не имеющей?

Вот только пока выясняю – моя девочка снова в Грецию улетает. Злюсь, нервничаю. Даже не дождалась разрешения ситуации с домом! Первый порыв – за ней рвануть. Да сколько же можно вот так бегать? Как раз все доказательства моей непричастности собраны. С ними я сразу к родным Василины отправляюсь. Безумно жаль, что среди них нет Мотылька.

Бедняг уже успели выгнать из жилища. В двушке съемной ютятся, больно видеть. Но хотя бы не с ненавистью меня встречают. Потому что все эти дни я провел с отцом Василины, защищая его, адвоката нанял, к следователю ходил, доказательства невиновности помогал собирать. Поговорил с Никоном по-мужски, все объяснил ему. И о намерениях в отношении его дочери – тоже. Нормальный мужик оказался, понятливый и разумный. Очень потрепала его жизнь, подкосили последние события. От чего у меня руки в кулаки сами сжимались. Получив неопровержимое доказательство, рванул к дому Димки. И новый сюрприз – оказалось, дядька

не один живет! Консьерж в элитном подъезде меня как родственника беспрекословно пустил. Новенький, не знал, что пару лет назад я уже хорошенько на этой самой площадке Дмитрия Бурмистрова отделал. И сейчас планировал сделать то же самое.

Вот только дверь квартиры мне открывает Ника Соболева. Это шибануло похлеще дубины. Ника явно визиту моему не обрадовалась. Побледнела и скисла. Я еще в тот раз еле сдержался, чтоб по морде ей не двинуть. Но пообещал – еще раз встретится на моем пути – не отмажется.

И вот стоит передо мной дрожь как осиновый лист. И снова с пузом...

– Дядькин? – спрашиваю с омерзением в голосе.

Кивает, губу закусывает.

– Артур, я...

– Ваша работа – дом Василины?

– Не моя, – сипло уверяет Соболева. – Дима... Это он. Я отговаривала.

– Да ты че! Неужели совесть появилась?

– Не хочу больше в вашу жизнь лезть, – всхлипывает. – Ребенок у нас будет. Хочу нормально и спокойно жить. Не хочу дрожать, что убьешь его и опять одна останусь. Я... люблю твоего дядю.

– Ну да, вы – идеальная пара, – хмыкаю. – Зачем ему Вася? К чему? Если все у вас хорошо и счастливы.

– Не знаю, – головой качает. Садится на диван, на самый

краешек, словно боится меня. – Сама не пойму. Сначала... мы оба ненавидели ее. Я с агентством вредила. Он – родным. Потом она уехала, все затихло... И вот недавно я узнала, что Дима продолжает эту тему. Тебе видимо мстит.

– Это я у него сам спрошу.

– Не нужно! Умоляю! Я все верну!

– Почему собралась возвращать, если он все сделал? Что за кошки-мышки, Соболева? Не понимаешь, что лучше уже не будет? И эту сволочь я теперь точно урою!

У Ники начинается истерика, большего от нее не добиться. Димка, похоже, домой не торопится, а мне находиться у него тошно. Да и никуда теперь оба не денутся. Димка сядет – с теми доказательствами, что у меня на руках, это сто процентов.

Вот только... Дом не получается вернуть. Куплен уже. Покупатель неизвестен. Как поехать к Мотыльку с этой новостью? Такого я не ожидал. В городе своем привык себя хозяином считать. Самым влиятельным и богатым. Забыл, что всегда находится богаче и хитрее.

* * *

Но я все равно еду в дом Анны Григорьевны. Не знаю, на что надеюсь. Магнитом тянет. Здесь холодно, тихо и пусто. От этого комок в горле, и глаза жжет. Как я мог довести до такого? Позволить Димке так испортить жизнь любимой...

Никогда себе не прощу.

С этим местом связано огромное количество воспоминаний. Каким уродом надо быть, чтобы выгнать отсюда целую семью? Таким как я. Одержимым. Опустошенным. Бешеным.

Видимо поэтому поверила Мотылек, что я это сделал? И я не спешил разуверять ее. Снова слишком поздно узнал, откуда ветер дует. Опять недооценил Димку. Не смог убить, потому что это слишком сильным ударом для родителей было бы. А пострадала снова Василина. И я не помог ей. Лишь добавил масла в огонь. Потому что хотел ее как одержимый. Но признаться в этом не смог. А вот шантажировать – проще, чем душу нараспашку открывать.

Я так хотел заполучить своего Мотылька обратно, что в какой-то момент забыл о том, что не все средства хороши. Это была безумная гонка. В результате которой я получил что хотел. Она стала моей. Но какой ценой? Из-за безумной ночи в казино я потерял свою мечту окончательно. Навсегда. Пообещал выполнить свою часть сделки. Вернуть дом... И не могу этого выполнить. Теперь она убедится в своем мнении, что я бесчестный сукин сын. Обманщик и манипулятор. Совсем как Димка.

Как же больно было услышать от Василины обвинения, что причинил вред ее родным. Мне бы такое и в голову не пришло... Но я виноват. Не заметил, не остановил вовремя Димку. Тем самым позволил думать, что мстительный кук-

ловод, дергающий за ниточки – я.

Теперь, впрочем, уже давно, для них, я для нее – урод последний. Каким же чертовым гениальным психом надо быть, чтобы проворачивать такое? Я задал этот вопрос Димке прямо в лицо. В ответ получил лишь безумную усмешку. Он действительно ненормален. Кайфует от своих интриг, подстав, сталкиваний лбами. Один разговор и Мотылек попала в объектив его ненависти. Не знаю, что так бесило Димку. Ее чистота? Искренняя любовь ко мне? Больше нет ни того, ни другого. Каждый раз мы с Мотыльком оказываемся в проигрыше...

Неприкаянно хожу по комнатам. Мне важна каждая деталь. Ведь этот дом хранит ее запах. Мои воспоминания. Как из окна вылезала, а я ловил. Как чай с Анной Григорьевной на кухне пили, я под столом гладил колено Мотылька, а она краснела и до того мило смущалась, что у меня вставал...

Поднимаюсь на чердак. Не знаю, зачем. Я не собираюсь проверять состояние дома и все ли вещи взяты. Я верну его Василине, сделаю возможное и невозможное чтобы вернуть. Даже если не захочет принять. Мне он ни к чему, она должна была понять это. Мне только она нужна. Всегда только она.

Чердак, как и следовало ожидать, не опустошен до основания. Это невозможно – тут столько всего! И старый шкаф, и машинка швейная. Платье из скатерти... Дотрагиваюсь до него, сжимаю в руке. Подношу к лицу и вдыхаю ее запах... И снова поток воспоминаний. Школа, постановка Шекспира.

И Мотылек – прекрасная до дрожи в коленях. Кидаю платье в угол, на стол. Закрываю лицо руками. И тут замечаю, что промахнулся. Оно на полу, возле большой пыльной книги. Подхожу, поднимаю. Под ним книга – «Атлас СССР», ужасная древность, вещь из давнего прошлого, хранимая непонятно зачем. Из него выпадают рисунки. И тут комок сжимается в горле. На рисунках изображен я. Только на сказочного принца похож... Так вот каким Мотылек меня видела? Рисовала меня и не призналась ни разу. Целая стопка рисунков. Когда она сделала их? Что чувствовала в тот момент? И убил ли я окончательно последние ростки этих чувств?

На меня в один момент будто лавина обрушивается. Уже не важна ни злость на судьбу, на Мотылька, на друга бывшего. Понимаю одно – не могу без нее. Моя маленькая Джульетта. С самого начала как залип на ней, помешанным стал, так никогда и не мог из головы выбросить.

Понимаю главное – я должен вернуть ее. Немедленно. Прямо сейчас. Нет сил ждать ни денечка. Я должен упасть перед ней на колени.

Глава 30

Греция

Ров Василина

Дорога к дому вдоль набережной. Прислушиваясь к скрипящим на ветру мачтам, иду домой, думая о своей разбитой мечте. Чувствую себя одинокой и неприкаянной как никогда.

Свежий бриз касается горячих щек. Пульс стучит почему-то так, словно бегу. Неужели подействовали мысли об Артуре? У меня всегда была сумасшедшая реакция на этого мужчину. Хотя, возможно на него так реагирует каждая.

Он подумает, что я снова убежала. Наверное, так и есть. Вот только билеты были куплены сразу – туда и обратно. Но как же тяжело было именно в этот раз покинуть родной город. Еле заставила себя сесть в самолет. Так странно – именно теперь у меня был повод бежать без оглядки. Ведь Артур до основания меня разрушил, не оставив ничего. Получил наконец то, что хотел. Исполнил последний штрих своей мести. Утром, после ночи в казино я поняла, что от меня ничего не осталось. Потому что несмотря на всю месть, руины гордости и самоуважения, разбитой жизни целой семьи – ночь с ним была для меня счастьем. И когда он касался меня, каждая клеточка моего тела вопила о любви.

Так не должно быть. Конечно, мы любим не за что-то, а

вопреки. Но нельзя любить своего врага. Того, кто тебя ненавидит и с грязью смешать рвется. Это саморазрушение, путь в никуда. И я бегу по этой дороге, несусь навстречу локомотиву по имени Артур, чтобы он раз и навсегда уничтожил меня.

Я ни за что бы не ушла в то утро из казино, если бы не была вынуждена. И покупатель, о встрече с которым я договорилась в Греции. Врожденное чувство ответственности. Глупо, да. Я могла бы послать все к черту и остаться с Артуром в постели. Впервые в жизни встретить вместе рассвет. А потом ждать, когда прогонит.

Но я должна показать дом покупателю. Нам это место теперь не по карману...

Тороплюсь домой, уборки предстоит много, завтра первый показ. Физический труд отвлечет меня от нелегких мыслей. Прогонит хотя бы на время душевные терзания.

Готовлюсь к наведению чистоты, переодеваюсь в самое древнее барахло: старые брюки цвета хаки и футболку Лисы, которую она одела всего раз и заявила, что больше не станет носить вещь с дурацкой надписью: «Я твоя конфетка». Это был подарок Ромы прошлый День Влюбленных, который парочка как раз в Греции провела. Позже, летом, Лиза хотела помыть этой футболкой полы. Но я ее остановила. Вот сейчас решила найти ей подходящее применение, раз Лиса не носит. Надела резиновые перчатки, наполнила ведро горячей мыльной водой и начала с окон на веранде. Через полча-

са я была мокрая как мышь, и умирала жажды. Едва положила тряпку, чтобы сделать перерыв – раздался звонок в дверь. Неужели покупатели? Но мы договорились на послезавтра! Неужели решили застать врасплох, чтобы сбить цену?

Открываю дверь – во рту пересыхает моментально. На пороге стоит Артур. Ветер раздувает его светлые волосы. Руки в карманах выцветших джинсов, на лице – нечитаемое выражение. Меня сразу начинает трясти мелкая дрожь.

И тишина. Такая напряженная, глубокая, что на секунду возникает ощущение, что мир остановился. В этом безмолвии серебристый свет глаз скользит по мне с головы до пят, жадно, изучающе, словно Артур лет десять меня не видел, и мы не расстались только позавчера... Затем, более медленно повторяет осмотр, останавливаясь на каждом изгибе моего тела, заставляя сжаться под этим откровенным оценивающим мужским взглядом.

Едва выдерживаю – не могу дышать, сердце неистово колотится. Отвожу глаза, потому что мне хочется смотреть на него не менее жадно. Пытаюсь изобразить возмущенное удивление его визитом. А в глубине души меня затапливает оглушающая радость от того что он здесь. И безумная надежда... Что не безразлична ему, поэтому приехал.

Взгляд Артура останавливается на моих губах, пока стараюсь подавить предательскую дрожь в разгоряченном теле. С ужасом чувствую огонь, разгорающийся внутри, облизываю губы и замечаю, как жадно он ловит это мое произ-

вольное движение. Изю всех сил стараюсь найти силы, чтобы остаться спокойной.

– Что ты здесь делаешь? – стараюсь произнести как можно равнодушнее. – Ну и сюрприз.

– Правда? – Артур проходит вперед, захлопывает за собой дверь и встает напротив меня, отчего меня сразу в жар бросает. – Ты не ждала гостей?

Вопрос ставит меня в тупик. Беспомощно показываю жестом на свою одежду, грязную и мокрую, на перчатки, которые машинально начинаю стягивать с рук.

– Едва ли я оделась бы так, ожидая кого-то. Зачем ты здесь?

– Приехал поговорить. Почему ты снова убежала, Мотылек? Так и собираешься дальше порхать по жизни? – Глубокий волнующий голос, в котором слышится едва заметная насмешка, и в то же время – волнение, обволакивает меня, заставляя осознать, как много значит для меня то, что Артур здесь. Чувства, которые так тщательно давила в себе все это время, хоронила, убивала – оживают и рвутся наружу, грозя поглотить полностью.

Хочу ответить безэмоционально и ровно, но как это сделать, когда его глаза продолжают жадно смотреть на мои губы?

– Разве сам не знаешь? – посылаю взгляд, полный возмущения и гнева. – Ты вынудил меня бежать. Мне уже никогда не порхать, только ползать... Но видимо ты этого и добивал-

ся?

– Нет, я совсем не этого хотел, – тихо отвечает Артур.

У него хватило наглости, произнеся эти слова, улыбнуться мне и сделать еще шаг навстречу, оказавшись вплотную ко мне, так, что я почувствовала тепло его тела, и начала дрожать еще сильнее.

Первый порыв – отскочить в сторону, как ошпаренной. Но сжимаю зубы и заставляю себя стоять на месте, когда он берет меня за подбородок горячей рукой, спрашивая мягко:

– Ты совсем мне не рада? Ни чуточки?

– Пожалуйста, уходи.

Но Артур разворачивается ко мне спиной и проходит вглубь гостиной. Подходит к одному из кресел и усаживается в него, вытянув длинные ноги.

Набрав в легкие воздуха, подхожу к нему и произношу как можно тверже:

– Зачем ты здесь? Тебе мало того, что мы там натворили? Моя семья ютится в маленькой квартирке! А я теперь продаю и этот дом, в который душу вкладывала несколько лет! Каждое лето своими руками ремонтировали... И ты в момент все разрушил!

– Если выслушаешь меня, объясню, – тихо отвечает Бурмистров. Непривычно слышать от него такую интонацию. Приглушенную. Даже дрожащую...

– Мне не интересны твои объяснения!

– Пожалуйста, Мотылек... У меня на руках документы,

подтверждающие что я не вредил твоим родным. Открыто следствие. Поверь, я никогда бы не стал вредить невинным людям. То, что касалось нас с тобой – одно. Но твоя семья... Я к этому непричастен. Виноват, да. Потому что опять слишком поздно заметил, что происходит за моей спиной. А ведь должен был... Но в тот момент все затмевала ярость.

– Я тебе не верю! На кого, интересно, свалить вину надеешься? – говорю с отчаянием. А сердце снова колотится от безумной надежды, чтобы эти слова правдой оказались.

– Ты же знаешь моего дядьку. Он нас развел. Сделал подставу с Соболевой. Думаешь, ему составило труда сделать еще одну?

– Но... все началось когда ты вернулся. И ты сказал – пожалеешь. После твоих слов все началось...

Ноги уже едва держат меня. Смотрю сверху вниз на Артура и понимаю, что вот-вот хлопнусь в обморок. Перед глазами все кружится. Я так привыкла считать его виноватым в своих проблемах. Это как-то уравнивало наши поступки. Но если он невиновен – снова вылезал мой грех... И от этого было только хуже.

– А если бы тех слов не было? Ты не заподозрила бы меня в кознях?

– Да... наверное, заподозрила бы. Но тогда я могла сомневаться. Но все равно думала прежде всего на тебя, – признаю нехотя. – Неужели правда, снова твой дядя?

– Да. Но на этот раз он допрыгался. Им занялись вплот-

ную, причем не только по твоему делу. Заявлений в полиции по факту коррупции на Димку уже пачка. Не отмоеся. Да и денег нет у него. Все спустил, не умеет он зарабатывать, только на пакости тратить, да на развлечения свои. Только за твой дом у него сейчас есть сумма, очень приличная... Он успел его продать... Но мы обязательно вернем, чего бы это ни стоило.

– То есть, это Дмитрий подставил папу? И теперь дом наш продал?

– За бешеные деньги, – мрачно кивает Артур. – Покупатель неизвестен. Но это пока... Я все узнаю, клянусь.

– Зачем ты приехал сюда? – в который раз, едва слышно произношу самый волнующий меня вопрос. А у самой сердце вот-вот из грудной клетки выскочит.

– Не догадываешься? – так же тихо спрашивает Артур.

– Не представляю... – мотаю головой. Может и правда все финансовые неприятности нам твой дядя доставил. Но остальное... Твои ультиматумы...

– Знаю... Я урод. С катушек съехал, когда о твоей помолвке с итальянцем в газете прочитал. «Бывшая модель Скорос и Марио-как-его-там...»

– Это была наглая ложь! Даже не знаю кому понадобилось делать такое... Разве что опять дяде твоему. Мы с Марио лишь по-дружески общались.

– Ты его тогда в институт привела.

– Не знаю, что тебе сказать. Я много ошибок соверши-

ла. И понимаю, что словам моим не веришь. Так о чем нам разговаривать? Мы не только себе вред наносим. Но и родным, окружающим. Пусть даже ненамеренно... Нам нужно подальше быть друг от друга. Не судьба...

– Ты этого хочешь? – перебивает меня Артур. – Скажи. Только пожалуйста, раз в жизни скажи мне в лицо что чувствуешь! Я приехал за тобой в Грецию, потому что без тебя мне не жить. Если не простишь меня... Я все исправлю, Мотылек. Только дай шанс! Ты же любила меня. Я верну эту любовь, все искуплю. Не знаю как. Но готов на все. Скажи, что мне сделать – и я сделаю.

– Если попрошу оставить меня в покое?

– Ты правда этого хочешь? Я все сжег? Ни единого уголька не осталось?

– Не могу больше жить в этой ненависти, понимаешь? – вырывается у меня. Я бесконечно устала! Люблю тебя... но это только боль нам обоим приносит. Не могу так больше...

– Прошу, поверь еще один раз. Попробуем...

– Я боюсь... я трусиха... всегда была ею.

– Нет. Ты смелая. Сильная. Не сломалась, даже когда я

совсем с катушек слетел.

– Неужели ты веришь что у нас есть шанс?

– Иначе и быть не может.

Его вера зажигает меня изнутри. И мотыльки, которых давно умершими считала, начинают снова биться внизу живота, щекотать крыльями. Требовать, умолять. Прими его. Откройся. Попробуй. Пусть даже не получится. Даже если совсем недолго вместе вам быть. Каждый день с любимым все равно этого стоит. Каждой слезинки. И раны. За счастье всегда надо платить. И вы заплатили, оба. Так много страдали. Столько ужасных ошибок. Но кто не совершал их, не ошибался, не страдал, тот и сладость заживления не познает.

Артур тянется ко мне, берет за руку и дергает на себя. Оказываюсь на его коленях, как ребенок зарываюсь лицом в его плечо. Растворяюсь в объятиях, забыв обо всем на свете. О подозрениях, разногласиях, о своей грязной и влажной одежде. Принцу, похоже тоже все равно на то, в чем я одета. Его губы касаются моих губ и я тону в нем. Чувствую как сильно он возбужден, его руки властно проходятся по моим бедрам, жадно сжимая. Издав приглушенный рык, Бурмистров заставляет меня обнять его за шею, его губы возвращаются к моим, касаясь медленно, изучающе. Чувствую, как ответное желание поднимается во мне, не менее сильное, отчаянное. Как бы ни извивалась в его объятиях, желая

прижаться сильнее, все кажется недостаточным. Хочу почувствовать на себе тяжесть его тела. Меня охватывает нестерпимая жажда полного обладания им. Запускаю пальцы в белокурые волосы, притягиваю к себе его лицо, жадно целую...

– Тихо, – шепчет Артур, поднимая голову и притягивая к себе мое сотрясающееся тело. – Тише, детка. Иначе я не выдержу, малыш... Он начинает тихо и ласково, успокаивающе, целовать меня, поглощать губами всхлипы, рвущиеся из моей груди. Ладонью вверх-вниз гладит меня по спине. Эта нежность оглушает. Любовь, сквозящая в каждом жесте, вдохе... Артур обнимает меня так, будто держит в руках нечто, не имеющее цены. Все мое тело вдруг наливается тяжестью, даже руку трудно поднять. Мы сидим так, не знаю сколько, полностью потеряв ощущение времени. Артур снова начинает целовать меня, сначала бесконечно нежно, едва касаясь, дразня. А потом уже сильнее, проникая языком, поглощая. Заставляя желать большего. Напряжение достигает такой степени, что из моего горла начинают вырываться стоны, кончиками пальцев цепляюсь за его рубашку, в безумной потребности во что бы то ни стало добраться до его тела. Тогда Артур отрывается от моих губ, зарывается лицом в мои волосы, пытаюсь успокоить дыхание.

Пытаюсь встать, вырваться из его объятий, но он не позволяет.

– Пусти, пожалуйста, – прошу тихо.

– Снова бежишь?

– Нет... Но в спальне нам будет удобнее...

Меня трясет от собственных слов, от смелости – как я вообще решилась произнести такое. Артур моментально вскакивает с кресла, я лишь успеваю коротко хихикнуть, от этой расторопности. Он подхватывает меня на руки и прижимает к груди. Теперь уже всхлип вырывается из горла, на глаза наворачиваются слезы. Артур с невероятной нежностью стирает их со щек, пытаюсь успокоить.

– Все хорошо, – произносит тихо. – Не надо плакать. Все позади. Теперь ни за что из рук тебя не выпущу.

– Мне страшно поверить, что это все не сон, – вырывается у меня. И тут понимаю, что не могу больше говорить, дыхание перехватывает от глубины чувств. Кладу голову ему на грудь, вдыхая неповторимый запах своего мужчины. Он успокаивает меня, дает чувство защищенности. И невероятного счастья.

– Теперь все будет хорошо, обещаю, – тихо произносит Артур и снова целует меня, а я отвечаю со всей страстью. И тут понимаю, что мы уже в моей спальне и Артур опускает меня на постель. Его руки тянутся к влажной футболке.

– Моя конфетка, – шепчет с насмешкой Бурмистров. – Хочется верить, что ты для меня так сексуально нарядилась.

– Это футболка Лисы, – вспыхиваю. – Она ее выбросить хотела, а я оставила для уборки.

– Хорошо... Но в первый момент я действительно заревновал, прочитав надпись, – хмыкает Артур.

– Как ты узнал, где моя комната? – перевожу разговор. Но мне действительно интересно, почему Бурмистрову все настолько легко дается, угадывается...

– Почувствовал, – улыбается Принц. И снова целует меня. Жар, исходящий от его тела, охватывает меня с ног до головы, все мысли, вопросы – улечиваются. Забываю обо всем, для меня существует только мой Бурмистров.

– Мне очень нравится, как ты целуешься, – шепчу, когда он отрывается от моих губ, спускаясь ниже, к шее.

– Ты нравишься мне вся... С ума сводишь, малышка. – Знаешь, как давно я мечтал об этом? – говорит Принц вдруг севшим, низким и невероятно сексуальным голосом.

– Я была с тобой всего пару дней назад, – едва слышно шепчу в ответ. По телу пробегает дрожь, когда рука Артура ложится на мой живот.

– Ты лишь стала мне еще сильнее необходима. Прости за ту ночь, малыш. Я – урод...

– Я рада, что она была...

Артур ничего не отвечает, но кажется, будто еще сильнее загорается страстью, резко стягивает с меня футболку, отбрасывает в сторону, за ней летят и спортивные штаны. Покрывает мое лицо поцелуями, гладит мое разгоряченное тело. И замирает. Приподнимаюсь на постели пытаюсь понять причину. И тут вижу, что взгляд Артура прикован к татуировке. Выражение его лица нечитаемо. Затем он наклоняется к моему животу и начинает покрывать рисунок крыльев

поцелуями, которые постепенно становятся все настойчивее. Выгибаюсь ему навстречу, мои груди томятся по ласкам его рук, трусь о мускулистый торс, безмолвно умоляя взять меня поскорее. Я даже не подозревала что способна испытывать такие безумные ощущения.

– Артур... пожалуйста...

И вот, наконец, его ладони накрывают оба полных, налитых полушария, а я ощущаю блаженную дрожь, пробежавшую по телу. Руки Принца напрягаются и крепче обхватывают груди, и уже не дрожь, а судорога сотрясает мое тело. Его неторопливость, медленно-тягучие ласки убивают меня. Мне хочется всего и сразу. Немедленно. Не могу понять, откуда столько выдержки и самообладания у этого мужчины?

Но в то же время его сосредоточенность, и то как Артур кайфует от каждого прикосновения ко мне – опьяняет и вселяет уверенность.

Наконец он прерывает ласки и вглядывается в мое лицо. Серебро в его глазах потемнело, глубокий насыщенный серый, почти черный цвет с золотистыми вкраплениями. А затем Принц встает с постели и начинает сбрасывать с себя одежду, очень быстрыми и резкими движениями. У меня пересыхает во рту, как замороженная наблюдаю за этой картиной. Боже, как он прекрасен! Сплошная тугая плоть и стальные мышцы. Каждая частичка его тела невыносимо совершенна и невероятно притягательна.

– Когда ты так смотришь, мне хочется тебя съесть, Моты-

лек.

Ловлю себя на мысли что мне хочется в данный момент того же. Подаюсь вперед, тянусь к Принцу, протягиваю к нему руки.

– Скорее. Не могу без тебя.

И Артур подается мне на встречу, полностью обнаженный, красивый до такой степени, что глазам больно.

– Я люблю тебя. – Выдыхает мне в лицо Принц. – Скажи, что ты моя, Мотылек. Только моя. Произнеси это.

Волна бесконечного наслаждения сотрясает все мое существо, которое кричит беззвучно:

«Я твоя, навеки».

Но горло перехватывает спазм.

– Люблю тебя, – все что удается прошептать едва слышно.

Артур опускает руку ниже, и сердце начинает оглушительно бухать, когда его рука скользит между моих бедер.

– Раздвинь ножки, – шепчет он.

Медленно покоряюсь, делая что просит, он помогает мне развести их еще шире, пока не раскрываюсь полностью.

Артур нависает надо мной задирает на мне бюстгальтер, оголяя грудь, начинает нежно ласкать соски, сначала один, потом другой. Касается их кончиком языка, берет в рот и жадно целует. Потом встает на колени между моими расставленными ногами, просовывает пальцы под тонкую ткань трусиков и трогает меня. У меня перехватывает дыхание, я мгновенно забываю о том, что собиралась сказать.

– Ты прекрасна.

Губы мои раскрываются, жадно ловлю воздух, снова трудно дышать, когда Артур входит в меня сначала одним, а потом и двумя пальцами.

– Скажи, что хочешь меня.

Вздвогнув, выдыхаю «да» и закусываю нижнюю губу.

Тогда он вынимает из меня пальцы, стаскивает с меня трусики, отбрасывает в сторону, и продолжает сладостную пытку.

Ленивые чувственные прикосновения. Поглаживания кончиками пальцев. Артур наклоняет голову и целует мой живот, а затем спускается ниже. Дергаюсь, меня охватывает смущение – к такому я не готова. Пытаюсь отстраниться, но хватка стальная. Он целует меня там... а затем медленно проводит языком. Всего раз, но этого достаточно чтобы я начала дрожать еще сильнее.

Не представляю, как можно выдержать эту невероятно сладостную муку.

Мои глаза закрываются, голова откидывается назад. Язык Артура продолжает двигаться, еще, еще... Безостановочная, одурманивающая пытка. Он буквально впивается губами в меня, ласкает так неумолимо, что кажется, еще минута – и потеряю сознание. Наслаждение непереносимо, веки отяжелели, как и все тело. Только бедра произвольно двигаются навстречу неумолимому твердому языку. Артур ласкает подушечкой большого пальца клитор и погружает в меня па-

лец. И когда понимаю, что нет больше сил выносить эти сладостные терзания, чувствую, как внутри что-то взрывается, и я кричу от этих невероятных ощущений. Руки Артура все еще сжимают мои бедра, усиливая мучительное наслаждение.

Наконец спазмы проходят, начинаю немного успокаиваться и дышать ровнее, Артур приподнимает голову, целует меня в губы, упершись мускулистыми руками с обеих сторон от меня в постель. Я все еще потрясена взрывом, который он мне подарил, кружится голова.

– Сейчас ты станешь моей, – шепчет он, – навсегда. Эти слова накрывают меня волной наслаждения, я буквально рождаюсь заново. Ощущаю, насколько он возбужден – большой, твердый, вжимается в меня, трется и его неистовство зажигает во мне ответный огонь.

Принц яростно целует меня, мы оба тяжело дышим, и дыхание то и дело прерывается стонами. Не отрывая от меня губ, он тянет руку вниз, берет свой горячий член, и невыносимо медленно входит в меня, срывая с моих губ еще один стон. Подаюсь бедрами навстречу, желая быть еще ближе.

Медленно, очень медленно, он начинает мерное движение. Ритмичные выпады, каждый из которых приносит невыразимое наслаждение. Задыхаюсь, из груди вырываются стоны.

– Малыш, – шепчет Артур. Тебе больно?

– Нет... мне хорошо, безумно хорошо, не останавливай-

ся...

Веки тяжелеют, с трудом могу поднять их. Горячий, очень твердый, мощный он двигается внутри меня и тело откликается навстречу ему сладкой дрожью.

Артур не отводи от меня глаз, и я в ответ безотрывно смотрю на него. Движения его становятся все энергичней. Обнимаю влажное горячее тело руками, и ногами, вонзаю пальцы в покрытую каплями пота спину. И через несколько секунд снова содрогаюсь в конвульсиях, но продолжаю изо всех сил прижиматься к мужскому телу. Боюсь отпустить.

Чувствую, как в меня бьет внутри горячая струя. Еще сильнее лгну к Артуру. Каждая его судорога отзывается во мне сладкой болью. Он все еще толкается в меня, и лишь через минуту начинает постепенно успокаиваться, ложится рядом, уткнувшись лицом мне в грудь. Так лежим какое-то время, пытаюсь выровнять дыхание. Мне хочется сказать что-то, но в голове пусто. Будто онемела разом. Вожу рукой по обнаженной груди Принца, нежно глажу его шею, зарываюсь пальцами в волосы. Сейчас они такие же длинные как в школе. Обожаю такую прическу – она невероятно идет Бурмистрову. Его рука в ответ ласкает мой живот, очерчивая контуры татуировки.

А потом все начинается снова. И так до самого утра, мы не можем насытиться друг другом, причем самыми разнообразными способами, о каких я никогда даже не подозревала, и которые бесконечно смущают поначалу, но потом вихрь

страсти заставляет позабыть обо всем.

Усталая и удовлетворенная, засыпаю под солнечными утренними лучами, заливающими мою комнату, свернувшись калачиком у Бурмистрова под боком. Но едва проваливаюсь в сон чувствую движение. И тут же страх сжимает сердце.

– Не уходи, – шепчу, взяв его за руку и крепче прижимая к себе.

– И не собираюсь, – отвечает Артур, обнимая меня.

Глава 31

Мы вернулись из Греции вместе, держась за руки. Самый большой сюрприз был в том, что сразу из аэропорта мы поехали в дом бабушки! Мои родные находились уже там, вернулись и обживались заново. Я узнала об этом когда приземлился самолет – Лиса позвонила едва я включила телефон, и сообщила радостную новость. Я бросилась на шею Артуру, сойдя на минуту с ума от счастья. Вот только любимый напрягся – сказал, что не имеет к этому отношения. Но это никакого значения не имело. Я не собиралась гадать, вернули ли дом Дмитрий, в качестве извинения или попытке уклониться от правосудия. Или Артур притворяется, боясь, что буду себя обязанной чувствовать. Мне было все равно. Я наконец приняла решение просто радоваться всему, что происходило, без страха, без ожидания подножки. Просто любить и быть счастливой.

Какое же это счастье вернуться не куда-то, а именно в родное гнездо, которое кипит жизнью, эмоциями, новостями. И еще один замечательный сюрприз – Артура мои родные приняли с распростертыми объятиями. Отец крепко пожал ему руку и позвал на разговор в кабинете. Бабушка расцеловала меня в обе щеки и сказала что рада, что я дома. Тимошка, сильно подросший, повис на мне, пока я не вручила ему подарки, и Настасья Михайловна не оттеснила его.

А я оказалась в плену Лисы, которая, вцепившись клещом, поволокла меня наверх в свою комнату.

– Ну, рассказывай, принцесса. Помирились? Все наконец замечательно? Я умираю от любопытства. И так рада за вас! А Принц твой буквально сияет! Когда свадьба? – набрасывается сестричка, едва закрыв за нами дверь.

– Подожди! Дай отдышаться! – восклицаю, падая на кровать. – Мы только с самолета, голова кругом. Ты лучше скажи – почему вы здесь? Как? Артур мне не обещал такого... Мне кажется – сам удивился. Я не понимаю. Это навсегда? Или нашли покупателей и те оказались настолько добры?

– Не знаю! – почти кричит Лиса. – Нам прислали бумаги... Анонимно. Мы все тщательно проверили с адвокатом – дом снова переписан на твоего отца. Как было с тех пор, как Анна Григорьевна пожелала на него переоформить. Кстати, бабуля – железная леди. Ни слезинки не пролила, когда нас выгнали – ну это понятно. Но когда вернулись – мы с мамкой белугами ревели, твой отец, Ромка – прослезились. А она – как каменная.

– Не знаю что и сказать, – развожу руками. – Чудеса, или у кого-то совесть появилась? Или страх?

– Ох, сил нет об этих змеюках думать!

– Ты о ком?

– Так о Соболевой, да дядьке твоего Принца. Они же пара теперь! Представляешь? Недавно в торговом центре их под ручку встретила. Ну хоть на этот раз у Ведьмы не нашлось

наглости подойти. Даже глаза опустила, сука.

– Не хочу ничего знать о ней.

– Да понятно. Сколько крови вам подпортила. Кстати, еще сюрприз – тебя тут кое-кто активно очень ждет. Каждый день названивает.

– Кто? – в первый момент чувствую испуг, мне становится не по себе. Приходит в голову Якоб. Понимаю, что он не виноват ни в чем, и я как минимум разговор ему должна. Но как подумаю о реакции Артура – все сжимается внутри.

– Чего пугаешься, дурында? Это подружка твоя, Анжелика. Бурмистрова.

У меня сразу отлегает от сердца. Лика давно уехала за границу, в частный пансион. Я не видела ее со времени спора и моего последующего за ним побега – мы лишь изредка переписывались и болтали по скайпу. Наш первый разрыв с Артуром ее очень огорчил. Она писала, что поссорилась с братом. Но вряд ли это было серьезно – Лика боготворила Артура. Потом наше общение прервалось. Я уже тогда в агентстве Натальи работала. Вечно загруженная – работа, учеба. Ну а после произошедшего с Якобом... Я понимала, что с Ликой дружба вряд ли склеится. Она мало того, что наверняка возненавидела меня, как и Таисия... еще и в Якоба была влюблена детской любовью.

Он был настолько притягателен для женского пола, а выбрал меня – ту, которая не смогла ответить на его чувства. Но я всей душой хотела верить, что Якоб найдет силы забыть

меня.

Таисия... вот кто беспокоил меня сильнее всего. Артур рвался устроить совместный ужин двух семейств, но я не представляла, как посмотрю в глаза его родителям. Его старшей сестре...

* * *

С Ликой мы встретились на следующий день в центре города, в кафе. Она налетела как ураган, хотя сильно изменилась, повзрослела. Это был уже далеко не безбашенный подросток, а молодая красивая женщина. Внешне. Характер похоже остался прежним, чему я не могла не улыбнуться.

– Как же я рада тебя видеть, Василин! Не представляешь, извелась вся! Ну, рассказывай. Учти, у меня всего месяц остался, потом возвращаюсь в Англию. Жених там у меня. Но должны до моего приезда успеть!

– Что успеть, прости? – недоумеваю в ответ.

– Как это что! Свадьбу!

– Какую?

– Да вашу же, с Артуром. Ну ты прям как маленькая!

– Я... даже не знаю что сказать. Ты меня буквально ошарашила.

– Да, прости, – смеется Лика. – Мне всегда говорят, что я торнадо. – Пойдем хоть за столик сядем. И все спокойно обсудим.

Какое уж тут спокойно – мой пульс зашкаливал. Может покажусь со стороны наивной душой, но за несколько дней, проведенных с Артуром, у меня ни разу не возникло мысли о свадьбе. Просто потому что голова другим была занята. Мужчиной рядом со мной. Его нежностью. Нашей общей страстью. Безумием близости, закружившим нас. Свадьба – казалась таким приземленным словом, настолько далеким от единения души и тела, которое мы наконец познали.

– Я серьезно, Василин, – продолжает гнуть свое Лица, когда официант уходит с нашим заказом. – Очень хочу принять участие. Так совпало – одуреть. У вас свадьба, и у меня...

– Дорогая, мы ничего даже не планировали! – перебиваю неумемную Бурмистрову. – Всего пара дней как вместе. Лучше мы на твою свадьбу прилетим...

– Чушь, я знаю, Артур на этот раз медлить не будет и все уже решил. Слышала как он с родителями разговаривал.

– А они что? – спрашиваю с замиранием сердца.

– Да ничего, рады очень. И Таисия.

– Мы... все очень сложно, понимаешь, – невольно понижаю голос. Как же трудно говорить на эту тему. Но больше не позволю себе прятать голову в песок. – Мы поссорились с Таей... Я вообще не представляю как быть... с нами, с семьей вашей...

– Ой, ну перестань, Васюш. Ты правда думаешь, что тебя прям ненавидят Бурмистровы? Я все знаю, можешь не краснеть и не опускать глаза. Никто из нас не без греха. И по-

верь, у некоторых покруче тайны прошлого есть. А ты... ничего страшного не совершила. Хотя Артура было страшно жаль. Но мне, если честно, вас обоих жаль было, я ведь видела как ты в него влюблена... И столько наворотили глупостей, столько лет друг дружку мучили. Не только сами... другие помогли... Эх.

– Спасибо, – выпаливаю от всей души. Как же приятно когда тебя понимают, не судят, не обвиняют.

– Я знаешь ли тоже не ангелок. Покуролесила, намучились родоки со мной. Чего только не перепробовали. Но повзрослела, как видишь. А уж когда влюбилась... Странно, но именно от этого у меня на место мозги встали.

– Кто твой избранник? Иностранец?

– Не-а. Русский. Учились вместе, сначала сдружились, и тоже весьма долго к пониманию что любим шли. Крови я ему порядочно попортила. А он – такой спокойный, сдержанный... Мы как вода и огонь. Ничего общего. Но он меня успокаивает, приземляет. И мне это нравится.

– Он сейчас с тобой?

– Увы. У него работа. И к свадьбе подготовка на нем. Сказал что не доверяет моей креативности, – залиvisto смеется Лика. – Родители у него тоже в Лондоне, вот и взяли полностью на себя все хлопоты.

– Как чудесно.

– Обязательно приезжайте на свадьбу.

– Я... если Артур возьмет...

– Ну конечно возьмет, глупая. Вот, смотри, фотка моего суженного.

– Симпатичный, на Якоба похож немного, – вырывается у меня, и осекаюсь, закусываю губу. Так стыдно... Зачем вспомнила? Неужели тень Штаховского так и будет преследовать меня.

– Чего ты побледнела-то так, Василин? – хмыкает Анжелика. – Господи, ну было у тебя с Якобом раз, подумаешь. Фигня полная. А вы с Артуром прям трагедь устроили. В Европе это вообще втроем могло быть и ничего. А вы – ну средневековье. Нельзя так.

– Никогда себе не прощу.

– Не говори так. Артур простил. Пережил. Правда дружбе конец... Это конечно плохо, – вздыхает Лика. – Мой брат тоже бешеный. Якобу досталось. В больницу попал. Потом финансово пострадал сильно. Это бесит. Две ненормальных кобелины.

– Господи, это ужасно! – восклицаю. – Артур правда разорил Якоба?

– Практически да. Но они соперничали честно. Без подстав, без запрещенных приемов. Якоб отбивался, поверь, тоже яростно. Обоим было непросто. Переманивали клиентов, подсылали лазутчиков, разваливали структуры изнутри. Короче, заигрались в войнушку. Придурки. Но нас, девочек, это не касается.

– А ты? Испытываешь еще что-то к Штаховскому? – спра-

шиваю не в силах удержаться.

– Нет, – смеется Лика. – Это было детское увлечение. И он правда классный. Станный, своеобразный, но невозможно притягательный.

* * *

Ужин у Бурмистровых все-таки состоялся, я не смогла отказаться, хотя страшно было до жути. Встретиться лицом к лицу с родителями Артура, с Таисией для меня означало взглянуть в лицо своему позору. Но Принц крепко держал меня за руку, так что было почти не страшно, поначалу я боялась что вообще на ногах не устою. На что Артур сказал, что тогда на руки возьмет.

В квартире Бурмистровых мы появились ровно в назначенные семь вечера и нас приняли очень радушно. Мама Артура крепко обняла меня, расцеловала в обе щеки и громко заявила:

– Добро пожаловать в семью.

Мы пришли все – Анна Григорьевна, папа с Настасьей Михайловной, Лиса и Ромка. Жених бабушки остался дома – желудок прихватило. Но я думаю, это был предлог – Анна Григорьевна оставила итальянца охранять жилище.

Все происходило настолько стремительно, что после встречи с Ликой я так и не успела поговорить с Артуром о словах его сестры. Они не выходили у меня из головы. Ан-

желика планирует нашу свадьбу. А мне Артур ни словечка... Я надеялась всей душой что этот вечер не закончится предложением руки и сердца – мне этого просто не выдержать. Все было слишком хрупким, слишком личным.

Подошедшая Таисия крепко обняла меня, и сразу стало легче. Но я все равно чувствовала – нам нужно поговорить. После ужина все разбрелись по комнатам. Анна Григорьевна болтала с отцом Артура, а сам Принц увлеченно что-то с Ромкой обсуждал. Таисия подошла и сама начала нелегкую тему:

– Извини пожалуйста за тот телефонный разговор. Лика сказала ты до сих пор переживаешь. Я на эмоциях была. Артур избитый, с Якобом подрался. Понимала умом, что ни при чем ты...

– Как же ни при чем. Виновата. Ты все правильно сказала.

– Я должна была быть мягче. Знала ведь, какая ты хрупкая. Сразу в самокопания ударишься.

Не слишком лестная оценка, но Таисия всегда говорила прямо, не юлила. И я киваю.

– Да, это была страшная травма. До сих пор не понимаю, как вышло.

– Забудь и не вспоминай. У вас теперь точно все замечательно будет. Вредить больше некому.

– Всегда найдутся завистники...

– Это правда, – вздыхает Тая. – Но Артур стал другим. Изменился. Ему эта ситуация помогла сильнее стать, зака-

литься. Он понял что важнее тебя ничего нет. И больше не допустит расставания. Если только сама уйти захочешь...

– Нет! Такого не может случиться. Я всегда любила только его...

– Вот и славно.

Таисия крепко обнимает меня.

– Не представляешь, как я скучала. Винула себя, Наташке плакалась.

– Я тоже могла позвонить...

– Наташка тоже хороша, наговорила тебе про Артура. Ничего не поняла толком... Он на эмоциях согласился с ее словами, что агентству вредит. Не было такого и быть не могло. У нас только Димка... Овца паршивая. Не общаемся с ним больше. Теперь старается подлизаться к отцу, грехи замаливает. За свою шкуру трясется. Но сам виноват – пусть отвечает по закону. Наворотил дел. Решил через тебя нагадить племяннику, когда напрямую не получалось. Дядюшка называется... До сих пор в голове не укладывается!

– Это все в прошлом. Я не хочу говорить о нем. Только... не знаю, получится ли у нас по-настоящему все забыть...

– Уже получилось, – твердо говорит Таисия. – Думай о свадьбе теперь.

– Мы пока не говорим об этом.

– А мы – говорим, и много. – Улыбается Таисия. – Хотели чтоб Артур сегодня тебе предложение сделал...

– Вы хотели? – восклицаю. – А он? Он же... мы пока не

обсуждали.

– Он тоже боится. Уже было раз – и все пошло не так. Теперь Артур решил не говорить. Действовать. Не жди предложения. Жди свадьбы.

– Как это?

– Подготовка начата. Тебе надо лишь «да» сказать.

– Кому?

– Себе. – Улыбается Тая и снова меня обнимает.

* * *

Это было так странно – стать невестой заочно, слышать о свадьбе, когда твой любимый ни словечка о ней не произнес. Но у нас вся история любви была странной, состояла из недомолвок и непониманий, поэтому я приняла ситуацию. Мы не говорили с Артуром напрямую, что женимся. Не клялись друг другу в вечной любви. Мы просто были вместе. Постоянно, каждую секунду. Не расставались с утра до вечера. И ночами любили друг друга до иступления. Предоставив двум креативным леди – Лисе и Лике заниматься подготовкой к нашему торжеству. Это было ужасно волнительно, необычно. Но в конце концов, я не выдержала. Однажды вечером выпалила Артуру:

– Я не понимаю! Мы женимся?

– Ух-х, Мотылек, умеешь же ты напугать, я чуть со стула не свалился, – хмыкает Артур. – Хорошо хоть поел уже, так

и поперхнуться насмерть можно. Конечно женимся. Откуда вдруг сомнения?

– Прости, – вспыхиваю. – Не хотела пугать.

– Да я прикалываюсь, малыш. Меня свадьбой не напугаешь. На самом деле это лишь формальность.

– Но все люди так делают... Большинство.

– И мы сделаем.

– Тогда почему ты не просил моей руки?

– Спугнуть боюсь, – улыбается Артур. – Ты у меня слишком подвижная. Одно слово – Мотылек. Улетишь еще... И что я тогда делать буду.

– Но мне все равно уже и Лика, и Тая все рассказали!

– Вот болтушки, – возмущается Артур, но видно что с трудом прячет улыбку. Ладно, раз все пароли и явки сданы...

Принц опускается на одно колено передо мной. Чувствую себя душой – я в домашних шортах и футболке с надписью «Я люблю Артура» – недавний подарок любимого, над которым хохотали оба, вспоминая Грецию. И зачем я в таком виде важный разговор затеяла? Неужели не могла предусмотреть что Бурмистров сразу исправлять положение бросится?

– Василина Дусманис, мой горячо любимый Мотылек, ты станешь моей женой?

– Ты же знаешь, что ДА! – кричу, опускаясь на колени перед Артуром, бросаюсь ему на шею и мы падаем вместе на ковер хохоча.

С этого момента я считала себя официальной невестой. Но Артур был прав изначально – подготовка к свадьбе – совершенно не мое. На меня это навевало скуку. Мне не хотелось вникать в детали, закупку приданного – Боже, настоящий анахронизм! Я предпочитала провести время с любимым, а если он был занят – играла, гуляла с Тимофеем, очень любознательным малышом, который вырос, казалось, невероятно быстро. Только вот нянчили его с Лисой, пеленки меняли. А сейчас всего ничего до школы осталось, а уж рассуждения, увлечения – как у семиклассника.

Также, я нашла время съездить на бывшую работу, в агентство Натальи. Соскучилась сильно, мы договорились поехать вместе с Таисией, но в последний момент у нее появились какие-то дела. Наташа страшно обрадовалась, буквально бросилась мне на шею, стоило только переступить порог кабинета.

– Такой сюрприз, дорогая! Я извелась вся, когда Тайка сообщила что ты в городе, что помирилась с Артуром. Это замечательно! Я такой душой себя чувствую. Как могла поверить, что брат Таисии нам вредит. Уволила тебя... Сейчас мне ужасно стыдно.

– Все в прошлом, – отвечаю твердо. – Давай даже не возвращаться к этому.

– Девочки до сих пор вспоминают тебя, скучают. Может, вернешься?

– Вряд ли. Мы, наверное, путешествовать будем. Год, может больше. Артур так хочет. Мир посмотреть. Только вдвоем...

– Распланировали уже все? – улыбается Наташа. – Да ты садись, сейчас попрошу нам кофе сделать.

– Не все, конечно. Пока только мечтаем... – отвечаю, садясь в кресло.

– Деток сколько хотите?

– Трех, – улыбаюсь смущенно. – Мы тут уже думали, что я забеременела... Но оказалось нет. Я немного переживаю. Мы не предохранялись первые дни... И ничего.

– Это нормально, не всегда с первого раза получается, – смеется Наталья. – Как же я рада за тебя! Ты так любишь этого парня. И он тебя. Я тогда... Знаешь, неправильно все поняла. Ситуацию не так оценила. Переживала страшно – ведь это детище мое... И невольно тебя в заблуждение ввела. Прости пожалуйста.

– В тот момент в другое я бы наверное и не поверила, – вздыхаю. – А ведь не должна была так судить, – добавляю тихо. – Много ошибок совершила. Надо было на колени перед Артуром упасть. Грех свой замаливать. А я... дура была, гордая. Или трусливая. А может все вместе.

– Не будем о грустном прошлом, Васюш, – подводит черту Наталья. – У вас впереди только светлые моменты, я уверена.

Вы проверили свою любовь как только могли. Через огонь и медные трубы прошли – после такого ничего не страшно. И детки будут. Все будет. Поживите хоть немного для себя.

– Как получится. Но пока мы предохраняться начали, – признаюсь смущенно. Чтобы хоть в свадебное путешествие успеть съездить. А потом – будем надеяться даст нам Бог малышей.

– Большой дом, малыши, кошки, собаки, – так и вижу эту картину. Артур в толстом махровом халате возле камина с газетой. – Шутит Наталья, а у меня сердце он нарисованной в воображении идиллии замирает.

– Как у вас с домом, кстати? – неожиданно спрашивает Наталья. А меня что-то цепляет в ее интонации. Словно неспроста этот вопрос задан.

– Все хорошо... То есть – немного странно. Сначала дом оказался в собственности Дмитрия Бурмистрова. Потому что на папу повесили большие долги... А дядя Артура их выкупил. И дом в его собственность перешел. Как-то так, я не очень разбираюсь в тонкостях. Были суды, адвокаты. Выяснили что отец стал жертвой обмана. Все было подстроено. Но дом успели продать... А дальше – я даже не представляю. Лиса говорит – анонимно прислали документы. Дарственную на отца. Дом снова наш. Странная очень история. Мы сначала не верили, проверяли, ходили к юристу, советовались.

– Я случайно знаю, чьи это происки, – тихо говорит Ната-

ша. – Только не уверена, что должна тебе говорить. С другой стороны – и молчать боязно. Вдруг он сам тебе скажет.

– Лучше расскажи, конечно! – восклицаю испуганно. Захлестывает волнение. Мне не по себе, словно плохое предчувствие.

– У меня парень новый, – начинает подруга. – Он юрист. Помогал с этой самой дарственной. Рассказал мне, потому что история необычная, в его практике – впервые. А ему, между прочим, сорок пять и работает он в этой сфере давно. Да, устала я от малолеток. У нас с Глебом все серьезно... Так вот. Попросили его дом оформить, на мужчину. Этот человек – наш с тобой общий знакомый... Глеб знал, что мы знакомы – встречались несколько раз в ночных клубах. Якоб всегда меня о тебе спрашивал...

– Что?! – вскакиваю. Меня трясет, колотит, сердце вот-вот из груди выскочит. А потом в ушах шуметь начинает и чувствую, как все темнеет...

– Василина! – словно через вату слышу свое имя. Влажная ткань касается щек и шеи, и я постепенно прихожу в себя.

– Не могу поверить... – шепчу едва слышно. – Зачем...

– Успокойся, дорогая. Ох, ну какая я дура! Знала бы – ни за что не стала этот разговор заводить. Не переживай так. Ничего не хотел он плохого. Я говорила с ним. Сказал – это не значит ничего. Просто жест. Якоб любит такие штучки. Но он не будет никак вредить вам с Артуром. Это точно! Уезжает он! Уже, наверное, уехал. Забудь.

– Как? Как забуду? – вырывается стоном. – Что Артуру скажу? Это его взбесит.

– Ничего. Переживет. Свой дом для вас купит. Вы же не собираетесь у твоей бабули жить, там и так народу полно.

– Мы конечно будем отдельно жить. Но все равно. Как я признаюсь?

– Спокойно. Да он может и знает уже. Такие вещи не утаишь, а парень твой очень пробивной. Наверняка плотно занялся этим вопросом.

– Значит мне не сказал.

– Да забудь. Ну захотелось Якобу красивый жест сделать. Он всегда таким был. Ненормальным немного.

– Ты точно знаешь, что уехал?

– Знаю, что собирался. Глебу сказал, что здесь ничего уже не держит.

– Когда это было? Когда сказал что уедет?

– М-м-м, кажется, да, точно, когда ты в последний раз приезжала сюда. Помнишь, встречались с тобой, про Артура разговаривали, где его можно найти помимо дома и казино? Ты с ним о доме поговорить собиралась.

Значит, Якоб собрался уехать в тот период, когда я ночь любви Артуру пообещала. Странное совпадение. Неприятный холодок по спине. Знал ли Штаховский, что происходило? Он любил быть в курсе всего. Мог ли об ультиматуме Артура узнать? Да нет, откуда! Это было лишь между нами...

Это все ужасно неприятно, и даже противно. Неужели

Якоб дождался информации, что я с Артуром, и только тогда понял, что проиграл? Словно я вещь, на которую играть, спорить, соревноваться можно. Снова.

И как расценивать жест с домом? Что все это значит?

* * *

– Ты знаешь, кто папе дом вернул? – напрямую спрашиваю Артура за ужином. Мы договорились не юлить, не скрывать ничего друг от дружки. И я собиралась свято следовать этому правилу.

– Ты уже сделала выбор? – спокойно отвечает Артур, взглядом показывая на меню. Мы в маленьком уютном ресторанчике, неподалеку от квартиры Бурмистрова. Не хотелось ничего готовить и решили заглянуть сюда.

– Салат.

– Я знаю, да. Но раз ты так спрашиваешь, видимо тоже в курсе. *Он* сообщил?

– Нет. – Мотаю головой. – Я не видела его. Наталья сказала сегодня.

– Что думаешь по этому поводу? – голос Артура абсолютно безэмоционален, но чувствую, что внутри него идет борьба.

– Мне это странно. Неприятно.

– Хочешь увидеть его? Объясниться?

– Нет.

– Хорошо. Я верну ему деньги. И мы все забудем.
Больше ни Артур, ни я эту тему не затрагивали.

* * *

Но меня продолжали мучить мысли о Якобе и его странном поступке. Красивый жест или продуманный план? Больше всего я боялась, что это как-то отразится на наших отношениях с Артуром. Правда свадебный переполох – так я называла бурную деятельность Анжелики Бурмистровой, не давал мне много времени на то чтобы изводить себя предположениями.

От энергичной, полной энтузиазма Лисы тоже было трудно отделаться. И Лика, и сестренка поочередно таскали меня по торговым центрам, заставляя смотреть бесконечные витрины с льняными простынями или серванты с фарфором. У меня голова шла кругом... Выбор свадебного платья, аксессуары, обувь, и еще огромное количество мелочей. Я совершенно к такому не готова! Но старалась как могла соответствовать.

Сегодня утром Лисичка снова поволокла меня в ближайший к дому торговый центр, выбирать пляжную одежду. Я никак не могла взять в толк зачем. Пыталась сестру пока та не призналась – для свадебного путешествия. Страну, куда полетим так и не выдала. Сказала, что узнаю в самолете. Сюрприз. Ну да, чтобы я вконец извелась от любопытства и вол-

нения.

– Ну зачем мне третья плетеная сумочка? – вздыхаю утомленно. – Уверена, такую можно купить в любом курортном городе, как у нас, так и за границей.

– Не ворчи, а выбирай. Я, между прочим, выполняю указания твоего Принца. И одна из них – для меня. С тебя двух хватит.

– Прошу тебя, давай где-нибудь посидим, кофе поьем, я без сил, – умоляю Лису.

– Потому что по ночам иногда спать надо. У тебя уже круги под глазами, тебе Бурмистров вообще спать дает?

– Иногда, – голос срывается на шепот, а я краснею.

Нет более неподходящего момента, чтобы услышать:

– Привет, Скорос.

Мне не нужно поворачивать голову, чтобы посмотреть кто здоровается. Ни с кем не спутаю этот глубокий голос. Я обещала Артуру что больше не будет встреч. И была полна решимости выполнить это. Но не бежать же сейчас.

– Привет, – отвечаю тихо.

– Я пойду кофе попью, – показывает на соседнее кафе неподалеку Лиса. – Через пятнадцать минут вернусь.

– Немного она нам отмерила, – картинно вздыхает Якоб, опускаясь на стул Лисы напротив меня. – Что, Скорос, у тебя запрет на разговоры со мной? Не сомневаюсь. На месте Принца то же самое сделал бы.

– Хорошо, что ты понимаешь.

– Да-а. Я такой. Понятливый. Удобный. – Ухмылка, но горькая, болезненная. Внутри меня все сжимается в тугой узел.

– Чего ты от меня хочешь? Я виновата. Наверное, не заслуживаю счастья... – едва сдерживаю слезы. Настолько все неожиданно и тяжело оказывается. Все равно что лицом к лицу со своей совестью встретиться.

– Но счастлива? – спрашивает Штаховский, голосом, полностью лишенным выражения.

– Очень.

– Я рад.

– Зачем... – срываюсь на шепот. – Зачем ты дом выкупил? За него ведь непомерную цену заломили.

– И ты ее заплатила?

Вспыхиваю. Неужели Якоб даже о сделке с Бурмистровым знает? О ночи любви в казино? Хочется верить, что это не так. Но смотря на Якоба чувствую, что он в курсе каждого события в моей жизни. И это убивает меня, ужасно неприятно, даже больно. Почему все должно было быть именно так? Настолько неприглядно... И как тяжело осознавать, что во всем этом – моя вина.

– Не надо так. Артур ни при чем. – Дрожащим голосом заступаюсь за любимого. – Это все другой Бурмистров. Наш злой «гений»...

– Ты веришь в это?

– Это правда.

– Артур, значит ангел невинный?

– Нет... Он тоже ошибки совершал. Боль причинил. Но я ему куда более сильную принесла. И тебе... Всю жизнь буду корить себя, замаливать. Но я люблю его. С этим ничего не поделаешь. Пусть это неправильно, и мы наделали кучу ошибок, но...

– Может скажешь проще – не порть момент, Якоб, у нас свадьба скоро, а ты тут со своими тараканами приперся.

– Чего ты от меня хочешь?

– Я хочу, чтобы ты хоть раз призналась, что чувствовала ко мне. Будешь ли ты меня помнить. Жалеешь ли о чем-то. Черт, знаю, звучит жалко. Но вот такой уж я. Таким ты, малышка, меня сделала.

Я молчу. Ком стоит в горле. В глазах Якоба столько любви. И боли. От этого меня буквально разрывает на части.

– Господи, – шепчет Якоб, – ты хочешь, чтобы мне было еще тяжелее? Чтобы я так и уехал, гоняя в голове ту ночь? Обидел ли тебя? Виноват ли? Не знаю, что мне сделать, Скорос. Как узнать правду? Столько лет уже себя поедом ем.

Штаховский протягивает руку и касается моей щеки.

– Только не плачь. Я не пытаю тебя подошел. Если честно – не ожидал, что встречу. Завтра меня здесь уже не будет. Уверен, ты будешь очень красивой невестой. Но мне на это смотреть противопоказано...

Я не знаю, что ответить ему. До сих пор не смогла понять, осознать то, что произошло между нами. Странная тяга. Не

любовь, не влечение. Но что-то же было. Неуловимое. Каждый раз оказываясь рядом с ним, я терялась. Вот и сейчас – пошевелиться не могу. Будто каменная. И не знаю что сказать. Разве что снова и снова «прости» твердить. Что и делаю:

– Прости...

– Хватит, Скорос, – жестко прерывает меня Якоб. – Не извиняйся. Это только сильнее ранит. Я не за этим разговор начал. Не думал, что увижу. Не искал встречи, поверь. Но раз так вышло. Не смог мимо пройти... Хочу чтоб ты знала – ни о чем не жалею. Я бы отдал душу... почку, печень, да все что угодно. Половину себя бы отрезал не жалея, лишь бы быть с тобой. Но не сложилось, и я принимаю. Не герой твоего романа. И нет смысла оставаться и наблюдать за вашим счастьем. Но вам обоим его желаю.

– Прости меня, – сглатываю. – И Артура прости. За все!

– Прощай, Скорос, – грустно улыбается Якоб.

– Не прощайся навсегда, – вырывается мольба. – Верю, что все еще можно исправить. Он простил меня. Вы тоже помиритесь...

– Не будь дурочкой, Скорос. Он никогда не захочет чтобы я рядом был.

– Он вернет тебе деньги за дом. Он так сказал.

– Мне не надо, – усмехается Якоб. – Пусть будет моим свадебным подарком.

Он встает из-за столика и уходит не оборачиваясь. А я еще

долго сижу и смотрю в пустоту, пока Лиса меня не начинает за руку дергать.

Позже, буду иногда вспоминать и проигрывать эту сцену, думая, что я могла изменить, как-то поправить, примирить... На всю жизнь Якоб останется для меня незаживаемой раной.

* * *

Креативной свадьбой мои дорогие подружки невесты решили довести меня до белого калена.

– Как насчет полета на воздушном шаре? – верещит Лика. – Это безумно круто и в тему – Мотылек летит! Оденем тебе крылья...

– Ни за что, я высоты боюсь! – категорично мотаю головой. Как хорошо, что я передумала и решила вникнуть в приготовления! Эти две ненормальные мне способны свадьбу в Амазонке среди крокодилов устроить!

– Может тогда ролики? – спрашивает Лиса, листая страницы в интернете.

– Я не умею на них кататься! – возмущенно обрываю ее. – Да и Артуру не к лицу, как известному бизнесмену...

– Ты скучная! – психует Лика.

– А вы – ненормальные, – отрезаю я. – Пусть все будет традиционно. Сделаем арку красивую на даче, там много гостей поместится...

– Ни за что, – вмешивается Артур, незаметно подошедший к нам. – Дача – это слишком мелко. Мы снимем парк в центре города. И устроим праздник для всех желающих, пусть все празднуют с нами это событие.

– Это же ужасно дорого! Хочешь все деньги на это потратить? – испуганно спрашиваю.

– Готов на все, – улыбается Артур. – Хочу всему миру рассказать о том, как люблю тебя.

* * *

– Ты безумно красивая невеста, доченька, – обращается ко мне отец. Лимузин уже ждет нас, а меня почему-то так трясет – зуб на зуб не попадает. В ночь перед свадьбой все мои родные настояли, чтобы я в доме бабушки осталась. Такая традиция. И отсюда отец везет меня в ЗАГС, где ждет мой Принц. Мне все равно не верится. Все кажется призрачным, сказочным, невероятным.

Хорошо, что в этом учреждении народу совсем немного – только родители и свидетели. С моей стороны это Лиса, со стороны Артура – его друг, который буквально пару дней назад в город приехал. Я с ним даже не знакома – знаю лишь что Бурмистров вместе с этим мужчиной служил. Мне этого достаточно.

После садимся в белый лимузин и отправляемся к месту торжества. Городской парк еще никогда не был так красив.

Повсюду шары красные, в форме сердца. Деревья опутаны белыми гирляндами и яркими цветами. Длинная дорожка к алтарю под аркой, выложена лепестками роз. И сотни, если не тысячи глаз направлены на меня. Чувствую дикое смущение, даже карьера модели не подготовила меня к подобной публичности. Мне неловко, ужасно боюсь оступиться. Отец подхватывает меня под руку и ведет к мужчине, стоящему возле алтаря. Моему горячо любимому, невероятно красивому, обожаемому Принцу.

В оформлении обложки использовано бесплатное стоковое фото с сайта <https://pixabay.com/ru/> автора [Myriams-Fotos](#)